

И.А. Ждаркин

**«ТАКОГО НЕ БЫЛО
ДАЖЕ В АФГАНЕ»**

**Воспоминания участника войны
в Анголе (1986–1988 гг.)**

Устная история забытых войн

 Memories
Москва
2008

Серия «Устная история забытых войн»

Под редакцией

кандидата исторических наук
Шубина Геннадия Владимировича

*Издание осуществлено за счёт
переводческой компании «АКМ-ВЕСТ»*

И.А. Ждаркин

«Такого не было даже в Афгане». Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988 гг.). – М.: «Memoris», 2008. – 516 с. : ил.

ISBN 978-5-903116-57-7

Перевод на английский Т. Рейли

© Ждаркин И.А., 2008.

© Шубин Г.В., составление, 2008.

© Рейли Т., перевод, 2008.

© Абишева Г.М., оформление, 2008.

© «АКМ-ВЕСТ», 2008.

© Издательство «Memoris», 2008.

ISBN 978-5-903116-57-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Об авторе	7
Тетрадь-дневник	14
Комментарии автора, записанные 28 октября 2000 г.	53
Комментарии автора, записанные 6 октября 2001 г.	56
Комментарии автора, записанные 28 октября 2000 г., 25 ноября 2000 г. и 6 октября 2001 г.	81
Комментарии автора, записанные 3 сентября 2003 г.	173
Приложение I	189
Аббревиатура и список сокращений.....	210
Библиография	246
«We did not see it even in Afghanistan»	247
Приложение II	401

Автор выражает искреннюю благодарность за участие, активное содействие и посильную помощь в подготовке и публикации этой книги, следующим лицам и организациям:

ООО «АКМ-Вест» и лично генеральному директору
Куликову Николаю Юрьевичу,
финансовому директору **Покась** Андрею Николаевичу,
исполнительному директору **Куртакову** Михаилу
Михайловичу;
Булугину Михаилу Сергеевичу, генеральному директору
ООО «Альфа и Омега»;
Денщикову Максиму Владимировичу, генеральному директору
ООО «Толмач»;

Алексеевскому Анатолию Эдуардовичу,
Астраханцеву Роману Евгеньевичу, **Астраханцевой** Зинаиде
Владимировне, **Барабуле** Вячеславу Анатольевичу,
Белуосову Андрею Дмитриевичу, **Боровику** Андрею
Виленовичу, **Василюк** Людмиле Владимировне,
Винокурову Виктору Петровичу, **Вобликову** Игорю
Анатольевичу, **Голикову** Александру Васильевичу,
Гончарову Александру Ивановичу, **Горбанёву** Михаилу
Андреевичу, **Ермакову** Сергею Николаевичу, **Жевидь** Ирине
Владимировне, **Канищеву** Олегу Ивановичу, **Кньшу** Сергею
Николаевичу, **Кратюку** Дмитрию Кирилловичу,
Кривченко Олегу Леонидовичу, **Куминову** Игорю Яковлевичу,
Куриленко Игорю Васильевичу, **Лебедеву** Александру
Михайловичу, **Лобанову** Владимиру Геннадьевичу,
Неронову Александру Владимировичу, **Поперецкому** Сергею
Анатольевичу, **Рябичко** Александру Николаевичу,
Семёнову Александру Владимировичу, **Середнякову** Николаю
Александровичу, **Сёмину** Алексею Николаевичу,
Сороко Сергею Иосифовичу, **Стрельцову** Дмитрию
Анатольевичу, **Шнырёву** Александру Алексеевичу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия «Устная история забытых войн» посвящена военным действиям в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, на Ближнем Востоке и в других «горячих точках» в период с 1973 по 2002 гг. и состоит из воспоминаний участников и очевидцев этих событий. Приводимые в них сведения малоизвестны не только широкой общественности, но и профессиональным военным историкам.

Тяжёлые бои в Анголе в 1987–1988 гг., непосредственным участником которых являлся И.А. Ждаркин, в ту пору лейтенант-переводчик 21-й бригады ФАПЛА, изменили геополитическое положение, по меньшей мере, трёх африканских стран – Анголы, Намибии и ЮАР.

Последующие исторические события – предоставление независимости Намибии в 1989 г., переход к нерасовому обществу в ЮАР в 1994 г. и окончание 27-летней гражданской войны в Анголе в 2002 г. – в значительной степени связаны со сражениями за Куито-Куанавале в 1987–1988 гг. на юге Анголы.

Воспоминания состоят из дневника, который автор вёл с 10 октября по 3 декабря 1987 г. (с наиболее интересными отрывками из тетради радиogramм, сделанных им с 9 октября по 27 декабря 1987 г.) и его устных рассказов, а так же из дополнений и приложений (включая аббревиатуру и список сокращений).

Жестокие и страшные в своей откровенности магнитофонные записи И.А. Ждаркина практически не редактиро-

вались. Записи сделаны в Институте Африки РАН 28 октября, 25 ноября 2000 г., 6 октября 2001 г., а также во время частых встреч у него дома в 2000–2007 гг.

Следует сказать, что многие отечественные и особенно зарубежные научные и научно-публицистические исследования о гражданской войне в Анголе и о событиях 1987–1988 гг. полны неточностей и даже ошибок. Данные воспоминания восполняют некоторые белые пятна и пробелы в наших знаниях о событиях, происходивших в этой стране.

Рассказы автора о его последующей службе в Мозамбике в 1990–1991 гг., в войсках ООН в Анголе в 1996–1998 гг. и о длительных командировках в различные районы мира планируется издать в последующих выпусках «Устной истории забытых войн».

*Г.В. Шубин, к.и.н.,
ст.н.с. Института Африки РАН*

Об авторе

Ждаркин Игорь Анатольевич родился 15 августа 1965 г. в Белоруссии, в городе Гомеле.

Его отец происходил из местных белорусских (полесских) казаков-старообрядцев, мать – из уральских казаков-староверов.

Родители И. Ждаркина в то время жили и работали в городе Выборге Ленинградской области, так что детство и юность прошли на земле Ленинградской, хотя каждое лето он обычно проводил на Гомельщине.

По окончании школы И. Ждаркин проработал год на кондитерской фабрике города Выборга, затем поступил на историко-филологический факультет Гомельского государственного университета, откуда в 1983 г. был призван в ряды Вооруженных Сил СССР.

Срочная служба сначала проходила в учебном подразделении инженерных войск в городе Волжском, где он учился на механика-водителя инженерного подводного разведчика (**Изделие-78**), затем в Сибирском военном округе, в гарнизоне Шилово, под Новосибирском (Ленинградско-Павловская дивизия, которой командовал будущий Главнокомандующий Сухопутных войск России генерал Кормильцев).

В 1985 г. И. Ждаркин поступил в Военный институт иностранных языков (ВИИЯ) на ускоренные (годовые) курсы португальского языка, и в 1986 году, в звании младшего лейтенанта, был направлен в служебную командировку в Анголу.

Командировка в Анголу пришлась как раз на период ожесточённых боев с антиправительственной группировкой УНИТА и войсками ЮАР, вторгшимися на территорию Анголы. По свидетельству историков и очевидцев, это был один из самых кровавых периодов послеколониальной истории Анголы. Как напоминание о том времени – медаль «За боевые заслуги», а также кубинская медаль «За оборону Куито-Куанавале», которой в бывшем Советском Союзе было награждено всего около 90 человек – непосредственных участников тех событий (из них 15 человек – выпускники Военного Института иностранных языков).

Затем была командировка в Мозамбик (1990–1991) и служба в качестве старшего авиационного переводчика в 93-м отдельном вертолётном отряде специального назначения. За девять месяцев И. Ждаркин налетал в качестве бортового переводчика более 200 часов, побывав в 8 провинциях (из 10) этой страны. Вертолёты, перевозившие продовольствие, одежду и военные грузы в малодоступные районы, часто подвергались обстрелам со стороны бандформирований группировки RENAMO (Мозамбикское Национальное Сопrotивление), хотя на вертолётах большими буквами было написано «Аэрофлот», и наши пилоты также носили форму гражданских лётчиков.

В 1993 г., после окончания Военного института иностранных языков И. Ждаркин прослужил около года старшим преподавателем английского языка в Московском суворовском военном училище и был переведён к новому месту службы, в Военный институт, на кафедру английского языка. Кроме преподавания, он также постоянно привлекался для работы с иностранными военными делегациями. До 1995 г. обеспечивал визиты зарубежных высокопоставленных военачальников, среди которых были командующий Воздушно-десантными войсками Великобритании, командующий Военно-морскими силами Великобритании, начальник Института технологии ВВС США, заместитель министра обороны Великобритании по финансам, замести-

тель министра обороны Ботсваны и другие. Российские делегации возглавляли Главнокомандующий ВДВ РФ генерал **Е. Подколзин**, Главнокомандующие ВМФ, начальник Академии имени Жуковского генерал **В. Ковалёнок** (лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза), начальник Центра подготовки космонавтов генерал **П. Климук** (лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза) и другие высокопоставленные военные руководители России.

С 1995 по 1998 гг. И. Ждаркин находился в служебных командировках: в 1995 г. (с мая по октябрь) – Республика Бангладеш, 1996 г. (с января по июль) – Ангола, с января 1997 г. по январь 1998 г. – Ангола. (За время своих командировок 12 раз пересекал экватор).

В Бангладеш работал с группой специалистов по **БМП-2** (боевая машина пехоты). За пять месяцев пребывания в стране были проведены ходовые испытания и испытания на плаву этой боевой машины, боевые стрельбы, а также в качестве механиков-водителей **БМП-2** была подготовлена группа местных военнослужащих.

В Анголе майор И. Ждаркин служил в Российской авиационной группе в составе миротворческих сил ООН, на должностях бортового переводчика (общий налёт часов на вертолёте **Ми-8**, включая Мозамбик и Анголу – около 500 часов), а также – офицера по связи и взаимодействию.

Работая в качестве бортового переводчика, И. Ждаркин летал в составе экипажа майора (ныне полковника) **В. Алимова**, прославленного российского лётчика, Героя России.

Группа офицеров по связи и взаимодействию, в которую входил И. Ждаркин, имела обширный круг обязанностей по обеспечению службы и жизнедеятельности Российской авиагруппы в составе войск ООН (планирование полётов, количество личного состава войск ООН, перевозимых российскими вертолётами, пункты дозаправки вертолётов, питание и проживание российского контингента, обеспечение его необходимым тыловым имуществом, разрешение спор-

ных, а порой и конфликтных вопросов и многое другое). Кроме того, необходимо было готовить визиты и обеспечивать пребывание высокопоставленных военных делегаций России (например, Командующего армейской авиацией генерала **В. Павлова**, начальников и заместителей ГУ МВС – Главного Управления международного военного сотрудничества), организовывать их встречи и переговоры с командованием миссии ООН в Анголе, принимая в них участие в качестве переводчика, а также организовывать посещение делегациями шести регионов Анголы, где располагались российские вертолёты с их экипажами.

Приобретённый таким образом опыт очень пригодился И. Ждаркину в его дальнейшей службе.

Вернувшись из Анголы, И. Ждаркин продолжил работу с иностранными делегациями. С 1998 года он неоднократно принимал участие в штабных переговорах, в совместных учениях (таких как, например, Сарекс-Альфа – российско-американо-канадские учения по спасению космических экипажей, «Комбайнд Эндевор» – учения войск связи России и НАТО и др.), работал на выставках военной техники и оборудования (авиасалон МАКС в г. Жуковском, выставках авиационных двигателей нового поколения, автотранспортной техники двойного назначения в Бронницах и др.), обеспечивал переговоры военных руководителей на самых различных уровнях (начальник Оперативного Управления Генерального штаба Вооружённых Сил Швеции, начальник войск связи Вооружённых Сил Греции, командующий сухопутными войсками Вооружённых Сил США, заместитель министра обороны Филиппин, командующий войсками НАТО в Европе, в разные годы – с заместителями министров обороны США и др.)

Игорю довелось долгое время работать с военными руководителями самого высокого уровня: тогдашним Главнокомандующим Сухопутных войск генералом **Н. Кормильцевым**, бывшим Главнокомандующим Сухопутных войск генералом **А. Масловым** и бывшим Главнокомандующим

Военно-воздушных сил генералом **В. Михайловым** (до сих пор он обеспечивает перевод их ежегодных встреч с военными атташе иностранных государств), бывшим начальником Управления Внешних Сношений Министерства обороны России (ныне начальником ГУ МВС) генералом **А. Мазуркевичем**, начальником УВС (Управление внешних сношений МО) генералом **В. Федоровым**, начальником МДУ (Международного договорного управления) генералом **Е. Бужинским**, бывшим начальником ГУ МВС генералом **Л. Ивашовым**, первым заместителем начальника Генерального штаба **В. Маниловым**, бывшим первым заместителем начальника Генерального штаба (а позднее – начальником Генерального штаба) генералом армии **Ю. Балуюевским**, заместителем министра обороны по финансам **Л. Куделиной**, бывшим министром обороны маршалом Советского Союза **И. Сергеевым**.

11 сентября 2001 года И. Ждаркин обеспечивал переговоры первого заместителя начальника Генерального штаба Ю. Балуюевского с заместителем министра обороны США г. Фэйтом по проблеме выхода США из договора по Противоракетной обороне (ПРО). Американцев тогда не удалось убедить, но по окончании переговоров было получено известие о террористической атаке против Америки...

С 2000 года по настоящее время И. Ждаркин постоянно работает с Ассоциацией военных атташе и Ассоциацией военно-воздушных атташе иностранных государств, аккредитованных в Москве.

С делегациями вышеуказанных ассоциаций побывал во многих военных округах, гарнизонах, на полигонах и в учебных центрах ВС России: Северо-Кавказский военный округ, Привожско-Уральский военный округ, полигон Мулино (во время проводившихся там учений), полигон Ашулук (пуски ракет комплекса **С-300**), учебный центр ВВС РФ «Савослейка», учебный центр дальней авиации в Липецке (начальник – генерал **А. Харчевский**), учебный центр фронтовой авиации в Рязани, учебный центр и музей

академии ракетных войск «Балабаново», Центр подготовки космонавтов, космодром Плесецк (при запуске ракеты, выведшей на орбиту спутник «Надежда») и в других местах.

С 2002 по 2005 гг. подполковник И. Ждаркин служил в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации (ИВИ МО РФ), в отделе международного военно-исторического сотрудничества. С декабря 2005 по декабрь 2006 г. работал в том же отделе уже гражданским сотрудником. За это время им было подготовлено 57 визитов, как наших делегаций в различные страны, так и прием иностранных гостей в Институте военной истории.

География военно-исторических контактов ИВИ МО РФ очень широка: И. Ждаркин готовил визиты и международные встречи наших ученых с представителями европейских стран – Австрии, Бельгии, Великобритании, Франции, Норвегии, Греции, Германии, Чехии, Словакии, Белоруссии, Украины, а также стран Азии – Турции, Сирии, Израиля, Китая, Вьетнама, Монголии, Южной Кореи.

В его обязанности входило согласование сроков, условий и программы визитов иностранных делегаций, утверждение данных визитов вплоть до начальника Генерального штаба и Министра обороны, а также обеспечение приёма иностранных военных делегаций в Институте военной истории, кроме того, обеспечение паспортами, визами, билетами, денежными средствами делегаций ИВИ МО РФ, убывающих за рубеж. Во многих случаях (при приёме англоязычных делегаций) выступал также в качестве переводчика, обеспечивая работу данных делегаций.

С декабря 2006 г., по увольнении из Института военной истории, И. Ждаркин работает в качестве переводчика с различными компаниями, фирмами и организациями, участвуя в международных конференциях, симпозиумах, проходящих в нашей стране и за рубежом.

В частности, в феврале 2007 г., с группой российских военных историков, находился в Израиле, где принимал уча-

стие в российско-израильской научной конференции по арабо-израильским войнам XX столетия.

С марта по июнь 2007 г., работал с группой специалистов фирмы «Камов» в Португалии, обеспечивая процесс обучения технического состава гражданской авиации Португалии для работы на российском вертолёте **Ка-32**.

В июле 2007 года с группой специалистов РСК «МиГ» находился в Эритрее, на обучении личного состава ВВС этой страны для работы с российским истребителем **МиГ-29СМТ**.

В октябре-ноябре 2007 года работал в Германии с группой специалистов Московского Авиационного Центра, возглавляемой начальником авиации МЧС города Москвы, полковником **Р. Асылбаевым**, обеспечивая процесс обучения лётного состава для работы на вертолёте **ВК-117С2** производства Компании «Еврокоптер» (Мессершмитт-Бёлькофф-Бломм).

В настоящее время отрывки из будущей книги воспоминаний И.А. Ждаркина опубликованы в книге «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века» Института военной истории (2002 г.), мемуарах С. Коломнина «Русский спецназ в Африке» (2005 г.), журнале «Солдат удачи» за 2003 г. (статья «Такого не было даже в Афгане»). Фотографии из личного архива подполковника И.А. Ждаркина использованы в материалах научно-практической конференции «40-летие начала вооруженной борьбы ангольского народа за национальную независимость и советско-ангольское военно-политическое сотрудничество» (2002 г.), в книге «Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев», выпущенной Институтом военной истории МО РФ в 2004 г., а также в ряде зарубежных публикаций на тему войны в Анголе.

ТЕТРАДЬ – ДНЕВНИК*

*«Прапорщику
Матвейчуку Валентину
на узле связи...»*

Валентин! Как получишь эту тетрадь, пожалуйста, выйди на связь и сообщи мне, чтоб я не волновался.

Сзади я написал письмо тому человеку, которому ты должен всё передать. В самой тетради лежит письмо в Гомель, брось его, пожалуйста, в Москве, на дорогу тебе пожелаю всего наилучшего, счастливо доехать.

*До встречи,
Игорь»*

[Тетрадь радиogramм]

№ 1 – в Куито (Ангола)

9.10.[1987] – 12.00 часов

Советнику Командующего военным округом

Прибыл в район Командного пункта 25-й пехотной бригады в 10.30.

Старший группы (советник командира 21-й бригады – подполковник Артёменко)

Авиация

- 1) 3 сентября **Оса-АК** – 2 вертолёт (сбито)
- 2) 21 сентября **Оса-АК** – 1 **разведывательный** самолёт
- 3) 26 сентября **«Стрела-2»** – 1 **«Мираж»**, **«ЗУ-23»** – 1 **«Мираж»**;
- 4) 17 октября **«Стрела-2»** – 1 **«Мираж»**, **«Стрела –10»** – 1 **«Мираж»**

Всего: 4 самолёта, 2 вертолёт, 1 разведывательный самолёт.

На 6 декабря 1987 сбито более 40 летательных аппаратов (?)

(записано **Артёменко**).

* Толстая школьная тетрадь в линейку, написано от руки.

10.10.1987

Вот уже второй месяц нахожусь в 6 округе, из них десять дней в Куито-Куанавале.

Обстановка здесь весьма напряжённая. Где-то в двадцатых числах августа диверсионная группа из ЮАР в составе восьми человек взорвала мост через реку Куито.

В сентябре удалось обезвредить группу, которая обстреливала из миномётов само Куито-Куанавале.

1 октября вернулись с операции на реке Ломба «ассесоры»¹ 21-й и 25-й бригад. Там на Ломбе их постигло несчастье. Их «накрыло» снарядом из скорострельной пушки юаровцев. В результате переводчику **Олегу Снитко** перебило ногу и оторвало руку. Через полтора суток он скончался². Остальным тоже не повезло: четверо были ранены и контужены.

8 октября они улетели в Луанду в госпиталь.

А 9 октября мы, прибывшие им на замену, вышли на операцию.

В нашей группе 6 человек. Старший – **Артёмченко Анатолий Михайлович**, советник начальника артиллерии бригады – **Сущенко Юрий Павлович**, техник – **Саша Фатьянов**, двое специалистов с «Оса-АК» Слава и Костя и я.

За вчерашний день прошли около одиннадцати км, в 10.30 прибыли на КП³ 25-й бригады. Просидели там целый день, прождали неизвестно кого и чего, что называется, у моря погоды. Вынуждены были там и заночевать.

Часов около семи вечера я «поймал» по приёмнику. «Маяк», передавали концерт советских эстрадных песен. Песни, в общем-то, старые и давно известные, но все сразу притихли и задумались.

А сегодня, 10 октября, в 5.30 утра спешно снялись с места, и пошли вперед.

¹ Ассесор (порт.) – советник.

² И.А. Ждаркин сменил в 21-й бригаде погибшего **Олега Николаевича Снитко** (*прим. ред.-сост.*).

³ КП – командный пункт.

Колонна, вообще, движется очень медленно. Дело в том, что по старым, наезженным дорогам предпочитают не ездить, потому что УНИТА⁴ их постоянно минирует.

Поэтому пробивают через лес новую дорогу. Впереди идут танки, а за ними уже вся колонна. За пять с лишним часов мы продвинулись всего на 8 км.

Во время очередной остановки нас обстреляла группа унитовцев. Это случилось на 19-м километре от Куито-Куанавале в 11.10 утра. Наша колонна была обстреляна из миномётов и автоматов. Это был наш первый обстрел в этой операции, причём довольно близко от Куито-Куанавале.

Так мы и продвигались вперед: прошли максимум сто м, потом остановка и томительно ожидание, когда там впереди проложат дорогу.

В 14.30 достигли, наконец, переправы через реку Шамбинга.

А до этого в 13.30 наткнулись на минное поле, установленное УНИТА. Долго ждали, когда найдут проход или объезд.

В 16.10 остановились в лесочке на другом берегу Шамбинги. Здесь будем ночевать.

Переправа через реку Шамбингу довольно неудобная. Достаточно сказать, что по обеим её сторонам совершенно открытое место, к тому же заболоченное. Ангольцы называют такой рельеф «шана», то же самое, что по-русски «пойма». Через эту «шану» к реке ведет одна единственная дорога, по бокам заминированная, так что никуда не свернуть. Если эту дорогу хорошо пристрелять, то она станет одним из семи кругов библейского ада.

⁴ **Жонас Савимби** – вождь Национального союза за полную независимость Анголы (**УНИТА**) – организации, которая с 1975 по 2002 г. находилась в оппозиции законному правительству Анголы (**МПЛА**) и вела почти без перерыва вооруженную борьбу за власть в стране. Савимби и его ближайшие соратники были убиты в 2002 г., а его движение прекратило вооруженную борьбу, и ныне является легальной парламентской оппозицией (*прим. ред.-сост.*).

Именно здесь 25 сентября прошлого (1986) года был тяжело ранен старший нашей группы – **Анатолий Михайлович**. Они тогда целых пять дней не могли переправиться. Осколок угодил ему в голову.

Мы на сей раз переправились без приключений.

11.10.1987

Сегодняшний день был богат событиями.

В 6.00 утра колонна выстроилась для марша, стояли полчаса в ожидании вестей с головы её, где прокладывали путь. В 6.30 УНИТА начала обстрел из миномётов. На сей раз большинство мин было выпущено зажигательных с исключительной целью поджечь машины. Обстрел продолжался минут тридцать, но цели своей УНИТА не достигла.

Потом двинулись вперед.

В течение дня дважды появлялись самолёты юаровцев. Первый раз в 11.10, а затем в 14.30.

Наш комплекс «**Оса-АК**» сопровождал их, но сбиты 2 самолёта (11.10) были в районе 21-й бригады.

В 15.35 колонна наша была снова атакована УНИТовцами. Завязался сильный бой, продолжавшийся почти 40 минут. Хорошо сработало боковое охранение колонны, которое вовремя обнаружило бандитов.

Атака была успешно отбита, пятеро унитовцев уничтожено, захвачено много трофеев.

В этот день нам пришлось ужинать в темноте, т.к. остановились на ночлег довольно поздно, а темнеет здесь около 6 часов вечера.

12.10.1987

Сегодня с утра в 6.45 колонна опять подверглась нападению УНИТА. Стрелковый бой продолжался 20 минут. Колонна снова была обстреляна зажигательными минами. Но ответный огонь наших средств (**Б-10**, 120-мм миномёт, **БМ-21**, **Град-II**) не позволил унитовцам вести прицельный огонь. Лишь одна мина едва не угодила в ма-

шину нашей колонны, остальные были выпущены без толку.

В 10.40 опять появилась авиация юаровцев, обстрелявшая расположение 21-й бригады.

Больше за весь день ничего особенного не случилось, кроме, разве, того, что теперь по радиостанции **Р-123** мы совершенно ясно и чётко слышим переговоры юаровцев между собой. Хорошо, что я ещё немного помню английский.

А сегодня в эфире вдруг заговорили по-польски. Я явственно разобрал несколько фраз: «Цо пан хце?» (Что хочет пан?), «Барзо добже» (Очень хорошо) и потом: «Слухаю уважливо» (Слушаю внимательно), «Дзенькую, пане» (Спасибо, пан). Ответов второго корреспондента слышно не было.

Долго мы гадали, что бы это значило, пока не сошлись во мнении, что это, наверно, польские эмигранты в юаровской армии.

13.10.1987

Сегодня в 5.10 в расположении 21-й и 59-й бригад появились 4 юаровских самолёта. Бригады открыли по ним беспешный огонь из всех видов оружия. Все небо напоминало радугу или салют.

В результате один самолёт был сбит, а второму ракета из **«Стрелы-3»** попала в сопло, он был подбит, но успел уйти. Остальные отбомбились в беспорядке и удрали.

Наша **«Оса-АК»** начала работу в 4.30 утра.

В этот же день было ещё три налёта: в 12 часов, в 15 часов и в 17 часов, как по расписанию. В этот день мы остановились на ночлег у старой унитовской базы. Там ещё остались в целостности и сохранности хижины, ходы сообщения, окопы и т.д., целая крепость.

Совсем забыл, в этот же день в 14.30 мы обнаружили большой склад УНИТА у истоков реки Кунзумбия. Там находились боеприпасы китайского производства:

– для 60-мм миномёта – 120 мин;

- для 81-мм миномёта – 111 мин;
- для **РПГ-7-В** – 100 шт;
- патроны для **АКМ** (1947 г. образца) – 15440 шт.

14.10.1987

Сегодня в 7.30 утра прибыли, наконец, на КП 21-й бригады и оперативной группы. Встретили здесь советников и специалистов 47-й бригады и «**Оса-АК**» (всего 9 человек). Рассказали они нам много «ужасов».

На 2 тактическую группировку, в которую входила 47-я бригада (десантно-штурмовая), возлагались во время наступательной операции большие надежды. 47-я бригада была усилена танковым батальоном, артиллерией, комплексами «**Оса-АК**». Группировка должна была обеспечивать правый фланг общего наступления. Командовал ею начальник штаба 6 военного округа майор **Тобиаш**.

Но своих задач группировка не выполнила. Как говорили, её командование «взяло с собой на операцию слишком много вина». Наступление велось вяло, без энтузиазма, хотя, практически, серьезного противника на её пути не было.

И, что называется, в конце концов «грянул гром среди ясного неба». Наступление других бригад велось более-менее успешно, УНИТА терпела поражение за поражением. Казалось, что победа уже близко.

Но юаровцы, видя это, как обычно случалось и ранее, не позволили до конца разгромить УНИТА. Они, умело используя ошибки и просчёты ФАПЛА, вторглись открыто на территорию Народной Республики Ангола. Теперь было открыто заявлено, что войска ЮАР находятся в Анголе с целью помешать полному разгрому УНИТА.

Это было началом провала операции, началом трагедии.

Сперва мы получили сообщение о ранении советских асессоров в 21-й бригаде и затем, о смерти переводчика **Олега Снитко**. Затем, вот уже сейчас, когда встретились с нашими товарищами из 47-й бригады, услышали от них подробности о разгроме их бригады.

Бригада подверглась трём атакам регулярных войск ЮАР. Бегство, начавшееся после второй атаки, к началу третьей превратилось в паническое.

Причин к тому было много: и то, что заканчивались боеприпасы, и трусость офицеров, отсутствие чёткого управления войсками, страх перед юаровцами и, наконец, то, что через реку Ломба, на берегу которой стояла бригада, была наведена переправа. О ней быстро узнали все, если бы её не было, может, никто бы не пытался бежать, поскольку некуда.

Здесь в округе, в боевых бригадах, среди советских специалистов многие прошли Афганистан. Вот их мнение: «Таких ужасов как здесь, в Афгане мы не видели». Один сказал так: «Когда начала бить юаровская артиллерия, я подумал, что это самое страшное. Однако потом налетела юаровская авиация, и нам на земле стало мало места. Но самое страшное оказалось, когда ангольцы побежали, стали бросать технику...».

Именно это случилось с 47-й бригадой. Пока командир бригады имел связь с командиром танкового батальона по радиостанции, всё, вроде, было нормально. Но потом танк комбата подбили, и он, раненый, пересел в другой, тот тоже подбили, из него он уже не смог вылезти, а командир танкового взвода, что был с ним рядом, убежал. Сейчас командир танкового батальона (его зовут **Сильва**) попал в плен юаровцам.

47-я бригада, во время переправы через реку Ломба, бросила 18 танков [**Т-54Б** и **Т-55**], 20 **БТР**ов [**БТР-60ПБ**], 4 орудия **Д-30** (122 мм), 3 **БМ-21**, 4 боевых машины «**Оса-АК**», 2 **ТЗМ «Оса-АК**», станцию **П-19**, грузовые автомобили, радиостанции, миномёты, гранатомёты, около 200 единиц стрелкового оружия и т.д. и т.п.

Были забыты громкие слова о безопасности советских советников и специалистов. **БТР** советских «ассессоров» ушёл на переправу предпоследним, по приказу командира бригады без прикрытия, только с 11 людьми охраны.

Через 15 минут на позицию, которую он занимал, ворвался юаровский **АМЛ-90**.

Вокруг была страшная паника, неразбериха. Юаровцы стреляли, не жалея боеприпасов. Никто толком не знал, куда бежать и чего делать. Единственное, чего желали все – переправиться поскорее на другой берег. Так называемая «комиссия», созданная для руководства переправой, сбежала одной из первых.

Но другой берег Ломбы переправились 3 «**Стрелы-10**», 2 **БТРа**, 2 машины «**ЕЕ-25**», один «**Лендровер**» и всё. Больше ничего спасти не удалось. И то, если бы юаровцы переправили на другой берег хотя бы роту и открыли огонь по реке, вся бригада осталась бы на дне Ломбы.

Советским «ассессорам» пришлось поджечь и бросить свой **БТР**, а затем ползти по-пластунски⁵ 1,5 километра по «шане» (пойме) на другом берегу Ломбы. Ползли под обстрелом, побросали всё, кроме оружия, юаровцы били по ним прямой наводкой. Потом началось болото. Наши почти преодолели и его, до берега оставалось совсем немного. Они, совершенно обессиленные, решили передохнуть. Юаровцы же, прикинув по времени, посчитали, что они уже переправились и стали бить по берегу. Снаряды рвались в 10–20 м от наших, а три упали в болото в 5 м от них. Что спасло их, это, что снаряды и мины падали в болото и на шану (а она тоже вязкая и топкая), сначала тонули, а потом взрывались. Лишь поэтому никто не был ранен, если не считать мелких осколков.

Разгром 47-й бригады тяжело отразился на положении 16-й, 21-й и 59-й бригад и на всей обстановке в целом.

Сейчас бригады стоят на линии реки Кунзумбия. Таково было положение дел, когда мы приехали.

15.10.1987

Вчера и сегодня мы располагались на новом месте, знакомились с командиром нашей 21-й бригады и командую-

⁵ По-пластунски – прижимаясь к земле.

щим группировкой майором **Батишгой**, в штабе бригады ознакомились с обстановкой.

День прошел спокойно, юаровские самолёты пролетали мимо, со стороны 16-й и 59-й бригад слышался гул канонады, там был обстрел, наша бригада помогала им огнём артиллерии.

16.10.1987

Сегодня с утра майор **Батишта** уехал на КП 1-й тактической группировки, с нами пришел попрощаться, поблагодарил за всё и попросил оказывать помощь в работе командиру бригады.

Из округа пришёл приказ: бригады должны занимать оборону на тех местах, где сейчас находятся, каждой выделена зона ответственности, где необходимо постоянно проводить прочесывание местности, чтобы не допустить передвижения противника и препятствовать любым его действиям. Это так называемые частные операции, которые проводятся силами до 2-х батальонов под командованием командиров бригад.

Сегодня же днем, мы перенесли нашу миссию на новое место, ближе к КП бригады.

17.10.1987

Сегодня утром, когда мы ещё сидели в нашей «столовой», в 6.50 внезапно налетел юаровский самолёт. Его, очевидно, не успели заметить. Огонь открыли с большим опозданием. Он нанёс удар перед передним краем 1-го пехотного батальона нашей бригады. К счастью, обошлось без потерь.

Второй налёт был в 8.15. Оба раза наши зенитчики не успевали среагировать. Дело в том, что юаровцы тоже стали хитрые. Они знают, что здесь стоит комплекс «**Оса-АК**», поэтому на малой высоте проходят по берегу Кунзумбии, так что «**Оса**» их не видит, а затем с разворота заходят на бомбометание.

В 10.10 был третий налёт, 4 самолёта типа «**Мираж**» нанесли удар по бригаде в районе 3 батальона. Тут уж наши

зенитчики поработали на славу. 2 самолёта были тут же сбиты, один из «**Стрелы-10**», а другой – из **ЗУ-23-2**, оба они упали совсем близко от нас.

Ангольцы, правда, утверждают, что сбили и третий самолёт, но он, дескать, упал на том берегу Кунзумбии.

Командир бригады тут же послал группы к 2 сбитым самолётам. Пока ждём результатов.

Вечером группы вернулись. Как это обычно бывает у ангольцев, доложили, что самолётов, мол, не нашли, где они, не знают и т.д. и т.п. Объяснение, конечно, простое: боялись нарваться на УНИТА.

18.10.1987

Сегодня – воскресенье, мы решили сделать его днём отдыха в надежде, что самолёты летать не будут и, что у юаровцев тоже выходной.

День прошёл спокойно, и только в 19.05 вдруг прозвучал сигнал на авиацию противника.

Правда, как потом оказалось, это юаровцы стали обстреливать 59-ю бригаду (в 15 км от нас) из реактивной установки «**Кентрон**». Снаряды его светятся, поэтому мы их ясно видели.

19.10.1987

Сегодня в 4 часа утра командир бригады **Н'Телека** получил приказ: сниматься с места и идти к истокам реки Кузици, в район где находится 59-я бригада, быть в готовности провести контратаку.

После проведенной артподготовки в 11.30 вышли из района. За день «намотали» 16 км, очень много петляли. Обстрелов не было.

20.10.1987

Продолжили движение. За день прошли 26 км. Днём колонку обстреляли. К счастью, недолёты были большие, потерь не было.

Комбриг и начальник артиллерии решали весь день «глобальные» проблемы: где же мы, все-таки, находимся и откуда могла бить артиллерия по нам. Проблема очень сложная, перебрали все калибры, дальности орудий, возможные места расположения противника, но к общему мнению так и не пришли.

Стали на ночевку. По расположению бригады был арт-обстрел, но опять всё закончилось благополучно.

21.10.1987

Выслали разведгруппы, чтобы найти реку и определить-ся точнее, где находимся. Весь день простояли на мест в ожидании их. Целый день вело обстрел одно орудие 107-мм на «Лендровере». Оно находится где-то между нами и 59-й бригадой и стреляет то по нам, то по ним. Так до сих пор не определили, где находимся. Вокруг лес и больше ничего.

22.10.1987

С утра построились в колонну и пошли вперед. Прибыли на место к реке Кузизи в 15.30.

Артиллерия противника почти постоянно ведёт обстрел, но не по нам (пока). Похоже, мы так запутали противника, что он не может определить наше местоположение и пытается нас нащупать. Снаряды ложатся довольно близко от бригады. Наша артиллерия не отвечает.

23.10.1987

Сегодня всю ночь противник вёл обстрел. Снаряды с препротивным воем и свистом летали как через нас, так и недалеко от нас. Целая серия их упала совсем близко, на другом берегу Кузизи.

С утра пришли к командиру бригады уточнить обстановку. Он показал нам обломки самолёта, что был сбит на Кунзумбии. По его словам, труп лётчика сильно обгорел, каких-либо документов найти не удалось.

В 8.30 артиллерия нашей бригады дала несколько залпов по заранее запланированным целям. Стреляли **БМ-21** и **Д-30** с временных позиций, после чего быстро оттуда уехали. Меньше чем через час юаровцы стали бить по этим позициям, в расчёте, очевидно, нащупать и бригаду.

Поскольку стреляли они, в общем-то, наобум, мы внимательно прислушивались, куда полетит снаряд и довольно часто приходилось «кланяться земле-матушке», как говорит наш артиллерист.

Вечером от командующего тактической группировкой майора **Батишты** поступил приказ обстрелять колонну юаровцев в районе 59-й бригады. Наша **БМ-21 [Катюша]** выпустила 34 снаряда. Наверно, это ужасно разозлило юаровцев, потому что они почти тут же начали отвечать из 107 мм безоткатных орудий и не могли успокоиться почти до 12 часов ночи. **БМ-21** еле успела «удрать». Наш бедный **БТР** содрогался от разрывов, ощущения были пренеприятнейшие, особенно от воя и свиста снарядов, пролетавших над головой. Они рвались в 300 метрах от нас. Хорошо, что юаровцы, видно, ещё так и не разобрались, где же эта наша бригада.

[Тетрадь радиограмм]

№ 23 – в Куито

23.10.[1987] – 12.00

Советнику Командующего военным округом

1. Бригада заняла район обороны.

Командный Пункт 72° – 7,5 км

1-й пехотный батальон Командный Пункт 68° – 10 км. 62° 10 км – 80° – 10 км

2-й пехотный батальон Командный Пункт 93° – 7,6 км 93° 10 км – 100° – 5,5 км

3-й пехотный батальон Командный Пункт 77° – 5 км 52° 6 км – 95° – 5 км

2-й пехотный батальон 66-й легкопехотной бригады Командный

Пункт 58⁰ – 7,5 км 57⁰ – 8,5 км 52⁰ – 6,5 км, прибыл на усиление. Координаты от точки 897.

Советник командира бригады

2. Разведывательная группа № 1 действует вдоль правого берега реки Кунзумбия в составе 10 человек минирuem броды, переправы.

3. Найдены обломки самолёта и обгоревший труп в районе примерно 115⁰ 9 км от точки 877. Обломки обгоревшие, один от радиоаппаратуры, от фюзеляжа и часть прибора – все надписи советские.

4. Бригада была обстреляна артиллерией ночью из района примерно 200⁰ 5 км от точки 897. Все разрывы в районе Кузизи. Потерь нет.

5. Неисправны 2 танка – **ГФ** (?).

6. Считаю: не целесообразно становиться в оборону. Надо ежедневно перемещаться.

Советник командира бригады

№ 38 – в Куито

29.10.[1987] – 6.00

Советнику Командующего военным округом

Выслана разведывательная группа по маршруту 185⁰ – 6–12 км, затем на юг 10 км до 230⁰ – 16 км далее на север к реке Мианей и назад. От батальонов действуют патрули, засады на удалении до 3 км в своих секторах. В постановке им задач видно, что они боятся действовать мелкими подразделениями. В этой ситуации целесообразно послать два пехотных батальона под командованием командира бригады для прочёсывания местности до истока реки Кулуй, без техники и далее до реки Куито, чтобы они могли вызывать огонь артиллерии. Командиры подразделений всячески стремятся уклониться от встречи с противником и отсиживаются в укромных местах...

Советник командира бригады

24.10.1987

Сегодня с утра получили приказ сниматься с места и идти в сторону 59-й бригады на реку Мианей. В 11 часов по-

строились в колонны и вышли. Пройдя около 3 км, услышали позади взрывы: это юаровцы стали обстреливать наши бывшие позиции, полагая, что мы ещё там.

За день прошли всего 6 км. Во время марша наша «асессорская» пипа [водовозка – прицеп] наехала на бревно и перевернулась. Одному из солдат нашей охраны придавило ногу. С трудом, но поставили пипу снова на колёса.

В 14.20 колонна с левого фланга была атакована противником, начался артобстрел. Бой продолжался минут двадцать.

В 15.40 противник вновь обстрелял колонну, из орудий и миномётов. Одна из мин разорвалась в 20 метрах от нашего **БТРа**, между двумя машинами типа «Engesa». У обеих машин были пробиты осколками колёса. Один анголец погиб, несколько человек получили ранения.

Около 17 часов я пошёл во взвод связи нашей бригады, чтобы по радиостанции «Рокал» передать информацию в Куито. Только приготовился передавать, как началась стрельба из автоматов, а потом – миномётный обстрел. Несколько пуль просвистело мимо, еле успел соскочить с **БТРа** и залезть под него. Там уже лежали ангольцы-связисты. Даже собака комбрига забралась под **БТР** и тихонько поскуливала после каждого разрыва.

Когда обстрел закончился, пошёл обратно к своему **БТРу**, решив передать информацию по **Р-123**. Только залез в **БТР**, как снова начался обстрел и продолжался всё время, пока я вел передачу (минут 20).

Ночь прошла спокойно. Только около 22 часов по нам несколько раз выстрелили.

25.10.1987

С утра пошли дальше.

С 7.40 до 10.20 шли под постоянным обстрелом из 81-мм миномётов. Несколько раз приходилось останавливаться, потому что группы противника атаковали колонну и начинался бой.

Около 15 часов встретились в подразделениями нашей 1-й тактической группы. Заправили их топливом и маслом.

Рядом с нами, в нескольких километрах стоит 59-я бригада. Около 17 часов их бомбила авиация. Юаровцы вырабатывали новую тактику: сначала они начинают артобстрел, все ангольцы прячутся в укрытия, в том числе и зенитчики. А потом неожиданно появляется авиация и начинает долбить, улетает быстрее, чем зенитчики вылезают из укрытий.

Только мы сели ужинать, как «забормотал» **«Кентрон»**. Это юаровская противопехотная реактивная установка, в основном, направленного действия. Дальность – до 17 км. Снаряды начинены небольшими шариками. Обладает большой убойной силой.

«Норматив» на обстрел у нас уже отработан четко: в считанные доли секунды за столом никого не осталось.

Юаровцы постреляли немного из **«Кентрона»**, затем из 120-мм миномёта и успокоились. Наверно, просто решили пожелать нам приятного аппетита, негодяи.

26.10.1987

Сегодня с утра распрощались с тактической группой и двинулись вперед. Юаровцы опять запоздали с обстрелом, стоили бить по нашим позициям, когда мы с них уже ушли.

За два дня бригада потеряла от обстрелов четырёх человек убитыми и двадцать два ранеными.

Сегодня к вечеру пришли, наконец, на место. Расположились, закопались. Сколько будем здесь стоять, никто не знает.

27.10.1987

Этой ночью и весь сегодняшний день вокруг нас не утихал гул канонады. Юаровцы били по 59-й бригаде, по переправе на реке Шамбинга, по тактической группе. Нас пока не трогали, может, опять ещё не разобрались, где мы находимся.

В обед ангольцы поймали козу, нам принесли в подарок целую ногу. Мы потушили её с картошкой на ужин. Получилось так вкусно, что «подмели» всю кастрюлю.

Я стал сочинять песни о том, как мы здесь живем в Анголе. Наши послушали, одобрили, некоторые тоже стали сочинять. Правда, насчет стиля наших песен... Не получают они «чистенькими» и «приглаженными», всё больше маты, особенно, когда вспоминаем юаровцев и УНИТА. Надоели они уже со своими обстрелами, поесть спокойно не дадут.

28.10.1987

Сегодня с утра и до ночи была артиллерия противника со всех сторон и по всем направлениям. Легче сосчитать, сколько мы были наружи, чем в укрытии.

Днём начальник штаба бригады в сопровождении 2 пешотного батальона ушёл в тактическую группу, чтобы забрать материальные средства, которые привезла 25-я бригада, до нас она не дошла. По пути он должен зайти в 59-ю бригаду, чтоб их колонна тоже присоединилась к нему.

29.10.1987

За сегодняшнюю ночь противник выпустил 148 снарядов по 59-й бригаде. Утром мы узнали, что в результате обстрела из колонны нашей бригады погибли один офицер, один сержант и четыре солдата. Многие ранены, один офицер и один солдат пропали без вести.

В 6.00 противник решил пожелать нам «доброго утра» и «приятного аппетита». Мы завтракали, как вдруг невдалеке, как обычно, что-то выстрелило. Мы, по привычке, послушали, куда полетит. И тут наш ПВОшник **Слава** крикнул: «Ложись!» Вслед за этим раздался сильный взрыв, я свалился со стула на землю, сразу почувствовал резкую боль в плече (левом), то ли сильно ушибся, то ли вывихнул его. Но тут же вскочил и в следующую секунду «влетел» под **БТР**. Наши тоже разбежались кто куда.

Как потом оказалось, противник обстрелял нас из 120-мм миномёта, и одна мина разорвалась в 20 метрах от нас, когда мы завтракали. Мое плечо теперь сильно болит, руку не поднять.

А в 14.00 получили страшное известие. В 13.10 противник обстрелял стоящую недалеко от нас 59-ю бригаду химическими снарядами с отравляющим веществом. В результате множество людей отравилось, четверо потеряло сознание, командир бригады кашляет кровью. Зацепило и советских советников в этой бригаде. Ветер был в их сторону, и все они жалуется на головные боли (сильнейшие) и тошноту.

Это известие нас сильно взволновало, ведь у нас нет даже самых завалящих противогазов.

Вот таким был сегодняшний день.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 42 – в Куито

29.10.[1987] – 14.00

Советнику Командующего военным округом

1. Колонна в составе 8 – **ЕЕ-25**, **БРДМ-2** пехотного батальона, следующая в Тактическую группу за **МТС** была обстреляна артиллерией и миномётами противника. Потери: убито – 1 офицер, 1 сержант, 4 солдата, ранено – 9 человек. Пропали без вести – 1 офицер, 1 солдат. **БРДМ** и 1 **ЕЕ-25**, 1 **Стрела-10**, выведены из строя прямым попаданием.

2. В 14.00 часов командир бригады проинформировал, что по 59-й бригаде противник применил отравляющие вещества, много личного состава поражено. Рассказали ему меры по оказанию первой помощи для проведения занятия с личным составом бригады.

Советник командира бригады

30.10.1987

Ночью противник продолжал бить из тяжёлой артиллерии большого калибра, посылая снаряд за снарядом через наши головы.

Артиллерийская разведка нашей бригады так и не может засечь эту батарею. У них (у разведчиков) постоянные «проблемы», то нет связи, то приборов, то не умеют с ними работать. И так всё время. Налицо явное нежелание что-то делать и, конечно, страх перед юаровцами, особенно после того, как они применили отравляющие вещества.

Сегодня с утра более менее тихо, если не считать двух налётов авиации и того, что противник постреливает то туда, то сюда. Может, мы уже стали к этому привыкать? Но это опасная привычка...

Мы запросили округ, чтоб нам прислали противогазы, а также, чтоб обеспечили средствами защиты всю бригаду. Пока ответа нет.

[Тетрадь радиограмм]

№ 45 – в Куито

30.10.[1987] – 10.00

Ответ на 518-ю и 519-ю телеграммы

1. У подсоветного связь постоянная с **Батиштой**, а с Куито по вызову. Моральный дух личного состава не высок. Необходимо обеспечить бригаду средствами защиты. Так как применение **ОВ** (отравляющих веществ) противником в большом количестве, а это не исключено, приведет к выходу из строя почти всего личного состава, а это приведет к деморализации всех войск, находящихся здесь. В целом считаю бригада боеспособна и может выполнять поставленные задачи.

2. В каких системах применил противник **ОВ**, не видел. Вспомните, что в прошлом году в районе 25-го пехотного батальона были захвачены мины к 81-мм миномёту. Мины с химической маркировкой американского производства. Куда их дели.

3. О наличии 155-мм гаубиц конкретного ответа пока дать не могу. Нет твёрдых доказательств.

4. Если есть возможность, вышлите на **СВС** и **С** (советских военных советников и специалистов) противогазы, только с проверенными фильтрующими коробками.

5. В работе находятся две разведывательные группы от бригады в ранее указанных районах и 6 групп от батальонов в пределах 3–4 км от переднего края в своих секторах ответственности

Советник командира бригады

31.10.1987

Вчера с 18.40 до 21.00 противник вёл интенсивный артиллерийско-миномётный обстрел, а сегодня весь день (!) тихо. Что бы это значило?

Может у противника последний день месяца – санитарный или переучет? Такая тишина не к добру.

Мне вспомнился фильм про Великую Отечественную (войну). Там наш боец ворочается в землянке на нарах и говорит, наконец, с досадой «Постреляли бы, что ли, а то не заснуть никак!» Такая же, примерно, картина у нас, тоже уже привыкли засыпать под канонаду. А тут такая тишина.

1.11.1987

Ночь тоже прошла спокойно. А сегодня – день рождения старшего нашей группы **Анатолия Михайловича**, 40 лет.

День был погожий и не очень жаркий, но юаровцы умудрились-таки испортить торжество. В 12 часов был налёт авиации на стоящую рядом с нами 59-ю бригаду, сбросили на них больше десяти 500-кг бомб. О потерях пока не знаем.

Потом наши артиллеристы решили подавить батарею противника (155-мм гаубицу)⁶, которая постоянно нас обстреливала. Ангольцы выстрелили один раз из **БМ-21**, а потом связь с ней прервалась. В ответ обозлённые юаровцы открыли огонь из этих своих гаубиц. Били очень точно, с небольшими перерывами. В один из таких перерывов мы со старшим пошли к комбригу, узнать какую он получил новую задачу.

⁶ Имеется в виду южноафриканская дальнобойная гаубица **G-5** калибром 155 мм и дальнобойностью реактивных снарядов до 47 км. ЮАР использовала в Анголе как гаубицы **G-5**, так и самоходные дальнобойные орудия **G-6** калибром 155 мм (*прим. ред.-сост.*).

Сидели в его т.н. «кабинете», как вдруг опять начался обстрел, причём на сей раз, командного пункта, где мы были, стреляли из 155-мм. Один из снарядов попал в дерево возле землянки – «кабинета» комбрига, где мы были. Я сначала не понял в чем дело, землянка обсыпалась, из-за пыли ничего не видать. Взрывной волной меня сбросило со своего места и швырнуло под стол, стоящий рядом. Падая, я ударился о деревянную раму стола (внизу) сначала левым плечом, а затем ещё «добавил» головой. Один из ангольцев, желая вытащить меня, схватил меня как раз за левую руку, от боли в плече я стал приходить в себя, после чего выбрался из под стола.

В ушах перезвон как на Пасху. В этот момент, с громкими криками, залетел один из солдат, он стоял в траншее и осколок от этого снаряда пробил ему руку. Комбриг приказал ему бежать на медпункт. Когда я, наконец, выбрался из землянки, у меня одежда и правая рука были в крови этого солдата, видно, в суматохе он меня измазал.

Как сказал потом старший, мы «второй раз родились» в эту минуту. Я сидел прямо у входа, странно, что ни один осколок меня не задел. Мы потом увидели, что в радиусе 30 м от разрыва, все кустарники и маленькие деревца начисто срезаны и посечены осколками.

А у меня сейчас плохо слышит правое ухо. У старшего немного «шумит» в голове. Вот так юаровцы «поздравили» его с днем рождения. У меня болит плечо, ударился.

2.11.1987

Сегодня с утра группировка в составе 1-го и 3-го пехотных батальонов нашей бригады, танкового батальона и роты десанта на нём от тактической группы и подразделения 59-й бригады вышли на операцию по прочёсыванию местности. Операция продлится 4 дня. Наших 2 батальона возглавляет начальник штаба бригады. Информации от них пока не поступало.

В 15.30, как потом мы узнали, 3-й батальон нашей брига-

ды вёл бой с противником (с УНИТА). Результаты боя: убито 4 унитовца, наши захватили 60-мм миномёт, один **АК** и четыре магазина к нему. Потери наших: 1 убит, 3 ранено тяжело, 6 легко.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 52 – в Куито

2.11.[1987] – 5.00

Советнику Командующего военным округом

1 ноября в 17 часов при работе по уточнению района обороны и боевых задач попали с переводчиком под обстрел из артиллерии. Были засыпаны в перекрытой щели от разрыва снаряда. Переводчик получил ушиб плеча и плохо слышит на правое ухо. У меня небольшой шум в голове. Сейчас состояние удовлетворительное. Потери ФАПЛА при обстреле: ранено – 5, убито – 1. Из **БМ-21** вели ответный огонь в район 170° – 10 км от точки 840. Расход боеприпасов **БМ-21** – 12, **Д-30** – 40. Стрельба велась [южноафриканцами] из 155-мм орудий из района истока реки Ломба. Доказательства: воронки, направление разрыва снаряда, разлёт осколков.

Советник командира бригады

3.11.1987

Сегодня день начался с двух налётов авиации ЮАР, было это в 5 часов утра, всего прилетало 7 самолётов.

В 13.20 1-й батальон нашей бригады, что продолжает прочёсывание, обнаружил базу УНИТА. В результате боя семеро унитовцев было убито, захвачена 1 радиостанция, 13 автоматов и одна противотанковая ракета. С нашей стороны потерь нет.

4.11.1987

Вчера в 21.00 вечера противник подверг сильному обстрелу из «**Кентронов**» и 107-мм орудий [**RO 107**] 3-й батальон нашей бригады. Результаты: командир батальона и

начальник штаба тяжело ранены, зампотылу и начальник особого отдела убиты, кроме этого убито ещё два солдата и семеро получили ранения.

Сейчас был на связи с Куито-Куанавале, они сказали, что их тоже обстреляли, но всё обошлось хорошо.

На базе УНИТА 2 ноября захватили журнал унитовцев «Квача». Мы увидели там фото бывшего начальника штаба 16-й бригады капитана **Луиса Антонио Манго**, который перешёл на сторону УНИТА. Наш старший **Анатолий Михайлович** его хорошо знает, работал с ним в прошлом году, когда тот ещё был «нашим», а в апреле этого года он сбежал в УНИТА. Вот так бывает!

С 14.00 до 16.00 противник вёл особенно интенсивный обстрел. Из двух установок «**Кентрон**» было выпущено по 6–7 боекомплектов с каждой в район обороны 1-го батальона нашей бригады и по 59-й бригаде.

В 14 часов также 1-й пехотный батальон нашей бригады вёл бой с УНИТА южнее Ломба. Результаты: захвачено 6 гранат, 1 сигнальная ракета, 1 **ПТУР** и топографическая карта.

Сегодня же в 17 часов в нашу бригаду прибыла 1-я тактическая группа. Они получили от наших 200 литров дизтоплива, бензина, забрали тяжелораненых.

5.11.1987

Сегодня в обед вернулся назад 1-й батальон. Принес ещё одну радиостанцию, захваченную всё на той же базе.

Кстати, на той же базе захвачены документы 4-го регулярного батальона. УНИТА, который действует в этом районе. Среди этих документов: журнал учёта боевых действий с июня 1986 по сентябрь 1987 г. Перечислена вся группировка наших войск, состав и командование, результаты боев 4-го регулярного батальона УНИТА, его победы и потери. Имеется карта района Кунжамбы, сделанная по аэрофотоснимкам в Лиссабоне, схема района Куито-Куанавале, сделанная от руки. Захвачены письма и другие разные бумаги.

6.11.1987

В ночь с 21.00 до 23.00 противник снова вёл обстрел из «**Кентронов**» и безоткатных орудий [М40]. В результате двое человек убито и один ранен.

Сегодня нас поздравили с наступающим праздником⁷, прислали из Куито телеграмму. Мы в ответ тоже всех поздравили.

Сегодня же начальник артиллерии сказал нам, что координаты той батареи, что постоянно нас обстреливала, наконец-то, определены и, если только начнет стрелять, то наша артиллерия в состоянии ответить.

Посмотрим, что будет.

В 17 часов разведгруппа противника наткнулась на нашу оборону в районе 1-го пехотного батальона. Была сильная перестрелка, но результатов никаких.

7.11.1987

Ночью с 22.00 до 23.30 противник вёл обстрел из 155-мм орудий из района истока реки Ломба, а также из «**Кентронов**». Наши отвечали из **БМ-21** и **Д-30** по «**Кентрону**». Результаты пока неизвестны.

Передовые батальонные посты сообщают о передвижении машин от истока реки Ломба через Лукая и междуречье рек Мианей и Колуй.

Два раза противник предпринимал атаки против 1-й батальона. Первый раз – в 12.30 и второй раз – в 14.00. Дело в том, что 1-й батальон занимает высоты, с которых противник ранее вёл обстрел Куито-Куанавале из 155-мм дальноточных орудий. Поэтому сейчас противник делает все, чтобы вернуть эти высоты себе.

Около 15.00 противник стал нас обстреливать снарядами с дистанционным взрывателем. Это такая гадость, кото-

⁷ Имеется в виду выходной день 7 ноября – годовщина Октябрьской революции (25 октября 1917 года по старому стилю или 7 ноября 1917 года по новому стилю). Ныне – День согласия и примирения.

рая рвётся в воздухе, не долетая до земли, но осыпая всё внизу осколками. Это что-то новое!

Противник ещё раз атаковал 1-й батальон. Общие потери от всех атак – 2 убито и 7 ранено. По противнику ничего не известно.

В 16.30 к нам прибыла колонна 25-й бригады, привезли для нашей бригады продукты, а нам письма.

Ещё на подходе противник их начал обстреливать, но вроде бы всё обошлось.

8.11.1987

Всю ночь противник «волновался», что к нам пришла колонна, а он её не может «зацепить». Кидался, негодяй, минами да снарядами.

Согласно полученному вчера приказу, сегодня с утра мы вышли на север в направлении реки Вимпуло в район 1-й тактической группы. На наше место встала 25-я бригада, также 1-й батальон нашей бригады остался на своих позициях. 59-я бригада, что стояла рядом с нами, должна выйти чуть позже нас и идти напрямиком на Куито-Куанавале.

Весь день мы шли вперёд через густой лес, прошли 16 км, достигли, наконец, этой самой реки Вимпуло. Как это ни странно, на нас ни разу никто не напал, никто не обстрелял. Просто удивительно!

Правда, потом 59-я бригада сообщила, что в 10.00 наши позиции были подвергнуты сильной бомбардировке, а нас там уже не было. Воистину, удача пока с нами!

Расположились на новом месте на высотах, теперь, вообще, ничего не понятно: откуда стреляют, куда бьют. Со всех сторон разрывы, правда, пока более менее далёкие.

9.11.1987

Всю ночь слышался гул моторов и близкие разрывы: это к нам подтягивалась 59-я бригада, а юаровцы «сопровождали» её из артиллерии.

Утром мы к ним сходили. Увиделись с нашими советни-

ками. У них всё нормально. После того, как юаровцы 29 (числа) их потравили газами, они более менее оклемались. Лица радостные, ведь они возвращаются «домой», в Куито. Болтались по лесам почти 4 месяца. Это трудно себе представить, это надо самому прожить. У нас, например, сегодня ровно месяц, как мы в лесу, а у меня такое ощущение, что полжизни прошло, все дни сливаются в один, каждый день одно и то же. Если вдруг тихо, то начинаешь «сходить с ума», мол, почему они не стреляют, что там ещё задумали. Начинается обстрел, ждёшь, когда же он закончится. И так постоянно.

Около 8 часов узнали, что 16-я бригада (что находится в районе реки Шамбинги, километрах в 20 от нас) с 3 часов ночи подвергается сильнейшему обстрелу и атакам регулярных батальонов ЮАР. Район Шамбинги находится совсем рядом с Куито-Куанавале, и уже туда дошли юаровцы, а ведь они были на реке Ломба.

Днём наши советники 25-й бригады, что встала на наши позиции, сообщили, что около часа ночи противник предпринял попытку прорвать их оборону. Когда ему это не удалось, стал «кидаться» всем, что только имел, а потом ещё несколько раз пытался прорваться и продолжает всю эту кутерьму до сих пор. Положение у 25-й бригады незавидное, ведь она там, практически, осталась одна, если не считать нашего батальона.

10.11.1987

Вечер и ночь прошли более менее спокойно. А утром пришёл командир бригады и сказал, что получил от командования телеграмму с предупреждением: находиться в постоянной боеготовности, поскольку противник может атаковать, используя фактор внезапности.

И точно. В 7.00 вдруг начался артиллерийский и миномётный обстрел. Я в это время как раз был на связи. Вот уже полтора часа нас долбят из 106,7-мм орудий [M40A1] и 120-мм миномётов.

Снаряды летают через голову. Что нас спасает, это, что стоим мы на бугре, поэтому или недолеты или перелеты. Но несколько штук разорвалось метрах в 50 от нас, и сразу противно завизжали осколки.

Сейчас советники 16-й бригады сообщили свои координаты. Мы глянули на карту и ахнули: спасаясь от вчерашней атаки юаровцев, они отмахнули не меньше 20 км и находятся сейчас в 4–5 км от переправы через реку Шамбинга (это в 15 км от Куито-Куанавале). Советники сообщили нам, что техники у них осталось меньше половины.

Днём я перехватил телеграмму о том, что в расположение 16-й бригады прибыло два танка 16-й бригады на буксире и с ними до 100 (человек) из двух батальонов 16-й бригады. Потом они направились в Куито-Куанавале. Вот так юаровцы потрепали 16 бригаду.

Потом я ещё раз связался с 16-й бригадой и уточнил, что прошли они не 20 км, а 30 с лишним, удирая от юаровцев. После этого я опять перехватил их телеграмму, где они сообщали о наличии техники. Осталось у них: один **БМ-21**, семь «**Град-П**», один 82-мм миномёт, один **РПГ-7** и один **АГС-17** и немного боеприпасов к ним.

59-я бригада сообщила, что переправилась через реку Шамбинга. Юаровцы их сильно обстреливали из 155-мм дальнобойных гаубиц.

11.11.1987

Сегодня с утра нас «навестила» авиация. Видимо, они просто хотели поздравить нас с 12 годовщиной независимости Анголы, ну и, конечно, принесли «подарки».

А вчера мы весь вечер наблюдали полет снарядов 155-мм юаровской гаубицы. Они – активно-реактивные и на реактивном участке полета светятся. Это юаровцы обстреливали район расположения 59-й бригады на том берегу Шамбинги. Мы даже смогли высчитать расстояние до гаубиц и снять их примерные координаты.

С утра передали их в округ.

В 6.00 я вышел на связь и узнал, что 59-ю бригаду остановили (из округа), приказали занять оборону на реке Шамбинга и надавали кучу задач. А они так стремились домой!

Творится что-то непонятное: ангольские войска почти полностью деморализованы, бригады укомплектованы личным составом на 45%, на 10–15 снарядов противника могут ответить одним, да и то не всегда, наша разведка работает плохо, а противник знает о нас всё. Ангольцы как огня боятся юаровцев, а если слышат, что в атаку идет **«Буффало»**, в панике бросают всё и бегут.

«Буффало» – это батальон наемников-головорезов, зарекомендовавший себя страшными зверствами на территории Анголы. Состоит из 12 рот по 100 человек в каждой. Каждая рота имеет своё название (**«Лев»**, **«Лисица»**, **«Волк»** и т.д.). Распределен поротно или по две между регулярными подразделениями ЮАР. Иногда действует самостоятельно.

Вот такие условия ведения войны. УНИТА ведёт партизанские действия, бродит повсюду, нападает и обстреливает со всех сторон. Юаровцы, не страшась, идут в лобовую атаку, используют также удары во фланг и тыл. Юаровская артиллерия и авиация действуют безнаказанно в любое время, наша же авиация появляться здесь боится, а если и появляется, то на большой высоте⁸.

И, несмотря на всё это, из округа, от командования продолжают поступать приказы и распоряжения: занять оборону, создать сильный резерв (из чего только?) для действий во фланг и тыл наступающему противнику и т.д. и т.п.

Сегодня утром в районе 3 батальона взяли пленного. Он оказался артиллерийским разведчиком-корректировщи-

⁸ Ангольские военные лётчики боялись летать на малых высотах, не только из страха перед южноафриканскими самолётами, но и в частности, из-за недостаточного питания, что приводило к тому, что они не выдерживали перегрузок в воздушном бою. Кубинские же лётчики хорошо воевали против южноафриканцев на любых высотах (*прим. авт.*).

ком из артиллерийской батареи, приданной 4 регулярному батальону УНИТА. Сам – негр, зовут **Эуженио Каюмба**, в УНИТА служит 3 года, родом из провинции Уамбо. В его батарее 2 орудия 106,7-мм и 2 120-мм миномёта на «**Лендроверах**». Батарея находится в истоке Кузизи, а 4 рб – в районе междуречья Колуй и Мианей. Он был выслан в составе группы из 3-х человек (корректировщик, радист, охранник) для корректировки огня и разведки наших позиций. Их батарея постоянно меняет огневые позиции, боеприпасами снабжается ночью, их подвозят на машинах «**Унимог**». В батарее личного состава 20 человек.

Вместе с ним была захвачена радиостанция **SR A-84** английского производства.

По его словам, юаровцы постоянно идут во 2 эшелоне, а впереди действуют УНИТА. Если ей приходится туго, в бой тут же вступают регулярные части ЮАР, открывает огонь артиллерия, появляется авиация.

На важных направлениях юаровцы сами вступают в бой, как это было 9 ноября с 16 бригадой.

За истоком реки Ломба находится база, откуда подвозят боеприпасы. Там же располагаются юаровцы.

Пленный постоянно путался, увиливал от ответов, косил под дурака, хотя видно, что знает много. Заявил, что он давно хотел дезертировать, но не было возможности.

Рассказал, что был насильно уведён УНИТА в их «столицу» Жамба и там направлен в центр подготовки артиллеристов Тикре, что в 20 км от Жамбы. Обучали их юаровские советники.

[Тетрадь радиограмм]

№ 91 – в Куито

11.11.[1987] – 9.00

Советнику Командующего военным округом

2) Противник бьёт каждую бригаду в отдельности, а чтобы на-

нести ему удар общими силами ничего не предпринимается. Так будут по отдельности перебиты все бригады. В боевых подразделениях мало личного состава. Командиры всех степеней боятся. Ответные действия против противника проводить боятся.

Советник командира бригады

№ 92 – в Куито

11.11.[1987] – 11.00

Советнику Командующего военным округом

Взяли пленного в районе. После пыток сообщу результаты.

Советник командира бригады

№ 93 – в Куито

11.11.[1987] – 12.00

Советнику Командующего военным округом

Пленный из артиллерийской батареи, которая придана 4-му регулярному батальону. В батарее 2 орудия 106,7-мм, 2 миномёта **М-120** на «Лендроверах». Он был выслан в составе группы из 3-х человек для корректировки огня. Батарея находится в истоке Куизи, а 4-й регулярный батальон дислоцируется в районе междуречья Колуй и Мианей. Снабжение боеприпасами осуществляется ночью. Подвозят на машине «Унимог». Огневые позиции постоянно меняют. В батарее всего личного состава 20 человек. Охраны нет никакой. В УНИТА уже 3 года. Захвачена с ним радиостанция **SR A-84**. За истоком реки Ломба имеется база, откуда подвозят боеприпасы. Там же располагаются юаровцы.

Советник командира бригады

12.11.1987

Сегодня с утра вышел на связь и узнал, что Куито-Куанавале ночью обстреливали из дальнобойных орудий. Среди наших, к счастью, жертв нет, взлетно-посадочная полоса не повреждена.

Днем было относительно спокойно, а вечером старший

советник 59-й бригады сообщил, что к переправе на реке Шамбинга бегут группы из 16-й бригады и тактической группы, с техникой и без техники, с оружием и без оружия, в большой панике и «с квадратными глазами». 59-я бригада вылавливает их и собирает в одном месте. Там с ними проводят митинги, кричат им лозунги, призывают взять себя в руки, но, похоже, без толку. Они думают лишь о том, как бы «взять ноги в руки» и драпать.

Старший 59-й бригады доложил все это старшему округа, тот обещал принять меры.

59-я бригада сообщила также, что один танк у них завяз в болоте и погрузился уже по башню.

В 22.00 пришли распоряжения нам и 25-й бригаде, что стоит сейчас на реке Мианей, на нашем старом месте.

25-я бригада должна совершить рейд в район реки Убе, а нам – контролировать район Випошто, где мы сейчас находимся.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 96 – в Куито

12.11.[1987] – 8.00

Советнику Начальника артиллерии

Потери личного состава по артиллерии за операцию

Убито: офицеров – 2, сержантов – 1, солдат – 25

Ранено: сержантов – 4, солдат – 44.

Эвакуировано: сержантов – 3, солдат – 39

Пополнение: солдат – 6

Дезертировано: солдат – 1

Убыло в Куито-Куанавале с **БМ-21**: сержант – 1, солдат – 2.

В наличии: офицеров – 21, сержантов – 18, солдат – 1157.

Батарея **Д-30** в полном составе убыла с 59-й Пехотной бригадой в количестве офицеров – 4, сержантов – 6, солдат – 40. **Д-30** – 4. **Урал-4320** – 4, боеприпасы к **Д-30** – 257.

Советник Начальника артиллерии бригады

13.11.1987

Сегодня проснулся, не было пяти часов, оттого, что на меня стала литься вода. Мы вдвоем с техником спим под **БТРОм**, здесь удобнее, больше места, и совсем не душно, как в **БТРе**.

А ночью пошёл дождь, вода собралась в днище **БТРа**, а потом через отверстие стала выливаться.

Наш старший послал в округ телеграмму с предложением изменить район обороны бригады и занять высоты Випошто (что в 5 км от нас), двумя батальонами перекрыть междуречье рек Убе и Вимпуло, а третий батальон иметь во 2-м эшелоне с западной стороны Випошто как резерв.

В ответ пришёл приказ переместиться в исток реки Убе и занять оборону. Комбриг решил на Випошто оставить одну роту с радиостанцией для охраны. Мы (советские) пока переместимся на Випошто к советникам тактической группы в ожидании подхода всей бригады. Один батальон уже ушёл в исток Убе.

14.11.1987

Сегодня в 6.00 вышли. Плутали целый день, прошли вместо 5 км – 13,5 км, пока нашли тактическую группу. Один раз нас обстреляли. Вечером противник вёл сильный обстрел переправы через реку Шамбинга и по 59-й бригаде. Они запрашивали координаты.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 102 – в Куито

14.11.[1987] – 17.00

Советнику Командующего военным округом

1) Прибыл в 16.00 на командный пункт 1-й Тактической группы. 337° – 10,5 км от 840.

2) 3-й пехотный батальон с частью **МТС** и Командира бригады в р-не обороны.

3) 2-й пехотный батальон убывает для занятия обороны в истоке реки Убе.

4) 1-й пехотный батальон с 25-й пехотной бригадой.

5) Наличие личного состава, техники, вооружения. Смотри телеграмму от 12 ноября. Изменений нет.

Советник командира бригады

15.11.1987

Сегодня с утра пришел боевой приказ на наступление в район истока Убе, наступление начать в 10 часов утра. Всё в этом приказе красиво расписано, кому куда наступать и какими силами, использовать танки, которые имеются в тактической группе, а на них, на всех не работают планетарные механизмы поворота (ПМП)⁹ и только один заводится от АКБ¹⁰.

Сама бригада находится ещё на марше. Один батальон нашей бригады болтается чёрт знает где, а тут приказ на наступление, что они думают?

Наш старший сказал комбригу, что лучше бы, наверно, начать движение сегодня, пока противник не пристрелялся, всё бы хорошо не разведал, не послал бы корректировщиков. Комбриг на это отвечал, что всё упирается в те машины, что остались на дороге, они, мол, неисправны, и он послал туда людей, чтоб помочь. Короче, мы поняли, что сегодня мы уже никуда не двинемся.

[Тетрадь радиограмм]

№ 103 – в Куито

15.11.[1987]– 8.00

Советнику Командующего военным округом

Приказ № 44/87 получил. Довёл до Начальника штаба бригады.

⁹ Т. е. танк не мог поворачивать, а мог ехать только по прямой вперед или назад.

¹⁰ АКБ – аккумуляторная батарея.

Командир бригады с 3 пехотным батальоном и остатками **МТС** вышел с района обороны. К обеду будет здесь. В Тактической группе имеется 4 танка, и на всех не работают планетарные механизмы поворота. Заводится от **АКБ** только один танк. Что делать с **МТС**. За один рейс всё не поднимем. Наступление раньше 16 ноября не начнётся.

Советник командира бригады

№ 106 – в Куито

15.11.1987 – 16.00

Советнику Командующего военным округом

1. Ночевать будем на Випошто.
2. С утра выходит колонна в указанный район, разгружается и делает 2-й рейс.
3. Если в дальнейшем будем переправляться по мосту через Шамбинга то считаю целесообразно «**Оса-АК**» сразу отправить на переправу и **МТС** первого рейса сразу переправить через Шамбинга, а затем делать 2-й рейс. Так как будет большие потери от артиллерийского обстрела, а орудия 155-мм от нас стоят на удалении не ближе 21–22 км и мы их с **БМ-21** не достаём.
- 4) 3 пехотному батальону дали команду вернуться назад.

Советник командира бригады

№ 107 – в Куито

16.11.[1987] – 5.00

Советнику Командующего военным округом

1. Всю ночь был артиллерийский обстрел. Результаты уточняю.
2. С последней колонной были получены продукты, но у нас были разгружены 20 машин, которые были отправлены с 59-й бригадой.

Советник командира бригады

№ 108 – в Куито

16.11.1987– 17.00

Советнику Командующего военным округом

Вышли в 6 часов. В 9 часов были атакованы противником с подготовленного рубежа 10⁰ – 12 км, 15? – 11 км. Отошли в район 4⁰ – 12 км 8⁰ – 12⁰, где до 15 часов 4 раза отражали атаки со всех сторон. Потери большие, данные уточняются. Продолжаем наступление к истоку реки Убе. Захвачен пленный капитан – офицер тыла УНИТА. Пленный показал, что в боях участвуют подразделения ЮАР. Координаты от точки 840.

Советник командира бригады

№ 109 – в Куито

16.11.1987 – 22.00

Советнику Командующего военным округом.

Продолжаю движение в указанный район. При прорыве обороны противника подбили 1 **АМЛ**, 1 тягач для эвакуации техники «**Самил**». Лично видел их горевшими.

Советник командира бригады

№ 110 – в Куито

17.11.[1987] – 6.00

Советнику Командующего военным округом

Вышел в колонне к мосту. На мосту пробка, создана машинами, заправлявшими Тактическую группу. Принимаем меры. Результаты дам по прибытию в район после уточнения. Противник ведёт артиллерийский обстрел по колонне. Прошу уточнить дальнейшую задачу за мостом.

Советник командира бригады

№ 111 – в Куито

17.11.1987 – 12.00

Советнику Командующего военным округом

Вышел в район сбора командный пункт 135⁰ – 8 км от точки 891. Проводим сбор личного состава, техники, много пропавших. Результаты сообщу после всех подсчётов.

Советник командира бригады

№ 112 – в Куито

17.11.1987 – 19.00

Советнику Командующего военным округом

- 1) Данные о наличии личного состава, **МТС**, техники постоянно изменяются. Результаты дам после конкретного уточнения.
- 2) В ночь будем продолжать эвакуацию подбитой техники.
- 3) Много повреждений колёс от «**Валькирии**»¹¹.
- 4) На всех 3 **БМ Оса-АК** – выведена аппаратура от поражения «**Валькирией**».
- 5) Большое количество раненых.
- 6) Связь у местного [командира бригады], по его словам, постоянная и работает с округом регулярно.

Советник командира бригады

№ 113 – в Куито

18.11.[1987] – 6.00

Советнику Командующего военным округом

1) Потери за 16 ноября у реки Убе. В первом эшелоне была УНИТА, и её поддерживали [войска] ЮАР.

Потери УНИТА – убито 7, 2 плененных, захвачено 1 – **АК**, 1 пистолет, 1 ракета **ПТ**. Имеется много раненых, по словам плененных.

¹¹ Реактивный снаряд от **Валькирии** (*прав. Валькири*) начинён взрывчаткой мощностью 60 кг с 8500 металлическими шариками убийной силы до 1500 м (*прим. ред.-сост.*).

Потери ЮАР – 2 **AML-90**, 3 – джипа, 2 тягача типа «**Самил**».

3) Потери ФАПЛА: убито – 17, ранено тяжело – 45, ранено легко – 41. 1 танк, 2 **ЕЕ-25** с **МТС**, 2 **Б-10**, 1 **ЗУ-23**

Советник командира бригады

№ 114 – в Куито

18.11.1987 – 9.00

Советнику Командующего военным округом

1) За мостом осталось 3 машины с **МТС**. Восстанавливаем. Много побито колёс и радиаторов. Нахожусь в районе сбора. Командный пункт – 135° – 8 км от точки 891. Батальоны в радиусе 1 км.

2) Данные о потерях будут не раньше вечера. Много уточнений, неясностей.

3) Получена задача идти в район реки Куатир.

Советник командира бригады

№ 115 – в Куито

18.11.1987 – 13.00

Советнику Командующего военным округом

Оставлено на Випошто

1) Боеприпасов к **АК** – 148500, **ПКТ** – 63800, **12,7 мм** – 480, **14,5 мм** – 15880, **ЗУ-23** – 9482, **АГС** – 1440, **РПГ-7** – 925, мины к [миномётам] **М-60** – 20, **М-81** – 255, **М-82** – 1666, **М-120** – 53, [безоткатному орудью] **Б-10** – 338, **БМ-21** – 113, **С[Стрела]-2** – 10 ракет.

2) Оставлены все масла и смазки. Конкретно сказать что это уничтожено не могу, но, по словам командира бригады, говорит, уничтожено.

3) Потери ФАПЛА за 17 ноября: убито – 5. Ранено 31 человек.

4) Начали марш в 14 часов.

Советник командира бригады

18.11.1987

Описать то, что произошло за эти два дня (16 и 17 ноября) трудно, нужно было всё это пережить. Мы сейчас сами

не понимаем, как мы остались живы и вырвались из этого пекла.

Случилось как раз то, о чём мы говорили комбригу. Противник за ночь с 15 на 16 ноября всё хорошо разведал, подослал корректировщиков, провёл пристрелку колонны. Также подготовил рубежи атак. В общем, сделал всё то, что нужно.

16 ноября в 6.00 утра мы выстроились в колонну и стояли в ожидании начала движения. В это время подошёл топливозаправщик, и мы решили дозаправить наш **БТР**. Наш старший был снаружи, когда всё это началось.

Первый же снаряд разорвался в десяти метрах от нашего **БТРа**. Как наш старший остался жив, наверно, одному Богу известно. Мы с артиллеристом сидели на заднем сидении, когда в лицо нам ударила волна воздуха пополам с песком. Артиллерист тут же выскочил наружу и стал кричать старшего, думая, что тот погиб. Но **Анатолий Михалыч** уже запрыгивал на **БТР**.

И тут начался такой обстрел, какого мы, наверно, ещё не видели. Снаряды рвались пачками. Всё смешалось, началась паника, все пытались куда-то ехать. А юаровцы били «по-чёрному». Мы стали выходить из-под обстрела. От разрыва снарядов наш **БТР** бросало из стороны в сторону. Наверно, юаровцы пристреляли очень большой район, потому что только через 40 минут мы смогли вырваться из зоны обстрела.

В первые же минуты осколок пробил навывлет ногу одного из наших охранников. Мы затащили его и ещё одного внутрь **БТРа**. Их трясло как в лихорадке, а глаза были полны ужаса. Я дал им бинт, чтобы перевязали ногу, но они не смогли этого сделать. Тогда я сам перевязал ногу нашему охраннику.

Когда мы, наконец, вышли из-под обстрела, то увидели, что с нами осталась только часть колонны во главе с зампотылу¹² бригады. Лицо у зампотыла было очень испуганное

¹² Заместитель по тыловому обеспечению.

и растерянное. Ни на один из наших вопросов он не смог дать вразумительного ответа и сильно заикался. Колёса, кузова и кабины машин зияли дырками от осколков.

Наконец, появился сам комбриг и начал наводить порядок: указал район сбора, отдавал приказание. С большим трудом собрали колонну и двинулись к реке Убе. И вот тут-то юаровцы атаковали нас с подготовленных позиций. Как мы и предполагали, юаровцы всё хорошо продумали: бригада сразу же оказалась прижатой к шане (как я уже говорил, шана – это заболоченная пойма реки). Впереди полукругом располагался противник, а сзади нас была эта чёртова шана, машины через неё не могли переправиться, нужно было стелить гать. Началась паника, противник вёл интенсивный обстрел, ангольцы побежали через шану на другой берег.

Только появление комбрига заставило их остановиться. Комбриг метался по всей бригаде: от передовой до тыла, кричал, ругался, требовал, отдавал приказы. Впереди шёл бой, небольшая горстка ангольцев сдерживала бешеный натиск юаровцев, а вся бригада практически была здесь у шаны с «квадратными» от страха глазами и трясущимися руками. Они столпились у берега, готовые в любую минуту всё бросить и бежать.

Комбриг приказал стелить гать¹³. Этим занялись те, кто был ещё в состоянии что-то соображать и делать. На другую сторону был послан небольшой отряд для прикрытия от возможного нападения противника.

Обстрел и атаки продолжались с небольшими перерывами. Мы приготовились к самому худшему. Собрали вещмешки, сожгли ряд документов и бумаг. Решено было, в случае прорыва юаровцев, сжечь наш **БТР**, **БРДМ**, две машины и уходить пешком через шану и до Куито.

Была, правда, ещё слабая надежда на 25-ю бригаду, которая шла нам на помощь. Но и она рухнула, когда по радио-

¹³ Стелить гать – делать временную дорогу на болоте из стволов деревьев.

станции мы услышали голос старшего советника 25-й бригады. Он крыл семиэтажным матом и кричал, чуть не плача: «Бегут, сволочи... Всё бросают: технику, оружие... гады!» Очевидно, юаровцы, недолго думая, развернулись и врезали по 25-й бригаде, а тем было достаточно услышать, что их атакует «Буффало», и они побежали.

Когда наша гать была уже почти готова, противник стал её обстреливать, а затем на том берегу появились бойцы нашего заслона, смятого противником. Ловушка, таким образом, захлопнулась.

Вся техника бригады пошла «ездить по кругу», уворачиваясь от снарядов. Мы сидели в нашем **БТРе**, мокрые как цуцики от страшной жары и напряжения...

Нам тоже ничего не оставалось как уворачиваться от разрывов. Как только видели, что где-то разорвался снаряд или мина сразу бросались туда, потому что знали, что в ближайšie несколько минут снаряд туда не упадёт.

Те ангольцы, что не успели залезть в **БТР**, **БРДМ** или ещё куда-нибудь, метались, прячась за что попало. Повсюду слышались крики раненых и вопли ужаса, всё это перекрывалось разрывами снарядов и визгом осколков.

Наконец, наверно, нащупали слабое место в рядах противника, и все ринулись туда. А, может, это юаровцам надоело с нами возиться? Так мы себя спрашивали. Но это вряд ли, потому что за это время их тактику мы уже изучили. Они предпочитают бить **ФАПЛА** по частям и уничтожать полностью, чтоб им больше уже не мешали. А с нашей бригадой у них особые счёты.

Как бы то ни было, но около 15 часов дня мы, наконец, вырвались из этого ада.

Машины сбились в одну кучу, измученные солдаты повалились на траву.

Рядом с нами, в двадцати метрах горел подбитый танк нашей бригады. Снаряды и патроны, оставшиеся в нем, рвались почти час.

В 16.00 вышли на связь советники 25-й бригады и сооб-

щили, что им, вроде, тоже удалось оторваться от преследования юаровцев, и они идут к нам на соединение.

В это время разведка притащила пленного унитовца, он оказался капитаном по званию, тыловиком, снабжал боевые подразделения. Сообщил, что в этом бою против нас участвовали 1-я бригада регулярных войск ЮАР совместно с «Буффало» и регулярный батальон УНИТА.

К этому времени подошла 25-я бригада. Когда солдаты увидели пленного унитовца, сбегались сразу обе бригады. Глаза у них горели, все кричали: «прикончить его! Что вы стоите, убейте его!» С большим трудом удалось восстановить порядок. Пленного решено было отправить в Куито.

Комментарии автора, записанные 28 октября 2000 г.

[«Я хочу рассказать про подполковника **Сущенко Юрия Павловича**. Ангольцы из разведроты нашей 21-й бригады захватили в плен унитовского офицера, притащили его и бросили прямо возле нашего **БТРа**. Тут мы услышали, что этого унитовского офицера хотят прикончить прибежавшие ангольцы. Тогда мы выскочили из **БТРа**, злые, чумазые после боя, а **Юрий Павлович** – с бородой, с автоматом. Он выскочил и говорит мне: «**Игорь** скажи им, что я никого не пущу сюда, к пленному». Итак, мы выскочили из **БТРа**, а там все, кто вышли после окружения – стоят, орут. Я начал кричать им по-португальски, они, вроде бы, остановились, но когда **Палыч**¹⁴ заорал (с автоматом наперевес): «Пошли все на хрен! Убью любого!» Все ангольцы аж отшатнулись при виде его!

¹⁴ В армии нижестоящие по званию офицеры именуют вышестоящего офицера не по имени, фамилии или званию, а по отчеству. В данном случае подполковник артиллерии **Сущенко Юрий Павлович** именуется **Палыч (Павлович)** (*прим. ред.-сост.*).

Вот так это было – хоть было сколько лет уж назад – я могу все это снова рассказать. Он действительно готов был убить любого ангольца из 25-й или 21-й бригады, кто попытался бы прикончить унитовского офицера. Я его после этого случая ещё больше уважал.

Я ему сказал тогда: «**Пальч!** Давай успокойся! Ладно – все хорошо, все нормально...»

А потом этот унитовский офицер через два месяца давал интервью в Луанде. И вся бригада сидела и с удовольствием слушала»].

Около 17.00 было решено идти в направлении переправы на реку Шамбинга. В это же время увидели результаты стрельбы нашей **БМ-21**. Возле дороги стояли подбитый бронетранспортёр ЮАР **AML-90** и тягач для эвакуации техники [**Samil-100**]. Оба они горели.

Только проехали это место, противник вновь начал обстрел, однако, на сей раз мы вышли из опасной зоны довольно быстро.

Начало темнеть. Комбриг подошел к нам и спросил, что делать. Наш старший сказал: идти вперед, чтоб как можно скорее уйти от этого места. Комбриг возразил, что впереди могут быть минные поля. В ответ старший предложил выстроить всю бригаду в одну колонну, а впереди пустить один танк и взвод пехоты для прокладки пути. На том и порешили.

Всю ночь шли, не смыкая глаз. Колонна двигалась очень медленно, т.к. на небе не было ни звезд, ни луны, но все-таки мы двигались, а это было самое главное. Нервы на пределе.

Шедший сзади на **БТР** с советниками тактической группы влетел в яму. Пришлось его вытаскивать. Только вытаскивали их, «сели» сами. В это время начался обстрел. Ангольцы сгрудились машина к машине, выскочили из них и стали прятаться. Мы носились грязные, взмокшие, орали, матерились, вытаскивали прятавшихся ангольцев, чтоб они

отогнали свои машины и не мешали нам вытащить свой **БТР**. У анголан¹⁵ от страха и визга осколков дрожали руки и ноги, машины не заводились, они выскакивали из них, а мы заталкивали их обратно.

Наконец, вытащили **БТР** и пошли дальше. К утру подошли к переправе. Это было в четвертом часу. Но переправиться не смогли, потому что на мосту перевернулся грузовик, и его никак не могли стащить.

17.11.1987

И вот до одиннадцати часов мы простояли под обстрелом в ожидании переправы, не выспавшиеся, голодные, злые как черти. Это были самые поганые ощущения: столько пережить, чтоб в самом конце накрыло шальным снарядом?!

Наконец, около одиннадцати грузовик этот спихнули с моста, и вся колонна рванула к переправе. Мы успели подъехать к ней одними из первых.

Противник сначала бил по подходам к переправе, затем по хвосту колонны, потом перенес огонь по голове её. Стрелял из реактивной установки «**Валькирия**» с целью пробить колёса, выбить водителей, чтоб остановить колонну и затем без особых затруднений расстрелять её.

Впереди нас танк тащил неисправный **БТР**. Он постоянно останавливался, из-за этого останавливалась колонна. А снаряды рвались со всех сторон. Противник бил из чего только можно: из миномётов, безоткатных орудий, 155-мм гаубиц, из «**Валькирии**».

Даже когда колонна стала отходить от переправы, противник сопровождал её огнем.

Наконец, мы вышли из опасной зоны и сразу поехали к советникам 59-й и 16-й бригад, что стояли километрах в трёх от переправы. Там долго обнимались, не веря, что все кончилось, делились впечатлениями.

¹⁵ Анголаны (angolano) – ангольцы.

В 12.00 вышли в район сбора в нескольких километрах от переправы, чтобы собрать личный состав, технику. Очень много техники повреждено, несколько машин осталось на том берегу, у тех, что с нами колёса и радиаторы пробиты «**Валькирией**». На всех трёх машинах «**Оса-АК**» выведена из строя аппаратура от поражения «**Валькирия**».

Сегодня, т.е. 18 ноября, продолжали собирать личный состав и технику, подсчитывать потери.

За 16 ноября в бою и от обстрела потеряли 17 человек убитыми и 86 ранеными. А также: 1 танк, две машины **Е-25**, 2 орудия **Б-10**, 1 **ЗУ-23-2**.

За 17 ноября потеряли: 5 человек убитыми и 31 ранеными.

В 14.00 сегодня снова двинулись в путь. На сей раз получили задачу занять оборону в районе реки Куатир.

Вот таково лишь, так сказать, бледное, сухое описание того, что было. Что-то еще будет дальше?

Комментарии автора, записанные 6 октября 2001 г.¹⁶

[«Возвращаясь к бою 16–17 ноября 1987 года, когда наша 21-я бригада попала в окружение – просто несколько добавлений. Тогда я уже это описал в своем дневнике, в общем-то, более или менее подробно, по первым впечатлениям.

Конечно, сейчас можно сделать своего рода резюме, что, разумеется, все произошло из-за неразберихи с ангольской стороны, из-за хороших, грамотных и четких действий юаровских войск и руководимых ими унитовцев. Они, как я уже писал в своем дневнике, загодя подготовили все пози-

¹⁶ **И.А. Ждаркин** боялся, что его дневник рано или поздно попадет в руки матери, жившей в Гомеле (что позднее и произошло), и поэтому описал в дневнике бои 16–17 ноября 1987 года в сильно смягчённом виде (*прим. ред.-сост.*).

ции, все предусмотрели, и мы фактически попали в заранее подготовленный мешок, то есть в окружение. И 25-я бригада, которая шла за нами, помочь нам не смогла, потому что юаровцы, как я уже писал – развернулись и ударили по 25-й бригаде.

И еще такое добавление: наш старший, подполковник **Артёменко Анатолий Михайлович**, был очень уравновешенный и трезво мыслящий человек, и когда комбриг **НГелека** прибежал к нему с вопросом – Что же делать? Куда мы попали? и так далее, **Анатолий Михайлович** четко руководил всем процессом, и только благодаря ему, я считаю, мы вырвались из окружения, из этого опасного положения.

Именно по его приказу ангольцы выстроили в ряд шесть «**Зеушек**» – **ЗУ-23-2** и открыли огонь по юаровцам (**ЗУ-23-2** – средства противовоздушной обороны, их 23-мм снаряды пробивали юаровский **АМЛ** – бронетранспортер, а при попадании в человека, просто разрывали его на части). Так что, благодаря шести **ЗУ-23-2**, выстроенным в один ряд, было отбито четыре атаки юаровцев. Но хочу заметить, что единственными боеспособными на тот момент подразделения в бригаде были разведроты и комендантский взвод.

Именно те, что сидели за «**Зеушками**» и отбивали атаки юаровцев. Вся остальная бригада, как я уже писал в своем дневнике, была на «шане», на этой заболоченной почве, возле переправы, с квадратными от страха глазами, с трясущимися руками, ничего не соображая. То есть обезумевшая толпа, которая хотела жить, бросала все, что только можно было бросить и так далее. Реально сражались только разведроты и комендантский взвод.

– **Сколько человек?**

– Не могу сказать. Дело в том, что перед этим, как я тоже писал в дневнике, наши подразделения (батальоны) услали для выполнения различных задач, и в это день с нами шли, в основном, подразделения обеспечения нашей бригады, и вот именно мы и попали во всю эту переделку. То есть,

из конкретных боевых подразделений были разведрота и комендантский взвод, они и сражались. Это мне все потом рассказывал командир разведроты, он, к тому же, сам видел шедших в атаку буффаловцев и их трупы.

– **Сколько он их насчитал?**

– Ну, он их лично насчитал двенадцать (убитыми), но это только на том участке, где он их конкретно увидел. Явно, шла рота – поскольку я уже говорил, что батальон «**Буффало**» распределялся по роте в каждое боееспособное соединение УНИТА и ЮАР, то есть он никогда не действовал вместе как целый батальон, а их 12 рот просто раскидывали по подразделениям.

Так что, рота буффаловцев там шла однозначно. И, конечно же, они были отбиты именно благодаря этим ангольцам – разведроте и комендантскому взводу. Только благодаря им»].

19.11.87

Сегодня с утра наши специалисты «**Оса-АК**» убыли вместе с батареей в Куито-Куанавале. Нас осталось четверо¹⁷.

Сидим в ожидании начала марша. Вчера вечером в 20.00 подорвалась на противотанковой mine одна машина нашей бригады, двое человек получили ранения.

В 13.00 двинулись в путь. В 14.00 были обстреляны группой УНИТА из 60-мм миномётов и стрелкового оружия.

В 18.00 1-й батальон был атакован группой УНИТА. С нашей стороны было убито двое и пятеро ранено. Унитовцев убито четверо, захвачен один автомат. Наши каким-то образом потеряли два **РПГ-7**.

На ночлег остановились на высотах недалеко от реки Куатир.

¹⁷ Специалисты по боевому применению комплекса ПВО «**Оса-АК**» – майор **Дивеев Константин Рашидович** и капитан **Вислобоков Вячеслав**. Убыли 18.11.1987 г. в Куито-Куанавале.

20.11.1987

Сегодня перешли на новое место. Весь день обустройства, чтоб сделать нашу стоянку хоть издали похожей на жилище более менее цивилизованных людей.

Вбили колья и натянули тент, чтоб можно было прятаться от дождя и солнца. Сбили столики для посуды и приготовления пищи.

В общем, сейчас более менее уютно. Сегодня весь день спокойно, но из округа пришло сообщение, что юаровцы проводят перегруппировку войск и, видимо, что-то замышляют. Надо, мол, быть начеку.

[Тетрадь радиограмм]

№ 130 – в Куито

20.11.1987 – 14.00

Советнику Командующего военным округом

ПВО. Имеется в бригаде: **ЗУ-23** – 6, **Стрела-2 ПМ** – 25, Ракет – 42, **Стрела-10** – 1, Ракет – 14. Боеприпасы: к **ЗУ-23** – 9720. Потери по ПВО: **ЗУ-23** – 1, 1 **ПМ**; Убито 4, ранено 12, Эвакуировано в Куито-Куанавале: 1 офицер, 2 сержанта, 7 солдат, 1 – **ЗУ-23**.

Советник командира бригады

21.11.1987

Вчера передали наши координаты (в смысле, ангольцы передали), а сегодня мы получили результат: юаровцы стали бить точно по командному пункту бригады. Под нашим **БТРом** выкопана яма, где прятаться от обстрела, так что весь день мы «сдавали кросс» – бегали туда-обратно. Не дали нам толком даже пообедать. Только к вечеру успокоились. Как это ни странно, но пока координаты не передаются – всё нормально, как передали – противник тут же начинает долбить, и с большой точностью.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ ? – в Куито

21.11.[1987] – 12.00

Советнику командира бригады

Дайте корпусные номера танков.

Советник Командующего военным округом

№ ? – в Куито

21.11.[1987] – 15.00

Советнику командира бригады

Мне непонятно, на 19 ноября у вас было 909 человек, а сейчас 751. Почему куда делись?

Советник Командующего военным округом

№ ? – в Куито

21.11.[1987] – 17.00

Советнику командира бригады

Разберитесь и срочно доложите о наличии артиллерии. У вас большие расхождения с местной стороной.

Советник Командующего военным округом

[**Б-21** – 1 шт, **Град-П** – 2 шт, **Б-10** – 1 шт, **М-82** – 7(6) шт. – наличие «противотанковых средств» в бригаде на тот момент] – **доклад старшего 21-й бригады по наличию противотанковых средств.**

№ 133 – в Куито

21.11.[1987] – 15.00

Советнику Командующего военным округом

Сведения о танках:

- 1) Танк № 2507Г010 – подбит на [реке] Убе
- 2) Танк № 5308Г005 – спидометр 00933

3) Танк № 5601E009 – спидометр 02132 – это танк 47-й бригады, требуется замена полностью всех траков. Большой износ прошин, на танке по 90 траков и много лопнувших.

Советник командира бригады

№ 135 – в Куито

21.11.[1987] – 17.00

Советнику Командующего военным округом

909 минус 751 будет 158. Это личный состав, который не может принимать участие в боевых действиях: раненые, больные, находящиеся в подразделениях и медпункте.

Советник командира бригады

№ 136 – в Куито

21.11.[1987] – 18.00

Советнику Командующего военным округом

Срочная: имеется в наличии: **БМ-21** – 1, **Грады** – 2, **Б-10** – 1, **М-82** – 7, из них 1 неисправен.

Советник командира бригады

Советнику Командующего военным округом

Срочная: имеется в наличии: **БМ-21** – 1, **Грады** – 2, **Б-10** – 1, **М-82** – 7, из них 1 неисправен.

Советник командира бригады

Вооружение, боеприпасы, личный состав по состоянию на 21.11. 1987

	Офицеры	Сержанты	Солдаты	Всего
1ПБ	13	9	75	97
2ПБ	15	11	112	138
3ПБ	11	15	44	70
За бат.	39	35	231	305
Подразделения обеспечения	49	55	342	446
Всего	88	90	573	751
Раненые, больные	10	17	141	158

Это личный состав, который может принимать участие в боевых действиях, остальные ранены, больные (158) человек.

АКМ – 852, **РПК** – 31, **ПКМ** – 12, **РПГ-7** – 42, **ПКТ-8**, **АГС-17** – 9, **БМ-21** – 1, **М-82** – 7, **М-81** – 1, **М-60** – 8, **ЗУ-23** – 6, **С-2** – 42, **ПМ** – 25, **Град1П** – 2, **Б-10** – 1, танков – 2, **С-10** – 1.

Боеприпасы:

АКМ – 229516, **ПКТ** – 41166, **М-82** – 199, **РПГ-7** – 381, **Б-10** – 50, **АГС** – 980, 14,5мм – 1115, **Град-П** – 84, **БМ-21** – 68, 100 м [?] – 107, **ЗУ-23** – 9520, **С-10** – 14.

Техника:

Танки – 2, **БТР** – 2, **БРДМ** – 2, **Е-25** – 14, **Е-15** – 1, **МТО** – 1, **Е-25АЦ** – 1, Прицелов – 2, **С-10** – 1, **БМ-21** – 1.

Связь:

Р-921 – 7, **Р-4700** – 10, **Р-920** – 1, **Р-105** – 4, **Р-108** – , **Р-109** – 3, **МРОД** – 1, 931х – 1, **PRM 4051** – 3, **931** – 1, **Р 159** – 2, **НА-913** – 3, **МЛ 4190** – 11, **Р193 М** – 1, **ТА-57** – 1.

Инж. – нет ничего

Тыл:

Продукты – 10 с/дл, дизельного топлива – 14020, **АБ** – 1700, Масла 50 – 200, 30 – 200, Медикаменты – 85.

ПВО – **ЗУ-23** – 6, **С** – 2, **ПМ** – 25, Ракет – 42, Боеприпасы – 9320.

22.11.1987

Ночь прошла спокойно (для нас), а соседние с нами бригады противник постоянно обстреливал.

С утра атаковал сначала одну, а затем другую бригаду. За нас пока не брался. Очевидно, прощупывает оборону, ищет слабые места.

В то же время из дальнбойных 155-мм гаубиц противник постоянно обстреливает Куито-Куанавале. Им там тоже несладко, тоже занимаются «кроссовой подготовкой».

Обстановка вокруг очень беспокойная: наша разведка и засады постоянно докладывает о передвижении колонн противника, небольших групп УНИТА и т.д. Противник попеременно обстреливает наши три бригады и Куито-Куанавале. Очевидно, готовятся к наступлению.

У нас создается впечатление, что наши обескровленные бригады снова попадут в мышеловку и это будет намного серьезнее, чем раньше.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 138 – в Куито

22.11.[1987] – 17.00

Советнику Командующего военным округом

1) К отрывке траншей переднего края приступили сразу же после занятия района. Мало л/с в подразделениях.

2) Мин нет вообще никаких и ни одной.

3) По местной линии прошу сделать запрос:

а) проверить работу авианаводчиков и доложить по ним;

б) сигналы взаимодействия с авиацией без авианаводчиков;

в) дать точные координаты засад, НП – так как я не уверен в том, что командиры подразделений их все выставляют там, где они намечены. Ибо они боятся действовать малыми группами.

4) Надо телефонного кабеля – 10 км и 5ТА–57.

Советник командира бригады

23.11.1987

Вчера вечером слушали радио и совершенно случайно поймали новости на португальском языке, непонятно, какой радиостанции, но похоже на Би-би-си. Они передавали по поводу агрессии ЮАР в Анголе, т.е. про нас.

Было сказано, что ЮАР продолжает наращивать агрессивные действия против Анголы. На севере Намибии, на границе с ангольской провинцией Квандо-Кубанго (это

где мы как раз находимся) сосредоточено 30 тысяч человек личного состава, 400 орудий различного калибра, более 80 самолётов. На территорию провинции Квандо-Кубанго вошел 8 ударный бронетанковый батальон. На территории Анголы действуют несколько юаровских бригад вместе с батальоном «Буффало». Остальные войска находятся в постоянной готовности по первому приказу перейти границу.

Мы сообщили обо всём этом в округ. В ответ получили телеграмму заминировать танкоопасные направления и создать плотность противотанковых средств по 5 штук на 1 км. Так нам стало весело! Мин у нас нет вообще никаких, из противотанковых средств – «кот наплакал»: 1 **Б-10**, 1 **БМ-21**, 2 **Град-П**, 2 танка, если не считать ротных противотанковых гранатометов.

И вот этим всем надо отбивать танки.

Вечером по нам как бы нехотя, лениво так, постреляли, видимо, хотели поугатать. А Куито долбят постоянно, и всё пытаются повредить взлетно-посадочную полосу.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 139 – в Куито

23.11.[1987] – 8.00

Советнику Командующего военным округом

По радио прослушали 22 ноября в 8.30: на границе с Намибией провинции Квандо-Кубанго сосредоточено 30 тысяч личного состава, 400 стволов различного калибра артиллерии, 80 самолётов. 8-й ударный бронетанковый батальон ЮАР зашёл на территорию провинции Квандо-Кубанго. Войска в готовности по первому приказу перейти границу Анголы.

Советник командира бригады

24.11.1987

Вчера в 20.00 мы слышали вертолёт. Как нам сообщили

ангольцы, очевидно, это противник производил высадку развед- или диверсионной группы.

За весь день, кроме «обязательного» обстрела ничего не произошло.

А вот в 17.00 внезапно налетела юаровская авиация и обстреляла **«нурсами»** командный пункт бригады. Зашли они со стороны истока реки Куатир, так что наша **«Стрела-10»** увидеть их не смогла.

Да, днём в новостях ангольского радио сообщили, что министр иностранных дел Анголы, выступая в ООН, обвинил ЮАР в использовании химических боеприпасов против ангольской армии. Это случилось 29 октября на реке Мианей, когда юаровцы применили эти боеприпасы против стоящей рядом с нами 59-й бригады. О результатах этого «применения» я уже писал.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 140 – в Куито

24.11.[1987] – 6.00

Советнику Командующего военным округом

Совершенствуем оборону в инженерном отношении

Советник командира бригады

Советнику Командующего военным округом

5) Плотность **ПТС** (противотанковых средств), указанных в телеграмме, составляет: 2 танка, 1 **Б-10** – одно на 2 километра фронта в лесу; а также имеется в батальонах всего **РПГ-7** – 42.

Противопехотных и противотанковых мин нет.

Советник командира бригады

25.11.1987

Ночью мы опять слышали вертолёт. Как сообщает разведка бригады, юаровцы сосредотачиваются километрах в

двадцати восточнее нас. Там постоянно слышен шум моторов, летают вертолёты, оттуда же бьёт по нам их артиллерия.

Сегодня после обеда обстреляли нас из 120-мм миномётов.

А в 17.00 1-й батальон вёл сильный бой. Результаты пока неизвестны.

26.11.1987

Этой ночью я проснулся оттого, что гудела земля. Поскольку спим мы под **БТРом**, то гул этот хорошо был слышен. Очевидно, колонна противника.

С 12.00 противник начал сильный обстрел из 106,7-мм безоткатных орудий. Бил по расположению 1-го и 2-го батальонов нашей бригады. Их счастье, что они уже ушли на следующую линию обороны.

Около 15.00 старший 59-й бригады, что стоит справа от нас, доложил в округ, что у него на правом фланге, в стыке с 25-й бригадой, обнаружена колонна противника: **БТРы** и пехота. Они начали по этой колонне бить из всего, что есть.

По радио мы услышали, что в ООН принята резолюция, обязывающая ЮАР до 10 декабря вывести все свои войска из Анголы. Чихать они хотели на эту резолюцию, а также на то, что сам Генеральный секретарь ООН приедет в Анголу проконтролировать это. Потом наткнулись на передачу из ЮАР, они транслировали речь МИД ЮАР Питера Боты. Суть этой речи сводилась к тому, что ЮАР не допустит распространения коммунизма на юге Африки, будет заботиться о своей безопасности и выведет войска из Анголы только после того, как из страны уйдут кубинцы и русские.

Вечером приходил комбриг, сказал, что получил телеграмму о конце операции 26 ноября, т.е. сегодня, это, мол, приказ министра обороны.

Не знаю, как для кого, а для нас она закончится ещё чёрт знает когда.

Сегодня же отправили телеграмму в округ с просьбой о

моей замене. У меня не проходят последствия от контузии 1 ноября, когда нас накрыло снарядом из 155-мм гаубицы: болит правое ухо, левое плечо, очевидно, вывихнуто, участились головные боли и головокружение.

Первый раз я ушиб это злосчастное левое плечо 29 октября, но на следующий день уже всё было нормально, а 1 ноября я, очевидно, вывихнул его, ударившись во время взрыва обо что-то твёрдое.

[Тетрадь радиограмм]

№ ? – в Куито

26.11.[1987] – 12.00

Советнику Командующего военным округом

У переводчика не проходят последствия от контузии 1 ноября. Боли в ушах и опухоль на плечевом суставе. Если есть возможность, прошу заменить, по возможности.

Советник командира бригады

27.11.1987

Сегодняшний день мало чем отличался от предыдущих, так же обстреливали, рядом соседние бригады тоже обстреливали.

По советскому радио про Анголу гробовое молчание. Ловим каждый день и ничего.

Противник продолжает обстреливать Куито. В 18.00 дал туда залп из «Кентронов». Я в это время был на связи с Куито, долго не мог никого дозваться. Наконец, они сообщили, что снаряды разорвались прямо на территории миссии. Результаты пока не сообщили.

28.11.1987

Всю ночь и утро был изнуряющая, выматывающая тишина: не было слышно ни одного выстрела, ни звуков работающего мотора, ничего.

Из-за этого мы не могли заснуть. К тому же очень волновались, как там в Куито.

А в 6.00 узнали, что в результате обстрела погиб полковник **А. Горб**, мобист, уже в годах, очень спокойный, добрый и обходительный человек.

Обычно рассуждают, что о мёртвых, мол, плохо не говорят. О нем и о живом и... сейчас сказать можно только хорошее. Его все уважительно называли «Дядько». Он пробыл в Анголе год с небольшим.

Как там это всё получилось, мы не знаем, знаем только одно: не стало хорошего человека. Как в стихах Высоцкого¹⁸: «Смерть самых лучших выбирает и дергает по одному...»¹⁹.

[Тетрадь радиোগрамм]

№ 156 – в Куито

28.11.[1987] – 15.00

Советнику Командующего военным округом

- 1) Получили: 10 лопат, 50 **ПТМ**, 250 противопехотных мин.
- 2) В 12.30 в районе 62⁰ – 16 км рота 1-го Пехотного батальона при проведении разведки нарвалась на засаду. Потерь нет. Расход боеприпасов **М-82** – 16, **Град-П** – 7;
- 3) В 8.00 был обстрел командного пункта из 81-мм миномётов из района 6⁰ – 13 км.
- 4) Организованы все виды разведки, патрули, засады, наблюдательные пункты. Мало личного состава в подразделениях.
- 5) Ставим перед передним краем минные поля на бронеопасных направлениях.
- 6) Завтра конец продуктам в бригаде.

Советник командира бригады

¹⁸ Владимир Семенович Высоцкий (1938–1980) – актер, поэт, писатель, бард. Один из величайших русских поэтов XX века.

¹⁹ Данное стихотворение посвящено писателю, режиссеру, актеру Василию Макаровичу Шукшину (1929–1973).

29.11.1987

Сегодня же в 8.00 утра, как сообщил нам комбриг, группа противника в районе недалеко от обороны 1-й батальона нарвалась на нашу засаду, а, может, ФАПЛА нарвалась на их засаду. Во всяком случае, был сильный бой. В результате этого «сильного» боя один наш ранен, двое пропали без вести, потерял один автомат.

Куда делись эти двое, неизвестно, то ли удрали, то ли погибли...

[Тетрадь радиограмм]

№ 157 – в Куито
29.11.[1987] – 8.20

Советнику Командующего военным округом

1) *Состояние морального духа низкое. Выбито много командиров подразделений младшего звена. Возможность противостоять только УНИТА. Атака [подразделений] ЮАР – сразу все бросят и побегут (курсив авт.)*

2) Вырыты траншеи – 4 рубежа через 2–3 км. Из заграждений поставлены противотанковые мины и противопехотные мины на опасных направлениях. Предстоит большая работа по вырубке секторов для стрельбы и перед передним краем. Мало личного состава в подразделениях.

3) Рубежи контратак пробиты танками до переднего края обороны батальонов.

4) **Артиллерия: БМ-21 – 1, Град-1П – 2** – подготовлены 3 огневых позиции, спланировано огневое поражение противника по рубежам. Мало **ПТС** из артиллерии.

5) **Предложения:**

1. укомплектовать бригаду до штата.
2. ввести расстрел за самостоятельный отход, дезертирство и так далее;
3. ввести систему наград;
4. своевременное обеспечение бригады **МТС**.

5. Я считаю, что двумя укомплектованными бригадами до штата можно держать оборону между реки Куатир и Шамбинга.

Советник командира бригады

№ 158 – в Куито

29.11.[1987] – 8.30

По местной линии операция закончилась уже. До 30 ноября представить отчет за последний этап, а по нашей линии?

№ 159 – в Куито

29.11.[1987] – 17.00

Советнику Командующего военным округом

1) Установили противотанковых мин – 36, противопехотных мин – 72 по рубежу 45° – 15 км, 62° – 11,5 на опасных направлениях.

2) Приступили к отрывке траншей передового рубежа перед минным полем на расстоянии 250–400 м, где будет находиться передовое охранение. Итого будет готово 4 рубежа траншей на всю глубину обороны.

3) Ночью было передвижение машин в направлении истока реки Шамбинга.

4) В 8.00 группа противника нарвалась на засаду в районе истоке реки Куатир. Потерь нет.

Советник командира бригады

№ 160 – в Куито

29.11.[1987] – 18.00

Советнику Командующего военным округом

Я еще раз докладываю. Любые разведывательные группы далее 3–4 км от переднего края не идут. Боятся. Всячески врут. Предпринимают любые средства, чтобы не ходить. Необходима разведка только в составе батальона на данном этапе, чтобы – выяснить что-либо о противнике (курсив авт.).

Советник командира бригады

30.11.1987

Ночь прошла спокойно. Мы с техником из-под **БТРа** решили спать в землянку, справили, так сказать, новоселье. Она довольно большая и просторная, крышу сделали в 3 наката, стены обшили палками, соорудили нары, положили на них матрасы, повесили накомарники. Балдэж!

В 6.00 комбриг отправил 60 человек во главе с командиром 1-й батальона на поиски тех двух пропавших, а также проверить ещё раз тот район, оставить там засаду.

Вечером они вернулись, никого не нашли, но засаду оставили. Разведка наша постоянно докладывает о передвижении колонн автомашин противника от истока Убе и Шамбинга к истоку Куатира, а также о полётах их вертолётов. Что-то они там готовят.

С вечера пошел сильный дождь, хотя до этого он шёл целый день.

[Тетрадь радиограмм]

№ 161 – в Куито

30.11. [1987] – 17.30

Советнику Командующего военным округом

1) 1Пехотный батальон прошел до 5 км на восток, оставил засаду в районе 62⁰ – 16 км до роты и вернулся назад.

2) Наличие **МТС**. Продукты – нет. Медицинского имущества – 76, дизельное топливо – 8700 л, АБ-0.5 заправлен в баках. Масло 30–130 л, 50–200 л.

Личный состав – офицеров 96, сержантов 96, солдат 715, всего 907.

1.12.1987

Дождь, что пошёл вчера с вечера, лил всю ночь. В результате наша землянка протекла и в 3 часа ночи вода стала нам капать прямо в постели, а точнее между ними.

Мы поставили ведро и раздвинули постели, как только

могли. Дождь продолжался весь день, с перерывами. Это начался «мокрый период».

Сегодня 1 декабря, в Союзе – начало зимы, а у нас тут лета. Никаких, правда, изменений он не принес. Мы тут потеряли счёт дням, мотаемся по лесам почти два месяца и что среда, что воскресенье – никакой разницы. В воскресенье, правда, мы моемся и стираемся, а так – обычный день.

Вчера получили телеграмму: подготовить вертолётную площадку. Сначала подумали, что это начальство к нам прилетит. Но сегодня мне удалось узнать, что это – для подвоза нам продуктов.

Вечером 25-я бригада сообщила, что с 16.00 до 17.30 противник обстреливал их КП из 155-мм орудий, а в 19.00 в районе истока Убе они слышали шум вертолётa.

2.12.1987

Сегодня в 15 часов к нам прибыла комиссия во главе с майором генерального штаба ФАПЛА, для оценки создавшегося положения и проверки организации обороны. Вместе с комиссией прибыли начальники служб округа.

Сначала было заслушивание командира бригады, его решение на оборону. Завтра поедem на оборону батальонов.

Комиссия эта уже побывала в стоящих рядом с нами 25-й и 59-й бригадах. Сообщила, что там юаровцы уже предпринимали попытки прорвать оборону, но бригады сумели отбиться. 59-я бригада подожгла 2 **AML-90**, а 25-я бригада нанесла противнику большой урон в живой силе.

[Тетрадь радиограмм]

№ 164 – в Куито

02.12.[1987] – 12.00

Советнику Командующего военным округом

1) Разведывательная группа № 1 работает по правому берегу реки Куатир на удалении до 5–6 км от реки.

2) На все попытки провести разведку на восток разведка натывается на засады и на противника. Дальше 4–5 км от переднего края не может пройти. Постоянно слышно передвижение техники в направлении реки Кузумбии и реки Шамбинго.

3) Для отправки машин за продовольствием не было команды.

4) Как обстоят дела с ремонтом эвакуированной артиллерии, танков и т.д. Когда они будут направлены в бригаду, а также и выздоровевшие раненные.

Советник командира бригады

3.12.1987

Сегодня с утра и до обеда ходили по обороне с комиссией. Вскрыты недостатки, указаны их причины.

В 14 часов было подведение итогов работы комиссии. Представили свои доклады начальники служб округа.

Перед подведением итогов слушали пресс-конференцию в Луанде, устроенную для ангольских и иностранных журналистов. На ней выступал тот самый капитан-унитовец, которого наша бригада взяла в плен на реке Убе 16 ноября.

Как я уже говорил, он был начальником снабжения всей юаровской группировки, действующей в нашем районе. Рассказал много интересного: о действиях юаровцев против 16-й бригады, тактической группы, 21-й бригады (т.е. против нас). Сказал, что в одном из сбитых ангольцами самолётов погиб юаровский полковник-инструктор, один из юаровских асов.

На этом я заканчиваю сию летопись. Пока у нас всё спокойно стоим в лесу, ждем возможного нападения противника, что будет дальше не знаем. Писем из дома не получали 1,5 месяца.

Валерий Васильевич!

Очень вас прошу, эта тетрадь только для Вас, никому её не показывайте, особенно, маме. Валентин Матвейчук должен Вам передать письмо и эту тетрадь.

У меня пока всё нормально, если не считать контузии и вывихнутого плеча. Но это пройдёт. Для всех остальных скажите, пожалуйста, что я в Менонге, потому что

обстановка здесь оставляет желать лучшего. Впрочем, Валентин должен Вам всё рассказать. Ещё попрошу Вас: возьмите у мамы чеки и купите мне такой же маленький магнитофон, какой у меня был, а то мой уже готов²⁰! Пока всё.

До свидания. Всем привет. Игорь

Песня, написанная автором в декабре 1987 года в Куито-Куанавале

Куито, Ломба – там мы воевали,
Своею жизнью часто рисковали
Снаряды там летали, мины рвались,
Нам страшно было, но не испугались.
 Мы знали лишь одно – нам надо выжить.
 Вернуться всем домой, обнять любимых.
 Мы верили, что нас там ждут и любят
 И если что случится – не забудут.
УНИТА нас долбила слева, справа,
И не свёрнешь, тут яма, там канава.
И самолёты из ЮАР летали
И бомбы нам на головы кидали.

Первый обстрел на 19 км от Куито-Куанавале
11.10 4 миномётных выстрела
10.10 13.30 подошли к минному полю
11.10. 6.30 – обстрел зажигательными минами
11.10 – 2 воздушные цели
2.30 – воздушные цели
15.35 – обстрел колонны и бой
12.10 6.45 – обстрел колонны
10.40 – авиация
13.10 5.10, 12, 15, 17 – налёт авиации
14. 8.15 – авиация
14.20 – обстрел на марше.

²⁰ Готов (жаргон) – сломался, умер.

Состав группы советников 21ПБр

с 1 октября:

1. подполковник **Артёменко** Анатолий Михайлович – советник командира бригады
2. подполковник **Сущенко** Юрий Павлович – советник начальника артиллерии
3. младший лейтенант **Ждаркин** Игорь Анатольевич – переводчик
4. прапорщик **Фатьянов** Александр Михайлович – специалист-техник

с 9 октября прибыли:

1. майор **Дивеев** Константин Рашидович
2. капитан **Вислобоков** Вячеслав (специалисты **ЗРК «Оса-АК»** убыли 18.11.1987)

Потери 21ПБр за операцию (даны на 18.12.1987):

	Офицеров	Сержантов	Солдат	Всего
Убито	15	13	107	135
Ранено	55	50	365	469
Пропало без вести	2	4	19	25
Дезертиры	2	15	95	112

Техника и вооружение:

Подбито и уничтожено противником 4 танка **Т-54**, 5 автомашин **ЕЕ-25**, 1 **ТММ**, 1 **ТЗМ «Оса-АК»**, 1 **«Стрела-10»**, 1 **ЗУ-23-2**, 2 орудия **Б-10**, 5 **Град-1П**, 7 **РПГ-7**, 8 **ПКТ**, 29 **РПК**, 34 **АКМ**, 500 кг боеприпасов, 1 миномёт 81-мм.

Потери УНИТА:

	Офицеров	Сержантов	Солдат	Всего
Убито	10	1	42	53
Ранено	50	–	118	168

Захвачено противником и утеряно:

41 АКМ, 11 РПК, 1 АГС-17, 8 РПГ-7, 3 миномёта 82-мм.

Захвачено 4 пленных, в том числе, капитан – начальник тылового снабжения юаровской группировки в провинции Квандо-Кубанго.

Захвачено у противника:

15 АКМ, 1 РПГ-7, 3 миномёта 60-мм, 2 винтовки **Ж-3 (G-3)**, 170 противотанковых ракет, 30 т боеприпасов, 6,5 т мин.

Уничтожено: 3 АМЛ-90, АМЛ-60 (бронетранспортёры войск ЮАР), 3 а/машины «Лендровер», 1 «Samil» (тягач для эвакуации техники).

Состав действующей группировки противника (ЮАР и УНИТА) на территории 6-го военного округа (пр. Квандо-Кубанго):

На границе с ангольской провинцией Квандо-Кубанго сосредоточено 30 тыс. человек л/с, 400 стволов орудий различного калибра, 80 самолётов, 8-я танковая дивизия.

На территории провинции Квандо-Кубанго в районе г.Куито-Куанавале действуют: моторизованная бригада ЮАР, 61-й и 62-й батальоны ЮАР, 32-й батальон головорезов-наемников «Буффало» (в батальоне 12 рот по 100 человек в каждой), 4-й регулярный батальон УНИТА; 5-й регулярный батальон УНИТА; 18-й, 118-й, 275-й батальоны УНИТА по 450 человек в каждом.

Техника и вооружение:

250 бронетранспортёров типа АМЛ-90 (60 единиц), АМЛ-60, «Paniarte» (Панар), «Kasspir», «Ratel», «Samil» (тягач для эвакуации техники). Артиллерия: орудия 106-мм, 107-мм, **Ж-5** и **Ж-6 (G-5, G-6** – 155-мм гаубицы), реактивные установки «Кентрон» и «Валькирия»; 60-мм миномёты, 81-мм миномёты, 120-мм миномёты.

Танки со 100-мм и 105-мм пушками.

Авиация: «**Мираж**», «**Импала**» (Самолёты). «**Алуэтт**», «**Пума**» (вертолёты).

За время операции с 9 октября 21-й бригадой пройдено 300 км.

За это время бригада очень плохо снабжалась материально-техническими средствами, особенно боеприпасами к **БМ-21**, часто были перебои с продуктами.

Потери советских военных советников и специалистов в 6 военном округе (июль – декабрь):

1. июль – подорвался на mine советник командира (СКБР) 59-й бригады (раздроблена нога)

2. 26 сентября – погиб переводчик 21ПБр **Олег Снитко**. Ранено: СКБР **Храмов**, СначПО **Арагелян**, СКБ-на **Дейкин**.

3. 1 ноября – контужены СКБр 21ПБр **Артёменко**, переводчик **Ждаркин**.

4. 26 ноября – смертельно ранен полковник **А.И. Горб** при обстреле «**Валькирией**» г. Куито-Куанавале.

5. 29 октября – получили отравление ОВ на реке Мианей советники и специалисты 59 Пбр (6 чел.).

6. 4 декабря – при обстреле ранен СКБР 59 ПБр **А.Т. Горбач**, двое других контужены.

7. 19 декабря – при обстреле Куито-Куанавале тяжело ранен (раздроблена нога) советник начальника политуправления округа подполковник **Купцов**.

[Тетрадь радиограмм]

№ 185 – в Куито

13.12.[1987] – 10.00

Советнику Командующего военным округом

1) Предполагаю по докладам разведывательной группы, что в районе истока реки Сита наличие базы, так как туда ведёт много троп и путей противника.

2) **Разведывательные группы боятся ходить в указанные им районы разведки, всячески хитрят и врут, включая все категории.**

3) *Рассказывая, показывая, а затем, требуя со своей стороны у местной сделать схему районов обороны взвода, роты, батальона и составить необходимые документы по обороне, начиная от взвода и кончая бригадой, всюду нежелание, одни проблемы: нет карт, бумаги и т.д., начиная от командира бригады и всех остальных.*

4) *Нужна компетентная и строгая комиссия по проверке с конкретными выводами вплоть до снятия с должностей, отдачи под суд за невыполнение приказов.*

Оборудуем новый командный пункт в районе 10⁰ – 9 км.

5) *Подорвалось 2 человека на своих противопехотных минах; эвакуированы в Куито-Куанавале.*

6) *Готовимся на 14 декабря к проведению занятия с КБ, КР по обороне.*

Советник командира бригады

№ 186 – в Куито

13.12.[1987] – 16.00

Советнику Командующего военным округом

С 11 до 12 артиллерийско-миномётный обстрел Расход боеприпасов около: 155 – 10, **М-81** – 20.

№ 187 – в Куито

2) Прибыл **Храмов**, передал ему дела, с первой возможностью прибуду в Куито.

До начала операции офицеров – 123, сержантов – 163, солдат – 1044. Всего 1330.

Состав на 20.11.1987 г. офицеров 96, сержантов – 93, солдат – 716, всего 914.

Потери за операцию (на 18.12.1987):

	Офицеров	Сержантов	Солдат	Всего
Убито	15	13	107	135
Ранено	54	50	365	469
Без вести	2	4	19	25
Дезертиры	2	15	95	112
Эвакуировано в госпиталь	31	30	182	243
Пополнение	21(1)	1	97(301)	119(302)
Состоит на 18.12.1987:				
По списку	139	148	1188	1327
Налицо	122	116	1004	1242
1-й Пехотный батальон	18	19	212	249
2-й Пехотный батальон	21	14	222	257
3-й Пехотный батальон	20	19	222	261

Потери УНИТА: Убито – ранено – пленные – 4.

Состав: 4рб, 18, 118, 275 батальоны.

Артиллерия 106, 107, 81, 60, 120 155, 127 мм, «Кентрон». 5рб, 275, «Буффало», **AML-90**, **AML-60**, «Каспир». Авиация – «Миражи».

[Из тетради радиোগрамм]

В начале операции:

Тр-: Т, **Гр-П** – 6, **Д-30** – 4, **БМ-21** – 2, **ЗУ-23** – 6, **С-2М** – 25/50, **Оса-АК** – 4 Бм,

Техника: 2 **БР1М**, 2 **БТР**, 32 **Е-25**, 5-**Е-50**, 3-**Е-25-АЦ**, 2**ТЗМ-0-АК**, **ТММ-2**, **С-10-4**, **МБ-2-10**

Потери на I этапе:

ФАПЛА:

Убито – 2 офицера, 5 сержантов, 39 солдат = 46; Ранено – 16 офицеров, 19 сержантов, 110 солдат = 145;

Подрыв на минах – 2 сержанта, 4 солдата.

УНИТА:

Убито – 37, ранено – 50;

Личный состав умышленно делал неисправности на технике, вооружении, чтобы не идти на операцию.

II этап. Противник – засады, артиллерийские обстрелы, налеты авиации.

ФАПЛА – потери:

Убито – 0, ранено – 18 офицеров, 14 сержантов, 118 солдат = 150.
[пропали] без вести – 1 офицер, 2 сержанта, 19 солдат = 22.

УНИТА [– потери]:

Убито – 10 офицеров, 1 сержант, 42 солдата = 53.
Ранено – 50 офицеров – 118 солдат = 168.

Очень плохое снабжение:

Материально-техническое снабжение бригады, особенно боеприпасы к [реактивной] артиллерии **БМ-21**, перебои с продуктами. В топливе, которое доставили на снабжение, было много воды.

Предложение:

- 1) доукомплектовать командный пункт личным составом, техникой, вооружением, танками и т.д.
- 2) своевременная эвакуация раненых, так как они отнимали много средств.
- 3) своевременное снабжение **МТС**, продуктами.
- 4) обеспечение средств связи.

Потери вооружения: **АКМ** – 41/34, **РПК** 11/29, **ПКТ** 0/8, **АГС-17** – 1/0, **РПГ-7** – 8/7, **М81** 0/1, **М82** 3/0, **С-10** 0/1, танки 0/4, (захвачено противником/ уничтожено)

Потери:

Техника:

Танки – 3, **Е-25** – 5, **ТЗМ** – 1

УНИТА – потери:

Убито 90, Ранено – 118, пленных – 4, Захвачено: 15 **АК**, 1 **РПГ-9**, 3 **М-60**, 214 – 3, 170 прот.топ.ракет. 30 т боеприпасов, 6,5 т мин.

Уничтожено: 3 **AML-90**, 1 **AML-60**, 3 **Лендровера**, 1 **Самил ФАПЛА** – потери:

Убито – 6 офицеров, 10 сержантов, 69 солдат = 85

Ранено – 34, 33 226 = 293

34 **АКМ**, 29 **РПК**, 28 **ПКТ**, 7 **РПГ-7**, 1 **Б-10**, 500 кг боеприпасов, 1

ЗУ-23, 1 **С-2м**, 5 **Гр-П**, 2 **Б-10**, 1 **Е-25** – отправлено в ремонт
4 **Е-25**, 1 **ТММ**, 1 **ТЗМО-А**, 4 танка.

Расход топлива ДГ-34+45 т = 79 т

АБ-3,8+8,8 т = 12,6 т

Мы много говорим об интернациональной помощи, ещё больше её оказываем и делаем, а что сделано для интернационалистов, для тех, кто своим трудом всё это делает. Хотя бы знак какой ввели или медаль, указывающие, что этот товарищ выполнял интернациональный долг.

**Комментарии автора, записанные
28 октября 2000 г., 25 ноября 2000 г.
и 6 октября 2001 г.**

[– **Как проходила подготовка к Анголе?**

– Хотелось бы остановиться на таком очень важном и, подчас, довольно сложном моменте – как осуществлялась подготовка наших людей для службы в Анголе. Люди, разумеется, приезжали со всего бывшего Советского Союза, из всех военных округов, начиная с Калининграда, Мурманска, Кушки и заканчивая Камчаткой и Курильскими островами.

Приходили разнарядки на округа – нужно столько-то человек, в спецкомандировку, в такую-то страну – тогда было много стран, куда ездили наши военспецы. Везде были нужны наши специалисты – артиллеристы, штабисты, пехота, военные переводчики и так далее.

Разумеется, «проскакивали» и блатные (как мы их называли «по мазе»), но, тем не менее, отбор был очень тщательный, и проходил он в несколько этапов: начиная с военного округа и заканчивая уже Москвой, Генеральным штабом.

И, разумеется, надо отдать должное нашему Генштабу – прилагались серьёзные усилия, чтобы подготовить людей к службе, особенно в странах с жарким климатом. Естественно, старались отбирать людей, которые по здоровью проходили, потому что, как говорится, служба там не сахар – одни болезни чего стоят, не говоря уже про войну.

Набор болезней был самый разнообразный – малярия и жёлтая лихорадка, гепатит и амёбная дизентерия, и чего там только не было – если перечислять, то солидный список получится. *(Военнослужащим делались соответствующие прививки, обращалось внимание на вопросы санитарии и личной гигиены.)*

Поэтому в Генштабе проводились занятия по целому ряду тем и вопросов.

Едут люди, например, в Анголу. Ангола – расположена в Южном полушарии, граничит с Намибией, Замбией, и т.д. Население столько-то, независимость получила тогда-то, общественный строй такой-то, государственный язык – португальский и так далее, и тому подобное.

Ну, само собой разумеется, – жаркий климат и влажность. Сезон дождей – то, что совершенно отсутствует, например, у нас, в России.

Другое дело, что, не смотря на все эти занятия, несмотря на то, что прилагались серьёзные усилия, чтобы людей подготовить, разумеется, люди все-таки ехали в страну довольно неподготовленные. Я имею в виду, вот в каком плане.

Я сам в этом лично убедился, и скажем так, «прозрел», уже, будучи в стране. То есть – что такое знать, что Ангола расположена там-то, в таком то полушарии и омывается таким – то океаном. Это же самые общие понятия.

Дело ещё в том, что надо же знать традиции и обычаи народа, и что из себя вообще эти люди представляют. Что за человек, например, анголец? Как он чувствует себя в своей стране, и как он мыслит. Они же мыслят совершенно не так как мы, то есть, не так как мы привыкли. И, вообще, там же всё практически по-другому, совсем не так как у нас, как мы привыкли.

Потому то и ошибки здесь допускались. Хотя, конечно, не только с нашей, советской стороны – и теми же англичанами допускались такие же ошибки, и французами, и бельгийцами в своих колониях, и кем только не допускались.

Потому что пытались всех «построить» по своему образцу. Вот мы живем, например, во Франции – пусть теперь вы станете жить как во Франции. И то же самое, приблизительно происходило в Анголе и со стороны Советского Союза – вот у нас есть социалистический строй, у нас есть Советский народ – общность. Как бы теперь в Анголе точно то же создать, и чтобы у вас это красиво получилось: стали вы страной социалистической ориентации – будьте такими, как мы советуем.

А дело просто в том, что когда приезжают специалисты высокого уровня, которые долго и детально изучали страну, традиции и обычаи, которые советовали как поступать нашим генеральным секретарям или Министерству иностранных дел – здесь всё понятно. Но, представьте – приезжает простой военный, который по жизни танкист, пехотинец, артиллерист, десантник и служил он где-нибудь в Забайкалье. И тут вдруг он попадает в Анголу.

Что он знает об этих людях? Это не его вина, что он практически о них ничего не знает. Кто, когда и что ему об этом рассказывал? Может быть, он до того эту страну и на карте не мог бы найти – где она находится эта самая Ангола?

И вот он приезжает – и начинает учить тех же ангольцев, как бы он учил наших обычных советских солдат. С советским то солдатом всё нормально, всё получается, потому что и по-русски он говорит, и понимает он всё. И идеология одна, и образ жизни один, а уж если чего не понимает, то и объяснить ему можно, причём самыми доходчивыми способами. Но в Анголе то совершенно все другое, да и не все объяснить могли.

Кстати, должен отметить, что, например те же самые ангольцы очень хорошо относились к нашим переводчикам.

– Почему?

– Потому что переводчики знали язык, знали обычаи, традиции народа. С переводчиками можно было элементарно поговорить о том, о сём, что-то обсудить, а то и спросить совета.

И с очень большим уважением те же ангольцы относились к нашим советникам, специалистам, которые не только были мастерами своего дела, но и могли говорить по-португальски. То есть, каким-то образом, хоть как-то, хоть немного, но могли объясняться с ангольцами. К ним *уже* отношение было совершенно другое!

Но, возвращаясь к знанию местных традиций и общению – главное во всем этом было знание языка. Кто не знал языка, тот чувствовал себя за рубежом просто ужасно.

Но, к чести наших советников и специалистов – практически большинство из них к концу своего пребывания довольно сносно могли объясняться на португальском языке. Во всяком случае, хотя бы в рамках своей работы.

И даже могли работать иногда и без переводчика объяснять ангольцам, что и как делать. Но, разумеется, на серьёзных больших мероприятиях переводчик был просто необходим.

Опять же, могу сказать, что ангольцы с уважением относились к нашим специалистам и советникам, которые мало того, что хорошо соображали – ангольцы они же не слепые, они видели, что наш советник или специалист разбирается в чём-то – но он еще и по-португальски может это объяснить. А это, в свою очередь, повышало имидж наших специалистов.

Я знавал больше десятка наших спецов, которые очень грамотно говорили на португальском языке. Ну, разумеется, какие-то там склонения и спряжения они путали, но, в основном, говорили грамотно.

Почему я так остановился на этом? Потому что, когда мы только приехали в Анголу – переводчики, которые уже по году пробыли или по два, посвятили нам несколько вече-

ров «по поводу разъяснения международного положения», как они шутили. Собирались, пили пиво или лимонад, то есть, была обычная вечеринка. И объясняли, что и как надо делать.

Самое главное, учили они – это контакт переводчика с местным населением. Потому что, если не будет такого контакта переводчика с местным населением и с подсоветной²¹ стороной, то есть с ангольскими военными – работы не будет. Если переводчика уважать не будут, а переводчика должны уважать, прежде всего – добра не жди. А если уважают переводчика, то тогда переводчик сможет сгладить какие-нибудь острые углы или неприятные моменты. А уж такие моменты возникали нередко.

Прежде всего, это наш пресловутый русский мат. Дело в том, что немало ангольцев знали русский мат – либо учились где-нибудь у нас в Союзе, либо с советскими специалистами работали, или ещё откуда-нибудь. И более того, что ещё печальнее, они знали значение наших матерных слов, и это иногда приводило к конфликтам. Об этом, кстати, весьма остроумно поведал **Сергей Коломнин** в своей книге «Русский спецназ в Африке».

Вот и у меня был советник, который приехал на работу, вызвал начальника оперативного отдела и стал на него орать, что он не сделал какую-то карту, не подготовил её. Ну, разумеется, я, как мог, переводил, хотя негр видел, что советник на него орет. Но я говорил, что анголец не прав, что безобразник, негодяй и так далее. Ну, вообще старался что-то сгладить, хотя и так по эмоциям было понятно, что о нём думает советник.

Но в итоге получилось буквально следующее – советник, перемежая все это «раскудрить твою через коромысло», выразился «тудыть твою мать», после чего анголец вскочил, вспылил – закричал: «Не надо трогать мою мать, она уже умерла», – и убежал.

²¹ Подсоветной – принимающей советы.

А дело просто в том, что у него на камуфляже булавкой была приколата чёрная материя. Это означало, что он носил траур. У него мать буквально недавно умерла. А он знал значение дословно – что такое «тудить твою мать».

И вот он убежал, крикнув это всё. Меня советник спрашивает – что он говорит? Я отвечаю – вы задели его, видите ли, мать у него недавно умерла. На что советник мне: «Какая мать, причём здесь мать?» Ну, разумеется, он даже и не заметил, что так выразился. И в итоге, конечно, оказался виноват переводчик, как это обычно бывало. Было потом сказано, что это, мол, Игорь что-то не так перевел.

Хотя, во многих случаях русский мат помогал, когда не хватало португальских слов, а русский мат – слов всего лишь пяток, зато какие из них комбинации. Ангольцы всю эту матерно-португальскую «взрывную смесь» понимали, и с нашими советниками и специалистами общались довольно таки неплохо. То есть, некоторую положительную роль он всё-таки играл.

Такие дела. Это конечно очень интересный момент, и я говорю – когда этих моментов не знаешь – конфликты могут назреть самые, что ни на есть, разнообразные.

– **Почему?**

– Потому что ясное дело – надо не только уметь обслуживать технику или писать штабные документы. Тем же ангольцам хотелось просто знать, а что думает специалист, советник, переводчик по тому или иному вопросу. То есть, чисто человеческое общение. Иногда и, действительно, необходимо было проводить с ними «политинформацию», иногда «забить» их лозунгами, пристыдить, а порой то и просто **поговорить по-людски**, а то и рассказать что-нибудь из своей жизни.

Это было, конечно, очень и очень важно. К сожалению, некоторые советники и специалисты как раз вот эти моменты и упускали в своей работе. Подавляющее большинство наших советников и спецов самоотверженно трудились, воевали плечом к плечу с ангольцами, помогали всем, чем

могли. То есть, вроде, и делали все правильно и честно выполняли свой долг, но, подчас, не зная всех этих особенностей, что называется, строения ума того же ангольца, иногда бывало очень трудно добиться результата.

Это то, что касалось условий службы.

Естественно, подготовка наших переводчиков, советников, специалистов очень сильно отличалась друг от друга.

Мы, как переводчики, учась в Военном Институте, постигали не только португальский или персидский или ещё какой-нибудь язык – у нас была специальная наука, которая называлась **военное страноведение**. Это вообще замечательный предмет, по сути дела, военная география, оценка международного положения, плюс изучение традиций, обычаев, культуры страны пребывания. История страны, то есть, что собой представляет эта страна, и как там себя вести. Кроме того, что, конечно, немаловажно – и язык и военное страноведение нам преподавали люди – наши преподаватели, которые «там» (в стране изучаемого языка) уже были по нескольку раз.

Опыт живого свидетеля тех или иных событий, который он передаёт своим ученикам – это самое что ни на есть лучшее. И поэтому переводчики приезжали уже более подготовленными в этом плане, чем военные специалисты.

И то, нам многое приходилось постигать непосредственно там, в стране.

Был ещё один очень неприятный момент – ангольцы очень быстро «просекли» нашу систему жалоб, на удивление быстро. И в случае чего, если им советник не нравился или требовал с них слишком строго (а наши специалисты, которые действительно хотели что-то реально изменить, то есть, чтобы лучше организовать работу, начинали требовать с ленивых ангольцев) – разумеется, те передавали сразу по своей линии, наверх жалобу – что вот такой-то советник, специалист – совершенно негодящий, и предмет свой не знает. Водку пьёт – очень они это любили писать. Водку пьёт в рабочее время – хотя человек, может быть, с почками

или печенью мается, и пить не может. Надо его заменить. И наши этому верили безоглядно, – вызывали и пропесочивали – партийное собрание, профсоюзное собрание – всё что угодно.

Но до высылки в Союз дело, конечно, не доходило – разве что, если совсем уж безобразный случай – например, когда сбили ребенка насмерть или перебили по пьянке кучу машин. Тогда в течение 24 часов сразу в Союз отсылали – и нет вопросов.

– **Первые впечатления об Анголе?**

– Мы приехали в Анголу втроем – **Петя Ивановский, Слава Барабуля** и я. Мы все были младшими лейтенантами, прилетели 1 августа 1986 года. Конечно, сначала страх разбирал, особенно когда мы летели. Все-таки первый раз в иностранное государство. И в какое иностранное государство – не куда-нибудь во Францию, Англию или США, а в Анголу – «тихий ужас!», честно говоря.

И когда прилетели, конечно, первые впечатления были, скажем так, ошеломляющие, совершенно непохожие на то, что было у нас в стране, иногда даже непохоже на то, что нам рассказывали про эту страну.

Во-первых, когда мы совершили посадку в аэропорту имени 4-го Февраля, мы увидели краснозем – красно-бурую и темно-бурую землю, всю усеянную какими-то перекорёженными машинами, запчастями, бумажками, обломками. Самый натуральный «срач», по другому не назовешь.

Потом к самолёту подогнали трап. Этот трап был заржавленный, грязный, вообще какой то «левый». Подали автобус доехать до аэропорта. Я вышел с сумкой – и... не решился её поставить на пол, а поставил её себе на ноги. И так мы доехали до аэропорта – схватиться за поручни автобуса я тоже не решился. Мы просто схватились за Петю Ивановского и так, держась за него, доехали до аэропорта.

Я был просто шокирован тем, что увидел в аэропорту – на ужасающе грязном, заплёванном полу сидят чумазые, оборванные женщины и дети. Мешки, какие-то баулы, в об-

щем, чёрт знает что! Кое-как мы прошли мимо всего этого. Подошли – увидели транспортёр, который должен был наш багаж выдавать – мне стало немножко плохо – как мой чемодан поедет по этому грязному транспортёру. Мы лихорадочно хватали свои вещи, чтобы они поменьше лежали на этом транспортёре.

Слава Богу, тут же приехали наши встречающие из миссии, пригнали автобус для нашей группы. Нас, конечно же, ждали, им про нас все сообщили, как положено, и мы поехали по улицам Луанды.

Это было тоже, конечно, что-то. То есть, вроде бы асфальт, но в асфальте дырки, по бокам от основной дороги какие-то грязные непонятные стены. Мусорные свалки, на земле грязные лужи, что-то в них валяется. Оборванные люди ходят, тоже грязные. Мрак!

Первые две недели мы с **Петей Ивановским** были под Луандой в центре подготовки командос. А **Слава Барабуля** буквально на третий день улетел на север страны, в провинцию Уиже ...

– **Почему было сначала сложно переводить ангольцев?**

– Прежде всего, мы учили всё-таки, литературный португальский, а многие ангольцы говорили на «калау» – местном жаргоне, который очень отличался от литературного языка. Но это дело было поправимое, жаргон мы довольно быстро освоили.

Другой момент – вот подходит к нам анголец и начинает говорить: сначала он «отлопочет» всё что хочет, а потом надо вычленить основную мысль и её переводить. Он может рассказать что угодно – начиная с борьбы против колониализма или с эпохи открытия Анголы. А в итоге – он подошел попросить сигарету. Но он расскажет о том, как он воевал в партизанских отрядах, как Анголе было трудно, и как Советский Союз им помогал и так далее – уж чего-чего, а болтать они научились – наши замполиты, видимо, постарались.

Вот как-то поначалу это не срабатывало. Потому что анголец начинает что-то говорить, наш спец сразу спрашивает: что, что он хочет? Начинаешь ему этот бред переводить. Спец наш стоит, хлопает глазами, не может понять – в чём дело, при чем здесь он и так далее? А в итоге, оказывается, анголец у него сигарету попросил.

Ну, или такие моменты в центре подготовки, где были организованы занятия по огневой подготовке, вождение боевых машин и так далее. Захотелось, пардон, по простой надобности. Я спрашиваю – куда сходить в туалет? На что слышу – да чего там, иди за куст – вся страна – туалет. То же немножко шокирующе.

Отработали мы там две недели. А потом наш старший референт-переводчик, когда все это дело закончилось, говорит: «Ну что? Посылаю вас на самый юг. Ты, **Петро** – на **Ивановского** – поедешь в 19-ю бригаду в **Мулондо**. А ты **Игорь**, говорит, будешь служить в зенитно-ракетном дивизионе «**Квадрат**», при этой бригаде». И полетели мы на юг.

– **На чём?**

– Там летали **Ил-76**, **Ан-12**, **Ан-22**, **Ан-24** военный вариант – то есть **Ан-26** – «грузовик» (военно-транспортный самолёт). **Ан-24** и **Ан-26**, они были, в основном, конечно, под какие-нибудь особые цели – возить начальство или важные грузы, или еще чего-нибудь. А так летали **Ан-12** и **Ил-76**.

Долетели мы до **Лубанго**, это – центр провинции **Уила**. Нас встретили, привезли в миссию. Места очень красивые – котловина между гор, хороший климат. Плато где-то на высоте 1700 м над уровнем моря. Зимой там не холодно, июль-август – это у них зима – температура как у нас, а летом там не очень жарко. Потому что всё находится в котловине – **Лубанго** и окружающая его местность.

Я не могу сказать то же про всю провинцию, потому что буквально сто км отъезжаешь от **Лубанго** – и всё: там совершенно другой климат. Наша бригада, например, располагалась на берегу реки **Кунене** – одной из крупнейших рек Анголы.

И ещё, как нам говорили, во время Второй мировой войны в Лубанго был санаторий для фашистских лётчиков, асов Люфтваффе. Вот такой интересный факт.

– **Где эти лётчики воевали?**

– Не знаю, где они воевали, их туда отправляли отдыхать, вероятно, из корпуса Роммеля. Поскольку Португалия была хотя и нейтральной, но фашистской страной, потому что Салазар там правил, как Франко в Испании. Во всяком случае, они предоставляли свои территории, свои базы и так далее, и фашистские асы там отдыхали. Поэтому Лубанго был даже тогда, когда мы туда приехали, а прошло уже 11 лет после объявления независимости, ещё довольно чистенький городок. Конечно, там было уже не то, что когда-то при португальцах, но были видны следы бывшей нормальной приличной жизни.

Как нам рассказывали, при португальцах там асфальт и тротуар мыли щётками с мылом. Причём ангольцы допускались с пяти до шести утра – прибраться в городе, почистить, подмести тротуары с асфальтом, после чего им предписывалось покинуть город.

Вообще при португальцах это было место отдыха, и тех же португальцев и туристов из разных европейских стран. Я просто хочу в этом плане остановиться на таком моменте – португальцы свои колонии использовали, в основном, для собственного удовольствия. То есть, в отличие от Англии, Франции, Испании, Бельгии и прочих, они развивали в своих колониях, в основном, только добывающую и обрабатывающую промышленность, а страну для своего собственного «кайфа» оставляли.

Например, живет португалец, на фазенде (поместье) где-нибудь в глубине страны. Надоело ему летать на вертолёте, он взял и через джунгли проложил дорогу. Запросто. Сколько я такого видел в Анголе...

Я говорю – португальцы строили страну для кайфа, для своего собственного удовольствия, чтобы **именно отдыхать**. И должен заметить, что в отличие от всех других ко-

лоний – мне это говорили сами ангольцы – особой злобы против своих бывших колонизаторов не было, нет и сейчас. Хотя, конечно, были и перехлесты – это исторический факт, что немало португальцев было вырезано в Анголе (в Мозамбике – не очень много). Но особо резких выступлений не было. Потому что португальцы вели «политику кнута и пряника».

То есть, они «прикармливали» население политикой «**ассимиляду**». Если анголец «забывал» свой родной язык и своё племя, и соглашался стать гражданином Португалии – его посылали учиться, даже в Португалию, после чего он должен был поддерживать политику Португалии в собственной стране. Из таких «ассимилядуш» вышли и первый президент Анголы **Агостиньо Нето**, и нынешний президент **Жозе Эдуарду Душ Сантуш**...

...И вот мы прибыли в Лубанго, с нами был еще **Володя Корольков**, наш сокурсник, он потом поехал служить во 2-ю бригаду в **Кахаму**.

Нас встретил советник начальника политотдела округа. Совершенно уникальная фигура – про него можно рассказывать и рассказывать – мы его называли «из славной когорты стотысячников». Поскольку за три года и четыре месяца пребывания в Анголе он с женой заработал больше ста тысяч чеков. Причём сам вместе с женой умудрялся жить в месяц на пять долларов. Ездил по ангольским складам, собирал там вонючую рыбу, консервы различные, в общем, кормился с этих складов.

И вот этот замполит – полковник старенький – усадил нас и начал с нами «проводить политзанятия» – куда мы попали, и что нам можно здесь, а чего нельзя.

Прежде всего, наставлял он нас – опасайтесь, конечно, болезней. Понятное дело, здесь война, обстановка напряжённая, но это ещё как-то можно терпеть, но вот малярия – это да. Малярия, амёбная дизентерия, гепатиты и чего только нет. Но, правда, мы всё это слышали ещё в Луанде. Профилактика, говорил, совершенно конкретно – Деллагил,

пейте его по системе. Вот до этого, месяца за два увезли нашего советника с церебральной малярией (мозговой малярией). Это ужасная вещь – как в том анекдоте – или умирают или дураками становятся. Это, действительно, был реальный факт, церебральная малярия – страшная, конечно, болезнь.

– Опять же отношения с женщинами – сразу за это в 24 часа высылают в Союз. Но это ещё ладно – если вы, не дай Бог, здесь что-нибудь подцепите – то это будет уже, конечно, вам же хуже.

И это действительно так и было, потому что за некоторое время до нашего приезда увезли двух наших – один советник, подполковник, а другой – солдат срочной службы. У них разнесло мошонку. С женщинами общались местными и подцепили «Гонконгскую розу», как её называют. Совершенно непонятно, что за сочетание болезней – потому что в госпиталях и в Лубанго и в Луанде – делали-делали им анализы, ничего не могли понять (то показания гонореи, то они исчезают и появляются показатели сифилиса и других венерических заболеваний). И так их и отправили. Дальнейшую судьбу их я, к сожалению, не знаю.

Таким образом, он говорил про реальные, в общем-то, вещи. Проще говоря – ведите себя прилично, «матом не ругайтесь, в постели не курите, и дорогу переходите только на зелёный свет». Иными словами, мозги он нам «пылесосил» больше двух часов. Мы там, можно сказать, и вспотели и высохли по несколько раз.

Володя Корольков практически тут же уехал, потому что в Кахаму ехать было недалеко – приехали за ним советники и его отправили.

А мы с **Петей Ивановским** пробыли ещё три дня, когда приехали советники уже из нашей бригады – советник начальника тыла – **Виктор Владимирович** – он потом погиб в автокатастрофе, Царство ему небесное, и переводчик наш приехал, которого непосредственно **Петя Ивановский** менял.

А в «Квадрате» переводчика не было – вот я и ехал туда, поскольку до этого один переводчик работал и на «Квадрат» и на бригаду.

– **Фамилия Виктора Владимировича (который потом погиб)?**

– Я не помню. Он очень любил читать «на сон грядущий», а у нас рядом стояли кровати, и под его накомарником была лампа. Но у него была такая лампа, что спать при ней было просто невозможно. Поэтому я обычно завешивался с его стороны одеялом, и то через одеяло всё просвечивало. Но читал он весьма своеобразно – едва прочитывал страницу – полторы и раздавался храп.

Я говорю – **Виктор Владимирович!** Ты читаешь или спишь?

– Да читаю – такая интересная книга. Я сейчас немного почитаю и выключу свет.

Ну и через минуту – две снова раздавался храп.

– **Как жили?**

– В домике, где стояли наши обычные армейские кровати. А на кровать накомарник вешали.

– **Сетки на окнах?**

– Сетки на окнах были – но что толку, если двери постоянно открыты, и комары летают.

Все эти спреи – мази – нам наши переводчики-ветераны сказали – плюньте вы на них. Ничего это всё равно не помогает, тем более что вы практически не заметите, как вас укусит комар. Вы пробыли уже несколько дней в Анголе – считайте, комар вас уже укусил. И теперь малярия просто будет ждать благоприятного момента для развития инкубационного периода. Какого момента – просто захлюпал носом, насморк. Для самой первой малярии этого вполне достаточно.

Столовая, то есть обыкновенная **кимбу** – хижина. Большая такая была сделана, покрыта сверху соломой по ангольскому типу, и кухня – то же самое, и там ещё печка. Её сами же и сложили предыдущие наши советники. То есть, быт был уже более-менее налажен.

Баньку свою сделали с парилочкой: обыкновенный корпус ракеты – туда заливалась вода. Печка была сложена в самой баньке – всё это нагревалось.

Помещение для бани делалось из досок. Даже венички были – эвкалиптовые. Не очень далеко от нас – по полдороге на **Маталу** – один из пунктов, который мы проезжали по нашей дороге на Лубанго, как раз была эвкалиптовая роща, там мы венички эти нарывали, привозили и с ними парились.

Я упоминал Маталу – дело в том, что ездили мы до Лубанго не по прямой дороге, по прямой там было около сотни км с небольшим. Но эта прямая дорога шла через национальный парк «Бикуар». А в этом национальном парке «Бикуар» окопались унитовцы. Дорога была заминирована, плюс там ходили банды УНИТА, потому напрямую никто не ездил. Ездили по дороге, которая шла 160 км от нашей бригады до Маталы. Там стоял кубинский танковый батальон, и в Матале была ГЭС, которую этот батальон охранял, а на ГЭС работали наши советские специалисты.

А в том кубинском батальоне – 100 танков (ничего себе батальон, как мы шутили). Танки были **Т-55**, потом кубинцы пригнали более современные танки **Т-62**.

От Лубанго до Маталы дорога шла более-менее нормальная, асфальтовая. Но, правда, с выбоинами, да с ямами. В эти выбоины и ямы УНИТА обычно устанавливала мины, то есть, выбоины и ямы мы старательно все объезжали, по возможности. Вот когда не было возможности объезжать – две сдвоенные дырки в асфальте – тут народ и подрывался.

Но, тем не менее, дорога была более-менее хорошая, и от Лубанго до Маталы можно было добраться довольно быстро.

А вот уже от Маталы до нашего Мулондо дорога была просто ужасная. В основном, она была просёлочная, и только в редких местах асфальт. Там уже мы добирались гораздо дальше.

В Матале, конечно же, заезжали к нашим гражданским

специалистам, которые на ГЭС работали. Хорошие были ребята. Мы у них останавливались, кушали, после чего ехали на фазенду, что-нибудь прикупить из овощей. А на фазендах у нас было несколько знакомых португальцев, которые не убежали в свое время после объявления независимости.

На момент нашего приезда в Анголу (1986 год) там было около 60 тысяч португальцев и много мулатов.

Так вот, эти португальцы жили там королями. Особенно мне запомнился португалец, фамилия его была **Фераж**. Он очень любил, когда его советские называли **Борщ**. Потому что Фераж, как он утверждал, это и есть «Борщ» по-португальски. Он просто «тащился», когда говорили не Фераж, а Борщ.

Мы к нему обычно приезжали – он тут же усаживал нас в тенёчке на стульчиках, или на креслицах плетёных, и щёлкал пальцами. Слуга приносил холодное, как вода ключевая, пиво. И мы сидели, получали удовольствие от этого пива, когда его оставалось немного, он опять щёлкал пальцами, и снова нам приносили пиво. Тут же рядом сидел местный матальский комиссар, который, бедняга, весь вечер сосал одну бутылку, Потому что больше ему не приносили.

Советских Борщ очень любил. Причём самое интересное, что он нам продавал свои овощи и фрукты по государственной цене. Мы были ему, конечно, очень благодарны. Комиссару он продаёт по нормальной, а нам – по государственной. Например, килограмм помидор, три тысячи кванз на рынке стоит, а по госцене – триста кванз.

Вот он нам по госцене и отдавал, без проблем. И всё время просил заезжать. Очень хорошо относился, конечно.

И вот мы, помню, так же выпивали пиво у Феража, в первый раз, когда ехали в бригаду. Можно себе представить, едем в первый раз, в неизвестность – как, чего? Я ещё как-то чувствовал себя более-менее спокойно – ну, думаю – люди знают – почему едут, куда едут.

К тому же, рядом был **Петя Ивановский**, а он старше ме-

ня на пять лет. Петя так уверенно сидел – уже семейный человек, прапорщик бывший. То есть, уже по жизни кое-чего насмотрелся.

Мы задержались сначала у наших специалистов и потом у этого Феража посидели. Однако начинает смеркаться. Я и говорю – **Петро**, как ты думаешь – а когда мы поедем? Да не знаю, отвечает.

Смотрю – они сидят, пиво пьют, разговаривают. А, как я уже говорил, приехал советник начальника тыла бригады, **Виктор Владимирович**, а машину вел **Витёк**, наш солдат срочной службы (к тому же, земляк, из Белоруссии), который очень хорошо говорил по-португальски. Он пробыл в Анголе полтора года, и по-португальски болтал вообще без умолку.

Ну и в конце-концов стемнело, и мы уж после этого поехали.

В полной темноте по дороге. Но, правда, этот солдат, **Витёк**, вёл машину очень уверенно, но всё равно. А мы с Петром, главное дело, сидели в кузове **ГАЗ-66**, автоматы наизготовку, и Бог его знает, где мы едем? А кругом лес и лес, дорога и дорога, джунгли и джунгли – и чёрт его знает, кто там?

Но, правда, на этой дороге были расставлены блокпосты ангольские, однако расстояния между блокпостами были весьма (!) приличные. Таким образом, задача была – проехать от одного блокпоста до другого.

Основной пост был **Шивакуси** – до него было, главное, добраться – там начиналась зона ответственности нашей бригады. Вот так мы и ехали. Я говорю – **Петро** – ё-мое, а мы не могли раньше поехать, как думаешь? Петро как давай выражаться – ему, видать, тоже «весело» было. Но, тем не менее, добрались без приключений, доехали, слава Богу.

Наш первый год прошел в провинции Уила – под Лубанго, на юге Анголы, в 19-й бригаде. Там было такое местечко Мулондо, где стояла 19-я бригада и зенитно-ракетный комплекс «**Квадрат**».

Со мной сначала поработал на «**Квадрате**» другой специалист, майор **Виктор Бойко**, он уже заменялся, в принципе. Очень грамотный, негры его уважали. (Он прибыл в Анголу из Марьиной Горки, что под Минском, и вернуться тоже хотел туда же; по моим сведениям, это ему удалось).

А потом приехал **Николай Николаевич Овчаров**. И вот с ним уже оставшиеся девять месяцев мы и отработали, до моего отпуска в 1987 году.

Бригада стояла в обороне, имела зону ответственности, округ, разумеется, «шарились»²² бандиты, УНИТовцы.

То есть, три бригады перекрывали три основные дороги, которые вели:

одна – на Лубанго и дальше на столицу, на Луанду – это 2-я бригада, которая стояла в Кахаме – дорога шла, прямо из Намибии (там переводчиком был Володя Корольков), другая дорога из Намибии шла на Мулондо и Маталу – наша 19-я бригада,

и третья дорога, где была 35-я бригада – она прикрывала **Тешамутете**.

Вот три основные бригады, которые были в пятом военном округе, то есть, которые перекрывали основные дороги.

На сравнительно недалеком расстоянии от нас находились лагеря намибийских беженцев, которые постоянно подвергались нападениям юаровских спецназовцев – юаровцы приходили, сжигали их.

Едешь, например, за водой в Маталу – лагеря стоят. Другой раз едешь – смотришь – там одни пепелища.

Причём, в 5-м округе из-за присутствия баз СВАПО (Организация освобождения Юго-Западной Африки) и лагерей намибийских беженцев шла весьма «интересная» война.

Командующий группировкой ЮАР писал письма командующему округом, ангольцу. Что-то вроде: «Зачем подерживаете вы СВАПО? На территории вашего округа находятся там-то и там-то базы сваповцев».

²² Шарилась (жаргон) – ходили.

А возле Лубанго был большой центр подготовки сваповцев, бойцов СВАПО. И там работали наши советники и специалисты.

Так вот, командующий юаровской группировкой писал командующему округом ангольскому: «Зачем ты поддерживаешь СВАПО? Если ты будешь продолжать их поддерживать, я в таком-то месте, в такой-то час, такими-то силами совершу такой-то террористический акт».

Самое интересное, что в таком-то месте, в такое-то время это все дело и совершалось. Один из таких знаменитых примеров, когда была взорвана дорога от Лубанго до Намиба – серпантин так называемый.

Это дорога спускается с высоты трёх тысяч с чем-то метров и идёт от Лубанго в сторону Намиба. Прекрасные места (будучи уже в войсках ООН я сделал на серпантине немало фотографий) – там есть так называемая «цветная» скала. Чем она красива – её надо смотреть на восходе солнца. Если мы ездил в Намиб, то выезжали очень-очень рано.

Выезжали, останавливались и смотрели – солнце показывается из-за гор и падает на эту «цветную» скалу. Там из нее источники выходят и красят камни в разные цвета, а под солнцем всё это начинает переливаться. Красота просто необыкновенная.

Длина этой дороги, по-моему, 17 км. И вот на самом трудном горном участке, где с трудом разъезжаются две машины, юаровцы проезд заминировали.

Интересный факт – в это время ехал по этой дороге наш особист²³. Возвращался один из Намиба в Лубанго.

Он едет и видит – какие-то люди в камуфляже копошатся, несколько белых, остальные чёрные. Но камуфляж у них какой-то странный, на фапловский не похожий... Подъезжает, а они уже вот-вот взрывать собираются.

Те видят его – а у него открытая машина – и показывают ему – проезжай.

²³ Особист – сотрудник военной контрразведки.

Он – кто их знает – проехал и вдруг – бу-бух!

Дали ему проехать, а сами после этого рванули.

Вот такие интересные моменты, такая война шла.

Всё это, конечно, может быть и смешно, но от нас дорога на Маталу практически постоянно перерезалась бандформированиями УНИТА, а то и подразделениями армии ЮАР. Они заходили на территорию Анголы, и один раз, например, мы (то есть, наша бригада) вообще больше месяца просидели отрезанными от Лубанго – только радиосвязь оставалась.

Ощущения, конечно, весьма неприятные. Хотя наша 19-я бригада считалась очень сильной.

– **Быт на месте? Занятия спортом?**

– По совету врачей – в Анголе спорт – толкание тяжестей, занятия на турнике и на брусьях – не рекомендовались. Потому что мы уже попали в тяжёлые климатические условия для белого человека, плюс болезни. То есть, рекомендовали такие виды спорта, как плавание, бег трусцой. И спортивные игры типа футбола, волейбола, в общем, не очень напряженные.

У меня с Африки осталась привычка – я очень много пью воды. Это нам там рекомендовали – пить как можно больше жидкости за день, чтобы жидкость вся выходила. То есть, потоотделение, промывание организма и так далее и тому подобное.

А уж если заболел малярией, то практически надо не отрываться от бутылки с водой, чтобы, образно выражаясь, болезнь из тебя выходила.

– **Что делали после утренней работы?**

– Мы возвращались к 12.30, до часу проходил обед, после чего был так называемый «африканский час» – своего рода «сиеста» – народ уходил спать – с часу до половины третьего.

Потом, опять же, помыться и ехать на работу. Я с детства не привык спать днём, и во время этого тихого часа чем-нибудь занимался по хозяйству.

Жизнь, конечно, была интересной – первый раз за рube-

жом, опять же, знаешь язык – тебя понимают, ты понимаешь, что говорят – столько всего познавательного, красивого, великолепного даже, плюс джунгли, горы, плоскогорья, река Кунене.

На реку Кунене мы обычно ездили стирать белье и рыбачить. У всех были удочки. Но когда народу надоедало, тогда использовалась «сапёрная удочка» – бралась взрывчатка или кидалась граната – мы потом становились в реке и собирали рыбу, которая шла поверху.

Донку (оглушенную взрывом и не всплывшую рыбу) трудно было вытаскивать – её обычно собирали позади нас ангольцы. И ныряли и просто стояли в воде, и меня всегда это удивляло – как они её видели – вот стоишь, смотришь – я просто ради интереса – смотрю, не вижу. А он сзади меня стоит и хватает – зрение у них ещё то.

И ночью они очень хорошо видели – причём, даже если ночь была безлунная. Были такие моменты, особенно сначала, ночью сидишь в наряде и надо идти проверять посты.

И вот выходишь, а луны, например, нет, её не видно. У тебя фонарик, всё как положено, идешь к району предполагаемого поста, где должен стоять часовой.

А фонарик боишься включать – на свет ведь тоже стреляют. И вот его окликаешь: «Guarda» – «охранник»! В это время где-нибудь сзади отклик – «Assessor» (советник)! Сердце в пятки – ведь мимо него прошел – он же чёрный, его же не видать. Но он стоит, ждет, когда его окликнут.

Были у нас два сторожевых пса – Рекс и Мунека. Беспородные, но очень здоровые и сильные собаки. Особенно Мунека, который до этого был у кубинцев (Мунека – это по-испански – малыш, кукла), и как-то его кубинец-часовой случайно подстрелил, прострелил ему брюхо.

Мунека уже умирал, когда ехали наши советники и подобрали его – у нас он поправился (хотя брюхо у него гноилось), и тут же, конечно, навел порядок на всей ему подвластной территории. Подрался, разумеется, с Рексом – выяснили кто сильнее.

Они обычно ложились на выходах из домика – у нас было два выхода – основной и второй, где была «ленинская комната» – там был другой выход, где сидел дежурный или помощник.

Обычно Рекс ложился у основного входа, а Мунека со стороны дежурного.

Единственное что, они всегда просились вовнутрь, когда начинали выть гиены. Гиен они очень боялись, потому что гиены собак ненавидит, рвут их на части. И поэтому они сразу просились в дом, а при завываниях гиен съёживались и рычали.

К тому же Мунека «приучил к порядку» ангольцев – рядом с нами было расположение роты военной полиции. А у нас была территория военной миссии – вот наша, а вот их территория.

Негры сперва свободно ходили через нашу территорию. А дело в том, что кубинцы в своё время этого Мунеку как раз в качестве сторожевого пса и научили.

Поначалу это было, конечно, весело – идет анголец, подлетает к нему Мунека, и от бедра до стопы раздирает штанину, после этого ангольцы стали обходить нашу территорию.

– Итак, после обеденного отдыха мы снова ехали на работу. Но **Николай Николаевич**, когда приехал, наши с ним послеобеденные поездки на работу отменил, и, в основном, он занимался чем-нибудь полезным по хозяйству в нашей «миссии».

А уже если надо было ездить в бригаду, то я, разумеется, ездил с советниками бригады по каким-то вопросам.

Было у нас свое стадо коз, а также свиньи. И жил у нас ещё обезьян Кешка – зелёная мартышка, на цепи сидел. Вот такая была, как говорится, живность.

Николай Николаевич был замечательный человек и на все руки мастер, как говорится, от Бога. Даже если он чего-то не знал, он пользовался методом «научного тыка». И у него всё получалось! Ангольцы, когда про него говорили, то

многозначительно поднимали палец и закатывали глаза, приговаривая с придыханием: «Головой работает!». Имя его они произносили с большим уважением.

– **Кто он был по специальности?**

– Специалист ПВО. Зенитно-ракетный комплекс «**Квадрат**». Он тогда был майор. Сам из Гродно, и в Гродно там же и служил. **Николай Николаевич** всегда чинил у нас электричество и движок. Всегда вместе с **Петей Ивановским** что-то там мастерили, что-то делали. Они как-то с **Петром** сразу сдружились, **Петя** тоже был «на все руки от скуки» – и печку сложить, и машину починить, и у свиньи роды принять.

(Ангольцы привезли нам в подарок свинью, а Петро посмотрел на неё и говорит: «Она поросная, скоро рожать будет». И точно, через какое-то время началось. Петро принял роды, поросят обмыл, в тепло положил и за ними потом долго ухаживал...)

Кроме того, **Петро** очень хорошо разбирался в пилюлях и таблетках. Он привёз с собой целый мешок различных лекарственных средств, причём, особенно необходимых в тропических условиях. В общем, можно сказать, что он стал как бы нашим неофициальным доктором, поскольку, если что, все бежали за помощью к нему. Да и я, когда в очередной раз свалился с малярией (а температура была под сорок!), «выкарабкался» только благодаря его умению да сноровке.

Петро Ивановский, как я говорил, работал непосредственно с бригадой, а я – на зенитно-ракетном комплексе «**Квадрат**». Но, конечно, официально или неофициально мы и туда и сюда ездили, работы хватало, даже иногда было невпроворот дел. Потому что, мало ли возникали какие-либо вопросы, так приходилось ехать в бригаду, участвовать в совещаниях, на подготовке операций по зачистке местности, переводить большие письменные тексты, и так далее и тому подобное.

Мы, конечно же, помогали друг другу. Ну, в самом деле,

не буду же я сидеть и смотреть, как **Петро** мучается с огромным переводом (а у меня, например, работы нет), даже просто – из переводческой солидарности. Кроме того, мы с Петром – земляки, он тоже из Белоруссии. Да к тому же из Гомельской области. Даже день рождения у нас был 15 августа, вот только он умудрился родиться на пять лет раньше меня.

*Однажды у нас с **Петром** вышел курьёзный случай, это сейчас мы его вспоминаем со смехом. А тогда ему было не очень то весело.*

Как-то раз, в субботу у нас проходил обычный парко-хозяйственный день. Я был ответственным за туалет: он представлял собой глубокую яму, накрытую досками (с двумя вырезанными отверстиями, которые накрывались деревянными щитками), и огороженную керамическими трубами. Так что, в мои обязанности входило – набрать ведро солярки, вылить её в туалет и бросить туда подожжённую бумажку, чтобы всё прогорело. После этого я закрывал щитки на отверстиях и, обычно, шёл помогать другим нашим спецам в их делах.

*Итак, в этот день, я всё сделал, как и всегда, после чего помог нашему артиллеристу, **Александру Николаевичу**, с его машиной. Закончив дела, мы сидели с ним на скамеечке, грелись на солнышке и умиротворённо болтали о том, о сём.*

Петя в это время пошёл в туалет, немного «подумать», как он говорил. Одет он был в майку и спортивные трусы – так это, совершенно по-домашнему.

*Вдруг, через некоторое время, мы услышали взрыв, после чего послышался восьмизатяжный мат и крики **Ивановско-го**: «Где этот **Ждаркин**? Убью!!!» **Николаич** (артиллерист) сразу всё понял: «Игорь, беги, прячься!»*

*Потом, уже немного успокоившись, Петро сам и рассказал, как было дело. Он пришёл, устроился и закурил сигарету. Настроение у него было самое радужное и безмятежное, он даже замурлыкал какую-то песенку. По прошествии времени сигарета кончилась, **Петро** собрался уходить, а окурок*

хотел бросить вниз, в отверстие, как обычно. Одному Богу известно, что его удержало от этого. Короче, он встал, повернулся к дырке, и только после этого бросил туда «бычок».

Вот только солярка то прогорела не вся! Кроме того, поскольку отверстия были закрыты щитками, там внутри скопилось много газа...

*В итоге, из туалета долбануло так, что **Петра** мало что откинуло назад, так ещё и опалило ему чуб, брови, ресницы, усы и бороду, которую он так холил да лелеял! К тому же, он вдруг представил, что бы случилось, кинь он окурок прямо под себя...*

*...**Петро** метался по миссии как раненый зверь. Хорошо, что я-таки успел убежать и спрятаться в лесу. А то он просто-напросто «разобрал бы меня на части» (бугай то здоровый, чего говорить!)*

О бровях и ресницах думать было нечего: они сгорели напроць. Бороду и усы Пете пришлось сбрить, а причёску основательно укоротить.)

– Работа на «Кубе» («Квадрате») в чём заключалась?

– Дело в том, что когда приехал **Николай Николаевич** – там неисправности стали появляться реже. Во всяком случае, как только **Николай Николаевич** приступил к работе, он тут же провёл, что называется, «смотр войскам». Заставил всех повторить, например, автономный контроль на каждой установке – выполнение каждым членом расчёта своих обязанностей.

Всё проверил. Заставил и начальника штаба дивизиона и командира дивизиона постоянно проводить занятия, чтобы довести действия личного состава буквально до автоматизма.

Я, постоянно переводя, сам многому научился, и мог проводить автономный контроль этой пусковой установки самостоятельно. Разумеется – работа с документами, занятия, естественно, устранение неисправностей.

А **Николай Николаевич**, я говорю, он был очень большой дока во всех этих делах, то есть, он обычно сначала находил неисправность, определял – в каком она блоке, вынимал системный блок и начинал там что-то паять или распаивать или ещё что-то делать – устранять эту неисправность. К тому же, он старался и ангольцам показать и объяснить, какого рода могут быть неисправности, как их вовремя выявлять, что надо для их устранения и т.д. Мы даже провели цикл занятий по основным поломкам и неисправностям на комплексе «**Квадрат**».

Но это, когда я непосредственно работал с **Николаем Николаевичем**, а если, например, ездил с советниками в бригаду, там уж работы было – полон рот: и рисование карт и боевая подготовка, и участие в совещаниях, и письменные и устные переводы – ну, в общем, доставалось, скучать не приходилось.

Потом приехали специалисты по звуковой разведке **Бутеску** и **Саша Осмоловский** (тоже, кстати, из Белоруссии). Сразу было видно, что грамотные люди, знающие свое дело. И мало того, что знающие своё дело, они ещё умели передать свои знания подсоветной стороне. И мало того, что умели, но ещё и желали передать. Мне довелось с ними несколько раз поработать, то есть, присутствовать на их занятиях и переводить. Я видел, как ангольцы сразу тянулись к ним, задавали много вопросов, и как они всё им терпеливо объясняли – как что делать, что куда устанавливать.

Слава Богу, в кадрах наших советских военных советников и специалистов было подавляющее большинство таких людей, хотя конечно встречались и такие, которым было всё «по барабану» или которые были просто некомпетентные, но самое интересное, что негры таких людей очень чётко видели. Так и воспринимали, понятно, человек приехал подзаработать немножко денег – поучиться у него нечему.

Зато к другим, особенно к специалистам технического профиля, они очень тянулись, потому что хотели узнать побольше, получить определённые практические навыки. В этом плане было приятно с такими специалистами рабо-

тать. Больше того, кроме отличного знания своей специальности они ещё старались узнать – как это будет по-португальски. То есть, если нет рядом переводчика, надо ведь было ангольцам объяснить – как это всё выключать, включать, настраивать и так далее.

Вот **Бутеску, Осмоловский, Николай Николаевич Овчаров, Александр Николаевич Земляков** – наш артиллерист – были спецы от Бога. Много было штабистов, которые научили – таки ангольцев рисовать карты: и решение командира на оборону, решение командира на наступление и другие тактические моменты отрабатывать. Я думаю, что ангольцы им до сих пор за это благодарны.

Я очень доволен, что сразу, в первый же год попал в такую «рабочую» обстановку, потому что, одно дело только научиться языку и болтать на нем, а другое – когда непосредственно занимаешься конкретной работой, требующей определённых знаний и навыков. Фактически я сразу, в первый же год, смог непосредственно применить свои знания на практике.

Мы на одногодичных курсах португальского языка проходили предмет – тактику и нам там внушали – вот заучивайте, что нужно знать: рубеж спешивания, рубеж перехода в атаку, развертывание во взводные колонны, в ротные колонны (Боже, там столько дребедени всякой было – это ж тихий ужас какой-то!), а иначе вы не сможете работать.

Да я уже максимум через две недели все эти термины на карте знал, тем более, если с ними постоянно работаешь. А мы всё время носили с собой блокнотики или тетрадочки и если чего не знаешь – тут же записал по-русски и у ангольцев спросил, либо приехал и в словарики посмотрел – как всё это дело по-португальски называется.

У нас наработок много было, к тому же, я привёз с собой тетрадки по всем родам войск, которые я вёл, когда учился в Институте, они мне очень помогли.

Хотя очень трудно было работать с двумя советниками – это артиллерист и замполит.

Артиллерист – Боже! – там по-русски не понимаешь, что он говорит, все эти довороты, углы цели и так далее. И ещё надо это всё на португальский язык переводить.

Но, на наше счастье, большинство ангольских офицеров или учились в Советском Союзе, или их готовили советские специалисты, непосредственно в Анголе их учили, и они понимали по-русски, во всяком случае, основную терминологию.

То есть, если что-то там плохо переводилось, то **Александр Николаевич Земляков** (классный специалист своего дела) говорил это по-русски, но, как мог, старался объяснить, к примеру, описательно. Ангольцы относились к нему с большим уважением. Я также его очень уважал – его и **Николая Николаевича Овчарова** – за их умение, за их сноровку и начитанность.

А с замполитом – там понятно – потому что ворох слов, и это всё нужно перевести. Он говорит минут пять, а ты переводишь всего за две минуты.

– А почему ты так мало сказал? Я вот сколько наговорил, а ты?

А как ему объяснишь? Какое-нибудь мужество или храбрость по-русски, а по-португальски это одно слово «согаем». Да и богаче наш русский язык по словарному запасу, нежели португальский.

А так, в основном, всё шло нормально, быстро всему учились.

Ну и, разумеется, все эти моменты: и по боевому применению, и батальон на зачистку территорий посылали и всё такое прочее. Рейды от нашей бригады проводились постоянно – в ту или другую сторону, в зоне ответственности бригады. Мы их тоже готовили, но сами не ходили, слава Богу.

В общем, первый год прошел очень плодотворно – и в плане языка, и в плане общения с людьми, и в плане приобретения опыта, как военного, так и житейского.

– **Комплекс «Квадрат» что из себя представляет?**

– Это экспортный вариант нашего комплекса **«Куб»**. У нас, в Советском Союзе был комплекс **«Куб»**, и он поставлялся в Анголу. Там была станция управления и четыре ракетных установки. На каждой ракетной установке производился автономный контроль, и все они вместе связывались с центром управления.

– **Радиус?**

– Радиус действия ракет я уже, к сожалению, не помню, но там где стоял **«Квадрат»**, юаровцы предпочитали не летать.

«Квадрат», **«Печора»**, **«Волга»** – всегда были как бельмо на глазу у юаровских самолётов. Они боялись, потому что это действительно очень действенные и эффективные комплексы. И **«Оса-АК»** – автоматический комплекс тоже.

– **«Оса-АК» – автоматический комплекс, что из себя представляет?**

– Это, как мы шутили, тот же самый **«Квадрат»**, но все в одном, – станция управления и сами ракеты.

– **О службе в Куито-Куанавале?**

– В Куито-Куанавале я приехал 10 октября 1987 г., (заменяв в 21-й бригаде умершего от ран **Олега Снитко**, Царство ему небесное!).

Мы вышли на операцию, и на 19-м километре произошел первый обстрел. Когда начался обстрел, колонна остановилась. Какие впечатления? Самые неприятные и поганые, честно скажу, тем более, так близко от Куито-Куанавале.

– **Из чего состояла колонна?**

– Колонна состояла из техники бригады, выстраивалась, обычно, по подразделениям, шла по новым дорогам, впереди пускали танки. На наших глазах, раз пять, наверное, танки взлетали на воздух. Потому что, система какая у УНИТА была – ставится мина противотанковая и под ней два ящика тротила. Просто в лесу. Почему – потому что они знают – мы всё равно здесь пойдём, или сбоку. Так что, идут танки – валят лес, прокладывают дорогу, а там стоит мина и два ящика тротила.

– **А в ящике сколько килограмм?**

– А кто его знает – килограмм двадцать, наверное. На моих глазах – так вот башня танка летела, вертелась, как в замедленной съемке.

– **Танки Т-55 или Т-54? В чем разница?**

В принципе никакой разницы нет – но в стволе у **Т-55** стоит газосборник – отвод газов, как мне объясняли. То есть, когда **Т-54** стреляет, то там внутри кабины можно задохнуться, образно говоря (хотя наш-то солдат все выдерживает, не то, что ангольцы). Когда **Т-55** стреляет, **Т-62** у них вот стоит такая трубка на стволе. Это газоотводник. Вот это очень хорошо. Почему? Потому что стреляй, сколько хочешь – и никогда не задохнёшься. Хотя, обо всем этом надо, разумеется, спрашивать специалистов.

Итак, на 19-м километре у нас был первый обстрел. Я могу честно сказать – я не считаю себя очень трусливым или очень храбрым человеком. Но было весьма неприятное ощущение. Почему – потому что отошли всего-то на 19 км от базы, и вдруг на нас напали.

– **Из чего били?**

– Из всего, что только можно... Это передать невозможно.

По поводу минного поля, которое нам повстречалось. Я вылезая из **БТРа (БТР-60ПБ)**, хочу спрыгнуть. Мы шли двумя колоннами. И мне негр с другой машины кричит – не слазь.

Я говорю – а что такое? Да мы на минном поле. Мы на-ткнулись на минное поле. Я говорю – а где минное поле? Он говорит – везде. То есть, не слазь. Ты что хочешь? Я – ну – пардон, отлить. Он – да ты, мол, прямо с **БТРа**.

В это время вылезает **Юрий Сущенко** – наш артиллерист и говорит. – **Игорь** – как в Афгане. Колесо обоссать, как говорится, или прямо с **БТРа**. Я говорю: понял. Мы там стояли минут сорок. А там до реки **Шамбинги** ехать то всего ничего. И вот так практически все наше движение и происходило.

– **Что ещё было колонне?**

– В колонне были танки, **БТРы**, машины со снаряжением, продовольствием. Ангольцы не ездят без того, чтобы не пожрать. **ГАЗ-66**, **«Энжезы-55»** бразильские (грузовики высокой проходимости). Практически на 70% колонна состояла из этих **«Энжезов»**. В них они везли, что покушать, во что одеться, боеприпасы, конечно, и так далее. Во всяком случае, движение было буквально следующее: пять минут едем, полчаса стоим. Самое смешное, что нас на бреющем полете сопровождала авиация ЮАР и на бреющем же полете, по возможности, расстреливала. Это конечно, ужас непередаваемый! Я об этом писал в своем дневнике.

– **«Стрелы» бесполезны на бреющем?**

– **Стрела-10М, Стрела-1, Стрела-2.** На нашем **БТРе** сидели в очках защитных несколько ангольцев, очень важные, как говорится, «ног под собой не чуяли». Со **«Стрелой»** на плечах. **Стрела-1. Стрела-2 М.**

Первый раз увидел «Стрелистов» – спрашиваю какого хрена вы здесь сидите – чего вам надо.

– А мы вас будем защищать. И «видуха» у них была такая бравая, просто нету сил.

Я говорю – каким образом? Как только налёт **«Миражей»** или **«Импала»** (**«Мираж»** – юаровский истребитель, **«Импала»** – штурмовик, они нашу колонну сопровождали постоянно), я смотрю – а где же эти «стрелисты» (ангольцы)? Нет никого!

Потом, налет заканчивается, слава Богу – я вылезаю. А мы люки на **БТРах** не закрывали.

– **Почему?**

– Потому что если мина или снаряд попадают, то всех размазывает просто по внутренности **БТРа**. То есть, его прикрываешь, но не закрываешь. Вот такой момент... Потому что если его задраить, при прямом попадании мины или чего угодно, всех кто внутри размазывает по плоскостям.

– **А если открыт люк?**

– Если открыт – контузия и ранение осколками.

– **Тяжёлая мина пробивает ли танковую броню?**
– Конечно, 120-мм пробьёт. Я больше скажу – их (юаровские) бронетранспортёры [бронемашины] – **AML-60, AML-90**, с пушкой калибра 60 и 90 мм.

Что же касается пулемётов, то вот наш **КПВТ** калибром 14,5 мм их **БТРы**²⁴ пробивает насквозь, у **AML-60, AML-90** – дальнобойные пушки, а они сами – фанера. То есть, встречаешься с ними в бою – их подбить – в лёгкую. Даже из **КВПТ** – 14,5 мм. Их насквозь прошивает.

– **КВПТ?**

– Это крупнокалиберный пулемёт Владимирова 14,5 мм на башне **БТРа** или **БРДМа**. Обычный пулемёт.

То есть, сами юаровцы его боялись. Но они подъезжали очень близко к нам, и их пушка 90 мм (у южноафриканского **AML-90**) наши танки пробивала.

– **В общем, «Стрелочники» не исполняли свои обязанности?**

Я вылезая после налета – где вы были? Они говорят – так ведь осколки, мы соскочили, так получилось. Я говорю – ребята – я что-то не понял – вы здесь зачем сидите – чтобы нас защищать или от осколков прятаться? И всё, я их после этого прогнал, толку от них никакого не было: как только начинался обстрел или налёт авиации, нет, чтобы стрелять по самолётам, так они сматываются.

– **Возможно ли сбить на бреющем?**

Стрела-1, Стрела-2 м – это вообще универсальный комплекс. Бьет до 3200 м. Это лучше чем **Стингер**²⁵ и дешевле. Наша **Стрела-1, Стрела-2**, а тем более **Стрела-10** – этот комплекс – четыре ракеты, гусеничный. Вообще классика.

²⁴ Строго говоря **AML-60** и **AML-90** (**Эланд-60** и **Эланд-90**) оснащённые казнозарядным миномётом калибра 60 мм (**AML-60**) или пушкой калибра 90 мм (**Эланд-90**) и являются бронемашинами, а не бронетранспортерами (**БТРами**). Их зачастую неверно именуют «колёсными танками» (*прим. ред.-сост.*).

²⁵ **Стингер** впервые успешно применили в Анголе в 1978 (1979?) г. Были сбиты **Ил-76** и **Ан-24**.

Игла-1 и Игла-2, Игла-4 (до 3000 м). То есть, сбивать можно было все что угодно.

– **Не сбивали тогда ангольцы юаровцев почему?**

– Просто трусы были, боялись. С такой-то техникой в руках! Наша техника во всём мире известна и знаменита – я показывал юаровским журналистам недавно снимки – кладбище советской техники в Куито-Куанавале. Они просто обалдели от такого отношения к ней ангольцев.

– **И с такой техникой было не победить?**

– У них был такой же вопрос. Наша российская, советская – неважно какая – это лучшая техника в мире.

– Что я хочу сказать про Куито-Куанавале? Во всех боевых сводках, донесениях и в прессе он назывался «Понту де резиштенсия» (пункт сопротивления). Хочется преклонить голову перед нашими советскими военными, что были там. Они сделали всё возможное и невозможное для того, чтобы хоть как-то ситуацию исправить и выполнить поставленные задачи. Но, к сожалению, они не были властны над ангольцами. Потому что мы все время натывались на какую-то глухую стену. Просто-напросто лбом в стенку бьешься, и больше ничего.

– **Например?**

– Да, было немало ангольцев, душой болевших за дело.

Один из них – подполковник или майор – не помню, приходил к нам и всё время с отчаянием говорил, вы знаете – никто не хочет ничего делать! Такое ощущение, что всем, как говорится, «до фонаря», абсолютно. «*Todo o tempo sabotagem!*» (Все время саботаж). Я хочу что-то сделать. Но вижу только саботаж!

Буквально через пару дней он во главе колонны ангольских войск наткнулся на юаровцев. Как очень храбрый, замечательно храбрый человек, ринулся в бой. И его **БМП** прямым попаданием снаряда уничтожило.

Его, действительно, было очень жалко. Почему – потому что такие люди, конечно, это исключение из общего правила.

У меня было таких исключений несколько.

С 1986 по 1987 год командиром дивизиона «**Квадрат**» в 19-й бригаде под Лубанго, где я служил, был такой **Жоао**. Просто замечательный был человек. Он всё время старался хоть что-то сделать для нас, советских. Чего тут говорить – он же нам вроде ничем не обязан был? А, поди ж ты, постоянно продукты нам привозил, иногда выпивку. Даже женщин нам как-то раз привёз. И говорит – ребята хотите – вот девочки ... Мы говорим, да ты что, нет – нам нельзя и всё такое прочее. Он, бедняга, даже расстроился.

Я ему как-то говорю:

– **Жоао**, ты меня извини, но зачем ты всё это делаешь?

– Да потому что я вас уважаю и люблю. Вы, советские, действительно хотите что-то сделать для нас.

И в то же самое время его начальник оперативного отдела был такая сволочь! Прости меня Господи! Это даже невозможно объяснить. **Жоао** мне говорил: «**Игорь** ты с ним пореже общайся, а ещё лучше, вообще старайся не пересекаться. Он не тот человек, с которым можно общаться». Я говорю – ну, ладно, **Жоао**, пойду с ним поговорю – мало ли.

Я к нему прихожу, начинаю с ним беседовать. И знаешь, что мне объясняет: «Да вы русские – сволочи, я вас ненавижу, и так далее, и тому подобное. Я бы с вами век бы не встречался, если бы не наша общая политика, то, что вы нам поставляете вооружение, специалистов и такое все. Я говорю – подожди, подожди. У тебя какая-то личная неприязнь к нам.

– Я не могу объяснить...

В общем, слово за слово... я, вроде пытаюсь сгладить конфликт, даже в чём-то ему и поддакиваю... А он, гад, всё больше и больше распаляется, вытащил нож, да мне его к горлу то и приставил, я аж обомлел – ничего себе думаю, до чего спор дошёл. Да делать нечего – приемом отвёл нож, его завалил подсечкой, а нож отобрал и отбросил в сторону. Я ему и говорю – знаешь что? Чтобы ты не выступал тут много, да ещё и не по делу – я тебя сейчас убью. Хочешь – вообще без оружия. Меня уже научили, как убивать. Ты меня

достал, и я тебя сейчас ликвидирую «в лёгкую». Он испугался. Он после этого со мной говорил очень вежливо и вообще общался вежливо со всеми нашими советниками. Через некоторое время он уехал, кажется, в Луанду, а ему на замену приехал другой офицер.

Жоао меня потом спрашивал: «А что ты с ним такое сделал? Почему он с тобой стал таким вежливым?» Я говорю – да так, **Жоао**, поговорили мы с ним, о смысле жизни...

– **Где вы жили у Куито-Куанавале?**

– Это был юг Анголы – в Куито-Куанавале, мы жили фактически в джунглях. Причём, даже не в самом Куито, а на 13-м километре от него.

– **Почему?**

– Потому что в самом Куито-Куанавале, как я уже говорил, постоянно были обстрелы. Так что, советская военная миссия переехала из самого Куито на 13-й километр, в земляночный лагерь.

– **Из чего вас обстреливали?**

Из миномётов (81 и 120 мм), из 155-мм гаубиц. Снаряд у неё вот такой от земли (примерно метр длиной). На 47 км летал. Юаровцы подвозили к Куито свои артиллерийские батареи – там были **G-5** и **G-6**.

G-5 – это просто орудие. А **G-6** – самоходные установки.

Поскольку они несколько раз использовали просто орудие **G-5**, то на экране-развертке в «**Печоре**» кубинцы определили их местонахождение. Подняли кубинскую авиацию (**МиГ-23**) и «раздолбали» одну батарею.

И после этого они (южноафриканцы) стали использовать **G-6**. Она мобильная: приехала, сделала несколько залпов и убежала.

Мы много раз попадали под обстрелы, причём не раз они могли для нас плохо закончиться. После этого **Зиновьев Владимир Николаевич** (старший нашей группы «**Печора**») собрал нас, всех специалистов, и сказал: «Ребята – мы сюда приехали не для того, чтобы жизни свои положить (к тому же из-за лени ангольцев!), а чтобы и долг интерна-

циональный выполнить и деньги какие-никакие заработать. Поэтому выезжаем в бригаду в самом крайнем случае».

Это было очень разумно, поскольку артиллерийская и звуковая разведка юаровцев работала первоклассно, надо отдать им должное. На другой стороне реки Куито, на холме сидел юаровский наблюдатель, который передавал координаты обнаруженных целей на свои артиллерийские батареи, после чего юаровцы тут же начинали «долбить». Цели они засекали очень быстро и тут же открывали огонь на поражение. А что касается комплекса **«Печора»** в Куито-Куанавале, то он очень мешал полетам их авиации, которая не могла нормально выполнять поставленные перед ней задачи и, соответственно, обеспечивать поддержку действий своих наземных сил, поэтому его позиции обстреливались постоянно и с завидным упорством. Тем более, на территории **«Печоры»** был заглублённый командный пункт. Когда юаровцы местоположение этого заглубленного **КП** обнаружили, они его «мочили» беспощадно, не жалея боеприпасов.

– **На чем вы ездили?**

– На **ГАЗ-66**. Или **РАФ-2203**²⁶ или **УАЗ**²⁷. Также на **БТРах** и **БРДМах**.

У нас был земляночный городок. Моя личная землянка – на фотографии. Написано «Резервадо» – как мы шутили, зарезервировано специально для нас. Нас там жило трое человек. Когда начались холода, я сделал дверь в этой землянке, мы её завешивали одеялом. В землянке была вытяжка (в форме трубы). Мы вытяжку закрывали, спали под тремя одеялами, и всё равно было холодно. Температура в первый год опускалась до -1°C .

– **Высокогорье?**

– Плато 1700–1800 м над уровнем моря. Ходили в зим-

²⁶ **РАФ-2203** – микроавтобус.

²⁷ **УАЗ-469** (газик) – внедорожник (джип).

них (ангольских) куртках. Ангольцы вообще надевали наши советские военные зимние шапки, завязывали тесёмки под подбородком. Смешно было смотреть – черная физиономия, в советской шапке, вот так завязанной. То есть, одевались мы по-зимнему.

Но это бывало, обычно, вечером и утром, а днем было +25–30°C. Такой вот перепад температур. Что нас спасало – земля прогревалась днём до +30°C. Но утром мы вынуждены были выходить в куртках. То есть, одеваешь обычную солдатскую куртку, под неё или на неё вешаешь лифчик с патронами (если нужно), берешь автомат и пошел. Нас спасали эти куртки, и то, что днем мы прогревались, и земля прогревалась. И вечером обычно, если у нас было это дело (выпивка), мы выпивали и ложились спать, но под три одеяла.

– **Какие ещё обязанности, кроме переводчика?**

– Дело просто в том, что я как переводчик, стал фактически начальником тыла в «Печоре» **С-125**. Ездил, доставал продукты, если удавалось, то что-нибудь послаще и повкуснее, снабжал наших спецов формой, всякими предметами туалета и прочее. Надеюсь, что хоть как-то смог скрасить нашу жизнь там.

Что я хочу ещё сказать? К сожалению, ангольцы – воины настолько никудышные, что даже и говорить не хочется. Мало того, что они просто боялись воевать (особенно, с юаровцами), боялись идти в бой, так они ещё и не хотели делать то, что им говорили советники и специалисты. С боязнью всё понятно, все мы люди – все боимся, но требования уставов надо выполнять, приказы начальников, советы специалистов, я уже не говорю про требования воинской дисциплины, – это вообще святое!

Почему я такое говорю? Меня полгода знали все ангольцы миссии в Куито-Куанавале – Кто такой синьор **Джеронимо**?²⁸ –

²⁸ **Джеронимо (Жеронимо)** – прозвище лейтенанта **И. Ждаркина** в Анголе (в честь знаменитого вождя американских индейцев **Geronimo**).

У меня было такое «*nome de combat*» (боевое имя) – **Джеронимо**.

Почему они меня знали?

Первый раз, когда я заступил помощником дежурного по нашему земляночному городку, я пошёл проверять посты (всё было во время битвы за Куито-Куанавале). Что меня больше всего возмутило – ситуация приблизительно такая – ночь, время примерно два часа. Я иду проверять посты, светит луна, всё ярко освещает на земле.

Стоит негр на посту с автоматом. Дело в том, что у них не было ремней для автоматов, поэтому они их держали в руках. И вот он так стоит, держит в руках автомат (**АКМ**) и спит. Стоя – ни о дерево не оперся, просто стоя спит. Я сначала подумал – ну, может быть, я чего-то не понимаю, кричу ему как обычно: «Гуарда!» (Охрана!) На это должен получить отклик: «Ассессор? Синь, пронту» (Да, готов)

Ничего не звучит (в ответ).

Я думаю – ну ладно, подхожу ближе. «Гуарда!» Опять ничего.

Подхожу прямо к нему, как к тебе сейчас. Беру одной рукой автомат и ему – по челюсти. Он падает, автомат у меня в руках. Я ему говорю: «Спишь что ли?» А он мне: «нет, не сплю».

– Ах ты, такой-разэтакий, и ещё ему, для ума.

Поэтому сразу все ангольцы запомнили, кто такой сеньор **Джеронимо**.

Когда заступал помощник дежурного – все спрашивали – **Джеронимо** или нет. Если да – ну все, улёт. В то время, как я шел проверять посты, все стояли нормально, бодро отвечали. Три поста было. Один – возле нас прямо, возле ПВО. Другой – возле того места, где главный советник жил, и третий – на выходе из нашего лагеря, где мы находились. Все эти посты надо было проверять.

Потом я с полковником **Зиновьевым** договорился (дай Бог ему здоровья!), что не буду больше стоять помощником дежурного, потому что, кроме этого, я был одновре-

менно начальником тылового обеспечения, начальником вещевого службы, начальником кухни. Я все меню составлял для нашей группы в десять человек специалистов ПВО «**Печора**».

Старший округа полковник **Величко** говорил **Зиновьеву** – у тебя там **Ждаркин** такой, переводчик – он набил морду нашему охраннику, тот пожаловался.

Тогда я попросил **Зиновьева**, чтобы он сходил к **Величко**, и меня освободили от нарядов, чтобы я «не бил морду» ангольцам.

Я сказал: больше не буду стоять. А почему? А не хочу. Если **Вы** хотите, чтобы я и дальше их бил – пожалуйста, я буду ходить в наряды и бить морды, вопросов нет.

– Ну, **Игорь**, так нельзя.

– Чего нельзя? – я всё равно буду бить. Почему – потому что ангольцы не выполняют простейших наших распоряжений и нарушают самые элементарные уставные требования. Какое ещё может быть отношение к такому безобразию? Я, как говорится, «не в задницу весь такой военный», я – переводчик, но меня это действительно заботит, это же наша общая безопасность, мне хоть за что-то обидно. Правильно, нет? Надеюсь, вы больше не хотите таких проблем.

Говорю ему: **Владимир Николаевич**, не беспокойтесь. Я всё остальное буду обеспечивать, вы ни о чем заботиться не будете. Проблем вообще ни в чем не будет. Буду нашу группу всем обеспечивать, но вы освободите меня от этой хрени. И он меня освободил.

Да и нашу охрану, то есть тех ангольцев, что охраняли советников и специалистов бригады «**Печора**», с самого начала тоже пришлось немного «построить», несколько они разболтались. Через некоторое время после своего приезда в «**Печору**» я поговорил с сержантом – начальником нашей охраны: проблема, объясняю ему, буквально в следующем, что я вас буду обеспечивать от и до. Но всё будет происходить по принципу «кнута и пряника». Пряника в том смысле, что вы будете иметь всё, что вам потребуется. Но

кнута, если вы, не дай Бог, ослушаетесь меня или кого-либо из специалистов, и не будете выполнять наших распоряжений – вам будет полная, так сказать, задница. Дисциплина – прежде всего!

Кроме того, сказал им – куда бы советские ни поехали – четыре человека с полным снаряжением, с «лифчиками», автоматами и с ножами должны ехать с ними (для охраны в пути).

Помимо всего прочего, я стал их тренировать. У них были хорошие ножи, старые ножи от АКМ, не эти маленькие как сейчас, а старые, длинные, которые можно было метать.

Набрал восемь человек, из них потом осталось четыре, и я их научил метать ножи, немного рукопашному бою и стрелять. То есть, мы с ними брали пустые банки, шли в лес, и я их заставлял стрелять по этим банкам со ста м. Сначала всё было очень плохо – стрелять они не умели, ножи у них не втыкались и т.д. Но потом, шаг за шагом дело пошло, у них стало получаться, они вдруг увидели, что могут это всё делать. Знаешь, какими гордыми они были, плечи расправились, во взглядах уверенность – любо-дорого посмотреть было.

В нашей охране один анголец исполнял роль повара, а другой – убирал со стола и мыл посуду. Они отвечали за все дела на кухне, за порядок, чистоту, расход продуктов. Мы с ними составили список всего, что было у нас на нашем «складе» (продуктов). И они все эти продукты регистрировали (приход, расход, незапланированные траты и т.д.). Наш повар вёл строжайший учет – чего у нас есть, и чего у нас нет. И мне в случае чего докладывал – так, мол, и так – у нас столько банок того-то и того-то.

Картошка по будним дням у нас была только на суп. Повар её чистил, потом мне показывал, загружал её в суп и варил. И только в субботу – воскресенье мы себе позволяли кушать картофельное пюре, жареную картошку или что-нибудь такое.

Кроме того, у нас неслись куры, то есть, мы завели кур. У

нас был там петух, который топтал всех этих кур, и ходил очень довольный, что он один такой, единственный и неповторимый, и везде хозяин.

Мы делали яичницу, к примеру, на завтрак или на ужин, по выходным дням. Одна из куриц обосновалась в землянке моего сокурсника **Славы Барабули**, очень там себя хорошо чувствовала и регулярно неслась. Слава, вообще то, работал в «пехоте», но частенько навевывался кушать к нам в столовую, заодно и яйца той курицы приносил. Никто, конечно, не возражал – наоборот, все ему были только рады.

Всем этим делом заведовал я, как начальник кухни, и **Владимир Николаевич** в эти дела совершенно не вмешивался – он знал, что **Игорь** там всё сделает – то есть, я составлял меню, давал его повару, который непосредственно варил пищу. Кроме того, ездил по складам, выбивал продукты, одежду, предметы обихода и так далее.

*Как-то раз мне переводчик с округа **Саша Сергеев** говорит – **Игорь** – так и так, рыбу поставили. Я говорю – какую рыбу? Да вот с Намиба, прямо с океана свежемороженую рыбу привезли. Я скорее на тыловой пункт управления (ТПУ). Мне там начальник тыла говорит – **Джеронимо**, ты хочешь рыбу мороженую, только что с Намиба прибыла, с побережья.*

– *А сколько там? Он говорит – двадцать килограмм могу тебе выписать.*

Вот это да! Двадцать килограмм – это же четыре больших блока свежемороженой рыбы. И он мне всё это выписывает!

– *А что там ещё есть?*

– *Да, в общем, пока больше ничего.*

– *Ну, если что, ты мне сообщи.*

– *Нет проблем.*

Всё. Мы садимся в машину, едем на склад. А там большой контейнер, покрашенный зелёной краской – анголец его открывает, я ему бумажку и говорю – давай мне двадцать килограмм рыбы. Охранники, со мной приехавшие, быстро за-

бирают рыбу. Я было уже собрался уходить, как тут один из охранников тихонько толкает меня в бок – ассессор, смотри! Поворачиваю голову – а там, немного в глубине контейнера, лежит вот такой огромный кусок мяса, полметра на полметра.

– Так не понял. Это что такое?

Завскладом говорит – мясо.

Я говорю – дай-ка мне, братец, этот кусок мяса.

– Нет. Это – резерв командующего (и сам, видимо, испугался того, что сказал).

– Да отрежь мне кусочек, пожалуйста. А то жрём мы эту тушёнку уже незнамо сколько, прямо поперёк горла стоит.

– Не могу – вздыхает анголец.

И тут начинается обстрел. Снаряды ложатся максимум метров 200 от нас. Он перепугался – всё, закрываю. Я говорю – а мясо, давай мне отрежь.

– Я могу отрезать, но только небольшую часть, но, понимаешь это долго ждать, вот у меня человек ушёл за ножом. Да, видимо, из-за обстрела в землянку залез.

А обстрел всё усиливается, снаряды рвутся, завскладом нервничает.

Я ему опять – давай, нам это мясо, очень благодарны тебе будем (а дверь контейнера не даю ему закрывать).

– Не могу, я послал человека. Вот сейчас он принесёт нож.

Короче, после нескольких снарядов, разорвавшихся уж очень близко, он чуть уже не завопил – да Бог с ним – забирай ты это мясо!

Я – своим охранникам, они – мясо под мышку и к машине. Приезжаем к себе.

– **Где вы хранили у себя скоропортящиеся продукты?**

В огромном холодильнике, он наполовину не работал, но хоть немного холода производил.

Итак, приезжаем. **Владимир Николаевич** подходит к

машине, в кузов смотрит – мол, что-то ещё привёз? А это что такое?

– Как что, мясо.

Он говорит – откуда ты это достал? – Ну, ничего себе!

Так вот, после долгого употребления консервов – и рыбки отведали, и мяса. К сожалению, это были счастливые исключения.

Возвращаясь к меню, очень долго после Анголы я не мог есть гречку, рис, макароны, так их наелся в Анголе. Выбирать-то, всё равно, было не из чего.

Через некоторое время я решил разобраться с обеспечением нашей охраны (уж слишком всё у них было старое, да обтрепанное). Просто взял с собой человек шесть наших охранников, приехал к начальнику тыла бригады («**Печоры**») и сказал – «Смотри, что делается: наша охрана ходит в тряпье, не моется, не бреется, грязью по уши заросла, и так далее. И если ты действительно начальник тыла, то будь добр – обеспечь им нормальное существование».

– Знаешь, спрашиваю его, в чем дело? Мы, то есть, советские специалисты, не сможем нормально работать, если наши охранники не смогут выполнять свои задачи. Соответственно, если мы не сможем нормально работать, то и бригада тоже – вот такая простейшая цепочка закономерностей! Так ему и сказал.

Кстати, нормальный мужик оказался. Он выслушал внимательно, видать, проникся этой идеей и говорит: ну ладно, пошли на склад. На первый раз он выдал мыла, полотенца, носки, майки, трусы, зубную пасту и щётки, расчёски даже и прочую такую ерунду.

Я ему сказал – это что – всё, что ты можешь дать?

– Нет, нет, ты не подумай ничего плохого, вот берите ещё новый камуфляж, ботинки. Приезжай в следующий раз, ещё чего-нибудь выдам.

Я говорю – хорошо, я ведь приеду, жди.

Наши охранники переоделись в новый камуфляж. При-

езжаем мы назад, нас встречает наш старший – **Владимир Николаевич Зиновьев**. Он так смотрит – не понял.

– Это кто?

– Это наши охранники.

– А как это?

Я говорю – ну как же, надо же было людей одеть по-человечески, выдать им всё необходимое.

А наша охрана потом разгуливала по миссии, все такие важные – в новых камуфляжах, с новыми полотенцами на плечах, в волосах расчёски новые, а во рту – зубные щётки.

Теперь – ещё один случай. Как я рассказывал, мы очень долгое время кушали тушёнку. Это была тушёнка самая разнообразная, её поставляли самолётами, вертолётами. Баночки разные – от мелких до очень больших. Были баночки, которые мы называли «собачья радость», мы их открывали и говорили – пошли все на фиг. Мы такую гадость не будем кушать, отдавали их собакам, они их ели с удовольствием (потому так эти консервы и назывались). Я даже так подозреваю, что собаки думали: «Какие хорошие люди, нам тушёнку дают, сами не кушают, о нас заботятся». Иногда отдавали неграм, но это в том случае, если они просили. Вот тоже интересно, ангольцы как и мы нюхали эту гадость – фммм (морщились) – и говорили – нет, мы есть тоже не будем, но женщинам своим отвезём.

Самое смешное, что они ее отвозили своим женщинам. Я при этом присутствовал.

У одного ангольца из нашей охраны была симпатичная женщина в соседней деревне, а нам как раз прислали тушёнку. В длинных банках, по несколько килограмм в каждой. Там была свинина французского производства.

Я её открываю – а там такой запах! Даже не знаю – то ли просрочена была, то ли она такая сама по себе. Я зову ангольца – **Антонио**, иди сюда. Он подходит и нюхает – ой-аа! (тошнит его). Я говорю – что можно сделать с ней. Он говорит – я её отвезу своей мулер (женщине).

Я говорю – а она это вообще воспримет? А он в ответ –

да какая ерунда, она её в воде проварит! Давай машину, поехали. Взяли мы с собой аж 12 банок. Я, кстати, ему говорю, нам прислали двенадцать банок. Он говорит – не, не – так нельзя.

– Что нельзя?

А он – надо хотя бы половину, шесть банок. Ну ладно – ты загрузи в машину 12, а я потом просто шесть заберу.

Короче мы приезжаем на **УАЗике** в эту деревню, она находилась на 25-м километре от Куито-Куанавале. А там как раз обстрел был. Юаровцы подвезли свои гаубицы **G-6** и начали обстреливать.

Я говорю – ну что будем делать – я никуда не пойду! Ну, ерунда – говорит, ты сиди здесь в землянке, а я пойду ее искать.

Глянул я на ту землянку – одно название, яма и больше ничего. Да делать нечего, залез туда – там еще какие-то негры сидели, довольно странные, как мне показалось.

Они говорят – советику – пить будешь? Я говорю – нет уж, ничего я у вас пить не буду. Они говорят – нет, нет – давай, и предлагают свое местное пойло – «капороте».

Мой охранник – сколько он там ходил с шестью банками тушёнки (которые в мешок положил), часа полтора – два – всё это время обстрел был, а я в землянке сидел.

А в машине лежат остальные шесть банок. Ангольцы меня спрашивают – а ведь ты с мясом приехал?

Я говорю – не понял?

– Ну, ты с мясом приехал? У тебя есть банки тушёнки там, в машине?

Я говорю – нет.

Они – да ладно, у тебя в машине лежат.

Я такой удивленный сажу: «Не понял – что вам надо?»

Негры говорят – нам надо закусить.

И говорят: никаких проблем, сейчас мы всё сделаем.

– Что вы сейчас сделаете?

– Сейчас мы твоему парню – он просто не знает, что эта его «мулер» уехала в другую деревню, и бродит по

всей деревне, не может найти её. А мы просто назовем ему место – где она есть, но ты нам за это свои банки отдай.

Я говорю – да зачем мне это нужно, Антонио пусть и бродит себе по деревне.

А они говорят: «А ты иначе отсюда не уедешь».

Как мне стало страшно... Вроде у меня и автомат при себе, лифчик (с патронами)... «А ты иначе отсюда не уедешь».

И кстати о птичках, потом, когда я потом начал интересоваться, оказалось, они были правы.

– **Что ты выяснил?**

– Дело в том, что хоть они и неподвластны УНИТА, но они от неё зависели. Во всём. То есть, получалось приблизительно следующее: что если не придет УНИТА, то придет ФАПЛА.

– **Старались быть нейтральными?**

– Да. И нашим и вашим, без проблем. Например – приходит УНИТА. Они говорят: «Вот вам еда, кушайте».

Приходит ФАПЛА, говорит им: «А вот вы вчера снабжали УНИТА!»

– Нет, нет, мы не снабжали, вот вам, пожалуйста, еда, кушайте.

Итак сию я и думаю: «Ничего себе! А мне-то за что все это? Так разобраться – за что? За их независимость? За их революцию, которая им же самим «триста лет не упала».

Я говорю: «Хорошо, что вам надо?»

Они говорят – вот у тебя там, в машине, лежат шесть банок тушёнки.

– И что?

– Давай их нам.

А они любят, когда с ними торгуются, говорю – две-три банки не больше.

– Нет, шесть.

Я говорю «дулю, две-три банки».

Начали с ними торговаться, как я это делал, вообще не понимаю.

Наконец, вроде, поладили: «Ну ладно – три банки и уезжай куда хочешь».

А я говорю – а где мой человек, с которым я приехал – то?

А они говорят: «А это тебя не должно интересовать, он сам приедет».

Ладно, говорю – пошли со мной. Отдаю им три банки.

Они говорят: «Ты хороший человек, мы тебя знаем, ты – **Джеронимо**. Мы тебя уважаем, поэтому тебя по дороге никто тревожить не будет».

Я говорю: «А кто меня может тревожить?»

«Да наши блокпосты».

Унитовские! Я думаю: «Ни хрена себе! Ну и приключения! Вот попал, как кур в ощи!»

Это уж потом я узнал, что, оказывается, небольшие унитовские отряды «лазили» по всей территории (возле Куито-Куанавале), в зоне ответственности ФАПЛА, подходили к фапловским блокпостам, встречались с ними, брали пищу, а то и сами им давали. А что делать, кушать-то хочется, жизнь есть жизнь!

К тому же по обеим сторонам окопов было немало родственников, что ж они друг друга «мочить» будут? Как мне рассказывали замполиты (и ангольские, и наши), нередко была ситуация, когда в ангольской семье один сын служил в УНИТА, а другой в ФАПЛА... прямо как у нас в гражданскую войну, только вот они не так обострённо это воспринимали. Мол, что поделать, так получилось.

Хотя, конечно, случаи бывали разные..

Например, когда в 1987 году началась операция «Навстречу Октябрю», и ангольские войска пошли громить УНИТА. Цель операции была захватить Мавингу, один из опорных пунктов УНИТА.

Трудно объяснить, чем была на тот момент вызвана такая ярость бойцов ФАПЛА против унитовцев, но было немало случаев, когда пленных просто не брали...в том числе, и раненых унитовцев! Более того, на них даже патронов не

*тратили – добывали сапёрными лопатками. Нашим спецам несколько раз удавалось спасти пленных, буквально вырывали их из рук разъярённых ангольцев. Эти унитовцы потом ехали на одном из **БТРов** наших советников и боялись на шаг от них отойти, чтоб не быть убитыми.*

Впрочем, немудрено – унитовцы да юаровцы, видимо, всё-таки очень достали фалловцев...

– **Бронезащита – что такое?**

– Нам каждому выдавались бронежилеты, и предписывалось их сохранять. Не им нас охранять, а нам их сохранять. Почему? Потому что за утерю каждого бронежилета полагалась выплата 250 долларов. Хотя по большому счету – кому они были нужны, и если уж тебя ухлопают – например, осколком в голову, зачем тебе бронежилет.

Поэтому, каждый, кто был на операции, хотя конечно и надевал бронежилет, как положено, застёгивался, но мало верил в его пользу. И наши советники 47-й бригады при отступлении тащили с собой бронежилеты, чтобы потом не платить 250 долларов. Наши ребята за свои жизни хоронились, да ещё тащили бронежилеты. Нормально, да?

– **Бывало такое, что у людей на войне «крыша съезжала»?**

– Всякое бывало, чего греха таить.

Мы, например, были молодые переводчики, неженатые, иногда «маялись дурью».

На той стороне реки Куито стояла 25-я бригада в обороне, и время от времени оттуда приезжали наши офицеры – помыться, побриться, постирать одежду, и всё такое. Потом их переправляли обратно. А у нас был «бзик». На речку съездить, к переправе, да ещё ночью, да потом от обстрела «убежать». Мы туда ездили «повыёживаться» (из переводчиков, в основном, **Слава Барабуля, Саша Сергеев** и я), как теперь говорят, адреналин поднять. Почему – потому что знали, что на той стороне сидит корректировщик юаровский, который тут же координаты даёт, и начинается об-

стрел. А наша задача была – вовремя смыться. Дурь, конечно, по молодости была.

И вот как-то ко мне приходит **Саша Сергеев** (переводчик) – ну что, поедешь на мост, надо наших мужиков обратно на ту сторону переправить. Я говорю – сейчас, **Сань**, подожди, возьму автомат. Захожу в землянку, и что-то мне говорит: «Не езд!». Какое то внутреннее чувство. Ну, я так постоял, подумал. Думаю – Бог его знает, что-то не то. Выхожу, подхожу к **Сашке**. Он уже ругается – сколько тебя ждать можно – поехали. Я говорю – **Сань**, я не поеду.

– Почему, **Игорь**? И смотрит на меня очень внимательно.

Что ему ответить? Про внутренний голос рассказывать, что ли.

– Не хочу просто.

Он так на меня ещё разок поглядел и говорит – не езд. И один уехал.

Они поехали. На мосту всё, как положено, переправили наших, и начался обстрел. А пока сидели в землянке – прямое попадание 155-миллимым снарядом в их машину.

– **Машина какая?**

– «**Энжеза**» бразильская.

Сашка возвращается назад, приходит ко мне.

– Ой, блин, ты представляешь!– Ну тебя, говорю. Мало ли что получилось.

А он: «Ты же не поехал, вроде как чувствовал».

– Был такой **Паша-прапорщик** (технар). До этого он служил два года в Афгане, может, у него там «крыша поехала». Когда напивался, стрелял просто под ноги ангольцам. Но стрелял очень метко, в любом состоянии, ни разу ни в кого не попал. То есть, он выходил из своей землянки с автоматом в одной руке и кричал – так, Антонио – ко мне, быстро там что-нибудь сделать надо. И если **Антонио** что-нибудь не исполнял – **Паша** стрелял прямо под ноги – вопросов нет.

То есть, они все знали, что он стреляет совершенно чётко, и никогда никого не убьёт. Но у него все ангольцы «летали

как метелки». Он только выходил и отдавал команды – так, надо сделать то-то. И знал, что всё будет сделано тут же.

*Мы как-то к нему пришли отдохнуть. А поскольку я был начальником кухни, я закуску принес. Говорю ему – **Паш**, бухла то нет.*

– *Сейчас будет.*

Я говорю – ночь на дворе. Откуда будет?

*Выходит – очередь в воздух: **Антонио** – «капороте». Тот ему: нау, ассессор (нет, советник).*

Чего нау, «едрить твою через коромысло». Вперед, прокурар (ищи). И тот принёс.

А сколько раз я видел, когда мы ездили за водой, на «пипе» «Энжезе». Мы приезжали на речку, я сидел сверху, **Паша** давал очередь, и ангольцы начинали бегать. Они все знали **Пашу**, что **Паша** слов на ветер не бросает. Я сидел и смотрел с верху водовозки, а ангольцы наполняли её водой – раз **Паша** сказал – вопросов нет. При всём при этом ангольцы очень уважали его: он был мастер на все руки, мог починить всё, что угодно, всегда, чем мог, помогал ангольцам и, если что, за своих подсоветных горой стоял.

– **Много там змей было?**

– Я лично за два года двенадцать змей убил ...

– **Из чего?**

– Из всего, что угодно. Ножом, из автомата, из пистолета, из всего, что было под рукой.

*Свою первую змею я убил, служба в 19-й бригаде, в Мулондо. Она заползла к нам в нашу «казарму», в наш домик, где мы жили, и спряталась за одной из кроватей возле стены. Её совершенно случайно обнаружил наш техник, **Нестерович Иван Иванович**. Он тут же закричал: «Игорь, тащи свой нож, тут змея!»*

А я до этого раздобыл себе очень хороший нож-тесак американского производства, длиной 45 см, да ещё и наточил его как бритву. Носил его всё время с собой.

Услышав крики Иваныча, я выхватил нож и подскочил к

нему. Он прижал змею палкой к стене, а я буквально «отпилил» её голову своим ножом. Эта тварь была довольно длинная, больше метра, чёрная.

Тут прибежали ангольцы, с автоматами, лопатами, смотрят на змею, потом на меня, стоящего с ножом в руке, а в глазах – неподдельный ужас.

«Как ты её убил?» – спрашивают.

«Да вот, ножом ей голову отсёк».

«Да ты что, она же хвостом бьёт!», и показывают на белое колечко с ядом, располагающееся как раз на хвосте...

У меня просто всё похолодело внутри: почему она не ударила меня, когда я ей голову резал?...

– **Самогон местный как ангольцы делали?**

– Там росло такое дерево, местный фрукт мабоко. Что это такое? Размером в два крупных яблока. Когда он зелёный – его ничем не разобьёшь, даже топором. Когда созревает, его можно открыть, наесться его семян, и будешь пьяный.

И, особенно в пятом военном округе, то есть, провинциях Кунене и Уила, росли огромные рощи – **мабокейро** – так и назывались. На местном самогон – либо «каньома», либо «капороте», в разных провинциях по разному это называлось. Если хочешь достать действительно нормальную каньому или капороте, надо приезжать к периоду созревания.

Как мы там, в провинции Уила ездили за каньомой (это ещё в первый год службы в Анголе, 1986–1987) ... Садись в машину – на **УАЗик**, с автоматами, с гранатами и вперёд, за самогонкой. Приезжали в деревню, выходил к нам старшина деревни с копьём, увешанный перьями. С нами был местный человек, который говорил по-португальски, он переводил на местный язык, потому что жители не говорили по-португальски. Я переводил ему на португальский, а он – на местный.

Он говорил: «Вам нужна каньома – ну хорошо – ежай-

те туда-то». Мы ехали буквально минут десять до следующей деревни, а там уже все знали, что мы сейчас приедем.

– **Как узнавали?**

– Не знаю, может по тамтамам. То есть, мы приезжали туда – нас уже встречали.

– Так вы за каньомой?

Вот мы в одну деревню приехали, а с нами был специалист – он первач²⁹ хотел взять – нет здесь мы не берём, плохая каньома – поехали в следующую деревню. Мы поехали в одну деревню, в другую деревню. Я нашему старшему говорю: «Извините, а вам не кажется, что за нами следят?»

– А? Да какая хрень!

Я говорю: «Вы меня извините – мне, просто так по-человечески, жить хочется. Мы вон уже в какую по счёту деревню приехали, а нас везде встречают. Уже всё знают. Откуда?»

Главное, что здороваются сначала со мной, а потом уже с другими спецами.

А один раз случилось следующее – приезжаем в очередную деревню. С нами, как всегда, ехал анголец, переводчик с португальского языка на местный. У меня вдруг опять закралось подозрение – а нас здесь никто не убьёт?

А он мне спокойно так говорит – не волнуйся, с тобой, **Джеронимо**, вас никто не убьёт – тебя здесь все знают.

У меня глаза на лоб полезли.

Вон оно что, меня здесь знали, уже не первый раз видели, знали, что я говорю по-португальски, что я переводчик. Мол, это **Джеронимо** – пускай себе едет. В принципе, так относились к большинству переводчиков, а иногда и специалистов, особенно, тех, кто мог говорить по-португальски.

Я его спрашиваю – извини – как это? Да чего ты волнуешься? Их может, и убьют (это про советников), а тебя – нет. Я так рот то и раскрыл.

²⁹ Первач – высококачественный, только что изготовленный самогон высокой крепости.

- Ты понимаешь, объясняю ему, – их не надо убивать.
- Хорошо, если ты скажешь – их не будут убивать, но только через двадцать минут вам надо отсюда уезжать.
- А мы до этого достанем бухла?
- Да, всё сделаем.

Мы когда вернулись домой, я после этого разговора «нажрался как свинья». Нервишки-то не железные. Мне ведь откровенно сказали: «Поскольку ты здесь ездешь – все будет нормально, не волнуйся – тебя все знают». У меня, помню, душа от страха в пятки даже не ушла, а «уехала».

В Африке всё очень просто, ангольцы – народ тоже незамысловатый: тебя знают – ты говоришь по-португальски, ты с местным населением нормально общаешься – а действительно, может, просто как-то умел с ними ладить. Ну, когда ты им объясняешь – Вот я, мол, такой-то, такой-то, и вы со мной будьте любезны. Ангольцы просто видели, что если я их наказываю, то за дело, а не просто так. К тому же, как я уже говорил, я старался заботиться о них, их быте, питании, у меня они не голодали. А еще частенько я с ними просто сидел и болтал о том, о сём. И им ведь тоже было интересно со мной пообщаться.

Я потом разговаривал по этому поводу с другими нашими «переводягами», и они тоже рассказывали мне немало подобных случаев, которые, слава Богу, заканчивались благополучно.

– **Работа и быт в «Печоре»?**

– Быт, как я уже говорил, конечно, был более-менее налажен. Жили в землянках, по три-четыре человека.

Столовая была (тоже в яме), баньку построили, даже с парилкой. Питание было так себе, в основном, консервы со всех стран мира. Кто-то их вообще не мог есть уже (ну-ка два года одни консервы), а кто-то и привыкал.

Например, капитан **Сергей Рымарь**, специалист зенитного комплекса **С-125 «Печора»**. Уникальный человек, который мог с завязанными глазами собрать и разобрать стан-

ции **П-18, П-19** – станции слежения за самолётами противника... Как его ангольцы уважали! Как они радовались, когда он приезжал, тем более что он ещё и по-португальски довольно сносно объяснялся...

Он был в плане еды – проглот. То есть, проходил завтрак, обед или ужин – через час-полтора **Серёга** доставал консерву, открывал и начинал есть. Я его обычно спрашивал – **Серёга**, я чего-то не понял – только что обед прошёл. Что ты опять жрёшь-то. Ты знаешь – говорит – кушать хочу...

Полковник **Зиновьев Владимир Николаевич**. У меня о нём остались только самые хорошие воспоминания. Сам по себе он был человеком добрым и отзывчивым, а начальником строгим, но справедливым, к тому же, мастером своего дела. И что очень важно, он *умел* работать с переводчиком: говорил ровно и спокойно, не частил (не «строчил из пулемёта»), если что-то было непонятно – повторял ещё раз. Работать с ним было одно удовольствие!

Каждое утро он начинал с того, что вешал на бок револьвер и совершал пробежку. Занимался, так сказать, физкультурой, следил за собой.

Да и не только он один бегал, народ у нас, по возможности, старался держать себя в форме (естественно, когда это получалось – война всё-таки!)

Правда, эти занятия физкультурой прекращались после того, как созревала рисовая бормотуха. Тогда народ отрывался, как мы говорили – «вставал на крыло».

Хочу сказать по поводу бормотухи и этого так называемого пьянства. Дело просто в том, что, действительно, насколько я убедился за два года в Анголе – если бы мы там ещё и не пили иногда, у нас бы точно «крыша поехала» – это совершенно конкретно. У некоторых людей нервы просто не выдерживали и немудрено: чужая страна, чужая обстановка, идёт война, обстрелы – «25 часов в сутки», как мы невесело шутили, ангольцам ставишь задачу – они её могут и не выполнить, снабжение ужасное, письма из дома часто задерживались, в общем, всего хватало...

Хотя, конечно, никто и не говорил, что будет легко. Однако разрядка все равно была нужна...

– **Что значит рисовая бормотуха?**

– Брался рис, который отстаивался, бродил. Разумеется, добавлялся сахар, дрожжи, ещё что-нибудь необходимое. Если была водка, добавлялась туда водка. После этого обычный армейский бачок, литров около десяти, закупоренный, ставился на верх землянки, в которой мы жили. Под солнцем он бродил дня три – четыре и после этого народ употреблял.

– **Сколько получалось градусов?**

– Больше сорока.

Более того. Одно время, когда я служил в «Печоре», нам стали поставлять виноградный сок. Но мы один раз попили этот виноградный сок, другой раз попили, потом опять же **Серёга Рымарь** говорит – что-то мы не то делаем, давайте из него самогонку гнать. Мы все на него посмотрели – а как, мол?

– Это ж виноград. О чем разговаривать? Давайте канистру, виноградный сок, сахар, дрожжи. Сейчас всё соорудим!

Правда, первый опыт был неудачный, потому что канистра взорвалась. Она была пластмассовая. И **Серёга** сказал: «Наверно, я был в чём-то не прав, видимо, надо было что-то делать по-другому». И на второй раз, когда попробовали в металлической канистре – мы сказали – **Серёга**, ну ты мастер!

– **И сколько там вышло градусов?**

– Тоже больше сорока.

– **О наградах.**

– Чтобы уже плавно перейти к другой теме – за службу наших специалистов какая могла быть награда? Наши специалисты, мало того, что учили ангольцев – сами же и участвовали в боевых действиях, операциях на территории Анголы против бандформирований УНИТА, против войск ЮАР.

Практиковался очень интересный подход – как же оценить подвиг, совершенный товарищами при таких-то и таких-то обстоятельствах?

Ну, как, например, оценить подвиг старшего лейтенанта, **Валентина Мозолева**³⁰ (капитана получил уже в Куито-Куанавале). Он был специалистом по ремонту. Ремонтировал танки, **БТРы**, **БМП**, **БРДМы**. Тихий такой, неприметный человек.

Ангольцы от него просто балдели – война, не война, обстрел, не обстрел. Надо ремонтировать танки – он идёт ремонтировать танки. Залез внутрь в танк, что-то там делает – обстрел, снаряды рвутся, осколки щёлкают – а он сидит и ремонтирует. Ангольцы, на него глядя, тоже стали ремонтировать.

Практически больше половины техники, которая бегала в Куито-Куанавале – это всё его рук дело.

Ну, хорошо, человек вроде на амбразуру не бросался, вроде со знаменем вперед не бежал, в атаку не призывал, просто ремонтировал технику. Написали ему представление – на орден «За службу Родине». Написали, отослали – мол, так и так, ремонтировал технику в боевых условиях.

Приходит стандартный ответ – опишите подвиг, совершенный товарищем. Ну, как же описать то этот подвиг? Какой он подвиг совершил? Подумаешь, ерунда какая – ремонтировал технику, на которой потом все ездили и воевали.

Нет же! Опишите подробнее подвиг, совершенный товарищем!

Причём самое интересное, что надо в этом плане отдать должное кадровикам в Луанде, которые так отправляли представления. Много, конечно, резалось в самой Анголе, не отсылалось, но что-то, всё-таки, уходило в Москву. И уже оттуда приходила вот такая отписка.

³⁰ Мемуары майора в отставке **Валентина Фёдоровича Мозолева**, вместе с воспоминаниями других непосредственных участников боёв за Куито-Куанавале готовятся к печати (*прим. ред.-сост.*).

И причём на очень многих людей, непосредственных участников операции, участвовавших в боевых действиях, приходил запрос с указанием – за что? Он же не подорвал три юаровских танка, например. Опишите, дескать, подвиг, который он совершил, да поподробнее.

И люди просто разводили руками – ну ладно, пусть наши награды носят другие.

Хотя, как мы их называли, «крысы тыловые», сидевшие в Луанде и по округам, награды всё-таки получали – это как я уже говорил – беда всех армий всех стран, всех войн, всех столетий – тот, кто сидит в штабе и в тылу, тот обычно награды и носит. Тот, кто на передовой – про того забывают. Может быть, даже не потому что он чего-то не совершил, а потому что он вовремя об этом не закричал.

Обычно те, которые на передовой, особо не кричат о своих подвигах, не распространяются – **они делают своё дело, просто выполняют свой долг.**

Другое дело, что про этот подвиг они не всегда могут рассказать и тем более отобразить его на бумаге. Русские грустно шутят: без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек. Не изобразил в красках свой подвиг – всё, свободен. Получишь удостоверение участника войны – чего еще тебе надо – у тебя уже льготы?³¹

Орден? Медаль? – Какой орден, какая медаль – о чем вообще разговор-то?

То же самое получилось и с моими наградами (как, впрочем, и с наградами остальным спецам и переводчикам, служившим в боевых бригадах).

Старший нашей бригады, подполковник **Артёменко**, написал мне представление на Красную Звезду³² – кто её

³¹ Льготы участника боевых действий включают в себя бесплатный проезд на наземном пассажирском транспорте (трамваи, троллейбусы, автобусы), включая пригородные электрички и метро, а также некоторые другие не очень существенные льготы. В настоящее время их количество неуклонно сокращается.

³² Орден Красной Звезды.

сейчас носит – не знаю. Потом он написал на медаль «За боевые заслуги» – тоже не прошла. Только потом, благодаря **Белюкину Виктору Александровичу** – нашему старшему референту – я получил, в конце концов, эту медаль.

Петро Ивановский тоже не получил своей награды. Его представляли на Красную Звезду, а потом и на медаль. Со **Славкой Барабулей** то же самое: его несколько раз представляли на медаль «За боевые заслуги», и опять же, только благодаря Белюкину Виктору Александровичу, он медаль всё-таки получил, но уже позже.

Толик Алексеевский – чего только не посмотрелся за два года, в какие уж передряги не попадал, в окружении был... всё то же самое – не достоин...

Демидчик Сергей (двухгодичник, выпускник Минского иняза) – служил в Куито-Кунавале, попал в самое пекло событий 1986 года – не достоин...

Потому что все наградные листы, которые приходили на переводчиков, главный военный советник резал сразу – если младший лейтенант, переводчик – значит, не достоин награды, хотя ребята были и на операциях, и в окружении сидели, и голодали, и чем только не переболели. Странное у него было предубеждение против переводчиков.

Хотя бывали случаи, когда люди просто «обижались». Был у нас такой переводчик **Шкариненко** – молодец парень. Также в боевом округе служил, все как положено. Летели они на вертолёт, с ним были два советника, были своповцы и ангольцы. Вертолёт их подбили, он стал падать. Кто-то из ангольцев выпрыгнул, когда были низко. Конечно, все кто выпрыгнул – разбились в лепешку.

Остальные выпрыгивать не стали, упали вместе с вертолётком. Травмы-увечья и у него, и у советников, но, слава Богу, живы остались. Оба советника получили ордена, они действительно оба заслуженные были мужики, как говорится – по два года на войне.

А ему как переводчику советники сказали: «**Саша**, давай

мы тебе на медаль напишем – авось проскочит. Ну, мы-то подполковники, а ты лейтенант».

А он был двугодичник, что самое интересное, закончил гражданский вуз, а после этого – на два года в армию офицером. То есть, ему эта война совсем «по барабану» должна была бы быть.

Они ему написали на медаль. И вот **Шкариненко** приезжает в Луанду, а там «кукиш с маслом» показали. Сказали – что, переводчик? А он-то какой подвиг совершил? Чёрт его знает – в том же вертолёте летел, в том же вертолёте упал, так же как и все остался в живых. Те ордена получают, а тебе – ничего. Хотя, по большому счету, ему давно следовало орден дать. Но поскольку он и другие были далеко в джунглях – то о них не помнили – они же не в штабе служили. За что награду-то? Старшие офицеры получили – заслуженно – а ему – нет никакой медали, не положено!

Шкариненко тогда разозлился и не долго думая, пошел к главному (генералу **Гусеву**), и устроил там скандал. Он двугодичник, ему терять было нечего. Он разозлился, хотя говорили, был тихоня, скромный, и даже застенчивый.

Ну, пришёл такой человек в армию, армию до этого никогда не видел. А тут два года мотался чёрт знает где, по джунглям. В общем и целом, попал в непростую обстановку, но не был там каким-нибудь «маменькиным сынком». И вот он разозлился, пришёл и устроил скандал. И в итоге медаль дали, по-моему, даже «За отвагу».

Но не все же могли так вот прийти и скандалить. Мне, например, сказали, что по распоряжению главного военного советника генерала **Гусева** – кто получил кубинскую медаль «За оборону Куито-Куанавале» – тому никаких советских наград не давать. Причём это распространялось и на советников, и на специалистов, и на переводчиков.

Мой хороший знакомый **Олег Грицук**, тоже никакими наградами не отмечен, хотя «отмотал» два года в джунглях. У него получилось так же, как у меня. **Олег** служил в 36-й

бригаде спецназа, оборонявшей Куито-Куанавале. Сам он родом из Барановичей, окончил Минский институт иностранных языков, чисто гражданский человек. А тогда была мода призывать так называемых двухгодичников. И **Олег** попал в Куито-Куанавале, отслужил здесь два года, даже не поехал на второй год в небоевой округ. Ему два раза посылали представление на «Красную Звезду» и один раз – на медаль «За боевые заслуги». Но он так ничего и не получил. От кубинцев – медаль за Куито-Куанавале. Вот ему так и сказали в Луанде – ах, так ты награждён медалью за Куито-Куанавале? Свободен! Давай езжай домой... Вот и всё. То есть, от Кубы получил, а от Советского Союза – ничего, хотя он, чисто гражданский человек, пробыл два года на передовой. И что? Молодец, жмем тебе лапу, всё.

Олег и мне сказал – **Игорь**, ты ничего не получишь. Так оно и вышло, когда я приехал в Луанду:

– Да, вот твои представления (на «Звезду» и на медаль). Но ты получил медаль «За оборону Куито-Куанавале» – получил. В таком случае, советская награда не положена. Осталось только развести руками, да пойти восвояси. Вот такая интересная система награждений.

Тут я ещё хочу упомянуть про систему оплаты. Люди реально, кроме выполнения интернационального долга, кроме передачи своих знаний и обучения ангольской стороны, разумеется, ещё думали заработать деньги. Я считаю, что это справедливо.

Потому что, извините меня, жить в таких условиях, которые нам совершенно чужды: и климат, и болезни, и война, и прочее, и делать всё это за просто так – это конечно нереально.

Те же американцы и европейцы – они получали за это конкретные деньги и по тогдашним подсчетам мы знали, что западные «специалисты» в Анголе получают раз в пять-шесть больше чем мы. Хотя, по сравнению с Союзом, мы получали, конечно, всё равно много – те люди, которые не поехали никуда и остались в Союзе, нас считали «богачами»...

Так вот, был ещё один такой интересный момент – если ты приехал без жены – получаешь 80% своего оклада. А 20% – в так называемых дорожных чеках.

– **Что такое дорожные чеки?**

– Расписываешься на каждом чеке, и эти чеки не имеешь право потратить. Ты их должен был довести до Москвы и где-нибудь, например, в гостинице «Украина», поменять на советские рубли один к одному.

– **А чеки, которыми платили в Анголе?**

– Ну, в месяц в сумме у меня выходило так 1500–1600 чеков. Большие деньги по советским временам. Советники наши получали по две тысячи чеков. Но дело в том, что если ты приезжал без жены, ты получал 80%. Как шутили насчет жён – они тоже работают – зарабатывают 20% своему мужу. То есть, если ты сидишь в округе и без жены, то получаешь 80%, но если ты в боевой бригаде, то получаешь все 100% – но только если ты советник или специалист.

Переводчики, находясь в той же боевой бригаде и участвуя в боевых действиях, получали все равно 80%, согласно какой-то мифической директиве Д-54. Это всё что нам удалось узнать. Дополнительное соглашение Д-54 и, если вы – переводчик, то вы получаете 80%, даже если вы хоть все два года в войне участвуете.

Ещё пару слов по наградам. Был еще такой момент, что когда стали раздавать медали за Куито-Куанавале, наши шефы приехали из Луанды и забрали себе 17 медалей якобы для тех, кто давно тут, в Куито, служил, но переведён был в другие округа. Хотя четырём человекам, которые тоже стукнули кулаком по столу – давайте, мол, наши награды! – их всё-таки отдали.

Какие ещё награды получены нашими «Луандскими героями»? Я просто перечисляю: мало того, что за Куито Куанавале, была ещё кубинская медаль «Сервисио Дистингито» (За отличную службу), кубинская медаль «Воину-интернационалисту» (выполнявшему интернациональный долг) и ангольские медали типа «За хорошую службу». На

узеньких ленточках, такие небольшие медали вроде наших пятаков советских. Но некоторых людей в Куито всё-таки наградили ангольскими медалями – мы так и не поняли – за что? Самое смешное, что и те люди не поняли – за что. Просто списки подали, и их тоже наградили.

И вот генерал **Рябченко**, навесив себе весь этот иконостас³³ на грудь, в таком виде появился в отпуске в Москве, в Генштабе. Там народ обомлел – операция «Навстречу Октябрю» (Приветствуем Октябрь) (1987 г.) провалилась. Такие потери, такой разгром (ангольцев), и вдруг появляется человек с полной грудью медалей.

Поэтому, собственно говоря, и ужесточились требования – опишите подробнее подвиг, совершенный товарищем. То есть, как говорится «помог» **Рябченко** в этом деле. Да ещё он, по-моему, орден Ленина за Анголу получил, за планирование операции, которая провалилась. (Говорили, правда, что он до этого в Афгане два года служил и получил орден Ленина за планирование операций)³⁴.

– **По поводу медалей за Куито-Куанавале?**

– Да уж, ни в сказке сказать, ни пером описать, это было нечто.

Кубинцы сделали медаль за Куито-Куанавале, чтобы наградить своих действительно реальных участников обороны Куито-Куанавале, а также советских и ангольских.

Как это всё делалось? Кубинцы в этом плане, конечно, молодцы. Самолёт с этими медалями пришел в Луанду. В Луанде никому из советских, не было сообщено об этом де-

³³ Иконостас (разговорное) – несоизмеримо большое количество наград.

³⁴ Хотя генерал **Рябченко** далеко не прославился в Анголе, но он был героем войны в Афганистане – при захвате Кабула в конце декабря 1979 г. обезвредил министра обороны **Якуб-Хана**. Об этом говорится в мемуарах полковника ВДВ в отставке **Кукушкина**: «К 19 часам в Генеральный штаб ДРА, по предварительной договоренности с **Якубом**, прибыл командир 103-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор **Рябченко Иван Федорович** и с ним три офицера. Под видом начальника штаба дивизии был полковник от КГБ (фамилию не помню) и

ле. Самолёт пошел прямым курсом на Куито-Куанавале. Это был 1988 год. Пришел самолёт в Куито-Куанавале. Кубинцы позвонили по нашей особой связи нам, взял трубку лейтенант **Барабуля Вячеслав**. Они ему сказали буквально следующее – мы привезли медали, надо наградить людей, если можно ваш список, представьте реальных участников обороны Куито-Куанавале. Хоть даже месяц если они здесь пробыли, в Куито. Они же были под обстрелом и так далее. **Слава** пришёл ко мне – **Игорь**, как все это дело сделать? Ну не знаю – давай съездим к **кубашам**³⁵, как говорится, все с ними обсудим. Мы их (кубинцев) называли **кубаши**.

Он – ну ладно, хорошо. Я скоро приду.

И **Слава** пошел к своему начальнику, а мы жили одним лагерем – наши землянки были все вместе – я служил тогда в ПВО, в бригаде «**Печора**», а их землянки, «пехотные», располагались прямо рядом с нами.

два десантника – братья **Лаговские**. Старший, **Станислав** – в роли начальника политического отдела, а младший, **Павел** – выполнял обязанности адъютанта командира. Оба брата – отважные офицеры и отменные атлеты-спортсмены. На группу **Рябченко** возлагалась исключительно важная и крайне опасная задача. Под предлогом личного уточнения порядка переброски дивизии к местам дальнейшего расквартирования они должны были встретиться с **Якуб-Ханом** и рассеять его подозрения к десанникам в связи с их начавшимися передвижениями в городе. А когда будет дан сигнал начала операции – нейтрализовать и вывести его из игры как ключевую фигуру по организации какого-либо сопротивления войск. Задача была дерзкой и чрезвычайно опасной, т.к. малейшее опоздание частей с началом штурма здания Генерального штаба ставило группу на грань уничтожения. Однако цель вывода из игры «второй фигуры» после **Амина** стоила риска». (*Кукушкин А.В.* Прыжок десантников в Афганистан. М., 2004. С. 24–25.)

После службы в Анголе он служил уже не в ВДВ, а в сухопутных войсках в Ленинградском военном округе. Бывший командир 103-й Витебской гвардейской воздушно-десантной дивизии, герой войны в Афганистане, участник войны в Анголе, председатель городского и областного советов ветеранов войны и труда, генерал-лейтенант в отставке **Рябченко Иван Фёдорович** скончался в августе 1997 г. в Санкт-Петербурге (*прим. ред.-сост.*).

³⁵ Кубаши – так советские уважительно называли кубинцев.

А начальник у Славы был полковник **Величко. Величко** находился здесь полтора месяца. Он был старшим советником 6-го военного округа. Заместителем у него был полковник **Митяев**³⁶, десантник, и он (**Митяев**) действительно реально участвовал в событиях Куито-Куанавале.

А многие и не участвовали – там и говорить не о чем. Просто они в тот момент жили в нашем лагере. Ну, ездили, советовали, учили ангольцев, говорили, как и что надо делать. Но во всех операциях конкретно участвовали другие люди – там стояли: 36-я бригада, 21-я, 25-я, 59-я, 16-я и т.д. – вот в них советники, специалисты, переводчики – это действительно люди, которые участвовали. Но на тот момент, 50% уже уехало, как минимум.

Потому что боевые действия, якобы, закончились³⁷. На самом то деле, они и не кончались, просто так было официально объявлено. Но, во всяком случае, юаровцы перед этим торжественно заявляли о начале вывода своих войск из Анголы.

Они, кстати, замечательные джентльмены – стреляли только по ангольским бригадам. То есть, обстрел нашего лагеря – я так думаю – в их планах не предусматривался. То ли не хотели проблем на мировом уровне, то ли осложнений с Советским Союзом, то ли ещё что. Но это, видимо, действовало только в отношении нашего лагеря, а во всем остальном – на войне как на войне. То бишь поехал советский в свою бригаду, к подсоветным, попал под обстрел или в завалуху, ну извини.

Хотя, они нам перед 11 марта (1988 г.) прислали ульти-

³⁶ Мемуары полковника ВДВ в отставке **Вячеслава Александровича Митяева** о службе в Афганистане и Анголе были опубликованы в книге «Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе». М., Memories. 2007. С. 26–65.

³⁷ На самом деле артобстрелы Куито-Куанавале со стороны юаровцев регулярно (как по расписанию) продолжались и после отвода южноафриканских войск от Куито-Куанавале (*прим. авт.*).

матум: «Советские, уходите из Куито-Куанавале, мы вас не хотим трогать».

Листовки на английском. Нам ангольцы эти листовки принесли и сказали – вот по-английски написано, мы не понимаем.

– Из чего их рассыпали?

Из полых снарядов, наверное, агитационная пропаганда. Нам прислали этот ультиматум – там было чётко, конкретно и ясно написано – советские – мы не хотим вас трогать. Вы – белые, наши братья, как говорится. В открытую. То есть – уходите, пожалуйста. Мы сейчас будем долбить этих ангольцев.

Наши сообщили об этом в Луанду. Из Луанды пришел приказ: «Ну, вы там позаботьтесь о своей безопасности. Ангольские бригады не бросать, но позаботьтесь о своей безопасности».

Как? Каким образом, если дорога Менонге перекрыта? То есть, дорога от Куито-Куанавале до Менонге – 180 км, была осёдлана унитовцами. Мы сидели в мешке³⁸. Как позаботиться о своей безопасности. Каким образом?

Возвращаясь к кубинским медалям: Слава доложил о разговоре с кубинцами полковнику **Величко**. Тот тут же телеграфировал в Луанду – что пришли медали за Куито-Куанавале. В Луанде начался переполох. Потому что кубинцы им ничего об этом не сообщали. И буквально через 40 минут пришёл список «самых ярых» участников обороны Куито-Куанавале.

Начиная с генерал-лейтенанта **Гусева. Рябченко** – генерал-майор. **Мищенко** – полковник, секретарь парторганизации всей Анголы. Он получил орден Красной Звезды и орден «За службу родине», как мы шутили, во-первых, за то, что он летел в Куито-Куанавале из Менонге без парашюта, а, во-вторых, «за активное участие в антиалкоголь-

³⁸ В окружении.

ной пропаганде». Этот «деятель» заявил на совещании в Луанде, что нашим специалистам в воюющих округах пиво посылать нельзя, потому что это резко снижает их боеспособность.

Я не хочу порочить этого человека, просто рассказываю как было дело. Он прилетел в Куито-Куанавале. А в это время было начало операции – сентябрь 1987 года, и унитовцы Куито-Куанавале начали обстреливать из миномётов. Миномёты калибра 81 мм. Причём самое смешное – как унитовцы использовали эти миномёты – они ставили две палки крест-накрест, на них клали трубу, а плиту не ставили под миномётом, и пошло. Мины летели, разрывались в районе аэропорта. То есть, все остальное Куито-Куанавале – без проблем. Все занимались своим делом.

Полковник **Мищенко** присидел весь день в землянке. Ему говорили – товарищ полковник – да вы не волнуйтесь, выходите. Ну, снаряды – перелет – ну ради Бога.

Он говорит – нет, нет, у меня вот здесь работа, и сидел – якобы что-то писал.

Под вечер обстрел прекратился. Он, наконец, выходит из землянки, а в это время там стоит наш советский прапорщик и ставит задачу какому-то ангольцу. Но, поскольку наш прапорщик не очень хорошо владеет португальским языком, ставит он её приблизительно так – ну вот, блин на хрен, ты сделай **эшто** и **эшто** (то-то и то-то), а всё остальное, как говорится, по фигу. Приблизительно так и ставилась задача. Анголец стоит, кивает – да всё нормально, вопросов нет, ему всё понятно.

Ну, **Мищенко** же – секретарь всей парторганизации Анголы.

Он подсказывает к прапорщику и кричит – как вы можете? Да как вы смеете? Нашим младшим ангольским братьям в таком виде ставить задачу. Прапорщик стоит совершенно, пардон, охреневший, анголец – то же самое. То есть, всё нормально – ему рассказали понятным языком – что надо делать. Прапорщик ему всё объяснил и весьма толково, ос-

талось только пойти да сделать. Вопросов нет. Он уже собирался уходить. В это время подсказывает какой-то очкастый полковник, и что-то начинает кричать.

*А что было на следующий день на политинформации (проходила обязательно каждое утро: положение в Анголе, положение в мире). Поскольку **Мищенко** приехал, он её сам и проводил. Он говорит – некоторые товарищи ещё не до конца осознали всю серьёзность положения. Они разговаривают с нашими ангольскими братьями матом.*

Голос из зала – а как же с ними ещё разговаривать?

Взрыв негодования – кто сказал? Да как вы смеете и т.д. В общем, бред, да и только.

Дело-то не в том, ангольские они братья, или не ангольские, а в том, что мы вместе воюем против общего врага, работаем все вместе, выполняем общие задачи, тут уж не до национальностей или рас. Получил задачу – выполняй, не выполнил – получи и распишись!

Так вот, кубинцы стали смотреть список (награждаемых), когда **Славка** приехал с **Величко**.

Так – кто у нас здесь. Кто это? Это наш главный военный советник в Анголе генерал-лейтенант **Гусев**. А как он принимал участие? Ну, он приезжал, «ногу высовывал из вертолёта». Отдавал приказания, в общем, руководил.

Не пойдёт! Вычеркнули!

Второй – генерал-майор **Рябченко**. А он каким образом принимал участие? Ну, он тут тоже прилетал, руководил. Как руководил? Ну, с утра до обеда.

На вылет!

Полковник **Мищенко** – а это кто? Это – секретарь партийной организации всей Анголы. А он-то, каким боком принимал участие в обороне Куито-Куанавале?

Ну, вот он приезжал, подымал воинский дух, «толкал речи». Бред!

Начальство прислало кубинцам список из 17 человек. Кубинцы из этого списка оправдали 5 человек. Там были,

кстати, два наших переводчика – **Олег Козак** и **Сашка Калан**. И ещё трое были действительно бывшие советники в 59-й и 25-й бригаде. Всё! Из 17 человек.

Что было дальше? Приехал (прилетел) генерал **Гусев**, сам лично. Генерал **Рябченко**, полковник **Мищенко**, лично. Забрали эти 17 наград. Толкнули речь. Сказали – ребята, мы вас благодарим. Вы – молодцы и уехали. Кубинцы стояли, открыв рот, вот с такими лицами.

– **Они «по нахалке» взяли себе награды или с кем-то из кубинцев выше согласовали?**

– Это покрыто туманом. Они взяли награды, потому что они генералы. Вот и всё. 4 апреля 1988 года – было награждение советских специалистов, эти кадры есть в кубинском фильме про оборону Куито-Куанавале. (Правда, это было показано так, как будто мы – это якобы тоже кубинцы, хотя у кубинцев на плечах были погоны с соответствующими званиями, а у советских вообще ничего не было. У нас был только «собачий жетон» и все.)

Так что, приехало наше начальство на награждение, и дело произошло. Ну, кто мы были такие. Я, например, был младший лейтенант. Что я мог крикнуть – что вы делаете? Мог крикнуть? Нет.

Я даже не знаю – как все это дело назвать. Как все это дело описать?

– **А наградили ли медалью за Куито-Куанавале тех специалистов, которые были, но уже уехали?**

– Они, якобы, для них забрали эти 17 наград. А я знаю что двое – **Казак** и **Саша Калан** – её не получили. **Саша Калан** – мой однокурсник – поэтому я точно знаю, что он её так и не получил.

Я его потом, когда мы уже учились вместе на офицерских курсах, спросил об этом. Я говорю – Саш, ты получил награду? Какую награду? Я говорю – ну за Куито-Куанавале. А он был в 16-й бригаде, которую раздолбали в пух и прах. Из которой вернулось два танка и 100 человек из всей бригады после переправы через Шамбингу. Так вот **Саня** получил «кукиш».

– **Что такое «Печора»?**

– Советская система ПВО, поставленная в Анголу, с нашими специалистами.

– **За экранами кто сидел?**

– Да наши, конечно, когда надо было чего-то сбить. Действовала по высоте от 50 м до 2500 м.

У этих ангольцев была проблема – они никак не могли сделать захват цели. То есть вот на экране цель идет. Боже мой! Я переводчик, и то, худо-бедно научился всё это дело делать (наши спецы мне все показали, как и чего). Кнопки нажал – цель захватила – кружочек с перекрестьем. Ракета самонаводящаяся – у ней тепловая боеголовка. То есть, после этого – по этой цели будут бить четыре ракеты – чего проще.

Но, во-первых, ангольцы не могли сработать на захват, а во вторых, эту кнопку, чтобы пошла одна за другой четыре ракеты. Более того, там даже была такая возможность – чтобы ракета подошла к цели к самолёту, если она подошла – на экране все видно – вот она цель, вот она подошла ракета. Ну, на всякий случай, нажми вот эту кнопку, чтобы она взорвалась. А осколки чтобы поразили самолёт.

Наше ПВО – лучшее в мире. И просто было обидно это все наблюдать. Расскажу такой случай.

К тому времени я вернулся в Куито-Куанавале³⁹. Я не могу сказать – почему я вернулся? Но меня звало туда, тянуло. И когда я туда приехал – мне ребята сказали – ну Игорь – молодец, ты вернулся. Когда уезжал в Луанду (на лечение после контузии и увечья) мне сказали – Игорь, знаешь – ты вернешься. Я удивился – да ладно – чего вы ерунду порете. А они опять – ты вернешься. И в марте 1988 г. я действительно вернулся – как мне и говорили.

³⁹ Лейтенант **И. Ждаркин** уехал из Куито-Куанавале 29 декабря 1987 г. и служил потом в Лобиту (на Атлантическом побережье рядом с Бенгелой), где была школа подготовки танковых экипажей для ФАПЛА (готовили танкистов на танках **Т-54Б**). Он вернулся в Куито-Куанавале 11 марта 1988 г.

Так вот, летел президент Ботсваны на двухмоторном самолётике, в сопровождении самолёта – истребителя. Мы были в это время не на работе – это было в субботу или в воскресенье – я уж точно не помню (в 1988 году, июнь или июль, после заключения перемирия). И вдруг мы видим – над нами идёт (самолёт). А дело в том, что уже полтора года как этот маршрут был запрещён для пролёта гражданских самолётов в связи с боевыми действиями. А он летел на встречу в верхах в Луанде.

Ему было послано сообщение – «свой – чужой». Он вообще ничего не ответил. Мы сидим, курим, смотрим – сход четырёх ракет, одна за другой. Но опять же – ну что за «козлы» сидели за экраном? Ни на одной из четырёх ракет не сработал захват, потому что они нужную кнопку не нажали (или же, нажали не то, что нужно). Потом когда мы приехали и посмотрели на экране запись – они нам сказали – вот мы видели на экране, что ракета подошла к самолёту: одна, вторая, третья, четвёртая. Но захват почему-то не сработал.

Истребитель сопровождения президента выполнил противоракетный маневр и не смог из него выйти – упал.

– **Что такое противоракетный маневр?**

– Идет ракета к самолёту, он сваливается на полубочку⁴⁰ – уходит резко вниз. Сможет выйти из пике⁴¹ – молодец. Если нет – извини. Он не смог.

– **Почему не смог выйти?**

– Потому что ботсванец, который в нем сидел, был, видать, недостаточно подготовлен. Он упал и всё – это произошло на наших глазах, а президент Ботсваны полетел дальше.

Мы быстренько на машину – и туда. Старший уже был не **Зиновьев**, а **Маслов**. Он и говорит анголанам – что же вы

⁴⁰ Полубочка – фигура высшего пилотажа – поворот самолёта кабиной вниз и резкий уход к земле.

⁴¹ Выйти из пике – выйти из штопора.

не нажали? Мы забыли (ответили ангольцы). Что тут можно сказать?

Делать нечего: наш старший сообщает в Луанду – так и так – шел самолёт, мы по нему стреляли и не сбили. Ему в ответ: «Мать-перемать! Почему не сбили? Чем вы там занимаетесь?»

Занятная всегда в этом плане получалась картина: в неудачах ангольцев виноваты были советские! А какая разница, что ангольцы не сбили – а вы где были в это время? Какой к чёрту выходной – вы должны быть там 24 часа. Кто ответственный – ангольцы? Их, что ли ругать? За что их ругать? Советские не посоветовали. Кто дураки? Советские спецы, конечно.

Это было настолько чётко и постоянно там, в Анголе, что если какая неудача – виноваты советские. Если какая-то удача – победители ангольцы.

– **Сколько человек всего было в ангольской 21-й бригаде?**

– Около 2000. Кубинцев там не было. Было шестеро наших советских специалистов, среди них один переводчик – я.

– **О юаровцах?**

– Я не хочу говорить что-нибудь плохое про юаровцев, потому что воевали они хорошо и грамотно, они были белые, и к нам юаровцы относились как белые к белым (я уже рассказывал про ультиматум). Самое смешное, что и белые кубинцы говорили – мы, как говорится, готовы пожать лапу белым юаровцам. Может это и расизм. Но ведь и чёрные с обеих сторон относились друг к другу так же. Кроме всего прочего, мы ведь были солдаты и выполняли каждый свои задачи.

В Анголе было 55 тысяч кубинцев, а на юге – примерно 25 тысяч⁴². Они (кубинцы, намибийцы и ангольцы)

⁴² В 1988 г. в Анголе находилось 55000 кубинских военнослужащих, из них 40000 на юге Анголы (там же находилось 30000 бойцов ФАПЛА). Кубинцы сосредоточили там до 600 танков и более 1000 средств ПВО. (Из выступления Фиделя Кастро на митинге в Гаване 2 декабря 2005 г.)

нагнали техники и войск и сосредоточили в районе Кунене 1500 (точнее 600) танков **Т-54, Т-55, Т-62**, больше, чем на Курской дуге (в июне 1943 года – 1200 танков с обеих сторон). У юаровцев для сравнения было 275 (174) танков... После этого юаровцы запросили мира (после марта 1988 года)⁴³.

– **Их самолёты?**

– Они не могли преодолеть нашу усиленную – точнее кубинскую ПВО.

– **Кубинцы стали применять истребители МиГ-23 и истребители-бомбардировщики Су-22, для тех мест очень современные?**

– Да.

– **И соглашение было подписано?**

– Да в конце 1988 года.

Скажу честно и откровенно. Во-первых, я бы здесь не сидел, если бы не кубинцы. Во-вторых, я бы здесь не сидел, если бы нас не снабжали кубинцы. В-третьих – я бы здесь не сидел, если бы кубинцы не воевали за Анголу. Вот три момента. И когда кубинцы выходили из Анголы в 1990 году, им правительство Анголы давало офицерам, например, вентилятор в качестве «награды». Кошмар!!!

– **Солдату кубинскому что давали?**

– Ничего. Это такой обман!!! Такое вот наплевательское отношение к кубинцам, которые потеряли в Анголе убитыми, ранеными, пропавшими без вести – 15 тысяч.

При выводе кубинских войск присутствовал мой знако-

⁴³ 12 марта и 21 марта 1988 г. возле Куито-Куанавале проходили тяжелейшие бои между южноафриканской армией и кубинскими войсками. Южноафриканцы, в связи с угрозой окружения их частей кубинскими войсками, высадившихся в портах юга Анголы, и после ряда поражений понесенных ими от кубинцев в мае-июне 1988 г. были вынуждены пойти на подписание перемирия. Позднее была достигнута договоренность о выводе южноафриканских войск из Анголы в обмен на постепенный вывод кубинских войск из Анголы. Таким образом, юридически это сражение закончилось вничью, но фактически ЮАР проиграла (*прим. ред.-сост.*).

мый – поэтому я про это и знаю. Вот можете себе представить – уезжает кубинский офицер в звании майора, а ему – вентилятор, за его службу в Анголе – ну и что? Ну что это такое? Нормально разве?

– **Причины поражения ангольцев в 1987 году?**

– О причинах можно говорить много и долго. Советские военные советники (в частности генералы **Гусев** и **Рябченко**) очень грамотно разработали эту операцию⁴⁴ – всё там красиво получалось. Но дело просто в том, что они её разработали так, как привыкли всегда делать, как для советских солдат. Советский солдат это бы выполнил, но участвовали ангольские солдаты. Кубинцы или наши сделали бы всё без проблем. А как я уже упоминал, кубинцы сказали нашим генералам – подождите – что вы делаете, вы на кого рассчитываете?

Вы же должны на этих солдат (ангольцев) рассчитывать. А наши уже поставили временные рамки – это выполнить тогда-то, это – во столько-то, такого-то числа выйти на рубеж такой-то. Это была фантастика. И кубинцы предупреж-

⁴⁴ Во всей западной историографии, ангольское неудачное наступление «Навстречу Октябрю» в сентябре–декабре 1987 г., а потом наступление южноафриканцев на Куито-Куанавале называется «Наступлением генерала (**Константина**) **Шагановича**» («**General Shaganovich Offensive**»). По мнению западных политологов и историков, «генерал **Шаганович** – известный химический эксперт, который проводил химическую войну против несчастных УНИТА и войск ЮАР». Интересно, что генерал с такой фамилией вообще никогда не существовал! И в десятках «исторических книг ведущих зарубежных историков» написана такая чушь! Западные «знатоки» просто «скрестили» имя генерала ВДВ **Константина Курочкина** и фамилию пехотного генерала **Шахновича**. На самом деле генерал-лейтенант **В.В. Шахнович** был главным военным советником в Анголе в 1977–1980 гг. После возвращения из Анголы служил заместителем начальника Высших офицерских курсов «Выстрел» в Подмоскowie. Умер в 1984 г., а генерал-полковник, бывший заместитель командующего ВДВ СССР **К.Я. Курочкин** был главным военным советником в Анголе с 1982 г. по 1985 г., а генерал-лейтенант ВДВ **Л. Кузьменко** был главным военным советником в Анголе в 1985–1987 гг., а генерал-лейтенант **П.И. Гусев** – в 1987–1990 гг. (*прим. ред.-сост.*).

дали, что не надо этого делать. Но наши не послушались – вот и получилось.

Ангольская армия на тот момент была уже, конечно, достаточно сильна для выполнения определенных задач, неплохо подготовлена с помощью советских специалистов, хорошо оснащена боевой техникой и вооружением. Несмотря на все нюансы и промахи в подготовке личного состава, о которых я уже говорил до этого, ангольцы, всё-таки были готовы воевать и могли воевать, и воевали, довольно успешно с УНИТА, да и моральный дух ангольских войск был уже достаточно высок. В начале операции даже был момент, когда казалось, что УНИТА на грани поражения, ещё вот-вот, ещё поднажать, и победа близка....

Но тут в дело вмешались **юаровские войска**. Против них ангольцы воевать и побаивались, и не особо умели. А **батальон «Буффало»** вообще вызывал у них панический страх. Я об этом рассказывал в своем дневнике. Хотя, когда мы попали в окружение, ангольцы, образно говоря, смогли убедиться, что и буффаловцы не так уж и страшны и умирают от такой же пули, как и все.

Возвращаясь к кубинцам, ещё можно сказать, что они в Анголе воевали очень и очень грамотно. Они практически не доверяли данным разведки ангольцев, организовывали свои специальные отряды из кубинских негров, которые ходили по территории Анголы, по джунглям, по саваннам и добывали нужную развединформацию. Плюс глубинная разведка.

У ангольцев тоже существовала глубинная разведка. Это была, например, 29-я бригада в Сойо на севере, где как раз готовили глубинных разведчиков. Потом их забрасывали в тыл противника (УНИТА и войск ЮАР), чтобы они выполняли определенные задачи и добывали информацию.

Кубинцы не доверяли ангольцам, поставили дело на свою основу и делали всё сами. Единственное, с кем кубинцы очень и очень контактировали – это **СВАПО**.

В СВАПО, были наши советские советники, которые

очень восхищались сваповцами, их выучкой, их стремлением научиться воевать, готовностью выполнять приказы и умением выполнять приказы.

То есть, поставили сваповцам, к примеру, задачу – пойти и взорвать мост на территории Намибии. Они пошли – взорвали мост. По дороге назад их группа натолкнулась, например, на какой-то склад. Они взорвали этот склад, набрали там портативных радиостанций «Рокал», и другой нужной себе аппаратуры и вещей, и всё это принесли. Но им этой задачи никто не ставил. А они – ну раз на пути есть – взорвали, набрали и пошли.

Возле Лубанго находился большой центр подготовки сваповцев, где тоже работали наши советники и специалисты.

О бойцах СВАПО могу отозваться только с самой положительной стороны. Они приезжали к нам, и сам я встречался много раз и с бойцами СВАПО, и с нашими специалистами (несколько раз работал с ними).

Интересный случай: когда я в 1997 году служил в Анголе, уже в войсках ООН, там находилась рота намибийских миротворцев, и один намибийский капитан (в прошлом – боец СВАПО) узнал меня, вспомнил по 1986 году.

Подготовка и моральный дух сваповцев не шли ни в какое сравнение с ангольскими войсками. Один только тот факт, что бойцы СВАПО очень редко попадали в плен. Только в состоянии тяжёлого ранения, контузии и так далее.

Обычно если погибал сваповец, то с ним погибало несколько юаровцев. А унитовцы просто боялись сваповцев.

Кубинцы со сваповцами поддерживали тесные отношения, проводили совместные операции, и вот тот конкретный случай, когда кубинцы сосредоточили в провинции Кунене, как я уже говорил (март 1988 года) полторы тысячи (600) танков – это были ангольские, кубинские и сваповские танки.

– **Танки, не БТРы?**

- Именно танки.
- **А сколько БТРов?**
- Это одному Богу известно.
- **Действия кубинского спецназа?**
- Кубинский спецназ забрасывали в тыл с конкретными приказами – взорвать такой-то склад, уничтожить то-то, то-то. Они возвращались совершенно никакие от усталости – видно было, что им приходилось потом идти десятки км, пока их подбирал вертолёт, а чаще просто своим ходом выбираться.

Спецназ их частенько состоял из кубинских негров. Рассказывали, что не раз они встречались с американским спецназом. И если у групп спецназа разные задачи, то они мирно расходились, поприветствовав – помахав друг другу.

- **А если общие?**

- У спецназа любой страны есть неписанный закон – если они встречаются в бою со спецназом противника, и если их командир сбрасывает всё оружие и идет на противника только с ножом или с саперной лопаткой, то же делает и вся его группа и противник. И если кто-то сделает хоть один выстрел даже из пистолета, то его группа с позором уходит с места сражения. Такие своеобразные правила, мне об этом рассказывал один кубинский спецназовец.

- **У американцев спецназ?**

- Технически хорошо оснащён, но слаб духом. Рассказывали один случай – шли на задание девять кубинцев (все наученные нашими инструкторами), а им повстречались 20 американцев. Те поступили неблагородно, решив, что легко одолеют кубинцев, и началась рукопашная на ножах и на саперных лопатках. Вскоре остатки американцев (несколько раненых) убежали, а кубинцы все до одного были ранены, но остались живы.

- **Кубинцы как вояки?**

- Я ещё раз повторяю – если бы не Куба – Ангола давно бы загнулась. Почему – потому что у кубинцев был один приказ – **Фидель Кастро** сказал – всё.

Вот захваченный юаровский танк **Олифант** на фотографии – была пресс-конференция – у меня на кассете есть все это дело. **Фидель Кастро** – первоклассный оратор (я как-то присутствовал при встрече с ним в кубинском посольстве – это было в 1989 году).

На пресс-конференции **Фидель** сказал буквально следующее – в бою за Куито-Куанавале 11 марта 1988 года юаровская авиация не могла действовать по причине исключительно плохих погодных условий. Но зато в воздухе были юаровские танки.

Красиво сказано? Он имел в виду, что во время атаки пять юаровских танков **«Олифант»** один за другим подорвались на минах. Четыре танка – в лепёшку⁴⁵, а пятый кубинцы перетащили на нашу сторону.

– **Как это получилось?**

– Дело в том, (я уже говорил до этого), что в ангольских войсках было немало предателей. То есть, те, которые передавали информацию, причём самую свежую информацию для УНИТА.

Например, у нас в 21-й бригаде начальник оперативной службы (анголец) был предателем – мы его раскусили буквально через пару недель.

Так вот, благодаря этим предателям, УНИТА и юаровцы знали практически всё об ангольских войсках, их передвижении, вооружении, боевом духе, замысле, поставленных задачах и т.д. Если ангольская бригада становилась в оборону, то перед собой, естественно, ставила минные поля. Так вот, карты этих минных полей очень часто оказывались в руках противника, поэтому, юаровцы без особого труда де-

⁴⁵ Точнее южноафриканцы смогли эвакуировать только два из пяти подорвавшихся на минах танков **«Олифант»**. По кубинским данным экипаж третьего танка просто бросил неповрежденный танк на минном поле и убежал. По южноафриканским сведениям на минах подорвались несколько **«Самил-100»** – бронированных тягачей для эвакуации техники и поврежденные три танка ввиду наступления кубинцев пришлось бросить. (*прим. ред.-сост.*).

лали проходы в минных полях и атаковали ангольские бригады. А тут в дело вмешались кубинцы, поля поставили, но карты их дали другие (ложные).

Юаровцы преспокойненько поехали, рассчитывая, как обычно, всё разминировать, и взлетели на воздух. Кубинцам удалось, кстати, захватить юаровскую киноплёнку того боя 11 марта: юаровцы едут на танках, сверху на броне, играют на губных гармошках, ну прямо как фрицы. И вдруг, один за другим взрывы и «танки в воздухе» (как выразился **Фидель Кастро**), юаровский оператор даже не успел выключить камеру – всё было запечатлено на плёнке.

Больше того – в дополнении ко всем этим фальшивым минным полям, о которых я говорил раньше, кубинцы уговорили наших, чтобы в бригадах ангольских были, кроме советских, ещё и кубинские советники. И кстати, после этого дело пошло на лад.

Во-первых, кубинцы так не «цацкались» с ангольцами, как мы. Потому что мы уговорами, наставлениями – да ты сделай так и так. У кубинцев все было просто – не сделал – получи. Получали, чем попало.

Я не хочу сказать, что кубинцы практиковали избиение ангольцев – пусть никто так не подумает, это имело место в исключительных случаях, и то по делу. Но кубинцы в этом плане молодцы, испанский язык похож на португальский. Они умели убедить ангольцев, что те не правы, а как я уже говорил – после этого можно было делать с ангольцем всё что угодно.

У кубинцев всё было чётко организовано. Прилетают, например, к нам кубинские вертолёты в Куито-Куанавале. Привезли снаряжение, продукты, сигареты, письма, привезли новые группы войск. Улетают назад. Разумеется, тут же собирается толпа.

Кубинцы забирали в первую очередь раненых, больных – кубинцев, советских, ангольцев. Затем они брали свои войска, и, разумеется, советских – мы шли в первых рядах.

И только после этого, если в вертолёте оставалось место, брали ангольцев. То есть, вставал огромный кубинец на входе в вертолёт. И если что – давал в торец, что называется, ногами и прикладом. И безо всякого.

Некоторые наши советники пытались сказать – зачем же вы так делаете? На что кубинец недоуменно смотрел на нашего советника и говорил – а как ещё? Расскажи мне – как? И я тогда буду делать.

Кроме того, кубинцы делали свое дело очень чётко и жёстко спрашивали с ангольцев по выполнению поставленной им задачи.

Кубинцы непосредственно участвовали в разработке всех операций в ангольском Генштабе. И тут же на месте доказывали ангольцам – как надо что-то делать, как не надо делать, и советских же уговаривали – применяйтесь к условиям обстановки. Применяйтесь к тем кадрам, с которыми вы работаете, а не судите обо всем так, как вы привыкли в Советском Союзе.

Там да – вопросов нет. Поставил перед солдатом задачу – он её выполнил. А здесь совсем другая обстановка. Это ангольцы, а не советские или кубинцы. Так что, в этом плане они молодцы.

И шутка ли сказать, за время пребывания в Анголе маленькая Куба потеряла 15 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести⁴⁶. Мы потеряли в Афгане наших советских 15 тысяч убитыми, но то мы, а тут Куба – небольшая страна.

И конечно то отношение, которое было к кубинцам со стороны Горбачева – они просто этого не понимали. Потому что кубинцы по нашему приказу или просьбе (так называемой просьбе-приказу) – шли и в Анголу, и в Мозамбик, и в Эфиопию, и в Кампучию, и во Вьетнам, и в Никарагуа, и куда угодно.

⁴⁶ Всего кубинские войска потеряли в различных странах Африки восемь тысяч человек убитыми (*прим. ред.-сост.*).

Сказали советские – **Фидель Кастро** приказал – кубинцы пошли⁴⁷.

И после этого так разорвать отношения с Кубой, конечно, просто непонятно.

Мы как-то раз ходили в кубинское посольство записывать фильм про Куито-Куанавале. И посольские нам откровенно сказали – мы чего-то не понимаем всего этого отношения к нам. В их голосе слышались обида и недоумение.

– **А кубинцы в Анголе не отказывали вам в помощи?**

– Кубинцы нам всегда очень помогали. Я уже говорил об этом. Они просто считали для себя за счастье помогать нам. Неоднократно я ездил к ним – за продуктами, за формой, кино по видуку смотреть, да и просто в гости. Всегда они были нам рады, а уж нужна помощь – нет проблем, советико!

Вот, помню, как-то мука у нас закончилась. Ну ладно – достали мы сухпаёк, стали жевать эти галеты. Нет, конечно, галеты – хорошая вещь, ничего не скажу, но, тем не менее, без хлеба, как говорится, скучно.

У ангольцев на складах мука тоже кончилась. Что делать? Я говорю **Владимиру Николаевичу**: «Давайте я съезжу к кубинцам, может у них мука есть».

– Да неудобно, всё таки... Они наши братья, чего мы у них будем просить.

Я говорю: «Наглеть не буду, но, в конце-то концов, мы должны друг друга поддерживать».

– Ну, не знаю, **Игорь**, на твое усмотрение, как говорится, на твой страх и риск. Ну, мы поехали с одним нашим майором, **Толей Семенихиным** на **УАЗике**. Как обычно, охрана вскочила в машину, четыре человека – я их до этого научил, чтоб всё время ездили с нами.

Хотя я первый раз ехал, и был очень не уверен. – Ну, ма-

⁴⁷ Не совсем так, кубинцы отправляли в Африку регулярные войска, но состоявшие из добровольцев (*прим. ред.-сост.*).

ло ли. Скажут – ребята, да вы вообще обнаглели, или ещё что-нибудь в этом роде.

Заезжаем на командный пункт. Идет кубинец, я его спрашиваю – Амиго, извини, пожалуйста – где мне найти начальника тыла.

Он на меня смотрит – советико?

– Советико.

– Подожди, – и ушёл куда-то.

Стоим, ждём. Вдруг идёт офицер кубинский – я смотрю по погонам – капитан, на лице улыбка. И чем-то таким хорошим от его улыбки веет, я даже духом воспрянул. Всё будет хорошо, думаю про себя.

– Проблемы? – спрашивает.

– Проблемы.

– А что такое?

Я говорю – так, мол, и так, муки у нас нет, а хлеба-то хочется.

Он говорит – поехали. Садится со мной в машину, подъезжаем прямо к складу. А там то же самое, что и у ангольцев – вырыта яма, крыша маскировочной сетью накрыта.

Заходим туда, он спрашивает – сколько вам муки нужно?

– В каком это смысле – сколько?

– Ну, сколько мешков?

А мы с собой взяли мешочек, килограмм на 25, насыпать мучицы.

Говорю – не знаю, сколько дашь.

– Ну, забирайте.

А там много мешков лежало, на них написано большими цифрами – 50 кг.

– Ну, вот берите – хватит вам пока на первое время, а потом ещё приедешь. Какие проблемы? Сколько надо будет столько и дадим.

– Понял.

Ангольцы – мешок на плечи, им два раза повторять не надо было, быстренько все загрузили в машину.

- Что ещё надо?
- А что еще у тебя есть?
- Да вот, консервы всякие, галеты, масло, маргарин, тушёнка – смотри, что тебе конкретно надо.

Короче, мы с ним прошлись по всем складам, что у них там были. Но, конечно, я не борзел, то, что он предлагал, то мы и брали.

Собрались уже ехать, а он мне и говорит: «Ты не стесняйся – если чего надо – приезжай, вы для нас – старшие братья». Так прямо, открытым текстом, вы для нас – старшие братья... Кстати – форма нужна – ботинки, камуфляж.

– Да, надо конечно (форма и ботинки в полевых условиях очень быстро изнашивались).

– Ну, всё – приезжай. Или вот как, лучше всего привози своих ребят, мы их здесь прямо по росту и оденем, и никаких проблем.

Мы, совершенно обалдевшие от счастья, приезжаем к себе. Там наши сидят в «курилочке», которую мы перед этим оборудовали. Сделали скамеечку, а вокруг типа беседки соорудили. После приёма пищи выходили из столовой и курили, отдыхали.

Сидит **Владимир Николаевич**, подъезжает наша машина.

– Ну что **Игорь**, удалось чего-нибудь?

– Да так, по малости набрали, что могли.

Он подошел посмотреть – у него глаза на лоб полезли.

– **Игорь** – как это?

– Да взяли, что кубинцы нам дали.

– Но это же неприлично.

– Что значит неприлично? – он сам предлагал.

– Нет, я тебе не верю – говорит он.

Тогда **Толя** за меня вступился: «Командир, какие проблемы, я сам при всём этом присутствовал». Тут уж **Владимир Николаевич** успокоился, он знал, что уж **Толя** врать не станет, да и хамства не позволит никому.

Так я ещё раз имел возможность убедиться, что кубин-

цы действительно наши братья. Но, единственное, конечно – я никогда не злоупотреблял их доверием и расположением.

Вот интересный момент – какой-нибудь праздник, например, 9 мая, 1 мая, 7 ноября, 23 февраля. Нам приходит «указивка» сверху – повысить бдительность, исключить употребление спиртных напитков, расставить посты, как говорится, занять оборону и всё такое прочее.

Кубинцам приходит транспорт со спиртным. С нормальным, не самодельным – виски, джин и «Гавана клуб» – этот вонючий ром. Но рома мало приходило, в основном виски.

Но бутылка приходила литровая – на четырёх солдат. На солдат, не офицеров! В честь праздника.

Кубашам надо как-то отметить праздник. То есть, всё понятно – посты расставлены, бдительность повышена, кто на боевом дежурстве, вопросов нет – ни-ни... а остальные...

Приходит бутылка на четырёх солдат. Но поскольку присылали больше, то получалась бутылка литровая на двух солдат. И очень часто была такая картина – мы сидим у себя в столовой... Заезжает машина неровным шагом, как говорится – кубинцы уже пьяные приехали.

Вылазят.

– **Джеронимо!**

– Чего?

– Пить будешь?

Я говорю – а что такое?

– Да нам вот «вискаря» прислали.

Кубинцы сами приезжали, потому что они знали о наших «проблемах».

– Да мы всю вашу фигню советскую знаем.

Один кубинец меня подкалывал – что опять телеграмма пришла – повысить бдительность? Да пришла! Ну, давай повысим! И ставил на стол пузырь. Я говорю – ну, ты, провокатор!

Вот такие дела – так что, с кубинцами мы жили душа в душу.

Больше того – кубинцы построили землянку на 50 посадочных мест, привезли телевизор и видеоманитофон, и каждую неделю меняли кассеты. То есть, они улетали-прилетали на вертолётах каждую неделю и привозили кассеты на обмен.

У нас, в советской миссии, был киноаппарат «Украина», и мы смотрели таджикские боевики про революцию – Аул Душанбе, как говорится, красный флаг, вокруг банда душманов, все между собой дерутся, в итоге советская власть торжествует, и всё такое прочее. Шестнадцать серий за один сеанс, потому что пленка все время рвалась. И то, этот аппарат и не работал бы вообще, да наш специалист из «**Печоры**», **Валера Черёмухин** (золотые руки!) его нашёл и, по собственной инициативе, починил и наладил.

Вообще в «Печоре», все как на подбор люди были, у них «руки росли из нужного места».

Они собрали приёмник, фактически из ничего, и мы слушали Москву, как будто она была в соседней землянке. Мы слушали всё, что только можно: и «Голос Америки» и Би-Би-Си, и радио ЮАР, и чего только не слушали – Москва шла особенно чётко.

Я просто преклоняюсь перед этими ребятами – они из дерьма могли конфетку сделать!

В общем, **Валеру** сделали киномехаником, он стал крутить фильмы. Тут же замполит округа сделал запрос на Лунду – посылайте нам фильмы, мы будем их смотреть. Самое смешное, за просмотр этих фильмов с нас ещё и сдирали по два доллара.

Да и то, слава Богу, что хоть этот аппарат был.

А у кубинцев, пожалуйста, видео, нет проблем. И кубинский генерал, начальник кубинской тактической группы, когда мы приехали и спросили – а это можно смотреть? – сказал: «Да, конечно, приезжайте, без разговоров».

Они от нас стояли, в общем, недалеко, мы – на 13-м, а они – на 25-м километре от Куито-Куанавале, то есть, 12 км надо было до них ехать.

Как это всё выглядело: мы вечером садились на машину, с автоматами, с гранатами и ехали к кубинцам смотреть видео. Сейчас вспоминаешь всё это – надо же, охота пуще неволи – ехали почти ночью, иногда в крошечной темноте, «за десять вёрст киселя хлебать». Ведь могли и подорваться, и в засаду попасть...

Итак, кубинский генерал пригласил нас за стол, угостил, и говорит: «Ребята, нет проблем. Значит (я уж не помню) – то ли среду, то ли четверг он определил только для советских – если хотите, то приезжайте, занимайте весь зал, этот день будет только для вас. Все кассеты будут лежать, будет стоять солдат, который по вашему желанию любую кассету вставит. Пожалуйста, смотрите».

«А так, если хотите – приезжайте каждый день по пять, по шесть, по семь человек. Вот второй, третий ряд – это для вас, пожалуйста, приезжайте».

Мы, конечно, сказали все это в округе. Старший округа говорит: «Ну вообще, это опасное мероприятие, это трудно, соблюдайте все меры предосторожности. Хорошо, езжайте», и мы ездили или с советником начальника штаба округа (полковник **Владимир Альтшулер**) или с советником начальником разведки (полковник **Митяев**). Я с ним встретился недавно на приёме в ангольском посольстве, замечательный человек, с ним как раз и ездили, и ещё пять, шесть человек...

Вот представьте – маленькая Куба и огромный Советский Союз. Советские советники смотрят фильмы на аппарате «Украина», 1960-х или 1970-х годов выпуска (я не помню точно каких). А кубаши – на видео, пожалуйста.

– **Ещё раз о кубинцах как о бойцах?**

– Кубинцы воевали хорошо. Но, когда в 1975 году кубинцы разгромили заирцев – это было всё расписано как величайшая победа ангольской армии. Хотя там кубинцы

немало сделали. **Фидель Кастро** сказал – вперёд ребята⁴⁸. И они раздолбали колонну заирцев – заирских войск, которая шла с севера, накрыли их из **БМ-21** («Катюши»). То есть, они её просто накрыли площадным огнем – там никого больше не осталось. Но было сказано – это ангольцы – молодцы.

В 1977 году даже был учрежден такой праздник-карнавал: от Кабинды до Кунене – один народ – одна нация. Это когда в провинции Кунене на юге Анголы опять же кубинцы разбили юаровскую колонну. Раздолбали из всего, что только можно было, дошло даже до рукопашной, кубинцы из юаровцев дерьмо сделали просто-напросто. И потом этот фестиваль, карнавал, держался лет 15. Величайшая победа ФАПЛА! А ФАПЛА там вообще не было, ими там даже и не пахло. Это всё сделали кубинцы⁴⁹.

Вообще я хочу одну вещь сказать – если бы не Куба – Ангола бы «загнулась» очень быстро, её бы не расчленили – её бы просто стерли с лица земли. Это была бы – как Намибия (с 1915 по 1990 годы) – территория, оккупированная ЮАР, то же самое. Или же Заир бы с севера зашёл (прихватил бы Кабинду – нефтеносную провинцию Анголы и северные районы).

– **Расскажи, как улетал из Анголы, по окончании командировки.**

– Поскольку мы были на самой южной границе, на самом первом рубеже, то к концу командировки стали получать буквально следующие сообщения: «Вас заменят в самую последнюю очередь!».

Это было конечно страшно неприятно: как же так, уже

⁴⁸ Кубинцы в 1975 году прислали боевую технику и около 300 инструкторов (а затем ещё 200) в Анголу для обучения бойцов ФАПЛА, но были вынуждены затем напрямую вмешаться в войну, чтобы спасти сначала столицу Анголы, а потом и всю страну от захвата регулярными войсками ЮАР, Заира, ФНЛА и УНИТА (*прим. ред.-сост.*).

⁴⁹ Не совсем точно, ангольцы участвовали в тех боях, но первую скрипку играли, безусловно, кубинцы (*прим. ред.-сост.*).

приближалось время, два года у нас был срок. И вдруг нас заменят в самую последнюю очередь. То есть, сначала сказали, мол, в сентябре. А я приехал в Анголу 1 августа 1986 года. По идее, моя замена должна была состояться 1 августа 1988 года. А тут – в сентябре. Но это бы ещё ничего. Потом вдруг пришла новость, что в ноябре. Затем, что вообще до декабря никакой замены не будет.

А я уже потом как-то и смирился, думаю: «Ну что поделаешь? На всё воля Божья».

И тут как-то, 22 августа, прилетают кубинские вертолётчики. Самое интересное – они привезли кубинских артистов – ансамбль песни и пляски. В окопы! (Можно себе представить, что привезли бы советских? Советские в тылу только выступали, в Луанде, да по крупным городам Анголы).

А «кубаши» привезли кубинских артистов и артисток – девчонок с хорошенькими фигурками, чтобы солдаты порадовались, увидевши таких девочек. Мы обычно ездили к кубинским вертолёткам, потому что они наши письма привозили. В Менонге, главном городе округа, брали наши письма, привозили их в Куито-Куанавале, а мы подъезжали к их вертолёткам (**Ми-24** или **Ми-8**) – они передавали нам пакет – вот ваши письма.

В это раз мы чего-то не поехали, и с «пехоты» не поехали. Мы просто узнали, что привезли артистов, думаем – мало ли что, может быть, вообще писем нет.

Сижу я в своей землянке, и мне вдруг такая мысль пришла, я выхожу и говорю Толе: «А, может, съездим к вертолёту, а ну как там письма всё-таки привезли?»

Он говорит – ну давай! Сели в машину, четыре ангольца запрыгнули – наша охрана, и мы поехали.

Выезжаем на трассу, проехали немножко. Вдруг смотрим – навстречу нам едет машина, а в машине в кузове сидят двое белых людей в камуфляже.

Я сразу что-то такое заподозрил, выскакиваю из машины – стоять, кто вы такие? Один говорит: вот я – специа-

лист «**Печоры**», еду заменять специалиста. Другой говорит: «А я – переводчик, еду заменять, фамилию точно не помню, но, по-моему, **Ждаркина**».

Я говорю: «Так, так, ну-ка ещё раз повтори – кого ты едешь заменять?» А он перепугался немного: «Да Ждаркина!»

Какой же я издал тут душераздирающий вопль на всю округу: «А-а-а-а!»

Наши охранники тут же обо всем догадались, выскакивают из машины, тоже радуются за меня.

Я говорю: «Брат, ты **меня** приехал менять».

Приезжаем с ним обратно в наш лагерь, показал ему землянку, где он жить будет, провёл по территории миссии. Потом попросил Толю поехать в бригаду.

Приезжаем в бригаду, заходим в землянку к командиру, его звали Давидом.

– Вот, Давид, новый тебе переводчик, он будет вместо меня.

Давид меня спрашивает: «А ты когда собираешься уезжать?»

– Не знаю, должно быть, следующим бортом и улечу.

– А что ты сейчас не хочешь уехать?

– Да они, наверное, улетели.

– Как же улетели, они концерт дают, и улетать пока не собираются. Сейчас, подожди.

Сходил он на заглубленный КП, позвонил кубинцам.

– Они ещё не улетели, будут здесь ещё долгое время. Давай, точно успеешь.

– Серьёзно, что ли?

Я даже не поверил сначала, неужели и вправду можно улететь?

Обнялись мы с Давидом на прощанье, хорошо с ним работалось, попрощался с другими офицерами и солдатами бригады. И помчался я назад, в нашу миссию.

Всё за это время успел (а Давид сказал, что у меня не меньше сорока минут в распоряжении): помылся в бане,

передал всё, что надо и кому надо, взял справку о сдаче оружия у **Митяева**. Он мне написал справку, что я действительно пребывал в Куито-Куанавале с такого-то по такое-то.

Выхожу из землянки, прощаться с нашей охраной: значит так – я уезжаю.

Они строятся – все десять человек.

Я говорю: «Кто меня будет провожать? Давайте, выберите самых достойных». Сказал то в шутку, а тут такая «драка» началась, я вообще даже не ожидал, чуть не проследился! Все десять хотели меня проводить. В итоге, четырёх только отобрали, с остальными здесь пришлось проститься.

Приезжаем к вертолётам, а там уже запуск пошел. Я подлетаю ко второму вертолёту – к ведомому. Говорю: «Всё, я улетаю, командировка заканчивается».

Кубинцы: «Берем, вопросов нет». Захожу я в вертолёт... и в это время начинается обстрел!

Стреляли из дальнобойных орудий **G-6**, которые били на 47 км. Юаровцы умудрялись подтаскивать их поближе к позициям ангольцев, чтобы обстреливать кубинские вертолёты, садившиеся на тридцатом (!) километре от Куито.

И вот сижу я и думаю: «Ну, ё-моё! Сколько же можно? Ну, неужели я отсюда **никогда** не улечу?» ... А снаряды ложатся уже совсем недалеко.

В это время выходит из кабины знакомый борттехник-кубинец:

– О, **Джеронимо**, ты чего здесь?

– Да все, – говорю, – миссия закончена. – «Пара каска!» – «Домой!».

Он – обратно в кабину, выносит сколько там у него осталось в бутылке «Гавана клуб». Ром этот знаменитый.

– А у тебя нет чего-нибудь запить, закусить? – спрашиваю.

– Ничего, придётся так. Везёт тебе, а мне ещё здесь полгода...

Прилетаю в Менонге. На следующий день – политин-

формация. Старший округа, полковник **Величко** объявляет: «Так и так. Лейтенант **Ждаркин** закончил свою миссию в Анголе (а мне до этого уже присвоили лейтенанта), выполнил свой интернациональный долг. Давайте ему похлопаем».

И Величко мне говорит: «Ну что, Игорь – ты как хочешь. Хочешь – здесь отдыхай. Тебя никто ни на какие работы привлекать не будет. Ради Бога. Пей, гуляй, как говорится, вопросов нет. Хочешь – лети в Луанду».

Говорю ему: «Лучше здесь отдохну». Однако на следующее утро он ко мне подходит: «Игорь ты знаешь, пришёл борт. Если всё-таки хочешь – лети на Луанду, я тебя запишу в списки пассажиров».

Я прикинул и так и саяк: «А действительно – чего мне здесь сидеть?» И полетел в Луанду. Прихожу там к нашему старшему референту-переводчику, подполковнику **Белюкину Виктору Александровичу**.

*Я с ним тоже недавно встречался в посольстве Анголы – замечательный человек. Это благодаря ему я ношу медаль «За боевую заслугу». То есть, орден Красной Звезды – фью-ить (пролетел) – нет его – кто-то его носит. Пролетела и первая медаль «За боевые заслуги». Так вот, он, за мои два года пребывания в Анголе, ещё раз мне написал на медаль «За боевые заслуги». Потом подгадал, так сказать, настроение главного военного советника, подсунул ему, и тот подписал. Вот поэтому я ношу медаль «За боевые заслуги», благодаря **Виктору Александровичу Белюкину**. Он не только мне, но и другим тоже сделал, тем, кому до этого «зарезали» награждения.*

Так вот, прихожу я к нему и говорю: «**Виктор Александрович**, всё – вот я и приехал». Он в ответ: «Ну, что ж, вопросов нет. Отдыхай, отсыпайся, водку пей, я тебя ни на какие работы привлекать не буду. Ты у нас ветеран, два года по джунглям. Ты у нас на особом положении».

Я ему: «Домой хочу». Он говорит: «Это трудно. Но,

знаешь, сходи в отдел кадров, попытайся, может, получится что».

Прихожу в отдел кадров, сидит там какой-то очень важный тип. По лицу видать, всё время в Луанде просидел, а в боевые округа выезжал, чтоб «боевых» себе набрать. Я таких тогда сразу определял, да только мне уже всё равно было.

Объясняю ему – домой я хочу. Он в ответ: «27 августа собирался уезжать советник с женой, но билет только один, а он не хочет ехать один, без жены... Зайди завтра».

Захожу на следующий день, и вот чудо! Советник отказался, билет – мне, и я лечу 27 числа (а ребята наши улетели только 10 сентября). Я обалдел от счастья: не может быть, сам себе не верил. Побежали мы скорее в магазин, который в миссии нашей был, в Луанде, там женщины-продавщицы знакомые были, жёны специалистов наших. А многие специалисты – мои друзья-коллеги. Я говорю: «Ура, милые дамы, конец командировке! Всё, что ребята берут, на меня запишите. Гуляем!»

Посидели мы на прощанье, и переводяги там были, и специалисты, все мне удачной дороги желали. Такая вот была дорога домой!]

Дополнение:

Тогдашний командующий южноафриканскими силами обороны (САНФ) генерал Я. Гиндельхейс в своей книге воспоминаний пишет:

Итоги боев с сентября 1987 по апрель 1988 гг:

Кубинские войска и войска ФАПЛА (ущерб нанесенный САДФ и УНИТА)

Танки	94
БТР и БМП	100

БМ21/БМ-14	14
Д30/М-46 орудия	9
ТММ мосты	7
Грузовики	389
Артиллерийские и ракетные системы	15
Зенитные орудия 23 мм	22
МиГ-21/МиГ-23 истребители	9

САДФ (потери от действий советских, кубинских военнослужащих и ФАПЛА)

Танки	3
Ратель (БТР)	5
Каспир	3
Ринкхалс	1
Витингс	1
Квефул	1
(пять последних – грузовики)	
Радары	5
Мираж F I истребитель	2
(один сбит огнем противника, другой потерян по техническим причинам)	
Босбок – легкий разведывательный самолет	1

Кубинцы и ФАПЛА потеряли убитыми 4785 человек. Эти цифры подтверждены (различными источниками) и не включают в себя дезертиров, раненых и умерших от ран. Реальные цифры потерь выше на несколько тысяч.

САДФ потеряли убитыми 31 человека. Это реальные цифры и шестеро скончались от малярии»⁵⁰.

⁵⁰ *Jannie Geldenhuys. A General's Story. From an Era of War and Peace. Johannesburg. 1995. С. 222–223.*

Комментарии автора, записанные 3 сентября 2003 г.

Что же касается цифр убитых и раненых, представленных в данной таблице, то я сомневаюсь в их точности.

Так только за время моей службы в 21-й бригаде ФАПЛА были сбиты не менее четырёх южноафриканских самолётов типа «**Мираж**», один разведывательный самолёт и два вертолёт (прим. И.А. Ждаркина).

[Не хотелось бы обижать генерала **Гиндельхейса**, уважаемого не только соотечественниками, но и бывшими врагами, но он приводит, мягко говоря, неверные данные о потерях южноафриканской армии, в частности самолётов. Так же он не приводит огромные потери УНИТА (сотни погибших ежедневно во время самых жарких боев за Куито-Куанавале), а только южноафриканской армии САДФ (порядка 40 человек).

Кроме того, он вольно или невольно смешивает ФАПЛА, кубинцев, и при этом даже не упоминает СВАПО (а это – три очень большие разницы по уровню подготовки и умению воевать) и умалчивает, что именно угроза **Фиделя Кастро**, имевшего к марту 1988 г. подавляющее количественное и качественное превосходство в военной силе на земле и в воздухе, захватить Намибию, и несколько поражений войск ЮАР от кубинских частей и решила исход дела.

Так, подполковник **И. Ждаркин** на прямой вопрос – сколько времени понадобилось бы советским или кубинским войскам, если бы они находились там вместо ангольских войск и вели наступление с сентября 1987 г., чтобы выбить южноафриканцев с юга Анголы, ответил: «Полгода максимум» (прим. Г.В. Шубина).]

– **Игорь** – применялись ли ангольцами Т-34 у Куито-Куанавале, или только Т-54Б, Т-55 и Т-62?

– **Т-34**, в основном, закапывались в землю, для охраны аэродромов.

– Когда служил после Куито некоторое время переводчиком в танковой школе – там готовили ангольские экипажи на Т-54 или на Т-55?

– На Т-55Б.

– Кубинский спецназ встречался с американским спецназом только в Анголе, или и в Намибии тоже?

– Только в Анголе.

– Кто командовал кубинскими войсками в Куито-Куанавале?

– Бригадный генерал **Очоа (Очоа)**⁵¹.

– **Про коров, «говорящих по-португальски»?**

– Было это в 1986 г., месяц не помню, но уже начался сезон дождей. К нам в 19-ю бригаду приехала комиссия, частично из округа, частично из Луанды, возглавляемая секретарем партийной организации **СВС и С** (советских военных советников и специалистов) в Анголе, полковником **Мищенко**. Они производили проверку службы войск, прошли по обороне, забрели даже на минное поле.

Естественно, по мнению «высокого командования» всё у нас в 19-й бригаде было плохо, и даже очень плохо!!! На вечернем совещании Мищенко высказывал нам все эти претензии, нам не оставалось ничего делать, как только скромно соглашаться, поскольку, как известно, начальник всегда прав!

Но венцом всего был прозвучавший совершенно неожиданно вопрос специалиста по инженерно-саперному делу, из состава комиссии: «А, кстати, вы миссию-то свою на ночь минируете?» Мы все слегка обалдели от такого вопроса, наконец, наш старший, подполковник **Константинович**, выдавил:

– А, простите, зачем?

⁵¹ По возвращении на Кубу герой войны в Эфиопии (Огаден, 1978) и в Анголе (1987–1988), кубинский бригадный генерал **Очоа (Орландо Очоа Санчес)**, успешно проведший сражение при Куито-Куанавале, был приговорён к расстрелу в 1989 г. – формально за участие в наркоторговле.

– Как это зачем, – искренне удивился инженер, – это же ваша безопасность. На ночь поставили, утром сняли. Всё очень просто.

– Понимаете, в чем дело, здесь вокруг гражданское население проживает, коровы и козы бродят, иногда даже без пастуха.

– Ну и что, а вы таблички напишите, на португальском языке, мол, осторожно мины и так далее...

Я тогда был всего лишь младший лейтенант, и слова мне пока не давали, но, услышав такое «мудрое предложение», я не утерпел и ляпнул: «Ну конечно, а потом коровы будут ходить, и читать таблички на португальском языке?!» Если бы взглядом можно было испепелить, то от взгляда **Мищенко** я, наверное, превратился бы просто в кучку пепла.

– **Как хранились мины?**

– В общем и целом мины хранились достаточно толково, с соблюдением мер предосторожности, другое дело как они обслуживались.

Я уже говорил, что во время проведения этой комиссии мы ко всему прочему ещё совершили «путешествие» на минное поле, установленное перед одним из батальонов нашей бригады. Приехавший из Луанды проверяющий, полковник (специалист по инженерно-саперному делу), решил узнать, в каком состоянии находятся мины на минном поле, и предложил пройти туда и проверить. От такого предложения у советника командира этого батальона, майора **Дурденко**, просто глаза на лоб полезли (да и, честно говоря, у остальных тоже – и у советских, и у ангольцев). Но, как говорится, делать нечего, начальник хочет этого – значит, хотят и все остальные. Все пошли гуськом, я пристроился в самом конце. Шли мы, шли, а приезжий инженер всё восклицал: «Ну и где же мины, что-то не вижу!» Наконец, чуть-чуть сам не наступил на одну из них, его едва удержал инженер из округа, фамилия его была **Игнатъев**. Проверяющий очень обрадовался и предложил **Дурденко** посмотреть, каково состояние этой мины. **Дурденко**, естественно,

отказался. Приезжий инженер начал уверять его, что это не страшно, главное, как он говорил, «не нажать на рычажок». **Дурденко** объяснил весьма популярно, с применением специфических русских слов, что он слабо представляет себе, что это за рычажок такой. Наконец, **Игнатъев** отвинтил взрыватель, и все увидели, что внутри мины немножко воды, кроме того, немного ржавчины. «Вот видите», – восклицал проверяющий, – «а всё потому, что мины не обслуживаются должным образом!»

По его словам получалось, что ангольцы, вместе с нашим советником, должны регулярно совершать подобные «прогулки» на минное поле, отвинчивать взрыватели, и обслуживать мины. Каким образом можно загнать ангольцев на минное поле, он не стал объяснять.

По его приказу, после отъезда комиссии, **Игнатъев**, инженер из округа, остался у нас, дабы произвести смотр всему инженерно-саперному имуществу (прежде всего минам), а также провести несколько занятий с ангольцами. **Игнатъев** (к сожалению, не помню его имени-отчества) оказался весьма спокойным, уравновешенным человеком, без каких-либо претензий. Мы с ним быстро подружились, особенно, когда он узнал, что я служил в инженерно-сапёрных войсках. Так что, в течение двух с лишним недель я работал с ним.

А работать, честно говоря, было над чем. Грамотных специалистов-инженеров в бригаде было – кот наплакал, особыми знаниями по этому вопросу ангольцы не отличались. Были проверены все мины, взрыватели к ним, места и способ их хранения, особо указано на раздельное хранение мин и взрывателей. Также мы показали, как заряжать взрыватели: заводишь его как будильничек, нажимаешь на рычажок, и он встает на боевой взвод. Ангольцам это очень понравилось, несколько человек полдня просидели с нами, «играли с будильничками». Также несколько раз мы повторили, что нельзя бросать мины как арбузы, нужно быть осторожней, а то, не ровён час, они могут и взорваться.

Но, как говорится, то, о чём предупреждали, то и случилось. Как-то мы сидели у себя в миссии, кажется, после обеда отдыхали. Как вдруг вдали, в стороне бригады, раздался сильнейший взрыв, аж земля заходила ходуном под ногами. Мы с **Игнатьевым** посмотрели друг на друга, сразу все поняли, вскочили, на машину и – в бригаду.

Там выяснилось, что несколько ангольцев загружали мины в склад – больших размеров землянку. Один анголец стоял в самой глубине склада, возле мин, другой – посреди землянки, третий – на входе, а четвёртый – подавал мины и был снаружи. Но подавали они друг другу мины именно так, как мы им не советовали, то есть, бросали как арбузы. Видимо, кто-то не поймал, а склад был уже почти полный...

В итоге, как это ни печально, но из всех четырёх нашли только ботинок того ангольца, что был снаружи.

– **«Наказание» начальника оперативного отдела 21-й бригады за предательство?**

– Когда мы уже стояли в обороне, прикрывая Куито-Куанавале (после всех этих перипетий с окружением), к нам в 21-ю бригаду прислали нового начальника оперативного отдела, фамилии его, к сожалению, не помню. Он всегда был очень вежлив с нами (советскими), несколько раз приглашал нас на маленькие торжества по случаю каких-то там дат, постоянно прибегал советоваться по самым различным вопросам, изображал кипучую деятельность и «преданность делу революции». Однако с его приходом несколько наших групп попали в засаду УНИТА и юаровских войск, юаровцы очень точно стали бить по нашим позициям и командному пункту бригады. Вообще, складывалось впечатление, что они были весьма неплохо осведомлены о наших действиях и задумках. В общем, в итоге оказалось, что этот товарищ был просто-напросто предателем и потихоньку информировал противника обо всём, что мог. Наказание было **«суровым»**: его убрали из нашей бригады и отправили в тыл, подальше от боевых действий.

– **Ситуация, когда вы передавали координаты нашей**

21-й бригады, после чего юаровцы начинали бить по вам с большой точностью.

– Будучи всё время в движении (на операции), мы перемещались с места на место, и когда занимали определенную позицию, естественно, передавали на базу в округ наши координаты. Правда, сначала это делали ангольцы (командование бригады), но, видимо, они делали это неаккуратно, потому что при обстреле юаровцами снаряды ложились неточно, были большие перелеты или недолеты. Наш **Михалыч** был человек очень скрупулёзный, к делу всегда относился со всей ответственностью, то есть координаты снимал и передавал точные (не в пример ангольцам). Видимо, в округе (в Куито-Куанавале), среди ангольского командования были предатели, которые, получая координаты, передавали их противнику. А, поскольку наши (советнические) координаты были точнее, то после того как мы их передавали, и юаровцы начинали бить точнее по нашей бригаде. Естественно, мы это очень быстро обнаружили, и **Михалыч** несколько раз поднимал этот вопрос на разных уровнях, но мер принято так и не было.

– **Г-3 (Ж-3) (G-3) – южноафриканская винтовка – поправилась ли?**

– Может, здесь сыграло роль то, что я, в общем-то, уже привык к автомату **Калашникова. Ж-3 (G-3)** практически наполовину сделана из пластмассы, затворная рама с затвором у нее находится слева (а не справа, как у автомата **Калашникова**), причём расположена там, где у **АК** находится цевье, в общем, непривычно. Когда у меня перекосило патрон в **Ж-3**⁵², я по привычке (как у автомата **Калашникова**), стал передергивать затвор, а он возьми да и сломайся. Я

⁵² Штурмовая винтовка западногерманского производства **G-3** и бельгийская штурмовая винтовка **FN FAL** (обе под патрон 7,62x51 мм) и их варианты производившиеся по лицензии в различных странах мира, в том числе и в ЮАР, уступают по популярности в Африке только автомату **Калашникова (АКМ)** (патрон 7,62x39 мм) (*прим. ред.-сост.*).

с ужасом подумал, а вдруг вот так же, да в бою!!! Понравилось то, что **Ж-3** легко и быстро разбирается (вынимаешь штырьки и в руках «обломки винтовки»), это хорошо для чистки и переноски, например, в сумке. Сама она сравнительно лёгкая, но, как я и слышал и читал, достаточно капризная, в отличие от **АК**, которому все «по фигу» – хоть в песке лежать, хоть в воде.

– **Плавающий танк ПТ-76 применяли в Анголе, но применяли ли его при Куито-Куанавале?**

– **ПТ-76** я в Анголе видел неоднократно, состоял на вооружении разведподразделений ФАПЛА, например, первый год у нас в 19 бригаде, в Мулондо (5 военный округ) несколько **ПТ-76** были в разведроте. В Куито-Куанавале я их не видел, может они, и были в соседних бригадах, точно не могу сказать. Но, во всяком случае, этот танк трудно не заметить, он отличается от другой бронетехники.

– **БМД-1 применяли ли вообще в Анголе?**

– Наверно, всё-таки, применяли, поскольку машина компактная и очень эффективная. Может, она состояла на вооружении бригад ангольского спецназа, глубинной разведки. Наверняка, кубинцы ездили на ней в Анголе. Лично я её не видел.

– **СУ-100 не применяли?**

– Похоже, что нет. Во всяком случае, мне её видеть не доводилось.

– **Улетали и прилетали в Анголу на Ил-18 или Ил-62?**

– Советники, специалисты и переводчики прилетали на **Ил-62**, или **Ту-134**. Технику, видимо, привозили на кораблях или на **Ил-76**. **Ил-18** явно использовался кубинцами. Эта машина очень удобна для перевозки личного состава. Мне даже доводилось видеть в 1997 году, как румынский контингент войск ООН прилетел на **Ил-18**, видимо, мы продавали эти самолёты многим нашим странам-союзникам.

– **Сбитый «Мираж», на борту аппаратура советского производства?**

– Аппаратура советского производства на борту юаровского самолёта «**Мираж**» так и осталась неразрешённым вопросом. То ли юаровцы сняли сохранившуюся аппаратуру с какого-нибудь сбитого самолёта советского производства, пилотируемого ангольским лётчиком, то ли закупили ее где-то (хотя где?), прельстившись широко известным прекрасным качеством её исполнения. В общем, всё это так и осталось невыясненным.

– **Насколько в штабе Куито-Куанавале разбирались в обстановке на фронте.**

– Дело в том, что в штабе Куито-Куанавале, может быть, и разбирались в обстановке (уж советская-то сторона точно разбиралась). Но пока они там рассуждали, дискутировали, принимали решение (а ангольцы очень любили поговорить, обсудить вопрос со всех сторон, как они говорили), обстановка продолжала меняться, и их решения и приказы приходили к нам несколько поздно, когда уже требовалось другое решение. Кроме того, ангольская сторона не всегда объективно докладывала обстановку, что-то скрывала, что-то боялась докладывать. Именно поэтому, старший советник округа и советское командование требовали от нас объективно и оперативно докладывать обстановку, ничего не утаивая, что мы и старались делать. Но потом наши советники шли к ангольцам, и там начиналась волынка, о которой я уже сказал выше. Всё это очень негативно влияло на общее положение дел и, особенно, на положение дел на фронте.

– **as FAPLAS Gloriosas?**

– Этот термин (славные ФАПЛА) постоянно применялся в средствах массовой информации Анголы, во всех руководящих документах, во всех речах, выступлениях и обращениях. Естественно, все победы ФАПЛА, добытые с помощью, например, кубинцев, приписывались **as FAPLAS Gloriosas**. Может, кстати, это так и нужно было для поднятия морального духа ангольских войск, чтобы они, наконец, поверили в себя, в свои собственные силы и перестали бо-

яться, хотя бы УНИТА. Мы иногда в шутку, особенно, после каких-либо неудачных мероприятий ангольцев, говорили, что это достижение **os Macacos Gloriosos** (славных обезьян).

Самое интересное, что это выражение «**os Macacos Gloriosos**» я услышал первый раз не от советских специалистов, а от одного ангольского командира подразделения. Мы слушали радио, по которому передавались бравурные сообщения о победах ФАПЛА, а перед этим как раз была завалена одна из операций, слава Богу, не особо крупных. Этот анголец, услышав по радио – **as FAPLAS Gloriosas** – цветисто выругался, а затем с нескрываемой злобной иронией сказал: «Какие **as FAPLAS Gloriosas?! Os Macacos Gloriosos!!!**» Я, честно говоря, сидел несколько ошеломлённый и не знал, что и сказать.

– **Оружие старое, миномёт 1939 г.**

– Один из ангольцев (офицер) увидел в техническом описании **миномёта М-39** [калибра 82 мм], что он 1939 года выпуска (то есть, запущен в серию в 1939 году), и стал презрительно говорить, что вот мол, старье им в Анголу «сплавляют». Наш советник, услышав такое, попросил меня перевести: «1939 год не означает старье, это значит, что **миномёт настолько хорош, что до сих пор используется в Вооружённых Силах СССР**, он прекрасно зарекомендовал себя, и ещё неизвестно, когда будет снят с вооружения». После такой отповеди анголец извинился, сказав, что не знал этого и тут же вспомнил про танк **Т-34**, который использовался ещё в Великой Отечественной войне и до сих пор применяется в Анголе, например, на охране аэродромов.

– **По поводу того, что «вшей в окопах кормили».**

– Все это пришлось испытать «на собственной шкуре». Дело в том, что как мы горько шутили, обстрелы нас юаровцами продолжались «25 часов в сутки», так что не было никакой возможности помыться нормально, горячей водой. Приходилось наскоро отливаться холодной. И вот, когда мы уже стояли на реке Мианей (конец октября – начало но-

ября) наш техник **Саша Фатьянов** (а мы с ним спали под **БТРом**) вдруг спрашивает меня: «**Игорь**, у тебя нет ощущения, что по тебе кто-то бегаёт?» У меня такое ощущение уже было несколько дней, и я даже подумал, а вдруг это вши. (Это ощущение мне было уже знакомо, так как, когда я служил срочную службу в Сибирском округе, в Шилово, в нашем гарнизоне были вши, и я с ними боролся, будучи еще солдатом). В общем, когда мы с **Саней** проверили нашу одежду, нашли в её складках и швах самых обыкновенных, «стандартных», как выразился **Саня**, бельевых вшей. Пришлось уничтожить, было как раз что-то вроде затишья. Мы нагрели воды, хорошенько помылись, а нашу одежду пришлось сжечь, хотя негры очень просили не сжигать, говоря, что они её хорошенько отмочат в керосине. Но мы решили не рисковать, поскольку они тоже спали с нами под **БТРом**, и нам не хотелось ещё раз подцепить вшей.

– **Обстрел 25 декабря 1987 года, на католическое Рождество, пробита вся посуда, бачки для еды, бачки для спиртного?**

– 25 декабря у ангольцев считалось праздником (не только Рождество) – **День Семьи**. Естественно, мы надеялись на благоразумие юаровцев, все ж таки праздник. Но, уже в 8 часов утра они долбанули по КП восемью снарядами, так сказать, на затравку. Всего за день они выпустили по нам более 120 снарядов из 155-мм орудий. Только с 17.10 по 18.00 было выпущено 85 снарядов. В общем, весь день был «огонь на изнурение». Когда, наконец, они закончили, мы, придя на нашу импровизированную кухню, обнаружили, что все бачки для еды, посуда, стол, брезент, бочка для воды были пробиты осколками (об этом, кстати, указал **Михалыч** в своей телеграмме от 26 декабря). Когда же мы решили хоть как-то «забыться», так сказать, залить своё горе, то техник **Саша Фатьянов** вдруг обнаружил, что бачок с брагой пробит у самого основания и вся брага вытекла. Это было уже слишком!!!

Тут к нам пришел комбриг **Н'Телека**, узнал о нашем «го-

ре» и предложил свою помощь. Солдат принёс из запасов комбрига, и тут уж мы оттянулись.

– **Как развлекались – карты, шашки, нарды?**

– Карты, шашки, нарды – всё это было. Естественно, развлечений было мало, да и не до них было. Самое интересное, что в нарды я так и не научился играть нормально (а, может, просто и не хотел), но наш артиллерист (**Сущенко**) и техник (**Саша Фатьянов**) – были просто мастера и «резались» постоянно. Что касается карт, то народ постоянно расписывал «Кинга», это так называемый «офицерский преферанс». У нас в Куито были супермастера по преферансу, например, наш старший «Печоры», **Зиновьев Владимир Николаевич**. Он сначала обыгрывал всех, кого мог (а играли на сигареты, в основном). Затем, по доброте душевной, он начинал эти сигареты раздавать – не мог видеть, как народ мучается без курева. Я тоже пытался играть в «Кинга», но меня это почему-то не увлекло, хотя я даже пару раз выигрывал, и народ говорил, что у меня есть к тому способности, их, дескать, надо развивать и так далее.

– **Как дневник чудом выжил – расскажи поподробнее, как жгли документы, как готов был дневник уничтожить.**

– Когда мы на Убе влипли в этот «мешок»⁵³, мы стали жечь все документы, которые могли представлять хоть какой-либо интерес для юаровцев и УНИТА. Но, честно говоря, у меня всё-таки, теплилась надежда, что мы выберемся. Я сжёг секретную кодовую таблицу, какие-то там циркулярные распоряжения по организации и ведению сеансов связи, а также ещё несколько бумаг, которые **Михалыч** определил к немедленному уничтожению. По поводу дневника **Михалыч** сказал: «Смотри сам, но если что, мой приказ был – уничтожить!» Честно говоря, видимо, он и сам надеялся на лучшее, и ему не хотелось, чтобы я уничтожил дневник, тем более что он часто помогал мне в написании (давал

⁵³ Мешок (военное) – в данном случае – войска (военные части) в окружении или прижатые боевыми частями противника к реке.

необходимые данные, разъяснял подробности по технике и вооружению, советовал, как лучше отобразить то или иное событие и т.д.)

Тетрадь радиogramм подлежала уничтожению!!! Но я её спрятал, и сжечь не дал. Когда вёз все это через границу, положил на самый низ сумки, а перед тем завернул в несколько слоев бумаги. Если бы кто-то меня заложил, что я везу такие вещи, их, наверно, нашли бы, но на меня никто не «стукнул», хотя некоторые знали.

– **Судьба Н'Гелека – командира 21-й бригады?**

– О судьбе капитана **Н'Гелека** – командира бригады – я узнал только из юаровской книги, когда юаровцы приезжали в Институт Африки. В книге было написано, что его, то ли в 1991 году, то ли в 1992 году убили в Уамбо юаровские командос⁵⁴. Точнее сказать не могу.

– **О твоём увлечении индейцами. Как студентом в вигвамах жил?**

– Индейцами Северной Америки я увлёкся еще в детстве, было мне лет одиннадцать-двенадцать. Сначала были книги **Фенимора Купера** и **Майн Рида**, затем, естественно, более серьезная литература (исторические книги, мемуары, исследования наших и зарубежных ученых). Даже пытался учить языки некоторых племен (Дакота, Алгонкины и др.) учась в школе, во время одной из олимпиад по истории (тема была – освоение Америки) занял первое место

В индейских палатках-**типи** я жил в 1983 году на всесоюзном **Пау-Вау** (индейском Совете), проходившем возле поселка **Каннельярви**, что под Ленинградом. Туда съехались **индеанисты** со всего Советского Союза. Палаточный городок состоял из более чем 30 типи. Все эти люди, как и я, увлекались индейцами, причём на очень серьёзном, научном уровне. У меня тогда было имя **Чёрный Мокасин** (за мое пристрастие к чёрной обуви).

⁵⁴ Вероятно, речь шла об УНИТА или о южноафриканских наёмниках на стороне УНИТА.

– **Подробнее о Джеронимо (годы жизни и основные подвиги – кратко).**

– **Джеронимо** (индейское имя **Гойатла**) происходил из племени **апачей-бедонкое**, но после того, как мексиканцы в одном из набегов убили его мать, жену и детей, он ушёл с остатками своего рода жить с племенем **апачей-чирикауа**. Почти год **Джеронимо** был в трансе от пережитого и не мог ничего делать, голодал, чуть не умер, хотя до этого был хорошим воином и охотником. И вдруг после года такой жизни ему пришло видение, наделившее его огромной силой, и сказавшее ему, что его не поразит ни одна стрела, ни одна пуля и т.д.

Джеронимо не был вождём как таковым, у индейцев это называется «**боевая рубаха**». **Джеронимо** был не вождём, а скорее шаманом-провидцем и военным лидером. Вожди обращались к нему за мудростью, которая приходила к нему во внезапных видениях. То есть он был храбрым воином и мудрым, расчётливым и талантливым военачальником, которому люди полностью доверяли, и шли с ним в бой, не раздумывая, зная, что под его командованием они победят, что и случалось в большинстве случаев. Больше двадцати лет ни американцы, ни мексиканцы не могли ничего поделать с **Джеронимо**. Американцам удалось захватить его только при помощи обмана. Генерал **Нельсон Майлз** послал лейтенанта **Чарльза Гейтвуда** (друга **Джеронимо**) с сообщением, что американское правительство согласно простить **Джеронимо** после того, как он с остальными своими воинами и их семьями проведёт два года в тюрьме во Флориде. После этого им разрешено будет вернуться в **Аризону**. **Джеронимо** поверил **Гейтвуду** (который сам не знал о готовящемся обмане) и сдался. Но американское правительство, естественно, не выполнило своего обещания.

За свое бескомпромиссное сопротивление **апачи-чирикауа** были наказаны хуже, чем какие-либо другие индейцы США. Все они, даже женщины и дети, почти тридцать лет

оставались военнопленными, сначала во Флориде и Алабаме, затем в **форте Силл** в Оклахоме. В 1913 году для чирикахуа было отведено место в резервации **мескалеро** в южноцентральной Нью-Мексико. Около двадцати трех из оставшихся в живых переместились к мескалеро, а остальные остались около **форта Силл**.

Джеронимо прожил ещё почти двадцать два года, сначала во Флориде, затем в Оклахоме, где и умер, и похоронен. Всю оставшуюся жизнь он жалел о том, что поверил генералу **Майлзу**. Его убежище в горах **Сьерра-Мадре** было практически недосыгаемо ни для американцев, ни для мексиканцев. В качестве примера можно привести компанию против апачей 1883 года, когда американский генерал **Джордж Крук** (апачи его называли **Нантан-Люпан – Вождь Серый Волк**), имея более 5 тысяч солдат регулярной армии, несколько мексиканских полков и сотни индейских скаутов-разведчиков, решил штурмовать **Сьерра-Мадре**. После месяца боев потери генерала составили **1024 человека**, в то время как воинов Джеронимо погибло всего **9 человек!**

После сдачи **Джеронимо** убежище в горах **Сьерра-Мадре** ещё очень долго (вплоть до 40-х годов XX века) использовалось мятежными апачами, навахо и команчами.

– **Откуда появилось прозвище «Джеронимо»?**

– Кличка **«Джеронимо»** появилась, можно сказать, случайно, в Анголе, в 1986 году. Один из ангольцев не мог произнести мое имя **«Игорь»**. Сколько бы он не пытался – не получалось. Но у него вышло **«Джеронимо»**. Остальным неграм понравилось, они спросили, не против ли я. Я был несколько ошеломлен таким «совпадением» с моим увлечением индейцами и согласился. После этого практически всегда и везде я представляюсь иностранцам как **«Джеронимо»** (хотя перед этим всегда говорю и свое настоящее имя – **Игорь**). Самое интересное, что иностранцы с удовольствием останавливаются на варианте **«Джеронимо»**. Практически все военные атташе, с которыми я сейчас часто работаю, знают меня именно как **«Джеронимо»**.

– **Когда женился? Когда родился сын, когда посадил его на коня (по казачьему обычаю)?**

– Женился я в 1988 году, через несколько месяцев после возвращения из Анголы. Венчались мы с женой в **Гомельской старообрядческой церкви**. Там же крестили сына (сын, **Святослав**, родился 9 января 1992 года), церковное имя его – **Григорий**.

9 января 1993 года, по старинному казачьему обычаю, посадил его на коня (если мальчик заплачет – плохой будет казак, а если засмеется и вцепится в гриву коня – всё нормально). Святослав сразу вцепился в гриву и несколько раз довольным голосом хихикнул. Потом я сам сел сзади него и провез его несколько кругов.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Краткая биография автора

– **15 августа 1965 г.** – родился в городе **Гомеле, Беларусь**.

– **1965–1982** – проживал в городе **Выборге, Ленинградской области**, 1981 г. – окончил среднюю специализированную школу с преподаванием ряда предметов на английском языке в городе **Выборге**;

– **1981–1982 гг.** – работал на кондитерской фабрике **всовщиком-фасовщиком**;

– **1982–1983 гг.** – учеба в **Гомельском государственном университете**, историко-филологический факультет;

– **1983–1985 гг.** – служба в рядах **Вооруженных Сил СССР**, разведподразделения инженерных войск, **механик-водитель инженерной разведмашины**, механик-радиотелефонист отдельного инженерно-саперного батальона (**Северо-Кавказский и Сибирский военные округа**);

– **1985–1986 гг.** – учёба на ускоренных десятимесячных курсах португальского языка при **Военном Институте иностранных языков** с присвоением по окончании воинского звания **«младший лейтенант»**;

– **1986–1988 гг.** – служба в **Анголе** в качестве военного переводчика, в том числе в бригадах, принимавших непосредственное участие в боевых действиях;

– **1988 г.** – присвоение воинского звания **«лейтенант»** в процессе службы в **Анголе**;

– **1988–1990 гг.** – продолжение учёбы в **Военном Институте иностранных языков** по специальности **«референт-переводчик английского и португальского языков»**;

– **1990–1991 гг.** – служебная командировка в **Республику Мозамбик**, служба в **93-м отдельном вертолётном отряде специального назначения** в качестве старшего авиационного переводчика;

– **1991–1992 гг.** – продолжение учёбы в **Военном Институте иностранных языков** по специальности **«рефе-**

рент-переводчик английского и португальского языков», выпуск в звании «старший лейтенант»;

– **1992–1993 гг.** – служба в **Московском суворовском военном училище**, старший преподаватель английского языка;

– **1993–1995 гг.** – служба в **Военном Краснознамённом Институте Министерства обороны** (бывшем Военном Институте иностранных языков);

– **апрель–октябрь 1995 г.** – служебная командировка в **Республику Бангладеш** в качестве переводчика группы специалистов **БМП-2**;

– **январь–июль 1996 г.** – служебная командировка в **Республику Ангола**, офицер по связи и взаимодействию Российской авиационной группы в составе миротворческих сил ООН по поддержанию мира в Анголе (миссия **UNAVEM-III**);

– **январь 1997 – январь 1998 гг.** – служебная командировка в **Республику Ангола**, офицер по связи и взаимодействию Российской авиационной группы в составе миротворческих сил ООН по поддержанию мира в Анголе (миссии **UNAVEM-III** и **MONUA**);

– **1998–2002 гг.** – служба в **Военном университете Министерства обороны** (бывшем Военном Краснознаменном Институте Министерства обороны);

– **октябрь 2002 – декабрь 2006 гг.** – **Институт военной истории Министерства обороны**, старший научный сотрудник, начальник группы международного отдела.

– **декабрь 2006 – по настоящее время** – работает в качестве переводчика (письменный, устный, синхронный перевод) в различных компаниях и организациях, включая краткосрочные командировки, в том числе и за рубеж.

Владеет английским, португальским, испанским, бенгали, польским, белорусским, украинским языками.

Правительственные награды:

- медаль «**За боевые заслуги**»
- медаль Республики Куба «**За оборону Куито–Куанавале**»
- медаль «**На службе мира**» 3 степени (войска ООН)
- медаль «**Ветеран боевых действий**»
- медаль «**Ветерану-интернационалисту**»
- медаль «**За укрепление боевого содружества**»
- медаль «**15 лет вывода советских войск из Афганистана**»
- медаль «**За безупречную службу**» 1 степени
- медаль «**За безупречную службу**» 2 степени
- медаль «**За безупречную службу**» 3 степени
- медаль «**70 лет Вооруженных Сил СССР**»
- знак «**Воину–интернационалисту**» и Почётная Грамота Президиума Верховного Совета СССР
- нагрудный знак «**Ветеран войны в Анголе**»

За время пребывания в заграничных служебных командировках был дважды контужен, получил увечье (левого плечевого сустава), нейросенсорную тугоухость II степени, сотрясение головного мозга, переболел вирусным гепатитом и более десяти раз малярией.

В процессе работы в Институте военной истории (ИВИ МО РФ) с октября 2002 года по декабрь 2006 года около 60 визитов (визиты делегаций ИВИ в зарубежные страны и визиты иностранных военных делегаций в Институт военной истории).

Из книги мемуаров полковника Сергея Коломнина⁵⁵

С августа 1987 по май 1988 года только ангольские ВВС совершили с аэродромов Куиту-Куанавале и Менонге 2950 боевых вылетов. Из них примерно 1100 пришлось на выполнение боевых задач по нанесению ракетно-бомбовых ударов по наземным войскам, в ходе которых были уничтожены сотни унитовских и южноафриканских солдат и офицеров, а так же десятки единиц боевой техники. Все задачи выполнялись ангольскими и кубинскими лётчиками на истребителях **МиГ-21бис**, **МиГ-21МФ**, **МиГ-23МЛ** и истребителях-бомбардировщиках **Су-22**. При нанесении ракетно-бомбовых ударов авиацией ФАПЛА обычно использовались бомбы советского производства **ФАБ-250** и **ФАБ-500** (весом в 250 и 500 кг), а также 57-мм неуправляемые ракеты «воздух-земля» и пушечное вооружение. Для нанесения ракетных ударов были задействованы вертолёты **Ми-24** и **Ми-8МТ**. По ангольским данным средствами ПВО ФАПЛА и авиацией было сбиты до 40 самолётов и вертолётов ЮАР.

В каждой из элитных ангольских бригад (16-й, 21-й, 47-й и 59-й) ФАПЛА были советские военные советники, специалисты и переводчики (от 8 (6) до 15 человек)⁵⁶.

Первым руководителем группы из 40 советских военных специалистов и переводчиков в Анголе (с ноября 1975 г.) был полковник **В.Г. Трофименко**. А первым главным военным советником являлся, сменивший его в марте 1976 г. генерал-майор **И. Пономаренко** (численность военных и специалистов возросла с 200 человек до 344). Генерал-лейтенант **В.В. Шахнович** командовал советскими военными советниками и специалистами с 1977 по 1980 гг., и их чис-

⁵⁵ Коломнин С. Русский спецназ в Африке. М., 2005. С. 256, 261.

⁵⁶ Там же. С. 227.

ленность была уже свыше 500 человек. Генерал-лейтенант **Г.С. Петровский** руководил военными советниками и специалистами с 1980 по 1982 гг. Генерал-полковник **К.Я. Курочкин** руководил ими с 1982 г. по 1985 г., и число военных советников и специалистов стало свыше 2000 человек (и оставалось на том же уровне до 1988 г.). Генерал-лейтенант **Л. Кузьменко** был главным военным советником в Анголе в 1985–1987 гг., а генерал-лейтенант **П.И. Гусев** – в 1987–1990 гг. В апреле–ноябре 1990 г. эту должность занимал генерал-майор **С. Суродеев**. С ноября 1990 по 1992 гг. исполняющим обязанности главного военного советника был генерал-полковник **В.Н. Беляев** (бывший начальник штаба ВДВ СССР). При нём численность советских военных советников и специалистов составляла несколько десятков человек. С 1991 г. его должность стала именоваться – Главный военный консультант Министерства обороны Анголы. Его сменил на этой должности с 1992 по 1994 гг. генерал **В. Лебедев**. Всего за 1975–1991 гг. в Анголе служили или находились в командировке 107 советских генералов и адмиралов, 7211 офицеров, свыше 12 000 военнослужащих, а если учитывать военных моряков, лётчиков военно-транспортной авиации, авиатехников, моряков, морпехов, то не менее 30000 военнослужащих и 1000 гражданских специалистов⁵⁷.

Информация с гостевой страницы сайта Российской Ассоциации ветеранов войны в Анголе

Председатель Совета Региональной общественной организации участников оказания интернациональной помощи Республике Ангола – «Союза ветеранов Анголы» полковник запаса **Вадим Андреевич Сагачко** [05.04.2007]

⁵⁷ *Коломнин С.* Русский спецназ в Африке. М., 2005. С. 73–74, 99, 220–221.

...Те шесть кубинских **Т-55**, которые я видел на поле боя под Куито Куанавале были подбиты кумулятивными снарядами и сгорели вместе с экипажами. И хотя кубинцы потом забрали останки своих танкистов, но мы находили среди обгоревших гильз фрагменты человеческих костей. Танки находились в обороне, в окопах и боезапас⁵⁸ был расстрелян полностью. Ребята стояли до последнего и видно они так сильно допекли противника, что тот вымещал злобу расстреливая в упор из гранатометов уже сгоревшие танки – так как в башнях некоторых из них было еще по 5–6 гранатометных пробоин.

Два подбитых ангольских **Т-54Б** стояли неподалеку в лесу на минном поле, поэтому детально осмотреть их не удалось. У одного была обгоревшая моторная часть, у другого разрушены передние правые катки...

[05.04.2007] **В. Сагачко**

...Безусловно, что армия ЮАР была сильнейшей и по оснащению, и по технике, и по обученности. Но вот только я не склонен верить такому соотношению потерь. Юаровские источники, мягко говоря, лукавят, особенно по технике. В военной терминологии очень много нюансов в определении потерь: «боевые потери», «временные потери», «санитарные потери», «безвозвратные потери» и т.д.

Так вот, 3 танка и 5 бронемашин это те самые «безвозвратные потери», которые были брошены экипажами и которые не удалось эвакуировать с поля боя и они были захвачены ангольцами и кубинцами. (И это только в во время последней попытки прорваться к Куито Куанавале с 27 февраля по 11 марта 1988 г.) Некоторые даже в исправном состоянии. Впоследствии бронестекло с этих бронемашин использовалось кубинцами в «боевых машинах сопровож-

⁵⁸ Боезапас танка **Т-55** составляет 43 снаряда калибра 100 мм и 3500 патронов для двух пулемётов **ПКТ** калибра 7,62 мм. Экипаж – 4 человека (*прим. ред.-сост.*).

дения колонн». Остальная же подбитая техника (в любом состоянии) юаровцами эвакуировалась и восстанавливалась, поэтому «боевыми потерями» не показывалась...

Потери в личном составе возможно реальные, так как перед своими танками они пускали не свою, а унитовскую пехоту. И естественно в ЮАР никто не считал сколько их полегло... И конечно же вызывает большое сомнение (южноафриканские) данные о потерях противоположной стороны (4785 убитых с ангольско-кубинской стороны и около 15 тысяч раненых (тут данные «гуляют» – от 12 до 18 тысяч), 94 танка, 100 бронемашин. А со стороны ЮАР – 31 убитых и 280 раненых, 9 самолётов, 3 танка, 5 бронемашин). Если ни в кубинских, ни в ангольских источниках вообще никаких данных о потерях не приводится (что конечно же не есть «очень хорошо»), то откуда такая точная информация вплоть до одного человека по убитым и тем более по раненым. Разведка? Радиоперехват? Так 07.01.2007 я приво-дил пример как они в моей бригаде (10-й пехотной бригаде) из 10 убитых и 18 раненых наши потери довели до 360 человек и ещё 5 советников в придачу.

[01.02.2007] В. Сагачко

Точных документальных данных подтверждающих при-менении химического оружия конфликтующими сторона-ми в Анголе нет. А если бы оно реально имело место, то, я думаю, за 20 лет прошедших после означенных событий, документы подтверждающие этот факт давно уже бы разве-вались на флагштоке какой-либо из сторон.

Из официальных документов имеются только «О приме-нении химического оружия советско-кубинскими войсками»:

1. Книга *Антонова Н.* «Химическое оружие на рубеже на рубеже двух столетий». М. 1994. Ничем не обоснованная выдержка из которой кочует в интернете из сайта в сайт: «В 1985 году химическое оружие применялось в Анголе кубинскими или вьетнамскими военными, в результате, чего были зарегистрированы трудно объяснимые воздействия

на окружающую среду...» И «косвенные свидетельства западных журналистов» о которых я писал в своем письме к Бабурову:

(Гостевая, лист 5) ...После применения ЮАРовской армией химических снарядов радиостанция «Голос Чёрного петуха» сообщила, что это советско-кубинские войска (вот первоначальный источник мифа о советских частях на территории Анголы) обстреляли химическими снарядами и уничтожили три ангольские деревни. Потом эту информацию продублировали «Голос Америки» и «Радио Свобода»...

О применении химического оружия армией ЮАР:

1. Протест Министра иностранных дел Анголы;
2. Заявления советской прессы о применении войсками ЮАР в 1985 и 1987 г.г. на юге Анголы боевых отравляющих веществ (химического оружия).

3. Документы Комиссии по восстановлению справедливости и примирению (ЮАР), созданной в 1995 г., чтобы расследовать преступления, совершенные обеими враждующими сторонами во времена апартеида (то есть с 1.03.1960 г. до 10.05.1994 г.) В 1998 г. бывший армейский генерал Кнобель дал показания комиссии о применении бактериологического оружия при осуществлении диверсий в Анголе, Мозамбике, Замбии и Зимбабве (подчёркиваю – бактериологического, но не химического)

Все остальное – свидетельства очевидцев. (Дневники **Игоря Ждаркина** «Такого не было даже в Афгане».)

Моё мнение по данным событиям.

Первое. Химическое оружие кубинскими и ангольскими частями не применялось.

а) Советских химических частей на территории Анголы не было. СССР никогда не поставлял Кубе и Анголе химического оружия. Это косвенно подтверждается так же тем, что в ангольских бригадах не было подразделений химической защиты и не было средств защиты, даже противогазы встречались редко. В Программе боевой подготовки не было занятий по **ОМП**.

б) Всё происходившее на территории Анголы, как в ангольских, так и в кубинских войсках, и всё, что пытались сохранить в тайне, становилось достоянием пересудов и слухов в среде советских военных коллективов. (Примеров привести можно очень много). А такое событие обязательно выползло бы в виде слуха в нашей среде. Тем более, что в кубинских войсках работало очень много советских военных технических специалистов.

Второе. Настоящее химическое оружие войсками ЮАР не применялось. Применялись дымовые снаряды снаряженные «белым фосфором».

а) По свидетельствам очевидцев, при обстреле артиллерией ЮАР ангольских бригад налицо имелись все признаки разрывов химических снарядов. Но только несколько ангольских бойцов попавших под разрывы скончались мгновенно, а у остальных попавших в газовое облако (в т.ч. и у наших советников) было сильное удушье и признаки отравления. В случае же применения боевых **ОВ** погибших было бы сотни, а то и тысячи.

б) Представители армии ЮАР потом утверждали, что ими применялись дымовые снаряды, которые противник принял за химические. Недавно, листовка ЮАРовский справочник по вооружению, я прочитал что их 155-мм артиллерийские дымовые снаряды снаряжены «белым фосфором». А продукты горения «белого фосфора» вызывают летальный исход, сильное удушье и химический ожог дыхательных путей, что похоже на действие боевых **ОВ**. Так что всё сходится. Хотя и возникает ряд вопросов по целесообразности массового применения этих снарядов в данной обстановке.

в) Впоследствии нашими советниками из Луанды был получен приказ добыть оставшиеся после разрывов фрагменты «химических снарядов». Приказ был успешно выполнен, пару снарядных «стаканов» (в химических, дымовых и агитационных снарядах разрушается только головная часть и остается «стакан») были отправлены в Луанду

и далее в Москву на экспертизу. И если бы экспертиза подтвердила факт «боевых ОВ», то, я думаю, это нашло бы своё отражение в последующих заявлениях советского правительства, как рычага давления на ЮАР на международном уровне. Ведь шёл 1987 год и война продолжалась.

Информация от участников этих событий. Я лично общался с ними в 1988–1989 гг.

[20.12.2006] **Вадим Сагачко**

Для «шестого». Листал гостевую и наткнулся на Ваше первое сообщение насчет полковника **Храмова** из ВДВ, который «...в Анголе «раздолбал» бригаду наемников из ЮАР, захватив их тяжёлую технику и танки. Там в Анголе получил третью «Звезду»...» Подполковник **Храмов** до 1.10.1987г. являлся советником командира 21 пехотной бригады ФАПЛА и никакого отношения к спецназу не имеет, разве только то, что в Союзе он служил в ВДВ. После успешного начала правительственными частями наступления и возникшей реальной угрозе захвата «столицы УНИТА» Мавинга (что признается и юаровскими источниками) южноафриканские войска вторгаются на территорию Анголы и атакуют подразделения 16, 21, 47, 59 бригад ФАПЛА. Наступление правительственных войск было остановлено и после тяжёлых боев они стали переходить к обороне на рубеже реки Ломба. Но и ЮАРовские части несли потери и не смогли форсировать реку Ломба. Днем 26 сентября 1987 года через 30 минут после окончания артиллерийского налета юаровской артиллерии, коллектив советских военных советников 21 ПБр вышел из блиндажа и сел за стол под деревом. Со стороны противника прозвучал одиночный выстрел из орудия (было ли это танковое орудие или артиллерийское – неизвестно). Снаряд попадает в крону дерева и вверх разрывается. Переводчику младшему лейтенанту **Олегу Снитко** крупным осколком отрубает руку и перебивает ногу. Все остальные, а это советник командира бригады подполковник **Храмов**, советник начальника политотдела **Ара-**

гелян и советник начальника штаба бригады **Дейкин** получают ранения мелкими осколками в спину и плечи. Кубинцы выслали вертолёт с врачом, но район посадки вертолётки находился в нескольких километрах от КП бригады и **Олега Снитко** доставляют туда на корме танка. От потери крови и болевого шока **Олег** умирает. Всех раненых награждают орденами «Красной звезды». Был ли награжден **Олег Снитко** мы не знаем – сейчас устанавливаем. Почти через год, когда я уезжал в Анголу, в начале августа 1988 года, к нам в группу на занятия, которые проводила «десятка» со всеми отправляемыми в Анголу (военно-политическая обстановка, оргструктура противника, национальные особенности племен и т.д.) полковник **Н. Зеленик** привёл поделиться боевым опытом **Храмова, Арагеляна** и **Дейкина**. Им только что вручили ордена. Никаких рассказов о захваченной у противника боевой технике не было. Сказали только то, что там «грязь, пот и кровь», но кому повезет – будет жить у океана. ЮАРовский же танк «**Элефант**» («**Олифант**») был захвачен 11 марта 1988 года во время последней попытки ЮАРовских войск овладеть Куиту-Куанавале. Но этот бой – тема другого рассказа. В это же время в провинции Кунене был захвачен исправный «**Ратель**», а многие командиры ангольских бригад разъезжали на трофейных **Лендроверах**. В заключение хочу сказать, что зачастую человек не по своей воле обрывает подвигами благодаря журналистам или «испорченному телефону»...

[05.02.2007] Подполковник ПВО запаса **Г. Сергиенко**
Работать было интересно.

Технику и вооружение зенитно-ракетного комплекса **С-125 «Печора»** для зенитно-ракетной бригады ФАПА/ДАА была доставлена в район Менонге в июне-июле месяце, где уже находилась аналогичная бригада РВС Кубы и уже несла боевое дежурство по охране аэродрома и непосредственно города.

Войска противовоздушной обороны Кубы на вооружении

у себя на родине имели (на то время) в основном **ЗРК С-75 «Волга»** и вопросы перевооружения и переподготовки на **С-125 «Печора»** проходило непосредственно при нашем участии. Так как сильных специалистов в области знания этого комплекса не было, в отличие от анголан: которые проходили подготовку в учебном центре Янгаджа, некоторые офицеры закончили Одесское ЗРУ (зенитное ракетное училище) и были, даже, с высшим академическим образованием Калининская Академия Войск ПВО. Учились все с желанием, что анголане, что кубинцы – интерес был спортивный: кто лучше, воспользовавшись этим, мы устраивали состязания стартовых расчётов, боевых расчётов по боевому слаживанию; опыт приобретённый мною пригодился непосредственно в Советском Союзе, на разных должностях.

За техникой уход был исключительным: достаточно сказать, что ходить в кабинах боевого управления в обуви разрешалось только нам – Советским специалистам (советико ассессорам). Порой были смешные и не смешные ситуации: к смешным – технику натирать («лавар») соляжкой, что из-за большой влажности приводило к гниению материальной части, сколько не говорили, сколько не просили – «всё по нулям»: в Янгадже так учили (без учёта климатических особенностей); не смешные: перед боевыми стрельбами все регулировки выставили на всей технике либо вертикально, либо горизонтально; а утром уже составлены два «**КрАЗа**» развешены флаги и портреты президентов, и пора стрелять, мужикам пришлось постараться: регламент проводить «по экрану наведения». Занятия, впервые дни проходили с трудом: слабое знание языка и трудно было различать не то, что поимённо, но и трудно было отличить анголан от кубинцев, но это на первой неделе, затем стали различать не только по дивизионам, но и по именам и фамилиям, лицам – началось сотрудничество.

Удивляла тяга анголан к языкам и их желание и способность в освоении русского языка: достаточно один раз называть и показать (только правильно, без наших «особенно-

стей» слово заменителей), назавтра он всё правильно показывает и называет (но не более одной проверки в боевых параметрах, если две и более – будь готов к выезду по устранению неисправности)...Радовала уверенная работа планшетистов, операторов ручного сопровождения, операторов **РЛС**, стартовых расчётов.

Опыт и навыки приобретался специалистами с трудом и, видя положительные результаты – мы этим, несомненно, гордились; мы всячески старались поддерживать: привезя с Советского Союза «кучу» значков мы их награждали за достигнутые результаты.

После завершения обучения и подготовки бригады к заступлению на боевое дежурство были организованы боевые стрельбы, которые показали хорошие результаты: два пуска по авиабомбе **САБ** – два подрыва по цели, и это всё на глазах не только населения и командования, но и на глазах УНИТы и южноафриканских лётчиков – это был для них наглядный пример, а для нас показатель, что время там мы проводили не зря. Зенитно-ракетной бригады **ФАПА/ДАА** заступила на боевое дежурство по охране и обороне воздушных рубежей 6 Военного округа в районе Менонге.

А для нас начался новый период подготовки к передислокации нашей бригады в район Куито-Куанавале, т.к. операция «II съезд МПЛА – ПТ» только начиналась, а наша авиация с аэродрома Менонге Джамбу и Мавингу не доставали.

[07.02.2007] **Г. Сергиенко**

В Лубанго располагалась бригада **ФАПА/ДАА** вооружённая комплексом «**Волга**», указанный Вами год соответствует этой действительности. На тот момент сложилась определённая обстановка угрозы с моря, находились флот США, и были приняты срочные меры по укреплению побережья, а именно Лубанго, Намиб (Масабиеш) и Луанда. Район Лубанго и Намиба я знаю плохо, т.к. там мне не пришлось работать, но на этих комплексах работал мой това-

рищ Сергей Васильев. И если, мне не изменяет память, там находилась и зенитная ракетная бригада РВС Кубы. Есть один момент связанный с кубинцами за который я не могу отвечать полностью, но факт известный в кругах ПВО, если есть интерес могу рассказать...

С помощью дивизионов, которые Вы разгружали в Лубанго, анголанам и кубинских удалось отодвинуть флот, и упростить угрозу с моря. Укрепление побережья на тот момент считалось достаточным, но время шло и получилось следующее: **С-75** стал основным базовым комплексом (это комплекс среднего радиуса действий (Дальность – примерно 56 км, и по высоте примерно 25–30 км), а **С-125** основным комплексом на малых высотах (Дальность – 25 км, по высоте от 20 м до 20 км), т.е. перекрывал малые высоты. То, что я назвал, и есть смешанная группировка, которая располагалась в Луанде и Кабинбе. Существенные отличия: **Волга** – одна ракета на пусковой, **Печора** – смотря какая пусковая: 2 или 4 ракеты. Комплексы не были достаточно мобильны (мобильность достигалась только за счёт отличной подготовки расчётов), они находились в не угрожаемый период на одном месте. Но вероятность поражения весьма высока: практически равнялась единице. Поэтому противостоящая сторона, отлично зная тактико-технические характеристики комплексов и опыт боевого применения во Вьетнаме, Египте и др странах, старалась в зону поражения комплексов не входить. Да и авиация у юаровцев была достаточно хилая: турбовинтовой «**Буканир**»⁵⁹ и слабенькая «**Импала**», единственная угроза – это «**Мираж**», который и доставлял все неприятности, но и этим научились бороться: зная маршруты полётов авиации и рельеф местности на стыки зон поражения на боевое дежурство выходили «качующие» батареи

⁵⁹ Не верно. «**Буканир**» – это мощный, хотя и устаревший двухмоторный реактивный бомбардировщик (морской штурмовик) морского базирования английского производства. Подробнее см. аббревиатуру (прим. ред.-сост.).

комплекса «**Оса-АК**», вот они то и «щёлкали», но, на сколько мне известно, это были в основном вертолёты и один или два самолёта. Преимущество «**Оса-АК**» – в мобильности и быстром оставлении позиции, что отсутствовало у нас, и у них были трудности с тем же энергоснабжением (приходилось «таскать» дизель за собой). Но орденов и они не получили, т.к. «умные» головы требовали подтверждения о сбитии, по минным полям не очень то и хочется ходить. Ноги дороже: а «гуманных» мин и на дорогах хватало.

[11.02.2007] **Sledok**

Уважаемые ветераны Анголы!

Давно в ваших краях не был, хотя несколько раз в прошлом выступал в гостевой, в том числе выставлял всякие отрывки из публикаций на других сайтах о действиях авиации ЮАР в Анголе. Надеюсь, что это было интересно. У специалиста по ЗРВ в Анголе **Сергиенко** встретил такую фразу: «Да и авиация у юаровцев была достаточно хилая: турбовинтовой «**Буканир**» и слабенькая «**Импала**», единственная угроза – это «**Мираж**», который и доставлял все неприятности, но и этим научились бороться: зная маршруты полётов авиации и рельеф местности на стыках зон поражения на боевое дежурство выходили «качующие» батареи комплекса «**Оса-АК**», вот они то их и «щёлкали»...» А сколько нащелкали то? Данные есть? У южноафриканцев выходит, что были сбиты только единицы... Я им сам не верю, но выходит у **Сергиенко**, что никакой угрозы ни «**Буканиры**», ни «**Импалы**» ангольцам не доставляли. Так ли это? Да – это были явно устаревшие машины. Но, почитайте воспоминания того же **Мякоты**. И **Импалы** и **Буканиры** успешно охотились за техникой и живой силой на юге. Видимо там, где размещались комплексы ЗРВ, а **Сергиенко** пишет то дальность «**Печор**» и «**Волг**» была от 20 до 50 км., они перекрывали «свою» территорию. Но всю же территорию они не смогли прикрыть! Был бы рад, если бы **Сергиенко** или кто-то другой мог это пояснить. Заранее спасибо.

[12.02.2007] **Г. Сергиенко**

Для Sledoka

Если внимательно читать, то я сообщил, что сбивали, в основном, вертолёты и то, преимущественно, в ночное время, а про два – три самолёта – это, строго, со слов специалистов **«Оса-АК»**. Подтвердить или опровергнуть это врядли смогу, т.к. сбитым считался только тот летательный аппарат – обломки которого предоставлены для обозрения или подтверждено уничтожение фотоконтролем, данные о подтверждении было предоставить достаточно трудно из-за труднодоступности тех мест. Могли быть просто подбитые аппараты, которые совершили «вынужденную» или вернулись подбитыми, задача войск ПВО выполнена: удар сорван. Сопредельная сторона могла и не давать потери, а могла их и скрыть, как это не раз делалось в настоящих вооружённых конфликтах. Слабенькими назвал потому, что радиус боевого применения не позволял им долго находиться в районе боевых действий: им нужна полоса, им нужно топливо, им необходимо достаточное обслуживание, в отличии от вертолётов: которые возможно применять с площадок «подскока» и произвести обслуживание в непосредственной близости от района, поэтому они и были наиболее опасными, т.к. подлётное время минимальное – привести комплекс в готовность к боевому применению довольно сложно, поэтому и написал о применении комплекса **«Оса-АК»** и плюс **ПЗРК «Стрела-2»**, а затем и **ПЗРК «Игла»** в качестве «качующих» батарей.

[25.02.2007] **Г. Сергиенко**

Хочу поделиться воспоминаниями по одному из случаев боевого применения ЗРВ (зенитно-ракетных войск) в Анголе: примерно, в июне-июле 1987 года. Утро, у нас большой шум: из Луанды запрашивают (по требованию Москвы) результаты противовоздушного боя, проведённого войсками ЗРВ на территории Анголы. Мы – ни сном, ни духом. Наши «подшефные» в этом не участвовали. Только через

два часа обстановка прояснилась. Оказывается, в районе Кахамы (точность не гарантирую, но место где-то рядом) кубинцы выставили «кочующий дивизион» **С-75 «Волга»** – так их «достали» самолёты ВВС ЮАР. Всё сделали скрытно, даже от нас. В результате пуска только одной(!) ракеты было уничтожено два самолёта типа **«Мираж»**. Получилось так: подрыв был по первой цели, а вторая влетела в обломки! Был доклад на Кубу **Фиделю**. Тот естественно, – в Москву, а оттуда уже к нам. За абсолютную достоверность фактов не ручаюсь, сам в этом бое не участвовал, но такой случай имел место в Анголе...

[21.04.2007] **кенг**

8.08.88 Самолёт президента республики Ботсвана (**ВаЕ-600**) летел по воздушному коридору» в Луанду. Дивизион **С-125 «Печора»** который стоял чуть южнее-западнее Куиты обнаружил цель. По параметрам полета что-то реактивное (может **Мираж?**) Запросили КП бригады. Чего делать? А там Тишина... Приняли решение обстрелять цель сами. Стреляли очередь из двух ракет. После старта управления ракет не было. Они ушли вверх на самоликвидацию. Цель прошла на юг. Но в Менонге видимо кубаши её засекли и подняли **МиГ-23**. Тот цель обнаружил и стрельнул ракетой с тепловым наведением. Ракета взрывается у одного из двигателей самолёта президента. И отрывает его. Двигатель горит и падает, самолёт летит на одном. Вторая ракета с **МиГа** идет на тепло падающего двигателя. Это и спасает президента. ПС: Потом разборки в **Печоре**. Понаехали всякие музэнатоки ЗРВ. Даже из Союза. и давай расследовать. Олухи от ГВС и Советника по ВВС и ПВО Анголы – орут на Печерцев – почему не сбили ! Подсоветная цветнина⁶⁰ не верит в **Печору!!!** А генерал из Москвы – слава богу что не сбили сынки! То очень большой скандал бы был! Вот так!

⁶⁰ Подсоветная цветнина (жаргон) – ангольские негры (*прим. авт.-сост.*).

[30.04.2007] **Geronimo**

Самолёт президента Ботсваны был обстрелян в августе 1988 года нашей бригадой «**Печора**», стоявшей в Куито-Куанавале. Его счастье, что не сработал захват, самолёт сопровождения выполнил противоракетный маневр и не смог из него выйти – упал. Сначала нас кинулись ругать, мол, почему не сбили? А потом говорят, да вы знаете по кому стреляли – это же президент Ботсваны! Он летел в Луанду на встречу в верхах, но его, видимо, не предупредили, что этот коридор уже полтора года закрыт в связи с войной.

[09.05.2007] **Geronimo**

Вадим Андреевич!

«**Печора**» стояла именно в Куито-Куанавале, когда стреляла по президенту Ботсваны. Кенг правильно написал, что непосредственно при стрельбе был спец.при КД «**Печора**» **Валера Черёмухин**. Советником командира бригады, которого звали Давид, был подполковник **Маслов**, он сменил полковника **Зиновьева Владимира Николаевича**. А переводчиком в «**Печоре**» был **Игорь Ждаркин**, то есть я. **В. Зенцов** сменил меня в конце августа. Сначала на наши головы посыпались шишки, мол, «почему вы, негодяи такие, не сбили этот самолёт. Это уже не первый раз у вас не срабатывает захват! Чем вы там занимаетесь?» и т.д. А затем стали говорить: «Да вы знаете, по кому вы стреляли? Это же президент Ботсваны!» **Маслов** и не знал, что и отвечать...

[30.01.2008] **Мищенко Сергей**

Здравствуй Сергей Анатольевич. Собираюсь на пенсию, появилось свободное время, вспоминаю Анголу. Нашёл в сети Ваш и украинский сайты. За ночь всё изучил, получил неопишное удовольствие. Огромное всем спасибо! Служил в НРА 1986–1988 гг. старшим лейтенантом, специалистом по боевому применению **ПЗРК Игла**, **Стрела-2**, **Стрела-3**, **ЗРК Стрела-10** и контрольно-проверочному оборудованию ракет. Жил в Луанде на Куке, работал на

центральном складе вооружения НРА под Луандой. Ездил с проверками тех. состояния и обслуживания **ЗРК** в Лубанго, Уамбо, Менонге и др. Учили первый набор ангольцев на **Стрелу-10** (1988 г., Лубанго) и др. Самое интересное, конечно, принимал участие в операции в Куито-Куанавале с 15.08.1987 по 18.11.1987, затем ещё месяц восстанавливал технику после, к сожалению, можно сказать, бегства с речки Ломба. При мне погиб полковник **Горб. Молодец Ждаркин Игорь**, всё написанное им правда до мелочей (тоже вёл дневник). Только кроме указанных им 21-й, 25-й, 47-й и 59-й бригад была еще аналогичная по численности и вооружению тактическая группа (так называли), которая шла с ними одним фронтом. В этой группе выполнял обязанности советника начальника ПВО. Есть десяток фото о нашем рейде (всего прошли 423 км), в том числе трофейного, захваченного у УНИТА вооружения и др.

Для Г. Шубина: С1987 г. успешно применялись **ЗРК Игла** и **Стрела-10**. Получал с сухогрузов, тестировал все ракеты, перегонял в округа. В то время эти комплексы по ТТХ (тактико-техническим характеристикам) были лучшими в мире. **Стрелой-10** были сбиты почти все ЮАР самолёты во время операции под Мавингой (половину которой описал **Ждаркин**). Кстати, работа ПВО, на мой взгляд, была единственным неоспоримым «результатом» этой операции. Правда, количество сбитых самолётов – тема отдельная...

С уважением,

*подполковник милиции Украины
Мищенко Сергей*

[17.03.2007] **О наградах**

Подвиги наши ребята совершали много и награждались. Но вот только награды зачастую (если это только было не именное представление) вместо них получали другие. Те, кто дружил с кадрами, а выше «кадров», как известно, только Солнце. Так в «первой партии» наших военных в 1976 году были награждены медалью «За боевые заслуги»

повар и киномеханик, а трудяги курсанты-переводчики остались «за бортом». В 1987–1988 гг. некоторые офицеры из Луанды только за получасовое посещение осажденного Куиту-Куанавале получали ордена, а многие из боевых бригад – ничего. В 1989–1990 г.г. в уже относительно спокойный Куиту-Куанавале из Луанды летели все – от военного прокурора до работников военторга, что бы сделать отметку в личном деле и получить заветную «корочку» «Свидетельство о льготах» участника боевых действий. Из 24 наград присланных в Анголу по разнарядке в мае 1990 года за подготовку и проведение операции «Зебра», только 4 досталось офицерам фронтовых бригад. Но и не надо думать, что все советники Генштаба ФАПЛА из Луанды были «орденопросцами», многие из них добросовестно выполняли свою работу, оказывая помощь подсоветным, и не паниковали при обстрелах. Так, например, генерал-лейтенант **Беляев В.Н.** с подчинёнными офицерами оперативного отдела в составе Передового командного пункта Фронта ходил за реку Ломба. Это на удалении 80–100 км от Куиту-Куанавале. Сплошной линии фронта там не было, оборона «очаговая», а война партизанская. И таких примеров привести можно много, но об этом в другой раз...

[27.07.2007]

Мы всегда ссылались на официальные данные о наших потерях, опубликованы, в труде института Военной истории РФ «СССР и Россия в локальных войнах и конфликтах»: «... До 1991 года в Анголе погибли и умерли 54 советских гражданина, в том числе 45 офицеров, 5 прапорщиков, 2 солдата срочной службы, двое гражданских служащих, а 10 – получили ранения. Один военнослужащий попал в плен...». Конечно, это официальные данные, и только по линии 10-го Главного Управления ГШ ВС СССР. У Союза ветеранов Анголы есть основания считать, что советские потери в Анголе были больше».

С уважением, Председатель СВА В. Сагачко

АББРЕВИАТУРА И СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

40 мм (Мк.40) – подствольный гранатомет производства ЮАР. По внешнему виду напоминает штурмовой автомат. Вес – 2,2 кг. Эффективная дальность выстрела – от 30 до 150 м. Предельная дальность – до 400 (375) м.

40 мм (MGL Mk.1)(40x53) – ручной шестизарядный гранатомет производства ЮАР. По внешнему виду напоминает револьвер с откидным прикладом. Вес – 6,3 кг. Прицельная дальность выстрела – от 30 до 150 м. Предельная дальность – до 375 м.

81 мм (МЗ) – миномёт южноафриканского производства. Оснащён прицелом типа **Н-019** (вес прицела – 1,5 кг). Вес гранатомета (полный) – 41,5 кг, вес трубы – 14,4 кг. Дальность выстрела – от 100 до 5000 м.

107 мм реактивная буксируемая система залпового огня (**Тип 63**) была разработана в Китае и принята на вооружение в 1959 г. Широко экспортировалась, в том числе и в африканские страны. Производилась также в КНДР, Иране и ЮАР (копия **Тип 63** выпускалась в ЮАР под индексом **RO 107**). Её отличие от китайского аналога в том, что боевая часть турбореактивного снаряда включает в себя стальные шарики для увеличения поражающей силы. Система расположена на лафете артиллерийского орудия в виде направляющих с 12 стволами, расположенными в три ряда. Масса – 611 кг. Расчет – 5 человек. Вес турбореактивного снаряда – 18 кг, длина – 80–90 см. Дальностью – до 8,5 км. Существует и модификация **Тип 63**, устанавливаемая на восьмиколёсном (4x4) грузовике. При этом перевозится дополнительный боекомплект из 12 снарядов.

АГС-17 – автоматический гранатометный комплекс (автоматический станковый (ленточный) гранатомет «**Пламя**»). Вес – 22 кг, калибр 30 мм, количество снарядов в ленте – 29, максимальная дальность выстрела – 1700 м. Выпускался в различных модификациях с 1971 года. Ныне заменяется на более совершенную модель **АГС-30**.

АК – автомат Калашникова (**АК-47**) – выпускался с 1949 по 1974 г. Вес – 4,9 кг. Калибр – 7,62 мм (7,62x39). Магазин на 30 патронов. Прицельная дальность выстрела 500–700 м. Выпускался и выпускается по лицензиям в десятках стран мира. С 1959 по 1973 г. производился его улучшенный вариант – **АКМ**. Всего было выпущено не менее 70 миллионов **АКМ** и **АК-47**. Благодаря простоте, дешевизне и высоким эксплуатационным качествам является самым массовым оружием второй половины XX – начала XXI веков. С 1974 года заменен на **АК-74**, калибра 5,45 мм. Ныне в России выпускается его модифицированный вариант – **АК-103**.

АКБ – аккумуляторная батарея.

АКМ – автомат Калашникова модернизированный (с деревянным прикладом).

АКС – автомат Калашникова со складывающимся прикладом.

АМ-3 Bosbok (Bosbok) (АМ-3 Босбок) – производившийся в ЮАР с 1973 г. лицензионный вариант однодвигательного двухместного итальянского легкого самолёта-наблюдателя **Aermacchi (Аэромаччи)**. Длина – 9,09 м. Высота – 2,72 м. Скорость – до 278 км/ч. Потолок – до 8400 м. Время полёта – до 4 час. 30 мин. Отличается коротким взлетом (85 м) и посадкой (66 м). Оснащён четырьмя дымовыми ракетами, выпускаемыми для обозначения штурмуемых позиций.

AML-90 (Eland-90, ElandMk.II, ElandMk.III, ElandMk.IV, ElandMk.V, ElandMk.VI, Eland Mk.VII) (Эланд-90) (АМЛ-90) – четырёхколёсная (2x2) бронемашина. Лицензионный вариант бронемшины **Панар (Panhard AML 245) (АМЛ-90)**. Выпускалась в ЮАР в различных модификациях с 1963 г. Масса – 5,5 т. Экипаж – 3 человека. Двигатель – бензиновый (только на последней модификации **Eland Mk.VII** – дизельный. Было выпущено 224 единицы данной модификации). Вооружение – пушка калибр 90 мм (дальность стрельбы – 1200 м по бронетехнике и 2200 м – по пехоте) и два пулемёта калибра 7,62 мм (7,62x51) (один – для стрельбы по низколетящим воздушным целям). Ско-

рость – 90 км/ч. Запас хода – 600 км. Броня – 10 мм. Защищает от пуль калибра 7,62 мм. Преодолеывает водные преграды глубиной до одного метра. На бронемашину возможна установка специальных средств для придания дополнительной плавучести. Всего в ЮАР было произведено свыше 1300 (1400) бронемашин типа **Эланд-60** и **Эланд-90**.

АМЛ-60 (Панар AML-60) (Panhard AML-60) – разведывательный четырёхколёсный (2х2) бронеавтомобиль французского производства. Оснащён 60 мм казнозарядным башенным миномётом (боекомплект 20 снарядов) (дальность поражения легкобронированных целей до 300 м прямым выстрелом и до 1700 м – навесным огнем) и двумя спаренными пулемётами калибра 7,62 мм (2400 патронов). На вооружении с 1961 г. Экипаж – три человека. Масса – 5,5 т. Длина – 3,8 м. Высота – 2 м. Броня 8–12 мм. Мощность карбюраторного двигателя – 90 л.с. Скорость – до 100 км/ч. Угол подъема – 31°. Высота преодолеваемого препятствия – 0,3 м. Ширина преодолеваемого рва – 0,8 м. Глубина преодолеваемого брода – 1,1 м. Запас хода – 600 км. По воде передвигается за счёт индивидуального плавсредства (вращения колёс) со скоростью 6–7 км/ч. Может перевозиться на самолётах. На вооружении десятков стран мира. Выпускался в ЮАР под обозначением **Эланд-60**.

Ан-12 – военно-транспортный самолёт. Выпускался с 1959 по 1972 гг., в том числе в Польше и Китае. Оснащён четырьмя турбовинтовыми двигателями. Дальность – от 3600 до 6000 км. Экипаж – 5–6 человек. Перевозит до 20 т грузов (58 десантников, 95 солдат или 90 раненых). Способен садиться, и взлетать с грунтовых аэродромов. Вооружение – двустольная скорострельная пушка для прикрытия задней полусферы калибром 23 мм. Сотни самолётов данного типа, давно выработавших свой ресурс и списанных на слом, оказались в частных авиакомпаниях, их широко используют в нарушение всех летных норм в странах Азии и Африки.

Ан-22 Антей – тяжёлый военно-транспортный самолёт. Производился с 1967 г. Оснащён четырьмя турбовинтовыми двигателями. Назначение – десантно-транспортные операции. Экипаж

5–6 человек. Перевозит от 60 до 80 т грузов (151 десантника или 292 солдата или 202 раненых, или 1 танк или 4 **БРТ** или 4 **БМП**). Единственный в мире сверхтяжёлый транспортный самолёт способный приземляться и взлетать с грунтовых взлётно-посадочных полос. Значительно превосходит по экономичности **Ан-12** и **Ил-76**. Скорость – 560–750 км/ч. Дальность – до 5200 км. Вооружение – двуствольная скорострельная пушка для прикрытия задней полусферы калибром 23 мм.

Ан-24 – пассажирский 52-местный самолёт для перевозок пассажиров на линиях средней и малой протяженности. Оснащён двумя турбовинтовыми двигателями. Скорость – 450 км/ч. Дальность – 2000 км. Экипаж – 4 человека. Выпущался с 1962 по 1978 гг.

Ан-26 – транспортный самолёт для перевозки и десантирования грузов. Является грузовой модификацией самолёта **Ан-24**. Экипаж – 4–5 человек. Скорость – 430 км/ч. Дальность – до 2000 км. Перевозит до 40 солдат или 30 раненых. Максимальная загрузка – 5500 кг.

Ассессор (португальск.) – советник

Алуэт II (Alouette III) (Жаворонок) – лёгкий вертолёт производства Франции. Производился с 1960 г. Поставлялся в ЮАР с 1962 г. Оснащён одним двигателем. Длина – 10,05 м. Вес – 2,1 т. Скорость – 210 км/ч. Потолок – 3250 м. Дальность полета – до 500 км. Вооружение – скорострельная пушка типа **GA 1** калибра 20 мм (20x82), размещаемая в кабине. Перевозит 5 человек или 820 кг груза на расстояние от 100 до 500 км.

Альбатрос (Albatross P-166 S) – патрульный прибрежный самолёт-разведчик итальянского производства. Производился с 1968 г. Поставлялся в ЮАР с 1969 г. Оснащён двумя двигателями. Отличительной чертой данного самолёта является расположение пропеллеров двигателей, установленных на крыльях позади крыльев. Скорость – до 357 км/ч. Потолок – 7780 м. Дальность полета – до 1290 км.

АМ 3 (Bosbok) – АМ-3 Bosbok (Bosbok) (АМ-3 Босбок) – производившийся в ЮАР с 1973 г. лицензионный вариант однодвигательного двухместного итальянского лёгкого самолёта-наблюдателя **Aermacchi (Аэромаччи)**. Длина – 9,09 м. Высота – 2,72 м. Скорость – до 278 км/ч. Потолок – до 8400 м. Время полета – до 4 час. 30 мин. Отличается коротким взлетом (85 м) и посадкой (66 м). Оснащён четырьмя дымовыми ракетами, выпускаемыми для обозначения штурмуемых позиций. Вооружение – 340 кг бомб или ракет. Дальность полета – до 990 км/ч.

Буканир S2B (Buccaneer S Mk. 50) – морской бомбардировщик-ракетоносец (морской штурмовик) английского производства. Предназначен для действий по морским и наземным целям с авианосцев. Способен нести ядерное оружие. Производился в Англии с 1963 г. На вооружении ВВС ЮАР с 1965 г. Экипаж – 2 человека. Вес – до 26760 кг. Длина – 19,3 м. Высота – 4,95 м. Максимальный взлётный вес – 28,12 т. Максимальная скорость у земли – 1040 км/ч. Практический потолок – 15200 м. Перегоночная дальность – 6100 км. Радиус действия на средних высотах с бомбовой загрузкой до 950 кг – от 850 до 950 км (и до 3700 км с дополнительными топливными баками). Максимальная бомбовая загрузка – 7250 кг, (включая четыре бомбы по 450 кг, размещаемые под крыльями и четыре таких же бомбы в бомболюках или 460 кг – бомбы повышенной мощности) и четыре управляемые ракеты «воздух-земля» французского производства типа **AS.20** радиусом от 1,3 до 3,66 км или **AS.30** радиусом от 2,6 до 10 км. Также оснащён 72 неуправляемыми реактивными снарядами (**НАР**) калибра 68 мм типа **SNEB** в четырёх пусковых установках **Type 155** (по 18 неуправляемых ракет в каждой), размещённых в пилонах под крыльями. 16 (15) **Буканиров** находились на вооружении ВВС ЮАР, где использовались для воздушных ударов по сухопутным целям во время участия войск ЮАР в войне в Анголе.

Булдог (Bulldog) – четырёхколёсный тяжёлый бронетранспортёр производства ЮАР на базу грузовика **Самил-20**. Вес – 14 т. Перевозит до 10 солдат.

б-н – батальон

Б-10 – противотанковое орудие калибра 82 мм.

БМ-21 («Град») – 40-ствольная система залпового огня на базе грузовика **Урал-375**. Калибр 122 мм. Дальность стрельбы – до 20,5 км. Время залпа – 20 сек. Экипаж – 6 человек. Назначение – уничтожение живой силы и не бронированной техники. Запас хода – 1000 км. Скорость – 85 км/ч. Выпускалось с 1965 г. Более 2000 **БМ-21 «Град»** было экспортировано за рубеж. Ныне производится по лицензии в различных странах мира. С 1975 года заменён на более современную систему залпового огня **«Ураган»**.

БМД-1 – боевая машина десанта. Выпускалась в различных модификациях с 1969 г. Предназначена для десантирования с парашютом или посадочным способом с **Ан-12**. Масса – 7,2 т. Экипаж – 7 человек. Броня – 12 мм. Вооружение – гладкоствольная пушка калибром 73 мм и пулемёт **ПКТ** калибра 7,62 мм. И 3 **ПТУР «Малютка»** или **ПТУР «Фагот»**. Боекомплект – 40 выстрелов для пушки и 4000 патронов к пулемётам. Скорость – 60 км. На воде – 10 км. Запас хода – 500 км.

БМП – боевая машина пехоты – **БМП-1**. Выпускалась в различных модификациях с 1966 по 1983 гг. Масса – 13 т. Вооружение – гладкоствольное орудие калибром 73 мм и пулемёт калибра 7,62 мм и пусковой установкой **ПТУР «Малютка»** (Противотанковая управляемая ракета). Боекомплект – 40 снарядов. Дальность – до 1300 м. Боекомплект для пулемёта – 2000 патронов. Вместимость – 11 человек (3 человека экипаж и 8 солдат). Масса – 12600 кг. Броня – от 6 до 26 мм. Скорость – до 65 км/ч. На воде – 10 км. Запас хода – 500–600 км. Личный состав имеет возможность вести огонь из стрелкового оружия через амбразуры с шаровыми установками расположенные по бортам и в задних дверях. Движение на воде осуществляется за счет перематывания гусениц. **БМП-1** широко экспортировалась за рубеж. По лицензии производился во многих странах. Состоит на вооружении в десятках стран мира.

БРДМ – бронированная разведывательно-дозорная машина. Здесь имеется в виду **БРДМ-2**. Выпускалась с 1969 по 1989 гг. Мас-

са – 7 м. Броня – 6–10 мм. Вооружение – 14,5-мм пулемёт **КПВТ** (500 патронов) 7,62-мм пулемёт **ПКТ** (2000 патронов). Скорость – до 95 км/ч, по воде – 10 км/ч. Экипаж – 4 человека. Запас хода – 750 км.

БТР-60ПБ – советский бронетранспортер, выпускался с 1965 по 1976 гг. Был оснащён полностью герметизированным корпусом. Шины пулестойкие с центральной системой регулирования давления воздуха. Мог преодолевать рвы шириной до 2 м. Основное отличие от предшествующих моделей – установленная на крыше вращающаяся коническая бронированная башня со спаренной установкой пулемёта **КВПТ** калибра 14,5 мм (14,5x114) и ручного пулемёта **ПКТ** калибра 7,62 мм (7,62x54). Скорость – до 80 км/ч и до 10 км/ч на воде. Экипаж – 3 человека и 8 солдат. Броня – 6–8 мм. Много поставлялся за рубеж.

Buffel (Buffel Mk.II, Буффел Mk.II) (Буфел, Буйвол) – четырёхколёсный (2x2) бронетранспортер производства ЮАР на базе грузовика **Самил-20** (первые варианты производились на базе грузовика **Унимог**). Пришел на смену **Каспиру**. Характерной чертой **Buffel** является отдельная бронированная кабина водителя с пуленепробиваемым стеклом, расположенная справа. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Вооружение – два пулемёта калибра 7,62 мм (7,62x51). Экипаж – 1 человек и 8 (10) солдат. Сиденья оснащены креплениями и ремнями безопасности, чтобы солдаты не слетели с места при взрыве мины. Кабина расположена отдельно и бронирована от снарядов и пуль. Длина – 5,1 м. Высота – 2,95 м. Вес – 6,14 т. Скорость – до 96 км/ч. Запас хода без дозаправки до 1 тыс. км. Перевозит 200 л воды. Выпускался с 1978 г. в данном варианте (в количестве свыше 1400 ед.) и в нескольких других вариантах: (**Bulldog, Log Buffel, Moffel** – с открытым кузовом). На вооружении ЮАР (2400 ед. – все в резерве), Намибии, Руанды (18), Колумбии (5), Бенина (1), Шри-Ланки (40), США (1).

Валькирия, Валькири (Valkiri MkI.22) (Валькири MkI.22) (Валькирия – Легучая женщина-ведьма) – южноафриканская система залпового огня (24 направляющих трубы) калибра 127 мм на базе двухтонного грузовика **Самил-20**. Выпускалась с 1977 по 1981 гг. на основе советской системы залпового огня

БМ-21. Вес – 6400 кг. Длина – 5,35 м. Высота – 2,32 м. Кабина бронированная. Длина ракеты – 2,68 м. Взрыватель ракеты срабатывает на высоте от 3 до 18 м. Ракеты могут оснащаться взрывчаткой мощностью 60 кг каждая с 8500 металлическими шариками с убойной силой до 1500 м (подобно системе **Кентрон**). Экипаж – два человека и два человека в грузовике с боеприпасами. Стрельба может вестись как из кабины, так и с расстояния 50 м по кабелю. Дальнобойность – от 7500 до 22000 м. Скорость – до 90 км/ч. Пробег без дозаправки – 450 км. Обладает хорошей маскировкой (благодаря натянутому сверху тенту сложно определить визуально, грузовик ли это типа **Самил-20** или система залпового огня.) Оснащалась дополнительным боезапасом из 48 ракет, перевозимым на грузовике **Самил-50**. В сухопутных войсках ЮАР **Валкири** была заменена на систему залпового огня типа **Баталер** (40 направляющих труб) с дальнобойностью до 36 км.

Возд. цели – воздушные цели

ВВС – военно-воздушные силы

Витинге Mk. I (Withings Mk. I A) – шестиколёсный (3x3) южноафриканский тягач на базе грузовика **Самил-100**. Оснащён высоким безопасным при подрыве на минах корпусом и защищённой от мин кабиной. Длина – 9,77 м. Высота – 3,35 м. Экипаж 3–4 человека. Перевозит до 10 т груза. В отличие от других южноафриканских тяжёлых грузовиков оснащён дизельным двигателем. Скорость – 90 км/ч. Дальность хода без дозаправки – до 700 (800) км. Выпускается на замену **Самил-100**.

Волга – имеется в виду зенитно-ракетный комплекс **С-75**.

ГАЗ-66 – грузовик высокой проходимости грузоподъёмностью 2 т.

G3 (G-3) – западногерманская автоматическая винтовка калибра 7,62 мм (7,62x51 мм). Является модернизированным вариантом испанской винтовки **Сегме**. Вес – 4,4 кг, длина – 1020 мм, прицельная дальность – 1000 м, практическая скорострельность одиночными выстрелами – 40–60 выстрелов в минуту, ёмкость

магазина – 20 патронов. Может вести стрельбу винтовочными гранатами. Может оснащаться подствольным гранатометом **НК69** калибра 40 мм (40x46) с дальностью 100–350 м. Винтовка выпускалась с 1957 г. в нескольких модификациях. Состояла на вооружении многих стран и состоит в резерве, в частности в Португалии, Норвегии, Швеции, Пакистане, Бирме, Доминиканской республике и ЮАР. На вооружении южноафриканской полиции до сих пор.

G-5 (Г-5) (Джи-5) – южноафриканская тяжёлая дальнобойная гаубица на четырёх колёсах. Выпускается с 1982 г. по американской технологии. Вес – 13,7 т. Расчёт – 8 человек. Длина – 9,1 м. Угол наклона орудия – от -3° до $+75^{\circ}$. Цели – движущиеся танки и бронетехника – пеленгуются радиопеленгом и обстреливаются. Снаряды при полёте к наземной цели взрываются в воздухе, без касания земли. Дальность – от 3 до 30 км (и до 47 км реактивными и до 52 (67) км последними образцами реактивных снарядов). Количество осколков от одного снаряда – от 3032 до 4756. Скорострельность – 2–3 выстрела в минуту. Вес снаряда – 47 кг. Вес гаубицы – 13750 кг. Гаубица **G-5** может передвигаться с помощью небольшого дизеля мощностью 79 л.с. со скоростью от 3 до 17 км/ч, а в прицеплённом состоянии – до 90 км/ч. Перевозится десятитонным шестиколёсным (3x3) грузовиком **Самил-100** (оснащён для защиты зенитным пулемётом) со скоростью до 90 км/ч или 50 км/ч по бездорожью. Расчёт – 4–5 человек. Время для перехода в боеготовое состояние – 2 мин. Скорострельность – 3 выстрела в минуту. Кроме грузовика – трейлера, дополнительный боезапас перевозится бронированным грузовиком типа **Квефул**, в котором для перевозки артиллерийских снарядов (60 штук для **G-6**) в горизонтальном положении в специальных карманах. Грузовик оснащён просторной бронированной кабиной, где находятся восемь человек экипажа и два места про запас, и оснащается специальным хоботным краном для снарядов грузоподъёмностью до 800 кг и длиной стрелы до 3,5 м, и при этом перевозятся 200 л воды. **G-5** поставлялись в Ирак, Иорданию, Пакистан, Саудовскую Аравию, Индию. Лицензию на производство **G-5** в 1989 г. ЮАР продала Чили (выпускается там под названием **СС-45**). Только для нужд сухопутных войск ЮАР было произведено 53 дальнобойных гаубицы данного типа.

Г-6 (Г-6) (Джи-6) – южноафриканская шестиколёсная (3x3) самоходная артиллерийская установка калибра 155 мм. Выпускается со всеми ведущими колёсами (6x6) и ранее выпускалась с четырьмя ведущими колёсами (4x6). Боекомплект – 47 снарядов. Выпускается по американской технологии. Скорострельность – от 2 до 4 выстрелов в минуту. Оснащена системой целеуказания и дальномером. Экипаж – 5–6 человек. Вес – 37 т. Оснащена автоматической коробкой передач. Дополнительное вооружение – башенный пулемёт калибра 7,62 (7,62x51) или 12,7 (12,7x99) мм и 8 дымовых гранат. Четыре бойницы для стрелков размещаются на каждой стороне бронированной орудийной башни. Лобовая броня выдерживает снаряды калибром до 20 мм. Цели – движущиеся танки и бронетехника пеленгуются радиопеленгом и обстреливаются. Дальность стрельбы – от 3 до 30 км (до 52 км стандартным реактивным снарядом и до 70 (67) км улучшенным ракетным снарядом типа **Ассегай**). Угол наклона орудия от -5° до $+75^{\circ}$. Снаряды при полете к цели взрываются в воздухе без касания земли. Количество осколков от одного снаряда – от 3032 до 4756. Снаряды используются тех же типов, что и в гаубице **Г-5**. Длина – 9 м. Ширина – 3,3 м. Высота – 3,25 м. Скорость – 90 км/ч (30–40 км/ч по бездорожью). Запас хода без дозаправки – 600 км. Мощность двигателя – 525 л. с. Преодолеваемые препятствия – брод или ров глубиной 1 м. Состоит на вооружении ЮАР, ОАЭ, Омана и Индии.

Геркулес (С-130 Hercules) – многоцелевой военно-транспортный самолёт, производство США. Выпускался с 1956 г. Экипаж – 4–5 человек. Перевозит до 922 солдат, 64 десантника или 74 раненых или 19,3 т груза. Скорость – 600 км/ч. Дальность – до 8800 км.

Град-II – переносная система залпового огня калибром 122 мм. Состоит из трубы и направляющей треноги (сошника). Расчет – 2 человека. Дальнобойность – 15 км.

Град (БМ-21 «Град») – система залпового огня калибра 122 мм на базе грузовика **Урал-375**. Принята на вооружение в 1963 г. Дальнобойность – до 20,5 км. Количество снарядов – 40. Экипаж – 6 человек.

Д-30 – гаубица, калибром 122 мм. Масса – 3150 кг. Дальность стрельбы – 15,5 км. Скорострельность – 6–8 выстрелов в минуту. Расчет – 6 человек.

ЕЕ-15 – четырёхколёсная (2х2) грузовая машина «Engesa», производство Бразилии.

Е-25, Е-50 – её шестиколёсные (3х3) модификации.

Зажиг. мины – зажигательные мины.

ЗАС-10 (ЗАС – 10 – 0.1, 2Н) – защита сетевая аварийная.

ЗИП – запасные инструменты и принадлежности

Zumlac (Зумлак) – шестиколёсный (3х3) тяжёлый грузовик высокой проходимости производства ЮАР типа **Самил-100 (Samil-100)** грузоподъемностью в 10 т. Оснащен защищённой от мин двухместной кабиной. Основное отличие от базовой модели – для защиты используется зенитное скорострельное орудие типа **Zumlac** калибра 23 мм (на основе советской **ЗУ-23-2** или используется сама трофейная советская **Зу-32-2**). Масса – 9–10 т. Длина – 10,27 м. Высота – 2,5 м. Скорость – 90 км/ч. Пробег без дозаправки – 800 км.

ЗРК – зенитно-ракетный комплекс

ЗУ-23-2 «Зеушка» – Двухствольная легкая автоматическая спаренная зенитная пушка для борьбы с низколетящими целями (штурмовики, самолёты). Расчет – 6 человек. Калибр – 23 мм. Дальность – до 2,5 км. Скорострельность – 2000 выстрелов в минуту. Легко транспортируется любым автомобилем. Широко применялась и применяется в качестве скорострельного орудия огневой поддержки в многочисленных войнах в Африке, Азии, и СНГ. Очень эффективна в горной войне, а также против пехоты и **БТРов**.

Игла-1 – переносной зенитно-ракетный комплекс. Производится с 1981 г. Масса – 10,8 кг. Скорость ракеты до 600 м/с. По

сравнению со «Стрелой-2» способен поражать цель как на догонных, так и на встречных курсах.

Игла-2 – модификация **Иглы-1**. Производился с 1983 г. Скорость ракеты – до 600 м/с. Поражает воздушные цели на высотах от 10 м до 3,5 км.

Ил-76 – средний военно-транспортный самолёт. Производится в различных модификациях с 1974 г. Оснащён четырьмя реактивными двигателями. Экипаж – 6–7 человек. Перевозит до 48 т грузов (126 десантников или 140 солдат). Дальность – до 7000 км. Скорость – 750-800 км/ч. Для прикрытия задней полусферы вооружен сдвоенной пушкой **ГШ-23** с радиолокационным прицелом. Является основным военно-транспортным самолётом ВВС России. Всего было построено около 800 самолётов данного типа.

Ил-62 – пассажирский самолёт для авиалиний большой протяженности. В различных модификациях производился с 1962 по 1973 гг. Оснащён четырьмя реактивными двигателями. Скорость – 850 км/ч. Дальность – до 10500 км. Экипаж – 5 человек. Количество пассажиров – до 198 человек. Всего было построено свыше 250 самолётов данного типа. Ныне **Ил-62** постепенно заменяют на более современный **Ил-96**, а **Ил-62** переделывают в дальний грузовой самолёт.

Impala Mk.I (Импала – антилопа Импала) – производившийся в ЮАР в 1960-е годы итальянский штурмовик типа **Aermacchi MB-326M (Аэромаччи MB-326M)**. Оснащён реактивным двигателем. Экипаж – 2 человека. Скорость – до 870 км/ч. Дальность (боевая) – 650 км. Вооружение – пушка или шестиствольный пулемёт, бомбы, управляемые и неуправляемые ракеты типа «воздух-земля». Вооружение – пушка или шестиствольный пулемёт или два пулемёта **Браунинг** калибра 12,7 мм (12,7x99), размещаемых под крыльями на пилонах, бомбы, или два контейнера с напалмом (по 166 л), размещаемые под крыльями на пилонах, управляемые и 24 неуправляемые ракеты типа **SNEB (СНЕБ)** калибра 68 мм (по 6 штук в четырёх контейнерах **Type 361 (ТИП 361)**, размещаемых на пилонах под крыльями) типа «воздух-земля» или более ранним вариантом неуправляемой ракеты типа

SNEB калибра 37 мм (по 18 штук в четырёх контейнерах **Туре 181 (ТИП 181)**), размещаемых на пилонах под крыльями – всего – 72 ракеты. 152 единицы **Аэромаччи МВ-326М** было закуплено в Италии. Было произведено в ЮАР 27 машин данного типа (по другим сведениям – гораздо больше).

Impala Mk.II (Импала Mk.II) (антилопа Импала) – производимый с 1974 г. в ЮАР по лицензии вариант итальянского штурмовика **Aermacchi МВ-326КС** типа **Импала (Impala Mk.I)**. Экипаж – 1 человек. Оснащён одним реактивным двигателем. Боевой радиус действия – до 1000 км (по другим данным, до 600 км). Вариант **Импала (Impala Mk.II)** оснащён двумя револьверными авиационными пушками калибра 30 мм (30x113В) типа **DEFA 553 (ДЕФА 553)**, размещаемыми в фюзеляже) или пушкой калибра 12,7 мм (12,7x99), или шестиствольным пулемётом и 1800 кг бомб, или управляемых и неуправляемых ракет типа «воздух-земля». Была произведена 21 машина данного типа (по другим сведениям – гораздо больше). Всего в Италии было закуплено до 100 единицы **Аэромаччи МВ-326КС (Импала Mk.II)**, а в ЮАР произведено в общей сложности до 140 единиц самолётов обоих типов (**Импала Mk.I** и **Импала Mk.II**).

Канберра (Canberra В(1)12) – скоростной бомбардировщик – разведчик. Производился в Англии с 1949 г. Поставлялся в ЮАР с 1963 г. Оснащён двумя реактивными двигателями. Скорость – до 900 км/ч. Дальность – до 1300 км. Вооружение – до 2720 кг бомб. Применялся во время боев под Куито-Куанавале.

Casspir (Каспир) (Hippo) (Бегемот) (CasspirMk.I, CasspirMk.II, CasspirMk.III) – четырёхколёсный (2x2) бронетранспортер производства ЮАР на базе трехтонного английского грузовика высокой проходимости **Бедфорд (Bedford)**. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Выдерживает до трёх одновременных подрывов на противотанковых противогусеничных минах (до 21 кг тринитротолуола). Вес – 11,44 т (10,8 т). Вооружение – пулемёт калибра 12,7 или 14,5 мм. Броня – 6 мм, выдерживает попадание пуль калибра до 7,62 мм (7,62x51). Двигатель – дизельный типа

Mercedes-Benz OM 352A с водяным охлаждением. Экипаж – 2 человека и 12 солдат (10 солдат в полицейском варианте) и 1800 кг груза. Длина – 6,95 м. Ширина – 2,6 м. Высота – 2,88 м. Скорость – до 85 км/ч. Пробег без дозаправки – до 770 км. Преодолевает уклон до 27 градусов, препятствия высотой до 50 см, траншею шириной до 1 м и брод глубиной до 1 м. Перевозит до 200 л воды. Вооружен пулемётом калибра 7,62 мм (7,62x51) или безоткатным орудием **M40A1** калибра 106 мм. Во время войны в Анголе и при подавлении партизанских действий в Намибии данный бронетранспортер зачастую вооружался не только различными пулемётами советского производства **ПКТ** и **ПКМ** калибра 7,62 мм (7,62x54), **ДШКМ** калибра 12,7 мм (12,7x108) и **КПВТ** калибра 14,5 мм (14,5x114), скорострельным орудием калибра 20 мм (20x139), но и скорострельным орудием ПВО типа **Зу-23-2** калибра 23 мм. На его шасси был создан военный санитарный бронетранспортер типа **Мфези (Mfezi)**. При проведении разминирования **Каспир** может оснащаться цельнометаллическими колёсами взамен обычных. К недостаткам **Каспира** следует отнести недостаточной мощности двигатель, часто перегревавшийся. **Каспир** был заменен бронетранспортером **Буфел** на шасси грузовика **Унимог**.

Кактус (Cactus, Кактус) (Кроталь, Гремучая змея) – мобильная система ПВО. Производилась в ЮАР по французской лицензии (**Кроталь**). Самоходный полностью автоматизированный зенитно-ракетный комплекс с инфракрасной головки самонаведения для борьбы с воздушными целями на малых и средних высотах. Ракета твердотопливная типа «земля-воздух» **SAHV-3** радиус до 8 км или ракета **SAHV-IR**, (последняя имеет радиус до 12 км). Комплекс состоит из двух четырёхколёсных (2x2) бронированных машин. Вес – 12,5 т (радар) и 14,5 т (ракетная установка). Скорость бронированных машин – до 70 км/ч. Преодолевают препятствия высотой не более 30 см (из-за низкой посадки корпуса), поэтому эффективны только на дорогах, их сложно применить вне дорог из-за низкой проходимости. Преодолевают в брод 68 см. Пробег без дозаправки – 500 км. На одной – радиолокационная станция (РЛС) с доплеровским радаром типа **Thomson – CSF Mirador IV** с дальностью действия до 18 км, способная обнаружить до 30 целей и обрабатывать данные о 12 це-

лях, а на другой – пусковая установка. В состав пусковой установки входят четыре ракеты. На вооружении с 1971 г. Дальность стрельбы – от 500 м до 8,5 км против сверхзвуковых целей и до 13 км против вертолётов. Высота поражения воздушной цели – от 50 до 5000 м. Состоял на вооружении Японии, Западной Германии, Греции, Дании, Франции, Бельгии, ЮАР и ряда других стран.

Kwevoel Mk. I (Квефул – прозвище – Кве (Кве)) – шестиколёсный (3х3) южноафриканский бронетранспортер на базе западногерманского трехостного грузовика **Магирус**, грузоподъемностью 10 т. В 1978 г. 42 грузовика **Магирус** были переделаны в бронированный вариант **Квефул** для нужд САНФ и полиции Юго-Западной Африки (Намибии). Дизельный двигатель с воздушным охлаждением. Оснащён высоким безопасным при подрыве на минах корпусом и защищённой от мин двухместной кабиной. Длина – 9,95 м. Высота – 3,116 м. Перевозит до 9685 кг грузов. Скорость – 80 км/ч. Пробег без дозаправки – до 1100 км. Использовался для перевозки личного состава и как артиллерийский тягач.

Kentron (Кентрон) – система залпового огня производства ЮАР. Скопирована с советской установки залпового огня **БМ-21**. Устанавливалась на шасси грузовика **Самил-20**. По 24 ракеты в пусковых трубах, оснащённые каждая взрывчаткой мощностью 60 кг с 8500 металлическими шариками с убийной силой до 1500 м. Дальнобойность – от 7500 до 22000 м.

Куду (С4М KUDU) – лёгкий транспортный самолёт или самолёт связи, производился с 1976 г. в ЮАР по образцу итальянского самолёта **АМ-3С**. Экипаж – 2 человека и 6 пассажиров или груз до 650 кг. Скорость 230 км/ч. Дальность – до 1300 км.

к-н – капитан.

комбриг – командир бригады.

комбат – командир батальона.

М-82 – миномёт калибра 82 мм.

М-120 – миномёт калибра 120 мм.

мин. выстр – миномётные выстрелы.

Квадрат – зенитно-ракетный комплекс – это экспортный вариант комплекса «**Куб**»

Куб – комплекс **2К12Куб**. Выпускался в различных модификациях с 1967 по 1978 гг. Состоит из самоходной установки разведки и наведения (**СУРН**)**1с91** и самоходной пусковой установкой (**СПУ**)**2П25** с тремя ракетами. Радиус ракет – до 22 км. Скорость полета ракет (в зависимости от модификации) 600-700 м/с.

М1 (Vector M1) – ручной миномёт южноафриканского производства калибра 60 мм. Оснащён прицелом типа **Н-019** (вес прицела – 1,5 кг). Вес гранатомета (полный) – 16,6 кг (с плитой и прицелом), вес трубы – 4 кг. Дальность – от 100 до 2100 м.

М3 (Vector M3) – миномёт калибра 81 мм производства ЮАР увеличенной дальности. Длина – 1445 мм. Вес – 24 кг (с плитой и прицелом). Оснащён прицелом типа **Н-019** (вес прицела – 1,5 кг). Дальность от 100 (75) до 4865 (7263) м. Устанавливался на бронетранспортере типа **Рател-81**.

М4 (Vector M4) – южноафриканский лёгкий ручной миномёт калибра 60 мм. Длина – 650 мм. Вес – 7,6 кг. Дальность от 100 до 2100 м. Использует мины типа **М-61**.

М5 – южноафриканский миномёт калибра 120 мм. Вес – 350 кг. Дальность – до 6250 (6100) м и до 10 531 м реактивными гранатами.

М26 – южноафриканская ручная граната типа **лимонка** на основе американской ручной гранаты типа **М26**. Вес – 465 г. Замедлитель на 4,5 сек. Разрывается на 1000 осколков. Хранится и перевозится в специальном футляре.

М79 (гранатомет-пистолет) – южноафриканский вариант одноименного американского ручного гранатомета калибра 40 мм. По внешнему виду напоминает охотничье ружье, переламываемое при зарядании. Отличается от первоначального американского варианта не деревянным, а резиновым откидным прикладом, дополнительной ручкой и прицелом. Длина – 665 мм. Дальность стрельбы – от 30 до 375 м. Максимальная эффективная дальность стрельбы – 150 м по одиночным целям и 350 м по групповым целям.

М40 (М40А1) – безоткатное орудие американского производства калибра 106,7 мм производилось США в различных модификациях с 1953 г. Устанавливалось в частности на бронетранспортере **Каспир** и на внедорожниках (**Ленд Ровер, Тойота**). Длина ствола – 3404 мм. Устанавливается на открытых внедорожниках или лёгких грузовиках или бронетехнике. Расчет – 3 человека. Масса – 219 кг (113,9 кг – без подставки, вес подставки – 103,8 кг). Масса снаряда – 7,9 (7,71) кг. Эффективная дальность стрельбы по танкам – 1100 м. Бронепробиваемость – 450 мм. Максимальная дальность стрельбы – 7040 м. Скорострельность – до пяти выстрелов в минуту. Состоит на вооружении (или в резерве) более 30 стран мира. Является очень популярным оружием среди различных партизанских и повстанческих движений.

М-120 – миномёт калибра 120 мм.

МГЛ (MGL) – южноафриканский шестизарядный револьверный гранатомет калибра 40 мм (40x53 мм) с откидным прикладом. Вес – 5,3 кг. Длина – 730 мм (630 мм с откидным прикладом). Магазин револьверный на шесть гранат. Выпускается с 1982 (1983) г. Состоит на вооружении в Хорватии (производится без лицензии), Судане и ряде других стран. С 1994 г. выпускается его новый вариант – **MGL MARK I (MGL-Mk.I) (МГЛ МАРК I)**. Применяется для борьбы с пехотой противника или легкобронированной техникой на расстоянии от 30 до 400 м. Весьма эффективен в партизанской войне (радиус стрельбы по одиночным целям – до 150 м) и в городских условиях в ближнем бою. Всего было выпущено свыше 20 тыс. штук. Используется более чем в 30

странах мира, в том числе в Малайзии и США (американскими морскими пехотинцами в Ираке).

Ми-8 – военно-транспортный вертолёт. Дальность полёта – 620 км. Экипаж – 2 человека. Перевозит до 4 т груза. Вооружение – 20 неуправляемых ракет. Четыре скорострельных пушки калибра 23 мм.

Ми-17 (Ми-8МТ) – советский/российский военно-транспортный вертолёт. Производился в различных модификациях с 1977 г. Экипаж – 3–4 человека. Дальность полета – до 1600 км. Скорость – 250 км/ч. Перевозит 4 т груза. Вооружение – 20 неуправляемых ракет, четыре скорострельных пушки калибра 23 мм и авиабомбы весом от 50 до 500 кг.

Ми-24 «Крокодил» – транспортно-боевой вертолёт. Производился в различных модификациях с 1971 по 1992 гг. Экипаж – 3 человека. Скорость – до 330 км/ч. Дальность – 290 км. Перевозит до 2,5 т грузов, или 8 десантников или 4 раненых. Вооружение – пулемёт калибра 12,7 мм и пушкой калибра 30 мм и четыре **ПТУРа** или управляемых ракет и 40 неуправляемых ракет и до 1500 кг бомб. Было построено свыше 2300 вертолётов данного типа. Ныне **Ми-24** модернизируется или заменяется на более современный **Ми-28Н**.

МиГ-17 – дозвуковой истребитель, является модификацией знаменитого **МиГ-15**. **МиГ-17** производился в СССР с 1951 г., а затем по лицензии в других странах. Оснащён одним реактивным двигателем. Скорость – до 1100 км/ч. Дальность – до 1240 км. Вооружение – три пушки и до 400 кг бомб или неуправляемых реактивных снарядов. Участвовал во многих войнах за последние полвека, в частности во Вьетнаме.

МиГ-21 – сверхзвуковой истребитель. Выпускался в различных модификациях с 1959 по 1973 г. По лицензии строился в Индии и Китае (**F-7**). Экипаж – 1–2 человека. Оснащён одним двигателем. Скорость – до 2230 км/ч. Вооружен – 1–2 пушками и 3–5 ракетами. Широко поставлялся за рубеж. Участвовал во многих войнах. Особенно стал известен во время войны во Вьетнаме. Состоит на вооружении ряда стран.

МиГ-23 (в Анголе использовали **МиГ-23МФ**, **МиГ-23БН** и **МиГ-23МЛ** и **МиГ-23МЛД**) – сверхзвуковой истребитель. Экипаж – один человек. Скорость – до 2445 км/ч. Оснащён двумя реактивными двигателями. Потолок – 17 500 м. Боевая нагрузка (бомбы, ракеты) – 4500 кг. Вооружение – ракеты, пушка калибра 23 мм, авиабомбы. Дальность полета – до 2000 км. Производился в различных модификациях в СССР с 1967 по 1984 г. Много поставлялся на экспорт. Производился по лицензии в Индии и без лицензии в Китае. Участвовал во многих войнах за последние 35 лет. В 1980-е годы заменен в СССР на более современный **МиГ-29**. В ВВС России не используется, состоит в резерве (часть **МиГ-23** переоснащены в беспилотные самолёты для уничтожения посредством тарана вражеских самолётов в случае крупномасштабной войны, а некоторые **МиГ-23** используются для обучения курсантов училищ ВВС).

Мираж F III (Mirage F III CZ) (Mirage F III BZ) (Mirage F III EZ, Mirage F III DZ, Mirage F III D2Z) истребитель-бомбардировщик) – французский сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик (тактический истребитель). Назначение – нанесение ударов по наземным целям и борьба с воздушными целями. Производился с 1960 г. Поставлялся в ЮАР с 1963 (1965) г. Оснащён одним реактивным двигателем. Экипаж – один человек. Скорость – до 2350 км/ч (1300 – у земли). Практический потолок – 17000 м. Перегоночная дальность – 2800 км. Длина самолёта – 13,85 м. Высота – 4,2 м. Вес – 14,9 т. Радиус действия на средних высотах с боевой нагрузкой 800 кг – от 290 до 700 км. Оснащён двумя авиационными револьверными пушками типа **ДЕФА 552 (DEFA 552)** калибра 30 мм (30x113В), размещаемых в фюзеляже, одной управляемой ракетой типа **AS-20** или **AS-30** (радиус от 2,6 до 10 км) типа «воздух-земля», одной управляемой ракетой типа **Матра R.530** класса «воздух-воздух» (радиус 15–20 км) размещаемой под фюзеляжем и двумя управляемыми ракетами **Матра Маджик R.550** класса «воздух-земля» (радиус 0,32–9,98 км) – оснащена инфракрасной головкой наведения (позднее была заменена ракетой **Кукри (V3A Kukri)** – радиус от 0,3 до 4 км и двумя управляемыми ракетами **Сайдвиндер** класса «воздух-земля» и 36 неуправляемыми авиационными ракетами (**НАР**) типа **SNEB**, калибра 68 мм в двух пусковых установках **Type 155** (по 18 неуправляемых ракет

в каждой), размещенных в пилонах под крыльями или 36 неуправляемыми авиационными ракетами (**НАР**) калибра 68 мм типа **SNEB** размещённых в двух пусковых установках типа **JL 100** по 18 ракет в каждой установке, размещённых в пилонах под крыльями. На небольших дальностях полета оснащался четырьмя бомбами по 400 кг (две размещались под крыльями и две под фюзеляжем). Состоял на вооружении ВВС Франции, Пакистана и многих африканских стран. В ЮАР было поставлено 57 **Миражей F III** различных модификаций. В боях при Куито-Куанавале применялся более совершенный вариант «**Миража**» – «**Мираж F I**».

Мираж F I (Mirage F I) (Mirage F I CZ – его всепогодный вариант) (**Mirage F I AZ** – истребитель-бомбардировщик) – сверхзвуковой истребитель-бомбардировщик (тактический истребитель) французского производства. Назначение – нанесение ударов по наземным целям и завоевания господства в воздухе. Длина самолёта – 15 м. Высота – 4,5 м. Вес – 14,9 т. Радиус действия на средних высотах с боевой нагрузкой 800 кг – от 700 до 900 км. Производился с 1971 г. Поставлялся в ЮАР с 1974 (1975) г. Оснащён одним реактивным двигателем. Экипаж – один человек. Скорость – до 2300 км/ч (1470 – у земли). Практический потолок – 18500 м. Перегоночная дальность – 3300 км. Радиус действия на больших высотах с боевой нагрузкой 3000 кг – 500 км. Максимальная боезагрузка – 3650 кг. На небольших дальностях полета оснащался восемью бомбами по 400 кг (четыре размещаемые под крыльями и четыре под фюзеляжем). Оснащён двумя авиационными пушками калибра 30 мм (30x113В) типа **ДЕФА 553 (DEFA 553)**, размещаемых в корпусе, и одной управляемой ракетой **AS-20** или **AS-30** и двумя управляемыми ракетами **Матра R.530** класса «воздух-воздух» (радиус 15–20 км), размещаемых под крыльями на пилонах или двумя управляемыми ракетами **V-3S Snake** (Змея), радиусом от 500 м до 15 км или и двумя управляемыми ракетами типа **V3B (Kukri)** радиусом от 300 до 2000 м (до 4000 м на больших высотах) и двумя управляемыми ракетами **Матра Маджик R.550** класса «воздух-земля» (радиус 0,32–9,98 км) и 72 неуправляемыми авиационными ракетами (**НАР**) калибра 68 мм типа **SNEB** в четырёх пусковых установках **Type 155** (по 18 неуправляемых ракет в каждой), размещаемых на пилонах под крыльями. В ЮАР было поставлено 18 (16) самолётов **Мираж F I**.

м. – миномёт

М81 – миномёт калибра 81 мм

М82 – миномёт советского или китайского производства калибра 82 мм.

мл. л-нт – младший лейтенант

МОРОФ – министерство обороны Российской Федерации

м-р – майор

МТЛБ – многоцелевой тягач легкий бронированный.

МТС – материально-техническое снабжение.

ОВ – отравляющие вещества (отравляющие газы).

оф. – офицеров

Оса-АК – зенитный ракетный комплекс **9К33М Оса-АК** советского производства на шестиколёсном (3х3) амфибийном шасси. Принят на вооружение с 1981 г. Скорость – до 80 км/ч на суше и до 10 км/ч на воде. Принят на вооружение с 1981 года. Скорость – до 80 км на суше и на воде – до 9 км. Вооружён тремя ракетами. Дальность поражения воздушной цели – от 1,5 до 10 км. Высота поражения цели – от 25 до 5000 м. Снят с вооружения в Российской армии с конца 1990-х гг.

КВПТ – крупнокалиберный пулемёт Владимирова калибром 14,5 мм. Этим пулемётом вооружены башни **БТРа** или **БРДМа**.

налет ав. – налет авиации

П-18, П-19 – станции слежения за самолётами противника (радары).

Патроны для **АКМ** (1943 года образца) – имеются в виду патроны для автомата **Калашникова** калибра 7,62x39 мм (калибр 7,62).

Печора – зенитно-ракетный комплекс **С-125**.

пб – пехотный батальон.

21ПБр – 21-я пехотная бригада.

п/п-к – подполковник

ПКМБ – пулемёт **Калашникова** калибра 7,62 мм.

ПМ – пистолет **Макарова**. Выпускался с 1951 г. Вес – 730 г. Калибр – 9 мм. В обойме – 8 патронов. Прицельная дальность – 50 м.

ПМП – планетарные механизмы поворота (обеспечивает поворот, например, танка налево или направо).

ППМ – противопехотная мина

ППМП – противопехотное минное поле

ППШ – пистолет-пулемёт **Шпагина (ППШ-41)**. Производился с 1940 г. Калибр – пистолетный патрон калибра 7,62 мм (7,62x25). Оснащался барабанным – на 71 патрон и трубчатым – на 35 патронов магазином. Масса (с барабанным магазином) – 5,5 кг. **ППШ** использовался в десятках войн в различных уголках земного шара и используется до сих пор в качестве вспомогательного оружия в ряде стран.

ПКМ – пулемёт **Калашникова** модифицированный под патрон калибра 7,62 мм (7,62x54).

ПКТ – танковый пулемёт **Калашникова** калибра 7,62 мм.

пр-к – прапорщик

ПМТ – планетарные механизмы поворота.

ПТ-76 – плавающий танк **ПТ-76**. Выпускался с 1951 по 1987 гг. Масса – 14 т. Скорость – до 44 км/ч и до 10 км на воде. Запас хода – 260 км. Вооружение – пушка калибром 85 мм и пулемёт калибра 7,62. Боеприпасов – 40 снарядов для пушки и 10000 патронов для пулемёта. Экипаж – 3 человека. Поставлялся за рубеж, участвовал во многих войнах. Выпускался в Китае под маркой **T-60**.

ПТМ – противотанковые противоднищевые мины неконтактного типа (Разные типы – **ПТМ-1, ПТМ-2, ПТМ-3**).

ПТУР – противотанковая управляемая ракета. Имеются в виду **ПТУР 9К11 «Малютка»** и более современные **ПТУР 9К111 «Фагот»** и **ПТУР 9К113 «Конкурс»**.

Пума (Puma) (Puma ХТР1) – средний военно-транспортный вертолёт. Производился во Франции с 1965 г. (совместное производство с Великобританией). Поставлялся в ЮАР с 1969 г. Оснащён двумя двигателями. Длина – 14 м. Высота – 4,18 м. Скорость – до 294 км/ч. Потолок – 4800 м. Дальность полета – до 570 км. Перевозит 2,5 т груза или до 20 солдат. Вооружение – одна авиационная пушка типа **GA-1 (20x82)** в подфюзеляжной турели (боезапас – 1000 патронов) и четыре блока по 18 неуправляемых ракет калибра 68 мм типа **SNEB** в каждом.

R1 – штурмовая винтовка южноафриканского производства на основе бельгийской штурмовой винтовки **FN FAL** калибра 7,62 мм (7,62x51). Вес – 4,95 (5,06) кг. Длина – 1100 мм. Приклад пластиковый. Прицельная дальность – 600 (650) м. Магазин на 20 патронов. Данная устаревшая штурмовая винтовка до сих пор используется полицией ЮАР.

R2 – штурмовая винтовка южноафриканского производства на основе бельгийской штурмовой винтовки **FN FAL** калибра 7,62 мм (7,62x51). Вес – 4,95 кг. Длина – 1100 мм. Прицельная дальность – 600 (650) м. Магазин на 20 патронов. Отличается от **R1** складным прикладом и укороченным стволом.

Пятак (разговорное) – большая медная монета достоинством в пять копеек, размером в 2,6 см. Имела хождение в СССР в 1922–1991 гг.

Пьяджо (Piaggio P.148) – двухместный тренировочный самолёт итальянского производства. Оснащён одним поршневым двигателем. Производился с 1951 г. Скорость – до 234 км/ч. Практический потолок – 5000 м. Дальность полета – 925 км. Выпущено было свыше 100 единиц. Поставлялся в Сомали и ЮАР. Применялся и как разведывательный самолёт.

Р-123 – радиостанция, ею была оснащена вся советская бронетехника.

Ratel-20 (Рател-20) (Ратель-20) (Барсук) – шестиколёсный (3х3) южноафриканский бронетранспортер. Практически не отличается от своего прототипа – французского бронетранспортера типа **VXB**, который и производился в ЮАР с 1977 г. по лицензии под названием **Ratel-20**. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Броня выдерживает пули калибра до 12,7 мм. Экипаж – 3 человека и 7 солдат. Вес – 18,5 т. Высота – 2,395 м. Длина – 7,21 м. Вооружение – автоматическая пушка калибра 20 мм (20х139) (боезапас – 1200 патронов, эффективная дальность стрельбы по легкобронированной технике – 1000 м и по пехоте – до 2000 м) со спаренным пулемётом калибра 7,62 мм и пулемёт калибра 7,62 мм для стрельбы по низколетящим воздушным целям (общий боезапас 6000 патронов) и четыре дымовые гранаты калибра 81 мм. Три бойницы для стрелков размещены по обеим сторонам корпуса и по одной в двух дверях на корме. Броня выдерживает попадание пули калибра до 7,62 мм (и калибра до 12,7 мм в лобовую проекцию, где толщина брони достигает 20 мм). Коробка передач автоматическая. Двигатель дизельный с водяным охлаждением. Скорость – до 105 км/ч (и до 30 км/ч по пересеченной местности). Перевозит 100 л питьевой воды. Пробег без дозаправки – 1000 км (600 км по пересеченной местности). Преодолевает водные преграды глубиной до 1,2 м и препятствия высотой до 60 см, траншею шириной до 1,15 м и подъем до 27 градусов. В 1978–1987 гг. (и позднее) в ЮАР было изготовлено более 1400

(по другим сведениям – свыше 1200) единиц данного бронетранспортера.

Ratel-60 (Рател-60) (Барсук) – шестиколёсный (3х3) бронетранспортер производства ЮАР, модификация бронетранспортера **Рател-20**. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Экипаж – 4 человека и 6 солдат (3 человека и 7 (8) бойцов). Вес – 18,5 т. Высота – 3,11 м. Вооружение – башенный казнозарядный миномёт калибра 60 мм (боезапас – 45 гранат, эффективная дальность стрельбы по легкобронированной технике и по пехоте – до 1500 м), устанавливаемый на башне от бронемашины **Eland-60**, и три пулемёта калибра 7,62 мм (один для стрельбы по низколетящим воздушным целям, боезапас – 6000 патронов). Высота – 3,11 м. На вооружении САНДФ и сухопутных войск Марокко.

Ratel-81 (Рател-81) (Барсук) – шестиколёсный (3х3) бронетранспортер производства ЮАР, является модификацией бронетранспортера **Рател-20**. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Бронирование от пуль калибра до 20 мм. Экипаж – 2 человека и 3 солдата. Вес – 18,5 т. Высота – 2,5 м. Вооружение – миномёт калибром 81 мм (боезапас – 148 гранат) типа **M3 (Vector M3)** дальностью от 100 (75) до 4865 (7263) м. По одной бойнице для стрелков установлено в корпусе и в задней двери. Миномёт установлен внутри корпуса бронетранспортера на вертящейся подставке – на 360 градусов. В состав вооружения **БТРа** входят также 2 пулемёта калибра 7,62 мм (один для стрельбы по низколетящим воздушным целям) (боезапас 1200 патронов) и 4 дымовые гранаты калибра 81 мм.

Рател-90 (Ratel-90) (Барсук) – южноафриканский шестиколёсный (3х3) бронетранспортер, является модификацией бронетранспортера **Рател-20**. Имеет хорошую противоминную защиту – V-образный суживающийся книзу корпус. Бронирование от пуль калибра до 20 мм. Экипаж – 3–4 человека и 6 бойцов. Вес – 19 т. Длина – 7,11 м. Высота – 2,915 м. Преодолевают препятствия высотой до 35 см и водные преграды глубиной до 1,2 м. Скорость – до 90 (105) км/ч и запас хода до 600 (860) км. Вооруже-

ние – пушка от бронемашины **Эланд-90** калибра 90 мм типа **921 А** (боезапас – 72 (71) снаряда) (эффективная дальность стрельбы по бронированной технике – 1200 м и по пехоте – до 2200 м), спаренный с ней пулемёт калибра 7,62 мм, два пулемёта калибром 7,62 (один для стрельбы по низколетящим воздушным целям, боезапас – 6000 патронов) и 4 дымовые гранаты калибра 81 мм. Три бойницы для стрелков размещены по обеим сторонам корпуса и по одной в двух дверях на корме. Перевозит до 100 л воды. Помимо ЮАР, бронетранспортеры **Рател-90** состоят на вооружении Марокко (60 единиц) и Иордании **Рател-20** (заказано якобы свыше 340 единиц) и Ганы (39 единиц **Ratel-20** и **Ratel-90**).

Ratel ZT-3/ZT-35 (Swift) – шестиколёсный (3х3) южноафриканский бронетранспортер на базе **Рател-90**. Бронирование от пуль калибра до 20 мм. Оснащён тремя противотанковыми ракетами с лазерным наведением, расположенными в специальной пусковой установке. Радиус ракет 4 км (**ZT-3**) или 5 км (**Swift**) (внутри корпуса перевозится шесть дополнительных ракет в качестве боезапаса). Было произведено примерно 60 единиц (по другим сведениям – 52 единицы).

Rinkhals Mk. I (Ринкхалс – Плюющая очковая кобра) – бронированная защищённая от мин V-образным корпусом военная «скорая помощь» на основе четырёхколёсного (2х2) бронетранспортера. Выпускалась с 1982 г. Оснащена дизельным двигателем. Перевозит 190 л воды. Для самообороны вооружена пулемётом калибра 7,62 мм. Вес – 11,97 т. Высота – 3,15 м. Длина – 7,21 м Преодолеваемый наклон – до 34 градусов. Преодолеваются водные преграды глубиной до 1 м. Пробег без дозаправки – 1000 км.

РЛК – радиолокационный комплекс

РПГ-7 – ручной противотанковый гранатомет. Выпускается в различных модификациях с 1961 г. Предназначен для уничтожения бронетехники и живой силы. Калибр – 40 мм, вес – 6,3 кг, дальность стрельбы – до 500 м. Пробивает броню толщиной до 30 см, а с расстояния 350 м – броню толщиной до 50 см.

РПГ-7-В – модификация гранатомета **РПГ-7**.

РПК – ручной пулемёт **Калашникова** калибр 7,62 (7,62x39). Принят на вооружение в 1961 г. Магазин на 40 или на 75 патронов. Дальность стрельбы – до 800 м. Так же с 1974 г. Выпускается **РПК** под патрон 5,45 мм.

С-75 – зенитно-ракетный комплекс средней дальности, производился с 1957 г. Первоначально именовался **С-75 «Десна»**. А с 1961 г. производился под названием **С-75М «Волхов»**. Много поставлялся на экспорт. Особенно прославился во время войны во Вьетнаме 1964–1975 гг.

С-125 – зенитно-ракетный комплекс, выпускался в различных модификациях с 1961 г. Дальность поражения воздушной цели – от 6 до 25 км. Высота – до 15 км. Состоит из трех дивизионов. Каждый дивизион вооружен 4 ракетами.

Samil 20 (Самил 20) – немецкий грузовик **Унимог** южноафриканского производства грузоподъемностью 2 т. Его гражданский вариант называется **SAMAG**.

Samil 20 Mark I (Самил 20) – четырёхколёсный (2x2) грузовик высокой проходимости производства ЮАР. Оснащён кабиной с брезентовым верхом. Грузоподъемность – 2 т. Вес – 7,7 т. Длина – 5,69 м. Высота – 2,82 м. Скорость – 90 км/ч. Преодолеваемый подъем – до 18 градусов. Преодолеывает водные преграды глубиной до 1,2 м. Дальность хода без дозаправки – 800 км. Выпускался, в частности, в качестве шасси для системы залпового огня **Valkiri Mk.I**, в виде ремонтной машины, как жилой контейнер, в бронированном варианте и в виде бронетранспортера типа **Булдого (Bulldog)**, а также в виде защищённого от мин грузовика для перевозки войск **Носорог (Rhino)** и **Ystervark (Истерварк)** (скорострельного орудия на шасси **Rhino**). Использовался и для перевозки личного состава, военных грузов и медикаментов и как санитарный грузовик.

Samil 20 Mark II (Samil 20 Mk. II) (Самил 20) – четырёхколёсный (2x2) грузовик высокой проходимости производства ЮАР.

Грузоподъемность – 2,2 т. Вес – 7,7 т. Скорость – 90 км/ч. Преодолеваемый подъем – до 18 градусов. Преодолеывает водные преграды глубиной до 1,2 м. Пробег без дозаправки – 800 км. Главное отличие от **Samil 20 Mark I** – цельнометаллическая кабина. На вооружении армии ЮАР и Мозамбика (4 единицы).

Samil 50 Mark 1 (Samil 50 Mk. I) (Самил 50) – южноафриканский четырёхколёсный (2x2) грузовик высокой проходимости грузоподъемностью 4,8 т. Оснащен защищённой от мин двухместной кабиной. Двигатель – дизельный. Длина – 7,78 м. Высота – 2,95 м. Вес – 12,4 т (18,4 т – полный). Скорость – 90 км/ч. Преодолеваемый подъем – до 18 градусов. Преодолеывает водные преграды глубиной до 1,2 м. Дальность хода без дозаправки – 1000 км. Использовался, в частности, как тягач, как электростанция, как жилой контейнер, как мобильный душ, как шасси для перевозки боеприпасов для системы залпового огня **Валькири** и как заправщик, перевозивший до 6 т топлива, медикаментов и раненых.

Samil 50 Mark II (Samil 50 Mk. 2) (Самил 50) – южноафриканский четырёхколёсный (2x2) грузовик высокой проходимости грузоподъемностью 4,8 т. Оснащен защищённой от мин двухместной кабиной. Длина – 7,78 м. Высота – 2,95 м. Вес – 12,4 т. Скорость – 90 км/ч. Преодолеваемый подъем – до 18 градусов, водные преграды – глубиной до 1,2 м. Дальность хода без дозаправки – 1000 км. Использовался, в частности, как шасси для установки системы залпового огня **Валькири** и как водовозка и заправщик, перевозивший 6 т топлива, медикаментов и раненых.

Samil 50 Kwevoel Recovery Vehicle (Квефул) – южноафриканский четырёхколёсный (2x2) грузовик высокой проходимости. Ремонтно-эвакуационный вариант грузовика **Самил-50**. Оснащён стрелой для перевозки неисправной техники и пулемётом калибра 7,62 мм.

Samil-100 Mk. II (Самил-100) Kwevoel (Квефул) – шестиколёсный (3x3) тяжёлый грузовик высокой проходимости с дизельным двигателем воздушного охлаждения производства ЮАР на базе западногерманского трехостного грузовика **Магирус**

(**Magirus Deutz**) грузоподъемностью 10 т, которому и пришёл на смену. Все мосты – ведущие. В бронированном варианте назывался **Kwevoel**. Оснащался защищённой от мин двухместной кабиной. Масса – 9–10 т. Длина – 10,27 м. Высота – 2,5 м. Скорость – 90 км/ч. Дальность хода без дозаправки – 800 км. Преодолеваемый подъём – до 18 градусов. Преодолеваются водные преграды глубиной до 1,2 м. **Самил-100** использовался как шасси для системы залпового огня **Valkiri** – 40-стволовый вариант (под названием **Bateleaur**), как водовозка, как заправщик, как передвижная кухня, как кран, как передвижная столовая, для доставки продуктов, как рефрижератор, для доставки медикаментов, как эвакуационная машина и артиллерийский тягач. Некоторые образцы оснащались дизельным двигателем (**Llama, Withings**). Выпускался и с небольшим подъемным краном (**Abba**), а также бронированный вариант типа **Zumlac** (для защиты используется зенитное скорострельное орудие типа **Zumlac** калибра 23 мм). Гражданский небронированный вариант грузовика **Самил-100** использовался и используется армией ЮАР трёх типов: 1) в качестве трейлера – транспортера боевой техники и артиллерийских орудий типа **G-2** и **G-5**; 2) для перевозки артиллерийских снарядов в горизонтальном положении в специальных карманах, (60 штук для **G-6**) в этом случае оснащён просторной бронированной кабиной, где находятся 8 человек экипажа и два места про запас, и специальным хоботным краном для снарядов грузоподъемностью до 800 кг (длина стрелы до 3,5 м), при этом перевозит 200 л воды; 3) в качестве топливозаправщика (перевозит 9100 л топлива) или в качестве платформы для установки спаренного скорострельного зенитного орудия типа **GA-35 (Vector GA)** калибра 35 мм (35x288 мм).

Samil-100 Kwevoel (Самил-100 Квефул) – шестиколёсный (3x3) южноафриканский бронетранспортёр с дизельным двигателем воздушного охлаждения на базе грузовика **Самил-100**, грузоподъемностью в 10 т. Выпускался как со всеми тремя ведущими мостами, так и в варианте 6x4 (с двумя ведущими мостами). Оснащён высоким безопасным при подрыве на минах корпусом и защищённой от мин двухместной кабиной. Вес – 12 т. Перевозит до 9 т грузов. Длина – 10,27 м. Высота – 2,9 м. Скорость – 93 км/ч. Дальность хода без дозаправки – до 700 (800) км. Использовался

для перевозки личного состава и как тягач. Все типы грузовиков **Самил**, за исключением **Llama** и **Withings** (с дизельными двигателями), предполагается заменить в вооруженных силах ЮАР после 2008 г.

САУ – самоходная артиллерийская установка.

Seeker (Искатель) – беспилотный самолёт-разведчик производства ЮАР. Вес – 180 кг. Радиус – до 200 км. Время нахождения в воздухе – до 9 часов. На вооружении с 1987 по 2005 г.

советник к/бригады – советник командира бригады

серж. – сержантов

СКБР – советник командира бригады

солд. – солдат

Стеол – жидкость для заливания в механизмы орудия **Д-30**.

Стечкин (АПС) – автоматический пистолет **Стечкина** (пистолет-пулемёт). Состоит на вооружении с 1952 г. Вес – 1,2 кг. Калибр – 9 мм. Количество патронов в обойме – 20. Прицельная дальность – до 150 м.

Супер Фрелон Супер Фрелон (SA 321HL Super Frelon) – средний военно-транспортный вертолёт. Производился во Франции с 1965 г. Поставлялся в ЮАР с 1967 г. Длина – 19,4 м. Максимальная загрузка – до 4,5 т или 27 бойцов. Высота – 6,7 м. Оснащён тремя двигателями. Скорость – до 275 (300) км/ч. Перевозит до 3,5 т груза или до 30 солдат. Радиус – 820 км (с загрузкой в 1600 кг).

SS-77 (Vector SS-77) – легкий пулемёт производства ЮАР. По своему устройству и внешнему виду сильно напоминает советский пулемёт **Горюнова (СГ-43)**. Выпускается с конца 1980-х гг. Калибр – 7,62 мм (7,62x51) или 5,56 мм (5,56x51) (ствол заменяется на другой калибр в полевых условиях за не-

сколько минут. В модификации **Mini-SS**, производится с 1994 г.). Вес – 8,3–9,6 кг. Длина – 1115 см (940 см с откинутым прикладом). Питание – ленточное на 100 или на 200 патронов или магазин на 35 патронов. Имеет регулируемые сошки и рукоятку для переноски. Вес сошки – 10,5 кг. Эффективная дальность стрельбы – до 1200 м. Может использоваться как пехотинцем, так и устанавливаться на вертолёты и бронетранспортеры. В сухопутных войсках ЮАР пришел на замену бельгийскому пулемёту типа **FN MAG** (калибр 7,61x51, вес – 10,85 кг, прицельная дальность стрельбы – до 1200 м, вес подставки – 10,5 кг).

С-1 – Стрела-1.

С-2 – Стрела-2.

С-3 – Стрела-3.

С-10 – Стрела-10.

Стрела-1 (Стрела-1М) – зенитно-ракетный комплекс на базе **БРДМ-2**. Вооружение – 4 ракеты. Дальность пуска ракет от 30 м до 3,5 км. Скорость ракеты – до 430 м/с. Скорость на шассе – 60 км/ч. На воде – 10 км. Запас хода – 750 км.

Стрела-2 – переносной зенитно-ракетный комплекс. Производится с 1969 г. Вес комплекса – 15 кг. Вес ракеты – 9,8 кг. Дальность стрельбы – от 800 до 3400 м. Скорость ракеты – 430 м/с. Состоит на вооружении более чем 60 стран мира.

Стрела-3 – модернизированный вариант **Стрелы-2**. Выпускался с 1974 г. Скорость ракеты – 470 м/с. Дальность стрельбы – от 600 до 4000 м.

Стрела-10М – Зенитно-ракетный комплекс на базе **МТЛБ** (многоцелевого тягача лёгкого бронированного). Скорость – 60 км/ч. На воде – 5 км/ч. Запас хода – 450 км. Экипаж – 3 человека. Вооружение – пулемёт 7,62 мм. 4 ракеты (и 4 в запасе) – дальность стрельбы от 25 м до 3,5 км.

Су-22 (Су-20/22) – истребитель-бомбардировщик – экспортный вариант **Су-17**. Скорость – до 2300 км/ч. Производился с 1970 по 1990 гг. Поставлялся во многие страны мира. Участвовал в различных войнах.

Су-25 Грач – штурмовик советского производства. (**Су-25Т Су-25ТМ, Су-25СМ**). На вооружении с 1981 г. Экипаж – один человек. Скорость – до 975 км/ч. Перегоночная дальность – до 2250 км. Тактический радиус до 295 км. Рабочий потолок – от 7 до 10 км. Вооружение – одна 30-мм двуствольная пушка **ГШ-30-2** в нижней носовой части с 250 патронами. Боевая нагрузка – 4340 кг (или 5000 кг), на 8 (10) узлах подвески – бомбы, напалмовые баки, неуправляемые ракеты, управляемые ракеты типа «воздух-воздух» или «воздух-поверхность». Контейнеры с двуствольной 23-мм пушкой **ГШ-23Л** с 260 патронами. Ныне производится его модификация **Су-39**.

Т-34 – средний танк **Т-34-85** (пушка калибром 85 мм), является модификацией танка **Т-34-67** (пушка калибром 67 мм – производился в 1940–1943 гг.). Танк **Т-34-85** производился в 1944–1958 гг., в том числе по лицензии в Польше, Чехословакии и Югославии. В СССР его производство было прекращено в 1946 г. Танк **Т-34** по праву считался лучшим и самым массовым средним танком Второй мировой войны. Экипаж – 4 человека. Вооружение – пушка калибром 85 мм и два пулемёта калибром 7,62 мм. Масса – 31 т. Скорость – 65 км/ч, запас хода – 350 км. Участвовал практически во всех войнах с 1944 г. и на начало XXI века всё ещё состоит на вооружении (в резерве) некоторых стран. Всего было выпущено по различным источникам от 61000 до 70000 танков **Т-34**.

Т-54 – средний танк советского производства. Выпускался в различных модификациях в 1947–1958 гг. Вооружение – пушка калибра 100 мм, боекомплект – 34 (43) выстрела и два пулемёта калибра 7,62 мм (7,62x54) (боекомплект – 2000 патронов) и 12,7 мм (боекомплект – 3500 патронов). Экипаж – 4 человека. Скорость – 50 км/ч. Запас хода – 400–440 км. С 1977 г. модернизировался. Экспортировался и производился по лицензии во многих странах. Участвовал в сотнях войн и активно участвует до

сих пор в различных локальных конфликтах. Только в СССР было выпущено более 17000 танков данного типа.

Т-55 – танк советского производства. Создан на базе танка **Т-54Б**. Большой боекомплект, увеличенная емкость баков, противоатомная защита. Выпускался в СССР с 1958 по 1973 г. Вооружение – пушка **Д-10Т2С** калибра 100 мм с боезапасом на 43 выстрела и два пулемёта калибра 7,62 мм (7,62x54) и 12,7 мм (12,7x99), или два пулемёта **СГМТ** калибра 7,62 мм (7,62x51) Экипаж – 4 человека. Скорость – до 50 км/ч. Производился по лицензии во многих странах. **Т-55** с 1985 г. был модернизирован под названием **Т-55АМВ** (динамическая защита корпуса, новая система управления огнем, **ПТУРС** и т.д.), предназначен в основном для экспорта. Ныне танк **Т-55** состоит на вооружении только в частях береговой обороны России, а также переоборудуется в тяжёлый бронетранспортер поддержки пехоты, или в тягач, или в бульдозер. **Т-55** до сих пор весьма активно и широко применяется в мире в десятках различных войн (в частности, в Афганистане и в ряде стран Африки и Ближнего Востока) и знаменит своей феноменальной надёжностью и ремонтпригодностью. Ныне поставленные ранее на экспорт танки **Т-55** модифицируются – в частности, ставится орудие калибра 120 или 125 мм (по желанию заказчика). Всего в различных странах было выпущено свыше 95000 (по другим сведениям – 70000) танков **Т-54** и **Т-55**.

Т-62 – танк советского производства, производился в различных модификациях с 1962 по 1975 г. Вооружение – гладкоствольная пушка **2А20 (У-5ТС)** калибра 115 мм (боезапас – 40 снарядов) и спаренный с ней пулемёт **ПКТ** калибра 7,62 мм (7,62x45) и пулемёт 12,7 мм (12,7x108) (боекомплект – 2500 патронов). С 1972 г. на башне **Т-62** устанавливался зенитный пулемёт **ДШК-М** калибра 12,7 мм. На **Т-62** применили улучшенные прицелы и приборы наведения. Экипаж – 4 человека. Скорость – 50 км/ч. Запас хода – 650 км. В 1967 г. танк модернизировали, а ещё через пять лет на доработанной башне начали устанавливать 12,7-мм зенитные пулемёты, с 1975 г. на **Т-62** появился лазерный дальномер. За последние сорок лет танк **Т-62** наряду с **Т-54** и **Т-55** активно участвовал в сотнях различных войн. **Т-62** производился по лицензии во многих странах. Данный танк не состоит на воо-

ружении сухопутных войск России (использовался до 2007 г. в небольших количествах внутренними войсками, а позднее переведен в армейский резерв). Поставленный за рубеж танк **T-62** ныне не модернизируется российскими фирмами, ставится новая бронезащита и орудие калибра 120 мм или 125 мм и новый двигатель (т.е. приближается по своим характеристикам к **T-72**). Хотя танк **T-62** и является в настоящее время устаревшим, он состоит на вооружении или в резерве в десятках стран мира и, по мнению специалистов, **T-62** «проживет» на военной службе ещё многие десятилетия.

Тайгеркэт (Tigercat) (Тигровая кошка) – английский всепогодный, неавтоматический и не мобильный зенитно-ракетный комплекс для борьбы с дозвуковыми низколетящими вертолётами и самолётами ближнего радиуса действия. Устанавливается на прицепах, перевозимых лёгким грузовиком грузоподъемностью от 0,75 до 1 т. Расчет – 4 человека. Высота поражения цели – до 3 км. Дальность пуска ракет – до 6 (3) км. Состоит из двух буксируемых прицепов. На одном размещена строенная пусковая установка, а на другом – средства управления. Стрельба комплекса по целям ведется только с места. Время перевода установки в боевое положение – 15 мин. Управление ручное, через систему теленаведения. Перезаряжается двумя военнослужащими. Может перевозиться самолётом. Была закуплена ЮАР в обход санкций ООН через Иорданию. В ЮАР носило название **Hilda (Хильда)** и использовалась в 1974–1991 гг.

ТЗМ – транспортно-заряжающая машина.

ТММ – тяжёлый механизированный мост на базе грузовика **Краз-255**, предназначен для наведения металлического моста грузоподъемностью 60 т на жёстких опорах через водные и сухие преграды шириной до 40 м и глубиной до 3 м.

Трансал (C-160 Transall) – военно-транспортный самолёт. Совместное производство Франции и других европейских стран и 1965 г. Поставлялся в ЮАР с 1969 г. Оснащён двумя турбовинтовыми двигателями. Скорость – 510 км/ч. Радиус – до 4400 км. Перевозит 91 солдата или 81 десантника или 16 т груза.

Ураган – система залпового огня калибром 220 мм. Принята на вооружение в 1975 г. вместо **БМ-21**. Количество ракет – 16. Дальность – 34 км. Экипаж – 4 человека. С 1987 г. заменяется на более совершенную систему «Смерч».

Урал-375 – грузовик высокой проходимости, грузоподъемностью 5 т, оснащенный бензиновым двигателем.

Урал-4320 – грузовик высокой проходимости, грузоподъемностью 5 т, оснащенный дизельным двигателем.

FN (FAL) – бельгийская автоматическая винтовка калибра 7,62 мм (7,62x51). Вес – 4,95 кг. Прицельная дальность – 600 м. Магазин на 20 патронов. Производилась с 1953 г. Состояла на вооружении и состоит в резерве в армиях десятков стран мира (производилась, в частности, в ЮАР (**R-1**) и Южной Родезии). Также в ЮАР выпускался пулемёт **FAL** на базе штурмовой винтовки **FN FAN** калибра 7,62 (7,62x51 мм). Отличался удлиненным стволом. Вес – 10,84 кг (29,3 кг с сошкой).

Olifant MarkIA (Элефант) (Олифант) (Слон) – танк южноафриканского производства на базе английского танка **Центурион**, производившегося с 1950-х гг. В ЮАР производился в 1977–1994 гг. по английской лицензии под названием **Элефант (Олифант) (Olifant Mk. I)** (всего было построено 232 танка). По другим сведениям, свыше 160 шасси британских танков **Центурион** английского производства было использовано для постройки южноафриканского танка **Олифант**, чья модернизация в ЮАР была весьма схожа с модернизацией в Израиле танков **Центурион** в танк **Бен Гурион (Ben Gurion)**. Танк **Олифант** оснащался пушкой **GT-3 (L-7)** калибра 105 мм (дальность эффективной стрельбы по танкам – до 2000 м, боекомплект – 72 снаряда), спаренной с пулемётом калибра 7,62 мм, и зенитным пулемётом калибра 7,62 мм (7,62x51) (4750 патронов), пристрелочным пулемётом калибра 12,7 мм (12,7x99) (70 патронов) и 8 дымовыми гранатами калибра 81 мм. Двигатель дизельный с воздушным охлаждением. Экипаж – 4 человека. Вес – 53 т. Длина – 9,83 м. Высота – 2,94 м. Броня – от 118 мм (корпус) до 152 мм (башня). Коробка передач автоматическая. Скорость – до 34,5 (45) км/ч

(25 км/ч – по пересечённой местности). Пробег без дозаправки – 250 км (200 км по пересечённой местности). Отличается сильно выступающими грунтозахватами широких гусениц (по английскому образцу), что обеспечивает хорошую проходимость, несмотря на большой вес **Олифанта**. Высота преодолеваемого препятствия – 91 см. Ширина преодолеваемого рва – 3,35 м. Глубина преодолеваемого брода – 1,45 м без подготовки или 4,5 м с подготовкой. Интересной особенностью данного танка является телефон, расположенный на корпусе в специальном защитном кожухе, что позволяет пехоте связываться с экипажем внутри танка напрямую, а не через радио.

В настоящее время на вооружении сухопутных войск ЮАР находится 172 (168) модернизированных танков **Olifant Mark2B** (из общего числа 224 (232) выпущенных, часть которых была переоборудована в ремонтно-эвакуационные машины).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамишин А.* Белое солнце Анголы. М., 2001.
- Котра Г.* Грубая сила. Военная машина апартеида. Пер. с англ. М., 1989.
- Коломнин С.А.* Русский спецназ в Африке. М., 2005.
- 40 лет вместе. Материалы научно-практической конференции. М., 2002.
- Шубин Г.В., Майданов И.В.* Армия и военная промышленность ЮАР. М., 2007.
- Токарев А.А.* Черный петух Анголы // Азия и Африка сегодня. 2002, № 5, № 6.
- Токарев А.А.* ФНЛА в антиколониальной борьбе и Гражданской войне в Анголе. М., 2006.
- Устная история забытых войн. Воспоминания ветеранов войны в Анголе. М., 2007.
- The Oral History of Forgotten Wars. Memories of the War in Angola. М., 2007.
- Воспоминания участников и очевидцев войны в Анголе (1975–2002). Устная история забытых войн. М., 2008.
- Хазанов А.М.* Крушение последней колониальной империи. М., 1986.

Igor Zhdarkin

**«WE DID NOT SEE IT
EVEN IN AFGHANISTAN»**

**Memoirs of a participant
of the Angolan war (1986–1988)**

Oral history of forgotten wars

Translated from Russian
by Tamara Reilly

CONTENT

Introduction	249
About author	251
Notebook-diary	254
The author commentaries, made on October 28, 2000	286
The author commentaries, made on October 6, 2001	290
The author commentaries, made on October 28, 2000, November 25, 2000 and October 6, 2001	305
The author commentaries, made on September, 2003	381
Appendix I	397
Appendix II	401

INTRODUCTION

These recollections will be published as part of a collection of memoirs in the series “Oral history of forgotten wars”.

They contain information little known not only to the broader public but also even to professional military historians.

And the difficult battles, of which the author was a direct participant in 1987–1988 (at that time as a Lieutenant and interpreter), sharply changed the geopolitical situation of at least three states – Angola, Namibia and South Africa.

The following historical events – the independence of Namibia in 1989, the transition to a non racial society in South Africa in 1994, and the conclusion of the twenty seven year civil war in Angola in 2002 are to a significant degree linked to the battles around Cuito-Cuanavale, which took place during 1987–1988 in the south of Angola.

The English edition of these recollections consists of two major parts – a diary, which the author kept from October 10 to December 3, 1987, in his capacity as military interpreter of the twenty first FAPLA brigade (a diary of the combat period) and also his own oral narratives.

Almost intentionally, in these recollections, the tape-recorded memories, of the Russian officer, Igor A. Zhdarkin, cruel and frightening in their candour, were almost not at all edited. They were produced at the Africa Institute of the Russian Academy of Sciences on 28 October, 2000,

25 November, 2000 and 6 October, 2001, as well as during frequent meetings at his home during the period, 2000–2007.

One should add that many native and even more foreign academic and journalistic studies, not to mention articles dealing with the Angolan civil war and the events during 1987–1988 are, at best, full of “inaccuracies”, to put it mildly. Perhaps in this way these recollections should fill certain gaps in our knowledge dealing with the events which occurred within this country.

As far as concerns the author’s tales about his subsequent service in Mozambique during 1990–1991, in the UN forces in Angola during 1996–1998, and on extensive missions in various parts of the world, it is planned to publish these sometime in the future.

*Dr Gennady Shubin,
Senior Research Fellow
Institute for African Studies
(Africa Institute)*

About author

Igor Anatolyevich Zhdarkin is a native of the city of Gomel (Byelorussia). By birth he is from a family of Cossack Old Believers. He served for a while in the engineer troop's reconnaissance units, and then completed the one-year Portuguese language courses at the Institute of Military Interpreters in Moscow as a Sub-Lieutenant. Then, as a Lieutenant, he served, during 1986–1988 as an interpreter in Angola. Subsequently, he completed his degree at the Institute of Military Interpreters. He has a command of Spanish, Portuguese, English, Bengali, Polish, Ukrainian and Byelorussian.

Important date of biography of Lieutenant Colonel I.A. Zhdarkin

15 August, 1965 – born in the town of **Gomel, Byelorussia**.

1965–1982 – lived in the town of **Vyborg, Leningrad region**, in 1981 – finished secondary special school with a number of subjects taught in the English language, also located in the town of Vyborg;

1981–1982 – worked in a candy factory as a weigher-packer;

1982–1983 – studied at the **Gomel State University**, at the history-philological faculty;

1983–1985 – service in the Defence Forces of the USSR as a soldier, special intelligence subdivision of the Troops of Engineers, **driver of the engineer reconnaissance vehi-**

cle, then radio-telephone operator of an independent engineer battalion (North Caucasus and Siberian military districts);

1985–1986 – training in accelerated 10 month courses in the Portuguese language at the Military Institute of foreign languages leading, upon termination, to the acquisition of the military title of “**second lieutenant**”;

1986–1988 – service in **Angola** as a military interpreter, including serving in brigades directly participating in military operations;

1988 – obtained military rank of “**lieutenant**” during his service in Angola;

1988–1990 – continued training at the Military Institute of foreign languages, majoring as “**interpreter-consultant of English and Portuguese languages**”;

1990–1991 – service mission to the **Republic of Mozambique**, with service in the 93rd Independent Helicopter Detachment with special designation as Senior air force interpreter;

1991–1992 – resumption of training at the Military Institute of foreign languages, majoring as “**interpreter-consultant of English and Portuguese languages**”, and promotion to the rank of senior lieutenant;

1992–1993 – service at the **Moscow Suvorov military college** as senior instructor in English;

1993–1995 – service at the **Red Banner Military Institute of the Ministry of Defence**;

April – October, 1995 – service mission to the **Republic of Bangladesh** with a group of combat infantry vehicle (BMP-2) specialists;

January – June, 1996 – service mission to the **Republic of Angola** as liaison and coordinating officer with the Russian Air Force unit belonging to the UN peace-keeping forces in Angola (UNAVEM-III);

January, 1997 – January, 1998 – service mission to the **Republic of Angola** as liaison and coordinating officer with the

Russian Air Force unit belonging to the UN peace-keeping forces in Angola (**UNAVEM-III** and **MONUA**);

1998–2002 – service at the **Military University of the Ministry of Defence** (formerly, the Red Banner Military Institute of the Ministry of Defence);

September, 2002 – December 2006 – senior scientific research officer at the **Institute of military history of the Ministry of Defence**;

December 2006 – present – works as an interpreter (writing, oral and simultaneous translation) in various companies and organizations, including short-term service missions abroad.

Government awards and decorations:

- medal “**For combat merits**”
- medal of the Republic of Cuba “**To the heroic defenders of Cuito–Cuanavale**”
- UN medal “**In the Service of Peace**” for 3 tours in the UN Peace-keeping Forces

NOTEBOOK – DIARY*

To warrant officer

Valentine Matvoichuk

[Military district communications centre]

Dear Valentine!

When you receive this notebook, please contact me and let me know so that I don't get worried.

From behind the lines, I wrote a letter to the person to whom you should deliver everything. In the same notebook, there is a letter to Gomel. Send it, please, in Moscow! I wish you all the best on your journey and hope you reach Moscow successfully.

Until we meet again,

Igor

October 10, 1987

It is already the second month during which I find myself in the 6th district and ten days of this period – in Cuito Cuanavale.

Conditions here are very tense. On 20 August, a diversionary group from South Africa, consisting of eight people, blew up a bridge across the river Cuito.

In September, [we] succeeded in neutralizing a group which had been bombarding Cuito Cuanavale itself with mortar fire.

On October 1, advisors of the 21st and 25th brigades returned from an operation on the river Lomba. There, on the Lomba, misfortune had befallen them. They had been «covered» with shells from the rapid firing guns of the South Africans. As a result, their interpreter, **Oleg Snitko** had his leg broken and his hand torn off. He died within a day and a half. The others also had bad luck. Four of them were wounded and shell shocked.

* Thick school note book in diary form, written by hand.

On October 8, they were flown off to a hospital in Luanda.

Then on October 9, having replaced them, we departed on a military operation.

There are six people in our group – our team leader, **Anatolii [Anatoly] Mikhailovich Artiomenko**; the advisor to the chief of the brigade artillery, **Yuri Pavlovich Sushchenko**; the technician, **Sasha Fatyanov**; two specialists from “**Osa-AK**” (the anti aircraft missile system), **Slava** and **Kostya**, and myself.

The day before, we covered approximately 11 km and at 10:30 we reached the command post of the 25th brigade. We sat there the whole day, and waited uncertainly for something to turn up. We were in fact forced to spend the night there.

At around seven o'clock in the evening, I turned on the radio receiver. A concert of Soviet popular songs was being transmitted. The songs were, on the whole, both old and long known, yet all of us at once grew silent and pensive.

But today, on October 10, at five thirty in the morning, we hurriedly pushed off from our location and moved forward.

A military column, in general, moves very slowly. The point is that it is advisable not to travel on old, used roads, because they are constantly mined by UNITA.

Therefore, our men cut a new road through the forest. The tanks move forward, and behind them, the entire column goes. For some five hours, we moved all in all only 8 km.

During one of our usual stops, a group of UNITA soldiers bombarded us. It occurred at 11.10, nineteen miles from Cuito Cuanavale. Our column was bombarded by mortars and sub-machine guns. It was our first bombardment in this operation and it happened quite close to Cuito-Cuanavale.

Thus we moved forward: we moved at most 100 m before we had to stop and endure a tedious wait during which the tanks continued to push the road forward.

At 14:30, we achieved at last crossings over the river Shambinga.

But before this, at 13:30, we had stumbled upon a mined

field, set up by UNITA. We waited a long time until [our engineers] found a safe passage or detour.

At 16:10, we stopped in a little wood on the other bank of the Shambinga River. Here we will spend the night.

The crossing of the Shambinga River is quite uncomfortable. Sufficient to say that it is completely open on both its banks and moreover swampy. The Angolans call such a surface area, “shana”, the same as “flood lands” in Russian. Only one single road, mined on each side, leads to the river through this “shana”, so that nowhere can one turn around. If the enemy is able successfully get this road within his gun sights, and then it can become one of the seven circles of biblical hell.

In fact, here on the September 25 of last year, the leader of our group, **Anatoly Mikhailovich [Artiomenko]** was seriously wounded. They had been until then, for all of five days, not able to get across. A [shell] fragment had hit him in the head. But we, this one time, were able to cross without mishap.

October 11, 1987

The day today was rich with events.

At six in the morning, the column gathered in military formation for the day’s march. We stood for half an hour, waiting for news from the head of our column as to where they were to pave the way. By six thirty, UNITA began to fire its mortars. This time, the majority of mortars were being discharged to release incendiary bombs with the exclusive aim to set our cars on fire.

Although the firing continued for thirty minutes, UNITA did not achieve its objectives. Thereupon, we pushed forward.

During the course of the day, South African planes appeared twice. The first time was at 11:10 and then at 14:30.

Our anti-aircraft missile system, “**Osa-AK**”, tracked them but the two aircrafts were actually shot down in the region of the 21st brigade.

At 15:35, our column was once more attacked by UNITA forces. A ferocious battle broke out and continued almost 40

minutes. The men covering the flanks of the column performed well by discovering the bandits in time. The attack was successfully repulsed. Five UNITA soldiers were killed, and much booty was taken.

On that day, we had to have our dinner in the dark, inasmuch as we stopped at our night lodge quite late and it gets dark here around six in the evening.

October 12, 1987

Today, from 6:45 in the morning, our column once again ran into attacking UNITA forces. The shooting continued for twenty minutes. The column was again fired upon with incendiary mortar shells. But the return fire of our combat means (**B-10** anti tank recoilless guns; 120-mm mortars; **BM-21** forty-barrel 122 mm caliber volley fire fired from “**Ural**” trucks; **Grad-P** portable guns delivering 122 mm caliber volley fire) did not permit the UNITA forces to aim their guns accurately at us. Only one single mortar shell ever landed on one of the cars in our column while the rest were released without any impact.

At 10:40, the South African air force again appeared, bombing the location of the 21st brigade.

For the rest of the day, nothing of any particular importance happened except that now, on the R-123 radio station, we hear, quite clearly and precisely, South Africans discussing among themselves. Thank God that I still remember a little English.

And today, they suddenly began talking Polish on the air. I could make out clearly a few phrases in Polish: “What do you want?” “Very good.” And then, “I am listening attentively.” “Thank you.” The answer of the second speaker was not audible.

For a long time we speculated as to what this signified, until we realized that in fact maybe these were Polish immigrants in the South African army.

October 13, 1987

Today at 5:10, four South African planes appeared in the area of the 21st and 59th brigades. The brigades opened up furi-

ous fire from all types of weaponry. The entire sky looked like a rainbow or a salute. As a result, one plane was put out of action, while a second was hit on the nozzle by a “**Strela-3**” type rocket, and although hit, managed to escape. The rest dropped their bombs in disorder and made off.

Our “**Osa-AK**” anti aircraft missile system had begun work already at 04:30.

On that day, there were three more South African air raids – at noon, at 15:00 and at 17:00, as if it was according to schedule. This day, we stayed at the night lodging near the old UNITA base. There we could see the huts which were still intact, communication trenches and so forth? A real fortress I would say.

I completely forgot that on this same day, at 14:30, we had discovered a large store house belonging to UNITA at the source of the Kunzumbia river. There, ammunition dumps of Chinese origin were found:

for 60-mm mortars – 120 mortar shells;

for 81-mm mortars – 111 mortar shells;

for a modified manual antitank grenade launcher (**RPG-7V**) – 100 items;

cartridges for an updated **Kalashnikov** sub-machine gun (with a wooden butt), or “**AKM**” (1947 model)¹ – 15440 items.

¹ He meant **AK-47**. It’s worth mentioning that **AK-47**, **AKM** and the newest Russian variant of **AKM** – **AK-103** all named “sub-machine guns” in Russian, not “assault rifles” because it’s bullet (7.62x39 mm) is made for short range or middle-range combat (up to 500–600 m). Angolan FAPLA forces were firstly armed with obsolete Soviet-made **AK-47** (production seized in the USSR in 1958) but by 1987 FAPLA forces were armed mostly with **AKM**. **AKM** (improved version of **AK-47**) was produced in the USSR from 1959 till 1974 and is still being produces without proper licences in many countries. Several dozen million copies of **AKM** are circulating in the whole world and are mistakenly named “**AK-47** Russian assault rifle”. It would be more correct to name this famous light weaponry as well as it’s derivatives (**AKM** and **AK-103**) as “the long-barrelled sub-machine gun” (*note by ed.-comp.*).

October 14, 1987

Today, at 07:30 AM, we finally reached the Command Post of the 21st brigade and Operational Group. We met here advisors and specialists of the 47th brigade and of the “**Osa-AK**” anti aircraft missile system (nine people in all). So many «horrors» they recounted to us.

Much hope had been placed, during the offensive action, on the 2nd Tactical Group (Force) to which the 47th air-assault brigade belonged. The 47th brigade was reinforced with a tank battalion, artillery and with the “**Osa-AK**” anti aircraft missile system. The Group’s mission was to secure the right flank of the general offensive. It was commanded by Major **Tobiash**, Chief of Staff of the 6th Military District.

But the Group was not up to task. According to what was said, the commanding officers drank too much during the operation. The offensive was conducted sluggishly, without enthusiasm, although there was practically no serious resistance in its path.

In the end, to be sure, “there appeared to be a so-called clap of thunder in a clear sky”. The offensive of other brigades was conducted more or less successfully, and UNITA suffered defeat after defeat. It appeared as if victory was already close.

But, as it usually had happened many times before, the South Africans, seeing this process, did not permit UNITA to be completely destroyed. Skillfully exploiting the mistakes and miscalculations of FAPLA, they openly penetrated the territory of the People’s Republic of Angola. Now they publicly declared that the South African army was in Angola with the aim of preventing the complete destruction of UNITA.

This was the beginning of the operation’s downfall, the beginning of a tragedy.

First of all, we received news of the wounding of Soviet advisors of the 21st brigade and then about the death of the interpreter, **Oleg Snitko**. Afterwards, when we encountered our comrades from the 47th brigade, we heard from them details about their brigade’s route.

The brigade suffered three attacks from the South African regular forces. The flight which began after the second attack, turned into panic with the launching of the third.

There were many reasons for this: the running out of ammunition, as well as the cowardliness of the officers, the absence of precise instructions to the troops engaged, their terror of facing the South Africans, and, finally, the fact that on the bank where the brigade stood, across the river Lomba, there was a passage (bridge for crossing). Everybody quickly found out about it, and, if it had not existed, perhaps no one would have tried to flee.

Many Soviet specialists serving here in the district combat brigades earlier had been in Afghanistan. According to their opinion, “in Afghanistan, we never experienced such horrors as here. One said that “when the South African artillery began to fire, I felt particularly terrified. However, then came the South African air force and we had very little room on the ground. But the most horrible was when the Angolans turned to flight and began to throw away their equipment...”

This was just what happened with the 47th brigade. As long as the brigade commander maintained radio contact with the commander of the tank battalion, everything to be sure remained relatively normal. But then the tank battalion commander was hit and being wounded, he moved to another tank which too was hit and from which he then could not crawl out. Meanwhile the tank platoon commander who was next to him fled. The tank battalion commander (his name is **Silva**) thereupon was taken prisoner by the South Africans.

At the time of its flight during the crossing of the river Lomba, the 47th brigade lost 18 tanks, 20 armored troop carriers, 4 **D-30** (122 mm) guns, 3 **BM-21s** valley fire, 4 **Osa-AK** anti-aircraft [mobile] rocket launchers, 2 **Osa-AKs** transport cars, one **P-19** radar station, heavy automobiles, broadcasting stations, mortars, grenade throwers, approximately 200 pieces of small arms, etc., etc.

The loudly proclaimed words about the safety of Soviet

advisors and specialists were forgotten. The armored troop carrier of the Soviet advisors exited, last but not one, over the bridge, and without cover, by order of the brigade commander, and protected only by 11 people. Within 15 minutes, the position where it had stayed before was burst upon by a South African **AML-90** (armoured troop carrier).

There was terrible panic and confusion all around. The South Africans were shooting all over the place, not sparing ammunition. No one clearly knew whither to run and what to do. The one thing which everyone wanted was to get across to the other bank as quickly as possible. The so-called “commission” for organizing the crossing was one of the first to escape.

However, only three **Strela-10** anti aircraft system, two armored troop carriers, two **EE-25** vehicles and one **Land Rover** got across to the other side of the Lomba. Nothing more they were able to save. And if the South Africans had sent over only one company to the other bank and opened fire against the Angolans on the river bank, the entire 47th brigade would have landed at the bottom of the Lomba.

The Soviet “advisors” had to set on fire and abandon their armored troop carrier and then crawl, hugging the ground for 1.5 km along the “shana” to the other bank of the Lomba. They crawled under fire, throwing away everything except for their weapons, while the South Africans struck direct laying fire against them. Then the swamps began. Our men overcame this too and there remained only a short distance to the bank. Completely exhausted, they decided to pause for breath. The South Africans, estimating, by the length of time, that they had already gotten across, began to shoot along the shore. Shells were exploding 10 to 20 m from them while three fell into the swamp 5 m from them. What saved them was that the shells and mines fell into the swamp and on the “shana” (which was also sticky and swampy), sank and only then exploded. Only for this reason, no one was wounded, not taking small fragments into account.

The crushing defeat of the 47th brigade seriously affected the 16th, 21st, and 59th brigades as well as the military situation as a whole. Now the brigades were positioned on the line formed by the Cunzumbia river. Such was the state of affairs when we arrived.

October 15, 1987

Yesterday and today we settled down in our new positions, making the acquaintance with the Commander of our 21st brigade and Major **Batista**, the Group Commander, and, at brigade headquarters, we familiarized ourselves with the situation. The day passed quietly. South African planes flew by and from the direction of the 16th and 59th brigades, the rumble of cannon fire was heard. There was shelling there and our brigade gave them support with artillery fire.

October 16, 1987

In the morning, Major **Batista** drove off to the command post of the First Tactical Group, took leave of us, thanked us for everything, and asked us to provide help to the brigade commander.

The order came from the District Command: brigades must take defensive positions in those places where they already find themselves, and assume responsibility for each allotted zone where it is necessary constantly to provide thorough searches in order not to permit enemy infiltration and to hinder any enemy activities. This was so to speak a series of local operations which were conducted with the forces of up to two battalions led by brigade commanders.

This afternoon, we moved our mission to a new position, closer to the Brigade Command Post.

October 17, 1987

This morning, as we were sitting at the table, all of a sudden, at 06:50, a South African plane swooped down towards us. Our troops did not evidently succeed in taking note of it in time.

The fire was opened with much delay only. The aircraft hit the forward positions of our brigade's first infantry battalion. Luckily, there were no losses.

The second such incident was at 8:15. In both cases, our anti-aircraft gunners were not able to react in time. The problem was that the South Africans, for their part, had become resourceful. They are well aware that an anti-aircraft missile system is located here and therefore, they proceed at a low altitude along the bank of the Cunzumbia, so as not to be seen by the missile system and then, making a U-turn, they fly over the target they intended to bomb.

The third incident occurred at 10:10. Four "**Mirage**" aircraft struck on brigade at the area of the 3rd battalion. This time, our anti-aircraft gunners performed wonderfully well. Two planes were shot down – one by a **Strela-10** anti aircraft missile system and the other by a **ZU-23-2** (automatic two-barrel anti-aircraft cannon). Both fell very close to us. The Angolans, indeed, insist that they brought down a third airplane as well but that it allegedly fell onto the far bank of the Cunzumbia River. The brigade commander sent task forces to the two downed planes. For the moment, we are still awaiting the results.

In the evening, the task forces returned. As often occurs with the Angolans, they claimed not to have found the planes, they don't know where they are, etc., etc. The explanation, of course is simple: they were afraid to run into UNITA.

October 18, 1987

Today is Sunday and we have decided to spend the day resting in the hope that there won't be any airplanes and that the South Africans are also taking the day off. The day passed quietly and only at 19:05 did the alarm announcing the enemy aviation suddenly ring.

Indeed, as it subsequently was made clear, the South Africans began to bombard the 59th brigade (15 km away from us) from a jet propelled "**Kentron**" system. Its missiles shone and therefore we clearly saw them.

October 19, 1987

Today at 4 a.m., the brigade commander, **N'Geleka**, received an order: to depart and to go to the source of the river Cuzizi, in the area where the 59th brigade was situated, and to be ready to launch a counter attack. After putting into effect a preliminary artillery bombardment, we departed from our place at 11:30. We covered 16 km that day dodging a lot. We were not fired upon.

October 20, 1987

We continued to move. During the day, we covered 26 km. The column was shelled during a day. Fortunately, many shells fell short of their targets so that we suffered no losses. The brigade commander and the artillery captain dealt all day with two «global problems»: our exact location and the location from where the enemy artillery was shelling us. The problem was very complicated: they had to work out all the shell calibers, the range of the shells, the possible locations where the enemy was situated, but did not succeed to come to consensus of opinion.

We settled down for the night. There was artillery fire in the direction of our brigade, but once again, everything turned out safely.

October 21, 1987

We sent reconnaissance groups to find the river and determine more precisely where we are situated. We stayed put all day, waiting for them. The whole day, a 107-mm gun on the «**Land Rover**» bombarded us. It was located somewhere between us and the 59th brigade and was firing alternately upon us and upon the 59th brigade. As a result, until now, we have not figured out where we are. Surrounding us is forest and nothing else.

October 22, 1987

From morning, we formed a column and advanced. At 15:30, we reached our destination at the Cuzizi River.

The enemy's artillery bombards almost non stop but so far without any direct hits against us. It would seem that we so confused the enemy that they are unable to locate us and instead are just trying to find us haphazardly. The shells fall quite near our brigade, but our artillery doesn't respond.

October 23, 1987

The enemy shelled us all night. Shells with a very disgusting «howl» and whistling flew both past us and near us. A whole row of them fell very close, on the other bank of the Cuzizi.

In the morning, we have urged the brigade commander to make clear to us where we are. He showed us the wreckage of the air plane hit over the Cunzumbia. According to him, the pilot's corpse had been so badly burned that it was not possible to find any documents on it.

At 8:30 AM, our brigade's artillery discharged several salvos at previously planned targets. We fired **BM-21s** and **D-30** 122 mm howitzers from temporary positions, and thereupon quickly left our positions. Within less than an hour the South Africans began to fire upon those positions, evidently in order to locate our brigade. While they were firing, generally at random, we attentively listened to where the shells were flying and fairly often were forced to fall to the ground or "greet our Mother Earth," as our artillery advisor likes to call it.

That evening, we received an order from the Tactical Group Commander, Major **Batista**, to fire upon a South African column in the region of the 59th brigade. Our **BM-21** ("**Katyusha**") could fire 34 shells. In fact, this very much enraged the South Africans because they, almost immediately began shooting back at us from 107-mm recoilless guns which could not be silenced until midnight. The **BM-21** could just barely move away. Our wretched armored troop carrier shook and we felt very uncomfortable, particularly in view of the howling and whistling of the shells, flying over our heads. They exploded 300 m away from us. Luckily, the South Africans apparently still had not worked out our brigade's exact location.

October 24, 1987

This morning, we received an order to depart and go to the 59th brigade, located on the river Mianeí. At 11 o'clock, we formed a column and set off. After 3 km, we heard explosions behind us. It was the South Africans shelling who, assuming that we were still there, had begun to bombard our previous positions.

During the day we advanced altogether 6 km. During the march, our water carrier collided with a log and overturned. This pressed down on the leg of one of our guards. With difficulty, we nonetheless managed to set the water carrier back on its wheels.

At 14:20, the column on our left flank was attacked by the enemy and artillery bombardment began. The battle lasted twenty minutes.

At 15:40, the enemy once again bombarded our column with gunfire and mortar fire. One of these mortar shells exploded 20 m away from our armored troop carrier, between two cars of the “**Engesa**” model. The wheels of both cars were pierced with fragments. One Angolan perished and several people were wounded.

Around 17:00, I went to the communications platoon of our brigade in order to transmit information to Cuito via radio station “**Racal**”. No sooner had I gotten ready to transmit when the firing of sub-machine guns began, and then mortar fire. Several bullets whizzed past, and I only just succeeded in jumping off the armored troop carrier and to creep under it, next to several members of the Angolan signal corps who were already there. Even the dog of the brigade commander was hiding there and timidly whined after every shell burst.

When the shooting had stopped, I went back to our (advisor's) armored troop carrier, deciding to transmit information by our **R-123** radio station. I had only just climbed aboard when the firing of shells began again and continued without interruption during the 20 minutes I was transmitting.

Night passed quietly. Only around 22:00 did they begin shooting at us several times.

October 25, 1987

In the morning, we resumed our march. From 7:40 to 10:20, we marched under constant bombardment from 81-mm mortars. On a number of times, we had to stop because groups of the enemy were attacking our column and fighting was breaking out.

Around 15:00, we made contact with subdivisions of our First Tactical Group. We refueled them and replenished them with oil.

Nearby, several kilometers away, the 59th brigade is located. Around 17:00, they were being bombed by enemy planes. The South Africans had worked out a new tactic. At first they would launch an artillery bombardment and all the Angolans would run for cover, including the anti aircraft gunners. And then, unexpectedly, their planes would appear, beginning to strike and then flies off more quickly than the anti aircraft gunners could come out of their hiding places.

We had just sat down to eat when the «mumbling» of a **“Kentron”** system was heard. It was a South African anti personnel jet system, of directional effect and with range of fire of 17 km. Its projectiles are filled with small balls possessing big destructive power.

We had already worked out clearly the norms for bombardment: in a fraction of a second no one remained at the table. The South Africans shot a little bit from their **“Kentron”** and then from 120-mm mortars and at last «quieted down». Probably, they simply decided to wish us good appetite, the rascals.

October 26, 1987

This morning, we took leave of our Tactical Group and pushed forward. The South Africans were again late with their shelling and began to fire upon our positions after we had already left. After two days of this shelling, our brigade had lost four men killed and twenty-two wounded. Today, towards evening we finally reached our destination. We set up camp and dug ourselves in the ground. No one knows how much time shall **we** remain here.

October 27, 1987

Last night and the whole of today, we were enveloped by an unceasing din of cannon fire. The South Africans shelled the 59th brigade, the crossing over the Shambinga river and our Tactical Group. As yet, they did not disturb us, perhaps because they still did not realize where we are.

For dinner, the Angolans had caught a goat. As a gift, they brought us a whole leg. We left it to stew with potatoes for supper. We found it so tasty that we licked the whole pot.

I began to compose songs about how we now live in Angola. Our men listened, and then approved and some of them also began to compose. Of course, as regards the style of our songs... We cannot do them «cultural» and «smooth», they are full of «bad language», especially when we recall the South Africans and UNITA. They got on our nerves with their bombardments and even do not permit us to eat in peace.

October 28, 1987

Today, from morning to night, there was enemy artillery fire from all sides and in every direction. It is easier to calculate how much time we were outside than hiding.

During the day, the brigade chief of staff, accompanied by two infantry battalions, merged to the Tactical Group so as to get supplies brought for us by the 25th brigade, they did not reach our location. On their way, they were to make contact with the 59th brigade so as also to join them.

October 29, 1987

Last night, the enemy hit the 59th brigade with 148 shells. In the morning, we found out that as a result one officer, one sergeant and four soldiers from our brigade had been killed. There were many wounded and one officer and one soldier were missing.

At 6 o'clock, the enemy decided to bid us «good morning» and «good appetite». We were having breakfast when sudden-

ly, not far off as usual, there was a shot. Through habit, we cocked our ears to hear in which direction the shot was flying. And then our Air Defense specialist **Slava** shouted, «Lie down!» Right after, a powerful explosion reverberated and I fell from my chair, hitting the ground. I immediately felt a sharp pain in my left shoulder, maybe I had either bruised or dislocated it. But then, in the next second, I leaped up under our armored troop carrier. Everybody ran off in every direction too.

As it then turned out, the enemy had bombarded us from a 120-mm. mortar and one shell exploded 20 m from us during breakfast. My shoulder now hurts very much and I am unable to raise my arm.

But at 14:00, we received frightening news. At 13:10, the enemy had bombarded the 59th brigade, situated in our vicinity, with chemical weapons containing poison gas. As a result, many people had been poisoned. Four had lost consciousness and the brigade commander was coughing blood. The Soviet advisors in the brigade were also affected. The wind was blowing nearby and everyone was complaining of violent headaches and nausea. This news greatly disturbed us since, you see, we didn't have any gas masks whatsoever.

And so ended today's events.

October 30, 1987

At night, the enemy continued to strike at us by means of large caliber heavy artillery, launching shell after shell past our heads.

Our brigade's artillery reconnaissance simply cannot not locate this battery. The scouts have problems constantly. Either they do not receive any radio signals or they lack the appliances, themselves, or they cannot operate them. And it is like that the whole time. An evident reluctance to do anything is to the fore and, of course fear of the South Africans, particularly after they had used poison gas.

As of this morning, it was much quieter, with the exception

of two air raids and the enemy's intermittent shooting here and there. Could it be that we were already getting used to this pattern? And yet what a dangerous habit...

We have inquired the Military District Command to send us gas masks, and also to provide all our brigade with means of self defense. So far, there has been no reaction.

October 31, 1987

Yesterday, between 18:40 and 21:00, the enemy launched intensive artillery-mortar fire, but today it was quiet the whole day! What might this well signify? Perhaps this is the last day of the month for the enemy and therefore either devoted to room cleaning or to stock taking? Such quiet is not a good sign.

I recalled a film about the Great Patriotic War (World War II)². There our soldier tosses and turns on a plank bed in a dugout and finally speaks out with disappointment «If they would only shoot, otherwise we can't sleep at all!» Such is the situation with us, roughly speaking – we too have already gotten used to falling asleep during a cannonade. But right now there is such a silence.

November 1, 1987

During the night the silence continued. And today is the birthday of our group leader, **Anatoly Mikhailovich Artiomenko**. He is 40 years old. The day was fine and not too hot, but the South Africans managed to spoil our fun. At noon, planes flew over the 59th brigade, located nearby, and they dropped over them more than ten 500-kilogram bombs. So far we still don't know the extent of the casualties.

Then our artillery decided to put out of action the enemy's

² The Soviet Union's part in the Second World War during 1941–1945 is called the Great Patriotic War. The USSR destroyed 74% of war planes and more than 75% of ground forces of Nazi Germany and its satellites (*note by ed.-comp.*).

155-mm howitzer³, which had been constantly bombarding us. The Angolans fired once from a **BM-21** but then contact with the launcher was broken off. In response, the embittered South Africans opened fire from their own howitzers. They fired very accurately and at small intervals. During one of these intervals, we moved, together with our group leader, to the Brigade Commander to find out what new task he had received.

We were sitting in his so called «study» when suddenly the shooting again began, and this time they were shooting up the Command Post where we were, with a 155-mm howitzer. One of the shells landed in a tree near the dug-out – the Brigade Commander’s «study» where we were situated. At first, I didn’t understand what had happened. The dug-out had crumbled, and because of the dust, we couldn’t see anything.

My ears rang as at Easter. Just at that moment, a soldier flew in and, as he stood in the ditch near the dugout a fragment of the shell cut his hand. The brigade command ordered him to hurry over to the clinic. When I finally got out of the dug-out, my clothes and right hand were stained with the blood of this soldier. Apparently, during the confusion, he had smeared me.

As the group leader said later, at that moment, we were reborn. I had been sitting straight in front of the entrance and it was remarkable that not a single shell fragment had hit me. Then we noticed that, within a radius of 30 m from the explosion, all the shrubbery and small saplings had been completely cut down and broken into pieces by the shell fragments. And all of a sudden, I could hardly hear with my right ear. In our leader’s head, is an awful small noise. This is the way the South Africans send us birthday greetings. My shoulder hurts – it has been hit.

November 2, 1987

This morning, our group, consisting of the first and third

³ This refers to the **G-5** caliber 155 mm South African howitzer with a range of up to 47 km.

infantry battalions of our brigade, a tank battalion, air-assault companies attached to it from the Tactical Group, and subdivisions of the 59th brigade, launched an operation on «combing» through the area. The operation will take 4 days. The brigade's chief of staff heads our two battalions. So far we have not received any news about them.

At 15:30, as we subsequently found out, the 3rd battalion of our brigade got into conflict with the enemy, UNITA. The results of that battle: 4 UNITA soldiers were killed, while our men captured a 60-mm mortar, one AK machine gun and 4 cartridges belonging to it. Our losses: 1 soldier killed, 3 – severely wounded and 6 – lightly wounded.

November 3, 1987

The day today began with two South African air raids, at 5 a.m., consisting of 7 planes. At 13:20, our brigade's first battalion, which is continuing the «combing» operation, discovered a UNITA base. As a result of the battle, 7 UNITA soldiers were killed, including also the capture of 1 radio station, 13 automatic rifles and one anti tank rocket. From our own side, there were no losses.

November 4, 1987

Yesterday evening at 21 hours, the enemy subjected our brigade's third battalion to a powerful bombardment from its «**Kentrons**» and 106-mm guns. The results were: our battalion commander and chief of staff were seriously wounded, the chief-logistic officer and chief of the special section were killed, not including another two soldiers killed as well as seven wounded.

I entered the radio contact with Cuito-Cuanavale with our advisors there. They informed us that they too had been bombarded but that everything had turned out well.

On November 2, at the UNITA base, our troops had captured copies of «**Quacha**», the official UNITA magazine. Here we saw a photo of the former chief of staff of the 16th brigade,

Captain **Luis Antonio Mango**, who had gone over to the side of UNITA. Our Team Leader, **Anatoly Mikhailovich [Artiomenko]** knew him well and in fact worked with him last year when Luis Mango was still «one of ours». But in April of this year, he defected to UNITA. Of all the things to happen!

From 14:00 to 16:00, the enemy launched a particularly intensive bombardment. From each of two «**Kentrons**» 6–7 allowances of ammunition were fired against the defensive areas of our brigade and 59th brigade as well.

Also at 14:00, the 1st infantry battalion of our brigade engaged UNITA south of the Lomba. The results: we captured 6 grenades, 1 flare, 1 anti tank missile and 1 operational map.

Today at 17 hours, the First Tactical Group reached our brigade. They received from us 200 liters of diesel fuel, benzene, and they carted away the seriously wounded.

November 5, 1987

Today, at midday, the first battalion returned. It brought yet another radio station, captured at the same base. At the same time, documents of UNITA's 4th regular battalion, which operates in that district, were also taken from that base. Among these documents there is a diary of military activity from June 1986 to September, 1987. In it, all groups of our forces are listed, including also its leadership, the results of the 4th regular battalion battles, its victories and its losses. There is a map of the Cunjamba district, made in Lisbon according to aerial photographs, and an outline of Cuito-Cuanavale district, drawn by hand. Letters and other miscellaneous pieces of paper were captured too.

November 6, 1987

During the night, between 21.00 and 23.00, the enemy once again bombarded us from his «**Kentrons**» and from recoilless guns. As a result, two men were killed and one wounded.

Today the Soviet Senior Advisor to the Military District

Command congratulated us with the coming holiday⁴, and sent a telegram from Cuito. In response, we also congratulated all of them.

And today, our Brigade Artillery Commander told us that the coordinates of that gun battery which was constantly bombarding us had finally been determined and should it again begin to fire on us, then our own artillery would be in a position to retaliate. Let us wait and see.

At 17 hours, the enemy's reconnaissance group stumbled upon our own forces in the district of our first infantry battalion. There was powerful crossfire but no serious results.

November 7, 1987

During the night, from 22.00 to 23.30, the enemy bombarded us from 155-mm cannons, and also from «**Kentrons**», from the source of the river Lomba. Our own forces retaliated by firing against the Kentrons from **BM-21s** and **D-30s**. So far, the results are still unknown. Our advanced battalion posts send us news about cars moving from the source of the river Lomba across the Lukaia and the area between the rivers Mianei and Colui.

The enemy has twice launched attacks against the 1st battalion. The first time was at 12.30 and the second time was at 14.00.

The point is that the 1st battalion is occupying the heights from which the enemy earlier on shelled Cuito-Cuanavale with 155-mm long-range guns. Therefore the enemy is right now doing all he can to recapture these heights.

Around 15:00, the enemy began to shell us with time fuses. The air is full of exploding shit which doesn't land on the ground but showers fragments upon everyone below. This is something quite new!

⁴ This refers to the holiday of November 7 – the anniversary of the October revolution (according to the old calendar, October 25, and according to the new, November 7). Nowadays, this date symbolizes harmony and reconciliation.

The enemy once again attacked the 1st battalion. Total losses from all attacks – 2 men killed and 7 men wounded. Nothing is known about the enemy's own losses.

At 16:30, a column from the 25th brigade reached us. They brought food products to our brigade and letters for us (Soviet advisors). As they were approaching us, the enemy began to shell them but everything finished well.

November 8, 1987

All night, the enemy was disturbed that the column had reached us, but he could not hit it. The sons-of-bitches (enemy) launched mortar mines and shells all the time!

Following a directive received yesterday, we set off this morning in the direction of the river Vimpulo, situated in the area of the 1st Tactical Group. The 25th brigade occupied our place. Also the first battalion of our brigade remained in its positions. The 59th brigade which stood next to us was to move out a little later after us and go directly to Cuito-Cuanavale.

The whole day, we moved forward through a dense forest, advanced 16 km, and finally reached the limits of that river Vimpulo. Strangely, we were not ever attacked nor fired upon. It was simply amazing!

Indeed, later on, the 59th brigade reported that at 10:00 our positions had been subjected to a powerful bombardment but by then we were no longer there. Verily, success has until now remained with us!

In our new location, we have taken positions in the hills. At this point, there is nothing very clear: from where are they shooting and what are they shooting at. From all sides, we hear explosions, for the moment more or less far from us.

November 9, 1987

All night, we heard the rumble of engines and nearby explosions. It was the 59th brigade approaching us but the South Africans were «escorting» them with their artillery.

In the morning, we went down to meet them. We saw our

Soviet advisors. They felt that everything for them was under control. After the South Africans had attacked them with poison gas on the 29 of October, they had more or less regained consciousness. Their faces were happy – after all, they were returning «home», to Cuito. They had been in the forest for almost 4 months. It is difficult to imagine such a life – one must have personally have lived through it. We, for example, have been in the forest exactly one month, today, yet I have the feeling that already half my life has slipped by, and that all the days have merged into one, that each day is one and the same. If it is suddenly quiet, then you begin to go crazy, they say, wondering why they do not shoot, and what they still have in mind to do there. When the shooting starts, you wait for when it will finally end. And so on and so forth every day.

Around 8 o'clock, we got information that the 16th brigade (which is located in the area of the Shambinga River, 20 km away from us) had been subject since 3 o'clock in the morning to heavy fire and attacks from the regular South African battalions. The Shambinga area lies right next to Cuito-Cuanavale, and already the South Africans had arrived there, but after all, they were anyway on the river Lomba not long ago.

During the afternoon, the advisors attached to the 25th brigade, located on our old positions, informed us that at around one in the morning, the enemy had attempted to penetrate their defense line. When that failed, he began to «throw» everything he had and then another several times tried to break through and has been continuing all this commotion up till now. The position of the 25th brigade is precarious. After all, it remains practically alone there, if we do not take our battalion staying with them into account.

November 10, 1987

Yesterday night passed more or less peacefully. However, the next morning, the Brigade Commander came and he said he had received a telegram from District Headquarters with

the following order: stay on constant alert inasmuch as the enemy can always attack, employing the strategy of sudden surprise.

And that was exactly what happened. At 7 o'clock, artillery and mortar fire suddenly broke out. At that moment I was exactly in radio contact with our Military District. For more than an hour and a half, South Africans keep on bombarding us from 106-mm guns and 120-mm mortars.

Shells fly past our heads. What saves us is that we are standing on a hill and therefore they either fell short of or else fly over us. And yet a number of pieces got within 50 m of us and immediately the fragments began to scream in a horrible way.

The advisors of the 16th brigade now gave us their coordinates. We glanced at the map and sighed: saving themselves from yesterday's South African attack, they had covered not less than 20 km and are now located 4–5 km from the ford across the river Shambinga (15 km from Cuito-Cuanavale). They let us know that the number of their technique and equipment had dropped to less than half.

During the afternoon, I intercepted a telegram stating that two tanks of the 16th brigade had reached by tugboat the area where the 66th brigade was located, together with 100 men from two battalions of the 16th brigade. Thereupon, they had set off for Cuito-Cuanavale. In such a way, the South Africans did «wear out» the 16th brigade.

Then once again, I communicated with the 16th brigade and ascertained that they had passed not 20 km but 30 km or more, fleeing from the South Africans. Afterwards, I once again intercepted their telegram in which they mentioned how much materiel they still had available. They had at their disposal: one **BM-21**, seven **Grad-Ps**, one 82-mm mortar, one **RPG-7** grenade launcher and one **AGS-17** automatic grenade launcher and some ammunition.

The 59th brigade sent a message about crossing the Shambinga River. The South Africans were subjecting them to heavy fire from 155-mm long-range howitzers.

November 11, 1987

Today, during the morning, the air force paid us a visit. Evidently, they simply wished to greet us on the occasion of the 12 years of Angolan independence and well, of course they brought some «gifts».

But yesterday, we spent the whole evening watching shells from South African 155-mm howitzers flying through the air. They are jet propelled and shine during the jet part of the flight. The South Africans subjected to gunfire the area where the 59th brigade was situated on the other bank of the Shambinga River. We were even able to calculate the distance to the howitzers and to measure their approximate coordinates. As of this morning we were able to communicate these to our Military District Command. At 6.00, I entered communication and found out that the Military District Command had restrained the 59th brigade, ordered it to occupy the defence on the bank on the Shambinga River and given it a pile of tasks to carry out. And to think that they had so wanted to go home!

Something quite incomprehensible is happening now: the Angolan troops are almost completely demoralized; the brigades are on average at 45% strength. For every 10–15 shells launched by the enemy, Angolans are able to send only one, if even that much; our reconnaissance operates poorly; and our enemy knows everything about us. The Angolans fear the South Africans like fire and if they hear that “**Buffalo**” is part of an attack, they throw away all their equipment in panic and flee.

“**Buffalo**” – this is a battalion of mercenaries and bandits, distinguished for its horrible brutalities throughout much of the territory of Angola. It consists of 12 companies, each comprising 100 men. Each company has its own name (“Lion” “Fox”, “Wolf”, etc.). They are allocated in one or two individual companies between regular South African units. Sometimes they would operate independently.

Such are the conditions of the war. UNITA is conducting partisan activities, wanders all over the place, attacks and bom-

bards from all directions. The South Africans, for their part, do not hesitate to attack frontally, and strike along our flanks and rear. The South African artillery and aviation move with impunity at all times, while our own aviation is afraid to show itself and if it does so at all, does so only at a high altitude⁵.

And despite all of this, from the District Military Command, orders and instructions continue to come out: to occupy a defensive position, to create a strong reserve (but out of what?) for confronting the flanks and rear of the attacking enemy, etc., etc.

This morning a prisoner was captured in the area of the third battalion. He turned out to be an artillery reconnaissance scout from the artillery battery attached to UNITA's 4th regular battalion. He himself was an African, named **Eugene Kayumba**, who had served UNITA for 3 years, born in the province of Huambo. In his battery they had 2 106.7-mm guns and 2 120 mm mortars set up on "**Land Rovers**." According to his information, the battery is situated at the source of the Kuzizi River while the 4th regular battalion is between the Colui and the Myanei rivers. He had been sent in a group of 3 men (a scout, a radio operator and a guard) with the mission of spotting our fire and making a reconnaissance of our positions. Their batteries are constantly changing firing positions, they are supplied with ammunition at night, and they move around on "**Unimog**" vehicles. A battery consists of 20 men. Together with him, we captured a broadcasting station, **SR A-84**, of English production.

According to him, the South Africans are constantly moving in the second echelon, while the UNITA troops are moving in front of them. If UNITA gets into a tight spot, the regular South African forces move there, open artillery fire and send

⁵ Angolan military aircraft pilots feared to fly at low altitudes, not only because of fear of their South African counterparts, but also, in particular, because of poor nutrition, resulting in their not being able to endure excess loads during air combat. The Cuban pilots, for their part, fought well at any altitude against the South Africans (*note by ed.-comp.*).

out the air force. In important military sectors, the South Africans themselves enter the battle, as this in fact occurred with the 16th brigade on the 9th of November.

At the source of the river Lomba some bases are situated from where ammunition would be brought up. That place is settled by South Africans.

The prisoner constantly gets confused and tries to get out of answering, plays the fool, although it is clear that he knows much. He said that he had long wished to desert, but could not find the opportunity. He related that he had been forcibly taken away by UNITA to their “capital”, Jamba, and there sent to Tikra, UNITA’s artillery center, 20 km away. There, the UNITA personnel were trained by their South African advisors.

November 12, 1987

Today in the morning, I turned on the radio and found out that Cuito-Cuanavale had been shelled during the night by long-range guns. Fortunately there were no casualties among us and the landing strip area (runway) was not damaged.

During the day, it was relatively quiet but towards evening, the Chief Advisor of the 59th brigade told us that, at the crossing of the Shambinga River, groups of soldiers from the 16th brigade, including those from Tactical Group were running with and without materiel, with weapons and without weapons, in a great panic and with “square eyes.” The 59th brigade fishes them out and collects them in one place. There they met with those «runners», shout slogans to them, appeal to them to calm down, but without getting any sense into them. They think of only how to “pick up their hands and feet” and clear out.

The Chief Advisor of the 59th brigade reported all this to the District Military Command who in turn promised to take appropriate measures. The 59th brigade also reported that one of its tanks had gotten stuck in the mud and had by now become buried up to its turret.

At 22.00, instructions were sent to us and to the 25th brigade that at this moment was standing at the Mianei River at our old location. The 25th brigade was to effect a raid in the area on the river Ube, whereas we should monitor the district of Viposhto where we are currently.

November 13, 1987

Today, I woke up and there had been less than five hours in the morning because the water began pouring on me. Our technician officer and me sleep under our armored troop carrier inasmuch it is more comfortable and not stuffy here, and there is more room, than in the carrier itself. During the night, it rained, and water collected in the bottom of the troop carrier and then it began to run out through the holes.

Our Team Leader (Lieutenant-Colonel **Anatoly Mikhailovich Artiomenko**) sent a telegram to the Military District Command with the proposal to change the area of the brigade's defensive positions and to occupy the heights of the Viposhto area (5 km away from us), to cover the area between the Ube river and the Vimpulo with two our battalions, while keeping the third battalion in the second echelon as a reserve on the west bank of the Vimpulo.

In response, came an order to move to the source of the river Ube and to occupy defensive positions. The brigade commander resolved to leave there one company with its radio station. We (the Soviets) were in the meantime to move to Viposhto district to be with the military advisors of the tactical group while waiting for the arrival of the entire brigade. One battalion had already left for the source of the Ube.

November 14, 1987

Today we departed at 6:00 AM. We wandered the whole day, covering altogether 13.5 km instead of 5 planned km before we found the Tactical Group. At one point we were shot at. In the evening, the enemy launched a heavy fire at the cross-

ing across the river Shambinga and at the 59th brigade. They requested the coordinates.

November 15, 1987

This morning, a military directive came ordering us to launch an offensive into the area of the source of the Ube River and to start it at 10 AM. Everything in this directive was beautifully outlined – where each group should advance and with what forces, the requirement to use tanks available in the Tactical Group (but none of them have operable planetary steering mechanism, so that they can only move directly forwards or backwards), and that only one tank runs on a storage battery.

The brigade itself is still on march. One battalion of our brigade is located God knows where and now we have this order to advance?!... What are they thinking about in the Military District Command?

Our Team Leader told the Brigade Commander that it would be better in fact to begin the offensive today, while the enemy was still not able to find us, and that all would be well if he didn't reconnoiter the area or send spotters. To this, the Brigade Commander responded that everything was held up by those cars that remained on the road. They are allegedly out of order and he would send people there to help. In other words, we understood by this that today we would be unable advance anywhere.

November 18, 1987

It is difficult to write about what occurred during the past two days (November 16 and 17) since one must have experienced all this directly to understand it. Right now, we ourselves don't yet understand how we stayed alive and broke out of this hell.

What happened was exactly what we warned the Brigade Commander against. During the night from the 15th to the 16th the enemy had made a thorough reconnaissance, had

sent out spotters, and had managed to make adjustments of our brigade column. Also he had prepared an assault position (lines of attack). In short, he had done everything necessary.

On the 16th of November, at 6 AM, we had formed a column and stood awaiting the beginning of our march. At that moment, the fuel servicing truck arrived and we set out to refuel our armored troop carrier. Our Team Leader (Lieutenant-Colonel **Anatoly Mikhailovich Artiomenko**) was standing outside our armored troop carrier when all this began.

The first shell exploded 10 m away from our armored troop carrier. How our Team Leader survived, in fact only God knows. We were sitting with the artillery adviser on the back of the seat when we were struck in the face by a wave of air mixed with sand. The artillery adviser sprang out and began to call our Team Leader being afraid that he had been killed. But **Anatoly Mikhailovich** had already found cover in the armored troop carrier.

And thereupon began such a bombardment which we, in truth, had as yet never experienced. Shells exploded “in packets”. Everyone became confused, panic ensued and everyone tried to run anywhere they could. But the South Africans beat them black and blue. We began to get out from under the bombardment. From the impact of the shells, our armored troop carrier rocked from side to side. In fact the South Africans bombarded a very large area because we were able to escape the zone of fire only after 40 minutes.

During the first few minutes, a shell fragment penetrated right through the leg of one of our guards. We dragged him and another soldier inside the armored troop carrier. They were gripped by fever, while their eyes were full of terror. I gave them bandages to bind the leg of that soldier but they could not do it themselves. Then I bandaged his leg myself.

When we, finally, came out from under the bombardment, we could see only a part of the brigade column with us left led by the Brigade Logistic Officer. His face was very terrified and

confused. He could not give intelligible answers to any of our questions and spoke with a pronounced stutter. The wheels, the bodies and the inside compartments of the vehicles were gaping with holes from fragments.

At last, our Brigade Commander, himself, appeared and began to restore order: he determined the assembly point and gave out instructions. With great difficulty, we assembled the column and marched to the river Ube. And there and then the South Africans attacked us from prepared positions. As we had assumed, the South Africans had prepared themselves well: our brigade suddenly appeared pinned down into the “shana” (as I already explained, the “shana” is a swampy flood-land area of the river). In front of us, the enemy was situated in a half circle while to our rear was this cursed “shana” – cars could not drive through it so that it would have been necessary first to lay out over it a road of brushwood. Panic broke out, the enemy launched an intensive bombardment and the Angolans fled on foot through the “shana” to the other shore.

Only the appearance of the Brigade Commander made them to stop. The Commander rushed around along the whole brigade: from front to rear, shouted, cursed, made demands and gave out orders. The battle continued in front: a small group of Angolans pressed back an enraged onslaught of South Africans while the entire brigade stood practically in the swamp with eyes “squared” by fear and with trembling hands. They crowded onto the bank, ready at any moment to throw away everything and run.

The commander ordered the men to make a temporary brushwood road (log-path road). This took up their attention because it still provided them with something to think about and do. On the other side, a small detachment was sent to the other bank so as to be covered from possible enemy attack.

The bombardment and the attacks persisted with only short interruptions. We were prepared for the very worst. We collected our knapsacks and burned a number of secret documents and papers. It was resolved, in case of the South Africans break-

ing through, to burn our armored troop carrier and our armored patrol car, our two cars, and to go by foot through the “shana” on to Cuito-Cuanavale.

Of course, we still had a faint hope in the 25th brigade which was coming to us with help. However, this hope too collapsed when, on the radio station, we heard the voice of the senior advisor to the 25th brigade. He swore with abuse and cried out, almost weeping: “Running away, scums... They abandon everything: materiel, weapons... bloody vermins!” Evidently, the South Africans, without hesitation, had turned round and cut into the 25th brigade and it was sufficient for Angolans to hear that they were being attacked by “**Buffalo**” for them to flee.

When our log-path road was already almost ready, the enemy began to fire at it, while then the soldiers from our covering force crushed by the enemy appeared on the other bank. The trap, in this way, snapped shut.

The vehicles of our brigade began “to go in circles”, evading the shells. We sat in our armored troop carrier, wet like small puppies from the terrible heat and stress...

For us too, nothing was left than to recover from the shelling. We only knew that wherever a shell or a mine exploded, we would rush there because we knew that for the next few minutes, no shell would again fall there.

Those Angolans who did not succeed in getting into the armored troop carrier, the armored patrol car or still some other such place, rushed about, hiding behind anything that was possible to find. The cries of the wounded and the screaming of horror were heard everywhere, and it was all covered by the explosion of shells and the whistling of splinters.

At last, indeed, we discovered a weak spot in the ranks of the enemy and everyone scrambled in that direction. But the reason for this perhaps was simply that the South Africans had gotten finally tired of playing around with us. That was just what we asked ourselves. But this was hardly likely to be the case since during this period we had already been studying their tactics. They prefer to hit FAPLA in parts (one by one)

and destroy them completely so as no longer to be burdened by them. And they had particular scores to settle with our brigade.

Be it as it may, around 15:00, we were finally able to break out of this hell. Our vehicles gathered together in a heap while our exhausted soldiers collapsed on the grass.

Nearby, 20 m away, a knocked out tank from our brigade was burning. Shells and cartridges still inside it, exploded for almost an hour.

At 16:00, we made radio contact with the advisors of the 25th brigade and heard from them that like us they had also succeeded to break away from the South African chase and they were on route to joining us.

Just at this time, the soldiers of the reconnaissance company of our brigade brought over a prisoner from UNITA, a captain by rank who had been serving in the rear, supplying the fighting units. He told us that in this battle the 1st brigade of regular South African troops, together with “**Buffalo**” and a regular battalion of UNITA had participated against us.

By this time, the 25th brigade was approaching us. When the soldiers caught sight of the UNITA prisoner, both brigades at once gathered together. Their eyes were burning bright and they were all crying: “Finish him off! Don’t just stand there, kill him!” Order was restored only with much difficulty. It was now resolved to bring the prisoner to Cuito.

The author commentaries, made on October 28, 2000

[I want in particular to cite the name of Lieutenant Colonel **Yuri Pavlovich Sushchenko**. The soldiers of the reconnaissance company of our brigade captured the UNITA officer and brought him right to our armored troop carrier. At that time, we heard the shouts of our soldiers: they wanted to kill that UNITA prisoner, many soldiers of both brigades gathered near our armored troop carrier. Both **Yuri Pavlovich** and I jumped out of our armored troop carrier, we were fierce and dirty-faced

after the battle and he was the one with the beard and with his submachine gun. He jumped out and said to me – Igor, tell them that I'll allow no one to approach here, to the prisoner. So, we climbed out of the armored personnel carrier – and there was everyone who had escaped from the encirclement, with arms and yelling. I began shouting them in Portuguese and they stopped – but when Yuri Pavlovich began to bawl (with his submachine gun ready to fire) – Get out! I'll kill everybody! – The Angolans shrank back from him in horror.

But, although this was ten years ago, I can still repeat to you just how it was. He really was ready to kill anybody. I respect him as a man. In any case, that's how it was.

I said to him – **Palych!**⁶ Calm down! OK – everything back to normal, everything is fine, everything is normal.

That UNITA captain within two months gave an interview in Luanda. And the entire brigade was sitting and listening to it.]

Around 17:00, it was decided to move in the direction of the passage over the river Shambinga. At the same time we could see the results of the firing of our **BM-21**... Next to the road stood a knocked-out South African **AML-90** armored troop transport, and a tractor for the evacuation of materiel (a South African **Samil-100** six-wheel heavy 10-ton truck). Both were on fire.

Just as we had passed through this area, the enemy began to bombard us anew, but this time we were able to get out of this particular danger zone fairly quickly.

It began to get dark. Our Brigade Commander approached us and raised the question of what we should do next: move ahead or stop for overnight rest. We urged him to go forward in order to get out of this place as quickly as possible. The Brigade Commander, however, objected that ahead of us there

⁶ **Palych** (colloquial) – **Pavlovich** (patronymic) – Lt.-Colonel **Yuri Pavlovich Sushchenko** (*note by ed.-comp.*).

might be mined fields. In answer to this, our Team Leader (**Mikhalych**)⁷ suggested organizing the entire brigade into one single column and in front to allow one single tank and an infantry platoon to pave the way. It was agreed to do just that.

We marched the whole night without closing our eyes. Our column moved very slowly inasmuch as there were no stars or moon visible in the sky, but nonetheless we did move and that was the most important. Our nerves were on edge.

The armored troop carrier with the advisers of the Tactical Group, moving behind us, landed into a ditch. We had to pull it out. No sooner had we pulled them out then our armored troop carrier flew into another ditch. At this point, a bombardment began. The Angolans pushed car next to car, jumped out of them and took refuge. We covered with sweat, in our mud stained clothes cursed and yanked out the Angolans who were hiding in order to get them to move their cars and not stand in our way while we pulled out our armored troop carrier. The Angolans' hands and feet trembled from terror and from the whizzing of splinters, so that their cars could not start and we had to jostle them back.

Finally, we were able to pull out our armored troop carrier and moved on. Towards morning, we reached the passage over the river. This was at four o'clock. But we could not cross because a truck had overturned on the bridge and we could in no way drag it off.

November 17, 1987

And so until eleven o'clock, we languished under the bombardment, waiting to cross, without sleep, hungry, and angry like the devil. We suffered from the foulest sensations: how much did we have to put up with so as finally a stray shell could «cover» us and thus finish our lives.

⁷ **Mikhalych** (colloquial) – **Mikhailovich** (patronymic). Unofficially in Soviet and Russian Army all officers are named by patronymic but not by military rank or by surname. Lt.-Colonel **Anatoly Mikhailovich Artiomenko** (**Artyomenko**) is named **Mikhailovich** (**Mikhalych**) (*note by ed.-comp.*).

Finally, around eleven o'clock we were able to push the truck off the bridge, and the entire brigade column rushed to the crossing. We succeeded in being among the first to get to it.

The enemy at first fired at the approaches to the crossing, then at the tail end of the column, then shifted his fire to its head. He was strafing from "**Valkiria**" reactive fire installation in order to smash the wheels, knock out the lead car, thus stop the column, and then, without any particular difficulty, shoot it to pieces.

In front of us a tank was dragging the out-of-order armored troop carrier. It was constantly coming to a halt and because of this, the column was stalled. The shells were exploding from all directions. The enemy fired with everything he could: with mortars, recoilless guns, 155-mm howitzers, and from his "**Valkiria**". Even when the column began to withdraw from the crossing, the enemy pursued it with its barrage of fire.

At last we were able to escape from the danger zone and immediately set off towards the advisors of the 59th and 16th brigades who were situated 3 km from the crossing. There we embraced for a long time, not believing that it was all over and sharing impressions with each other.

At 12:00, we went out to the assembly point, several kilometers from the crossing, in order to collect personnel and materiel. Much of this materiel is damaged, and some of the cars were lost on the other bank, the vehicles that remained with us have their wheels and radiators pierced by the "**Valkiria**". All three "**OCA-AK**" anti aircraft missile systems had had their equipment disabled from being hit by the "**Valkiria**".

Today, i.e. November 18, we continued to collect our personnel and materiel and count up our losses. On November 16, from ground fighting and from bombardment, we lost 17 men killed and 86 wounded. But also: 1 tank, 2 **E-25** motor vehicles, 2 **B-10** antitank guns, 1 **ZU 23-2** anti aircraft automatic coaxial gun. On November 17, we lost: 5 men killed and 31 wounded.

Today at 14:00, we once again hit the road. This time, we got the task to occupy defensive positions in the area of the Cuatir River.

This is just a pale, dry description, so to speak, of what happened. Is there something still to come or to happen?

The author commentaris made on October 6, 2001⁸

[Turning back to the battle of 16–17 November, 1987, when our 21st brigade, became encircled, there are simply a number of additional pieces of information which should be inserted – that is to say, as I already mentioned in my diary, in more or less detail. As far as my first impressions are concerned.

Naturally, I must right away make my own kind of resume: I think everything happened in the way as happened because of confusion, because of something misunderstood, because of the good, competent and precise actions of the South African army and the UNITA troops led by them. That is to say, as I already wrote in my diary, South Africans prepared all their positions ahead of time, and worked out everything beforehand so that we in fact fell into an earlier prearranged trap, i.e. into this encirclement. In addition, the 25th brigade that advanced behind us could not come to our support because the South Africans, as I already wrote, swung around and struck at the 25th brigade.

Here I must add that leader of our advisers' group, Lieutenant Colonel **Anatoly Mikhailovich Artiomenko** was of course a very balanced and sober person. So, when the brigade commander, Captain **N'Geleka**, came to him with the question, "What should we do? What have we gotten into?", and so forth, Anatoly Mikhailovich very calmly led all the process in a

⁸ Lieutenant **Zhdarkin** was afraid that his diary, sooner or later, would fall into the hands of his mother, living in Gomel, which later on is just what happened) and as a result described in his diary the battle of November 16–17 1987 in a strongly understated manner (*note by ed.-comp.*).

fully clear-cut way as is indicated by everything he did. And it is only thanks to him in my view that we got out of the encirclement and out of this dangerous situation.

Because of his intervention, the Angolans put six **ZU-23-2s** in one line and began firing against attacking South Africans (**ZU-23-2** – it was anti aircraft defense means with 23-mm shells – i. e. they could pierce South African **AML-60** and **AML-90** armored troop carriers, if they hit a person, they simply tore a man in pieces). And thanks to those six **ZU-23-2** put in one line, so to speak, four South African attacks were repulsed. But I wish here to point out that the only units in the brigade capable of military action at that moment were the reconnaissance company of the brigade and the curfew platoon (commandant platoon).

It was namely those who were positioned at the **ZU-23-2s**, who repulsed the South African attacks. The entire rest of the brigade, as I already wrote in my diary was in «shana» – in this swampy ground, near the crossing, with eyes haunted by fear, with trembling hands and with no comprehension whatsoever – in other words, a crazed horde, which wished only to stay alive, threw away everything which could be gotten rid of, etc. Those who really fought were only the reconnaissance company and the commandant platoon.

– **How many people?**

– I can't say it correctly. You see, our troops, one battalion after another were dispatched in different directions with various missions. That day, on the whole, we had in our disposal only combat support units of our brigade. That is, the [only] real combat units were the reconnaissance company and the curfew patrol (commandant platoon). All this was told to me later on by the commander of the reconnaissance company who himself had personally witnessed the attack of the “**Buffaloes**” and he himself saw their dead bodies later.

– **How many did he actually count?**

– Well, he personally counted twelve (killed), but this was only in that sector in which he actually saw them physically.

Clearly, as I already stated, the “**Buffalo**” battalion split itself up into companies, into every UNITA and South African combat unit – that is to say, it never operated as a single entire battalion, but instead simply spread out into 12 company units to other South African units and sub-units.

Well, unambiguously, one “**Buffalo**” company fought there against us. And of course they were beaten off thanks to those Angolans from the reconnaissance company and the curfew patrol (commandant platoon). Thanks to them only.]

November 19, 1987

This morning, our **Osa-AK** anti aircraft specialists departed, together with a battery, for Cuito-Cuanavale. We are only four now.

We are sitting in expectation of the beginning of the march. Yesterday evening at 20:00, one car from our brigade blew up upon contact with an anti tank mine, and two people were wounded.

At 13:00, we set off. At 14:00, we were shot at from 60-mm mortars, as well as small arms, by a group of UNITA combatants.

At 18:00, the first battalion was attacked by a group of UNITA. Two our soldiers were killed and five wounded. We killed four from UNITA and captured one submachine gun. Our soldiers lost somehow two **RPG-7** grenade throwers.

We stayed at a night’s lodging on the heights not far from the Cuatir River.

November 20, 1987

Today we moved to a new place. The whole day, we made arrangements in order to make our stop, if only from afar, resemble a dwelling more or less for civilized people. We put down stakes and set up an awning in order to protect ourselves from rain and sun. We knocked little tables together for crockery and the preparation of food.

In general, it is now more or less comfortable. Today, the whole day was calm, but from our Military District

Headquarters we got the news that the South Africans were regrouping and evidently had something in mind. We were told to be on alert.

November 21, 1987

Yesterday, we communicated our coordinates to the District (in fact the Angolans communicated them with our help) and already today we received the result: the South Africans began to strike with precision at our brigade headquarters command post. We have dug an exposed hole under our armored troop carrier where one could protect oneself from bombardment, so that the whole day we were busy with «cross-country race», i.e. ran back and forth hiding from shells. We didn't even get enough time to eat. Only towards evening did things quiet down. However strange this may sound, but when we don't inform our location to the Military District, nobody shells us. But as soon as we transmit our location, the enemy there and then begins to strike over and over again and with great precision.

November 22, 1987

The night passed peacefully (for us at least) but the enemy constantly bombarded the brigades allied with us.

From daybreak, he attacked first one and then the other brigade. So far he hasn't touched us. Evidently, he is going to «make probes» of our defenses, looking for weak places.

During this period, the enemy is constantly bombarding Cuito-Cuanavale from 155-mm howitzers. For them it is also unpleasant as they too are occupied with «cross-country race» as we joke sadly.

The surrounding conditions are very disturbed: our reconnaissance and soldiers waiting in ambush are constantly reporting the movement of enemy columns, small UNITA groups and so forth. The enemy in turn bombards our three brigades and Cuito-Cuanavale. Evidently, they are preparing for an attack.

We have the distinct impression that our lifeless and hapless

brigades once again are falling into a «mouse trap» and it will be considerably more serious than before.

November 23, 1987

Yesterday evening, we listened to the radio and completely by accident heard the news in Portuguese. It wasn't clear which radio station but it resembled the BBC. They were reporting about the aggression of the South Africans in Angola, i. e. about us.

It was mentioned just the following: "South Africa was continuing to launch aggressive actions against Angola. In the north of Namibia, on the border of the Angolan province of Cuando-Cubango (this is just the place where we are located), 30 000 military personnel, 400 guns of various caliber, and more than 80 airplanes are concentrated. The 8th Armored Attack Battalion had entered the territory of the province of Cuando-Cubango. Several South African brigades, together with the "**Buffalo**" battalion were operating on the Angolan territory. The remaining troops found themselves on combat alert, ready to cross the border at the first order".

We reported all this to our District Command. In response, we got a telegram back ordering us to mine the sectors vulnerable to enemy tanks and to create anti-tank defense in depth of five pieces per kilometer. How cheerful this made us! We practically have no mines at our disposal, our anti-tank defenses are nothing to speak of: 1 **B-10** anti-tank gun, 1 **BM-21** 40-barrel gun fired from a truck, 2 **Grad 1-P** 122-mm portable guns, 2 tanks, not to mention company anti tank grenade launchers. And with this we have to beat off tanks!

During the evening, they fired at us, as if unintentionally, lazily – apparently they wished to frighten us. But they constantly cut up Cuito and all the time attempt to damage the landing strip area (runway of Cuito-Cuanavale).

November 24, 1987

Yesterday, at 20:00 we heard a helicopter. As the Angolans told us, clearly the enemy was facilitating the landing of scouts

or diversionary groups. During the whole day, except for the “obligatory” bombardment, nothing happened. But then at 17:00, the South African air force swooped down and fired with non-guided rockets against the Brigade’s Command Post. They approached from the direction of the source of the Cuatir River so that our «**Strela-10**» anti aircraft missile system could not catch sight of them.

In the afternoon news, the Angolan radio announced that the Angolan foreign minister, appearing at the UN, accused South Africa of employing chemical warfare against the Angolan army. This had occurred on October 29 at the Mianei River, when the South Africans had used these chemicals against the 59th brigade positioned next to us. I have already written about the effects of this “use”.

November 25, 1987

During the night we again heard the helicopter. As the reconnaissance of our brigade has announced, South Africans are concentrated 20 km to the east of us. There the noise of engines is constantly heard, helicopters are flying, and from there their artillery is shelling us. Today, after dinner, we were bombarded by their 120-mm mortars. At 17:00 our first battalion was engaged in heavy fighting. So far the results are unknown.

November 26, 1987

Last night I awoke from the earth rumbling. Inasmuch as we sleep under the armored personnel carrier, this rumble was easy to hear. Evidently it was the armed column of the enemy.

From 12:00, the enemy launched a powerful bombardment from 196.7-mm recoilless guns. He fired against the location of the 1st and 2nd battalions of our brigade. Luckily for them, they had already moved to the next line of defense.

Around 15:00, the chief of the 59th brigade, standing to our right, informed the Military District Command that the enemy column had revealed itself at his right flank, adjoining the 25th

brigade: enemy armored personnel carriers and its infantry. They had begun to fire at this column from anything at their disposal.

On the radio we heard that the UN had taken a resolution obliging South Africa to withdraw all its troops from Angola by December 10. We think South Africans heap scorn at this resolution and also at the fact that the UN General Secretary himself is to come to Angola in order to supervise the withdrawal of their troops. Then we stumbled upon a transmission from South Africa whereby they were translating the speech of **Peter Botha**, their Minister of Foreign Affairs. The essence of this speech was that South Africa would not permit the extension of communism in the south of Africa, would tend to its own security interests, and would withdraw its troops from Angola only after the withdrawal of Cubans and Russians.

During the evening, the Brigade Commander arrived and declared that he had received a telegram about the end to the operation on November 26, i.e. today and that this was, allegedly, an order from the Minister of Defense. I don't know how and for whom, but for us it has yet to end, the devil knows when.

Today a telegram was sent to the Military District Command with a request for my replacement. I have not been able to shake off the consequences of a shell-shock incurred on November 1 when we were «covered» by a shell from a 155-mm howitzer: my right ear hurts, my left shoulder, clearly, has been dislocated and my headaches and dizziness have become more frequent.

The first time I injured this aching left shoulder was October 29, but by the following day everything was already normal, but on November 1, I evidently dislocated it, having hit it by something hard at the time of the explosion.

November 27, 1987

Today differs little from previous days. In the same way, they bombarded us and nearby they also bombarded our adjacent brigades. On Soviet radio, there is a deathly silence

about Angola. We try to catch this news every day and we get nothing.

The enemy continues to bombard Cuito. At 18:00, he fired salvos from his “**Kentrons**”. During this time, I was in contact with Cuito, and for a long time, I couldn’t reach anybody. Finally they told me that the shells had exploded directly on the territory of the Soviet mission. So far, they have not communicated any consequences.

November 28, 1987

All night and to the morning, there was an exhausting, protracted silence: not a shot was to be heard, nor the sounds of an engine – nothing. And we couldn’t fall sleep because of it.

Moreover, we were very agitated, not knowing what was happening there in Cuito.

At 6:00, we learned that as a result of the bombardment, Colonel **Andrew Gorb**⁹, mobilization officer, already advanced in years, a very calm, good and accommodating person, had perished. Usually, they say, one does not speak evil about the dead. About him and about his life, one can immediately say only good things. Everyone respectfully called him “Uncle.” He had spent only a year in Angola. How all this happened there, we don’t know. We know only one thing: a very good man «left our lines». As in the verses of **Vysotsky**¹⁰: “Death selects the best and pulls them out one by one”.

November 29, 1987

Today at 8:00 in the morning, according to our Brigade Commander, a group of the enemy, situated in the area not far from the defense positions of our 1st battalion, ran into our ambush or, perhaps, FAPLA ran into the enemy’s ambush. In

⁹ About the bombardment and the death of Colonel **Gorb** see “The oral history of forgotten wars. Memories of the war in Angola”. M.: Memories, 2007. P. 39-40 (*note by ed.-comp.*).

¹⁰ **Vladimir Semenovich Vysotskiy (Vysotsky)** (1938–1980) – actor, poet, writer, bard. One of the greatest Russian poets and bards of the XX century.

any case, it was a serious battle. As a result: one of ours was wounded, two were declared missing, and one sub-machine gun was lost.

It is not known what was the fate of the two – that is whether they deserted or perished...

November 30, 1987

Night passed quietly. Our technician officer **Sasha Fatyanov** and I left our usual place of sleeping under armored personnel carrier and went to sleep in our new-built dugout, acquiring, so to speak, a new home. It is sufficiently large and spacious, we made the roof in three layers, we covered the walls with sticks, we built bunks upon which we placed mattresses, and we hung up mosquito nets. Terrific!

At 6:00, our Brigade Commander dispatched 60 men under the commander of the 1st battalion to search for those two missing men and also to check the area once more, and to set the ambush there.

In the evening, they returned, having found nothing, but they had set the ambush. Our reconnaissance constantly reports about the movement of the columns of motor vehicles of the enemy from the sources of the Ube and Shambinga rivers to the source of the Cuatir and about the flights of their helicopters also. What are they preparing there?

From evening, a heavy rain began, although till then it had already rained the whole day.

December 1, 1987

The rain which began yesterday evening, poured on all night. As a result, our dugout leaked and at 3 AM, water began to trickle right into our beds, or, more accurately, between them. We put a bucket on the floor and moved the beds apart as much as possible. The rain continued the entire day, albeit with interruptions. The wet season had begun.

Today is the first of December, which means the beginning of winter in the USSR, but here is summer. In fact, it doesn't

bring any change whatever! Here we have lost count of the days. We have been rushing about the forests for almost two months and it no longer makes any difference to us whether it is Wednesday or Thursday. On Sunday, in truth, we wash ourselves and do our laundry, but in fact it is an ordinary day.

Yesterday we received a telegram: to prepare a helicopter landing strip (helipad). At first we supposed that the high command was flying to us. But today I succeeded in finding out that this was rather for supplying us with food products.

In the evening, our 25th brigade reported that from 16:00 to 17:30, the enemy had bombarded their command post with 155-mm guns, and that at 19:00 they had heard the noise of a helicopter in the area at the source of the Ube River.

December 2, 1987

Today at 15 hours, a Higher Commission headed by a major of the FAPLA General Staff arrived for an assessment of the existing situation and for the checking of the organizing of our defenses. The chiefs of the Military District services came together with that commission.

At first there was the hearing (report) of the brigade commander and his decision on the defensive combat order formation. Tomorrow we shall visit the defensive battle areas of our battalions.

This Commission already visited the 25th and 59th brigades situated next to us. It was reported that the South Africans there had already made attempts at breaching the defensive positions, but that the 25th and 59th brigades were able to beat them back. The 59th brigade shot two **AML-90**, while the 25th brigade inflicted great losses upon the enemy.

December 3, 1987

Today, from morning to lunch, we accompanied the commission along the defensive positions. The defects were revealed, as well as their causes.

At 14:00, we had the meeting devoted to the summary of the

results of the commission's work. The chiefs of the district services presented their reports. But before the summary of the results, we heard by radio a press conference in Luanda, set up for Angolan and foreign journalists. At that press conference, appeared the very same UNITA captain whom our brigade had taken prisoner on the river Ube, on November 16.

As I already said, he had been in charge of supplies for all South African grouping active in our area. He said much of interest: about the activities of the South Africans against the 16th brigade, Tactical Group, and the 21st brigade (i.e. against us). He told that in one of the airplanes shot down by Angolans, a South African Colonel and instructor, one of the South African aces, perished.

On this point, I end my manuscript. While for the moment it is quiet, our brigade is in its positions in the forest, we are awaiting a possible enemy attack, and we have no idea of what will happen next. We haven't received any letters from home in six weeks.

Valeriy Vasilevich!

*Please, this notebook is only meant for your eyes. Don't show it to anyone else, in particular, to my mom. **Valentin Matveychik** is to give you a letter along with this notebook.*

*As far as me, so far everything is normal, if you do not count my shell shock, concussion and dislocated shoulder. But that will pass in any case. Please tell to everyone that I am in Menongue, because the conditions here leave much to be desired. However, **Valentin** will tell you everything. Still another request: take checks from my mom and buy me one of those small tape recorders, like the one I had but which already broke down. This is all for now.*

Goodbye.

Regards to everyone.

Igor

**The song written by Igor Zhdarkin in December 1987,
in Cuito-Cuanavale (translation from Russian)**

Cuito, Lomba – that’s where we fought,
Often risking our lives.
The shells were flying, the mines exploding...
For us it was dangerous but we weren’t afraid.

We knew only one thing – we had to survive,
For all of us to return home, to embrace our loved ones.
We believed that there we were awaited and loved,
And that if something were to happen, we would not
be forgotten.

UNITA cut into us, to our left and to our right,
And don’t turn, here’s a pit, there’s a ditch.
And the planes from South Africa flew
And dropped bombs over our heads.

10.10. The first bombardment, 19 km from Cuito
11¹⁰ – 4 minutes of firing

10.10. 13³⁰ – we approached the minefield

11.10. 6³⁰ – bombardment of incendiary bombs

11¹⁰ – 2 air targets;

14³⁰ – air targets;

15³⁵ – bombardment of our column and fighting

12.10. 6⁴⁵ – bombardment of our column;

10⁴⁰ – Aviation

13.10. 5¹⁰, 12, 15, 17 – air raids

14.10. 8¹⁵ – Aviation

25.10. 14²⁰ – bombardment while we are on the march

*Composition of the group of advisors attached to the 21st
infantry brigade as of October 1:*

1. Lieutenant Colonel **Anatoly Mikhailovich Artiomenko** –
Chief advisor to the brigade.

2. Lieutenant Colonel **Yuri Pavlovich Sushchenko** – advisor to the Chief of artillery
3. Second Lieutenant **Igor Anatolyevich Zhdarkin** – interpreter
4. Sergeant-Major **Alexander Mikhailovich Fatyanov** – technical specialist

Additions from October 9:

1. Major **Constantin Rashidovich Divyeyev**
2. Captain **Vyacheslav Vislobokov** (specialists attached to the **Osa-AK** anti-aircraft missile complex, who departed on November 18, 1987 to Cuito-Cuanavale)

Losses of the 21 infantry brigade during the operation (data as of Dec. 18, 1987)

	Officers	Sergeants	Soldiers	Total
Killed	15	13	107	135
Wounded	55	50	365	469
Missing	2	4	19	25
Deserted	2	15	95	112

Material and weaponry.

Knocked out and destroyed by the enemy:

4 **T-54B** tanks, 5 **EE-25** vehicles (trucks), 1 heavy mechanized bridge support, 1 **Osa-AK** transport and loading machine, 1 **Strela-10** anti aircraft complex operating from a top a light-armored multi-purpose tractor, 1 **ZU-23-2** anti aircraft automatic coaxial gun, 2 **B-10** anti-tank guns, 5 **Grad-P** portable guns, 7 **RPG-7** anti-tank grenade launchers, 8 **PKT** armored machine guns for tanks, 29 **RPK Kalashnikov** light

machine guns, 34 **AKM** modernized **Kalashnikovs**, 500 kg of ammunition, 1 mortar (81-mm).

Seized by the enemy or lost:

41 **AKMs**, 11 **RPKs**, 1 **AGS-17** automatic grenade launcher, 8 **RPG-7s**, 3 mortars (82-mm).

Losses of UNITA:

	Officers	Sergeants	Soldiers	Total
Killed	10	1	42	53
Wounded	50	–	118	168

4 prisoners were captured, among whom a captain – in charge of supplying the rear of the South African group in Cuando-Cubango province.

Captured from the enemy: 15 **AKMs**, 1 **RPG-9** (grenade launcher), 3 60-mm mortars, 2 **G-3** rifles, 170 anti-tank rockets, 30 tons of ammunition, 6.5 tons of mines.

Destroyed: 3 **AML-90**, **AML-60**, (armored personnel carriers of the South African army), 3 “**Landrover**”, cars, 1 “**Samil**” (a tractor (truck) for the evacuation of materiel).

The composition of the active enemy’s forces (South African and UNITA) on the territory of the 6th military district (Cuando-Cubango province)

On the border of the Angolan province of Cuando-Cubango are concentrated 30 thousand personnel, 400 barrels of firearms (guns and cannons) of different calibers, 80 airplanes, and the 8th tank division.

On the territory of the province of Cuando-Cubango, in

the area of the town of Cuito-Cuanavale, the following are active:

a motorized South African brigade, the 61st and 62nd South African battalions, the 32nd battalion of the “**Buffalo**” bandit-mercenaries (in a battalion, there are 12 companies, each with 100 soldiers), 4th regular UNITA battalion, 5th regular UNITA battalion, 18, 118 and 275 battalions of UNITA with 450 men in each.

Materiel and weaponry:

250 armored personnel carriers of the **AML-90** type (60 units), **AML-60**, “**Paniarte**”, “**Kasspir**”, “**Ratel**”, “**Samil**”, (tractors for the evacuation of materiel).

Artillery:

106-mm guns, 107-mm guns, **G-5** and **G-6** 155-mm howitzers, “**Kentron**” and “**Valkiria**” (“**Valkiri**”) jet installations; 60-mm, 81-mm, and 120-mm mortars; tanks with 100-mm and 105-mm guns.

Aviation:

“**Mirage**” and “**Impala**” (aircraft). “**Alouette**” and “**Puma**” (helicopters).

At the time of the operation beginning October 9, the 21st brigade covered 300 km. During that time, the brigade was very badly supplied with materiel. In particular, with ammunition for the **BM-21**, foodstuffs for the personnel were frequently interrupted.

The losses of the Soviet military advisors and specialists in the 6 military district (between July and December)

1. **July** – an advisor to the commander of the 59th brigade approached a mine (his foot was blown to pieces).
2. **26 of September** – the interpreter of the 21st infantry

brigade, **Oleg Snitko** perished. Wounded were: the advisor to the brigade commander, **Khramov**; the advisor to the brigade Chief political officer, **Aragelyan**, and advisor to the battalion commander, **Deykin**.

3. **1 of November** – the advisor to the brigade commander of the 21st infantry brigade, **Artiomenko** and the interpreter, **Zhdarkin** were shell-shocked.

4. **26 of November** – colonel **A.I. Gorb** was mortally wounded from the bombardment of the «**Valkirya**», in the town of Cuito Cuanavale.

5. **29 of October** – Advisors and specialists of the 59th infantry brigade (6 people) suffered from poison gas at the Mianei River.

6. **4 of December** – **A.T. Gorbach**, advisor to the 59th infantry brigade commander, was wounded from shelling. Two others suffered from concussions (were shell-shocked).

7. **19 of December** – Lieutenant colonel **Kuptsov**, advisor to the Commander of the District Political Administration was seriously wounded from a bombardment at Cuito-Cuanavale (his foot was blown to pieces).

The author commentaries made on October 28, 2000, November 25, 2000 and October 6, 2001

– **How the training and preparation for the service in Angola was organized?**

– I should like now to stop at a very important and sometimes not very easy moment – how the preparation of our people for service in Angola originally came into being. Men came, it would seem, from all parts of the former Soviet Union, from all regions, beginning with Kaliningrad, Murmansk, Koushka and ending with Kamchatka and the Kuril Islands.

All kinds of orders came to each region. So many men were needed to be sent to this or that country, for service mission. At that time, there were so many countries where our specialists

served! Simply, what was needed were a given number of specialists – artillerymen, staff officers, infantry, interpreters etc. – their knowledge was important in those countries.

So to say, the «selection» was very careful and «painstaking». It was organized in several phases – beginning from the military districts (where those candidates for the service mission served) and the last step was in the General Staff in Moscow.

And of course one must give our General Staff its due because they made serious attempts to prepare people in some fashion or other for service in tropical countries. Naturally they tried to select people who were in satisfactory physical condition because as is well known, service in such countries is not a piece of cake – there are all sorts of diseases present, not to mention war.

The diseases in question are the most varied – malaria, yellow fever, hepatitis and amoebic dysentery, too many to enumerate, especially if one had to go through the entire list. And people had to put up with all this.

And what had to be taken most into consideration was the hot and humid climate. There were seasons which were completely lacking elsewhere, such as, for example, in the Soviet Union – today, Russia. In fact, the General Staff organized studies in this respect.

For example: people go to Angola. What was told to them – Angola, is situated in the Southern Hemisphere, bordering with Namibia, Zambia and other countries, obtained its independence in 1975. Population is ... The State language – Portuguese, etc., etc.

It should, moreover, be pointed out that despite all these studies, despite all these endeavors, and despite the fact that serious efforts were made to somehow prepare people, nonetheless, these went to Angola somehow not well prepared. What I mean, I'll try to explain.

I, myself, was personally convinced about this, and I must say that I realized this, already being myself in the country. That is

to say, to know only that Angola is situated in such a way and in such a hemisphere and is washed by such and such an ocean – these are but the most ordinary, widely known concepts.

It is simply that you need to know also the traditions and the customs of the people and how they generally view themselves. For example, what type of person is an Angolan? How does he feel in his country and how does he conceptualize reality? They do not at all think the way we do – that is to say, not in the manner we have become accustomed.

And mistakes here were committed. However, of course not only from our Soviet side – these mistakes were allowed also by the English and by the Americans and French and Belgians and by whosoever.

This was because everybody tried to construct everything in their own image and manner. After all, for example we live in France, don't we! So, you people will likewise live as in France.

And the Soviets did approximately the same in Angola – after all, we reasoned, we have the Soviet system, and the Soviet people and community. We sought to recreate in Angola exactly the same as we had at home in order for things to turn out well here. Our attitude was “Just as you have become a state of socialist orientation, become whatever else we advise you to be”.

And the way things worked out was that when high level specialists in the field, who had long studied the country, who had investigated its traditions and customs in detail, were able to advise our General Secretary or the Ministry of Foreign Affairs how to proceed, everything was clearly understood. But just imagine a simple officer, armour-, infantry- or artilleryman, a paratrooper, who is doing his military service somewhere in Siberia. And suddenly he is transferred to Angola...

What does he know about these people? It is after all not his fault that in fact he knows practically nothing about them. What is it to him after all if something is mentioned about them? It is highly possible that until this moment, he couldn't even have found this country

on a map. Where is this Angola located or, for that matter, this Algeria or any other such country?

And lo and behold, he arrives in Angola – and he begins to think of these Angolans as if they were our own ordinary Soviet soldiers. That is to say, for him Soviet soldiers are normal, everything works out because this type of soldier both speaks Russian and understands everything. And he shares the same ideology and lifestyle with him, and so on. But, in fact, there, in Angola, everything is completely different.

And yet I should add that the Angolans, for example, related very well to our interpreters.

– **Why?**

– For the very reason that the interpreters knew the language, the customs and the traditions of the country they worked in. And it was very easy to talk with the interpreters about the things interesting to Angolans, and simply about the life itself.

Likewise, the same Angolans greatly respected our advisors and specialists who were not only the experts – “good workmen” – but could speak Portuguese. That is to say, in whatever way and however little they were able to communicate with these same Angolans, it made a marked difference in the relationships between them.

As to the knowledge of local traditions and personal relations – the most important means of achieving this knowledge was familiarity with the local language. That is to say, a person who did not know the language felt themselves just horrible abroad.

But what can I say in respect of our advisors and specialists – the great majority of them by the end of their stay were reasonably fluent in Portuguese – at least enough to meet the requirements of their work.

That is to say, they could work sometimes without the need of interpreters and were able to explain to the Angolans what they wanted them to do, etc., etc. On the other hand, for serious major problems, the interpreter could be simply indispensable.

But once again, let me point out that the Angolans treated our specialists and advisors with respect, and these, moreover, understood this – the Angolans, after all, were not blind and in fact they saw that our advisors and specialists understood what it was all about and also could explain themselves in Portuguese. In fact, this elevated, so to speak, their profile and image.

I was acquainted with more than ten of our specialists who spoke Portuguese very fluently. Indeed, it would seem that, however much they might mix up their declensions and conjugations, they were basically fluent.

Why have I stopped so long on this topic? – because when we had just come to Angola – we had there interpreters who had already been there for one or two years – we were given several evenings devoted to “clarifying the international situation for us”, as they put it jokingly. We gathered, drank beer or lemonade – in other words, we had a typical evening party. And we were acquainted with how and what we would have to do.

The most important thing was the contact between an interpreter and the local population. Because if there would not be any contact between the interpreter and the local people and with the Angolan military, nothing could be done. It was essential for the interpreter to obtain their respect. For if, indeed, he gained their respect, then he could iron out any tight situations or unpleasant moments, etc., etc. After all, such moments sprang up all the time.

First of all, these situations arose because of our well known Russian swear-words (foul language). After all, not a few Angolans were acquainted with Russian pejoratives. They knew them either because they had learned them somewhere or other in the Soviet Union or again because the Soviets had taught them, etc. But more importantly, what was still worse was that they knew the meanings of our curse words and this could well lead to conflicts.

Now I had the case of an advisor who had come to work, summoned the head of the operations department and began to

yell at him that he had not made any maps. Well, of course, I translated this, to the best of my ability, although obviously the black sensed something anyhow, just from the advisor's shouting at him. But I made it a point to emphasize that he, the Angolan, was not in the right, that he was a scoundrel, a good-for-nothing, etc. I did my best to make all this politely, although it was anyhow perfectly understandable what the advisor thought of him, if only through the emotions he had conveyed.

Consequently, the following was literally conveyed – the advisor, alternating with “curl yourself up with of your own prick” told “fuck your mother” after which the black leaped up, and completely flew into a rage, shouting, “You don't have to disturb my mother – she's already dead,” and ran off.

But in fact it just so happened that a black piece of cloth was fastened with a pin to his uniform to indicate that he was in mourning. For his mother had indeed recently died, and he knew the meaning, word for word of “fuck your mother”.

Well, he got up and ran away, shouting everything he said. The advisor asked me what he was saying. I answered – “you offended him, so to speak. His mother only recently died.” Of course, the surprised advisor answered, “What mother, is there also a mother?” Well, of course, he did not even notice what he had said; it was said just for copula of the words. And as a result, of course, the interpreter was blamed, as usually happened. It was subsequently alleged that Igor had not translated something correctly.

Although in many cases Russian swear words helped when one was short of Portuguese words, there were only five Russian swear words available, although these could be combined in different ways. The Angolans understood them all and our advisors and specialists socialized well with them. That is to say, such a type of swear words combination together with some Portuguese words nonetheless played a helpful role.

And then interpreters who had already served for a long time would tell us – children, first of all, if you notice a conflict

coming to a head, basically it amounts to the fact that our advisors and specialists are beating up Angolans – a jab here, a kick there and so forth and so on, so put that in your pipe and smoke it! – But you can do this only after you first have morally abused the Angolan.

– **What does all this signify?**

– It is necessary to show the Angolan from the outset that he is wrong. As we knew the language, we as interpreters were able to achieve this. «You are wrong, they told you – you did not do it. They told you again – you did not do it. They asked you – and you didn't do it – you are a good-for-nothing, a son of a bitch, a piece of shit, etc. , and only after this when he finally realizes that he is really in the wrong, that he is a son of a bitch and a shit – only after this, should he be beaten up», **but only in case if it was really necessary!**

But our advisor sometimes quickly moved on to the second phase – not explaining anything to the Angolan, yelling at him in Russian, of course something he could not understand – he understood only the terms of abuse. And after this – the jabs, the socks on the jaw, etc., etc. began.

Of course, immediately after this, the complaints began, that this or that advisor permitted himself this or that, and so on, and so forth. One must not do this under any circumstances.

And what was of particular interest to me was that an Angolan himself confirmed all this to me in my first year of service – a battalion commander who told me –“it is necessary from the beginning to convince our soldiers that they are only scum and good-for-nothings. And only after this has been achieved, should they be beaten”.

I asked him surprisingly – do you, yourself beat your soldiers?

– But what should I otherwise do with them? They are just a bunch of pigs. You give them an order and they don't carry it out. Well, bring them some «political training» – they loved that – and bring them some political consciousness by making them aware that they are shit. Insist that you gave him a task

and he did not fulfill it or fulfilled it badly or yet something else of this kind. Only after this, can you hit him in the face. This was told to me by this Angolan himself, so that I am not inventing anything.

That's how things were. I want to emphasize that this is of course a very interesting moment, when, after all, you are still not acquainted with such things – for then the conflicts can really break out and in the most varied way.

– **Why?**

– Because, of course, it is necessary not only to operate some kind of machine or to write some sort of staff document. Most Angolans wanted simply to know what the specialist, the advisor or the interpreter was thinking about concerning this or that question. It was a question of pure human contact.

And of course this was a very important point. In fact I might add, very many advisors and specialists failed to take account of just such moments during the course of their work. That is to say, they did everything correctly, helped Angolans in their work and struggle, and honestly fulfilled their duties, but generally not familiar with the peculiarities of the black, Angolan mentality, they found it often very difficult to obtain results.

And this affected in turn the conditions of their service – all the more so inasmuch as the training of our interpreters, advisors and specialists very strongly varied from one another.

We as interpreters learning our craft in our Military Institute of foreign languages – we comprehended not only Portuguese or Persian or some other language, but also had specialized training dealing with regional military studies. This was a significant subject, including in fact military geography and analysis of international affairs, not to mention also the study of traditions, customs, history of the state, what the state represents, and how to conduct oneself in such a state. But most of all, which is of course very important, we were taught both the language and regional military studies by teachers who had already been several times in the particular country of interest.

In other words, this experience of a so-called living person, a living witness to this or that event, which he transmits to his students, is the best form of instruction. No advisor, no specialist on his own could acquire such experience whereas the interpreters arrived already more or less trained. And in this way we were able to comprehend right away a lot of things about this country. But even in this case we (interpreters) had to learn a lot staying already in the country!

There was still one moment that is more very unpleasant – the Angolans very rapidly deciphered our system of complaints, very quickly indeed. For example, if they did not like the advisor or if his demands were too strict. (There were in fact some of our advisors, who really were eager to make improvements, and so naturally began to make demands on these lazy Angolans.)

Of course these in turn immediately complained (but through their own chain of command), that such an advisor or specialist was a good for nothing, a bastard, a shit. They loved to write that he drank vodka, and that he drank during working hours, although the fellow might be suffering from kidney or liver disease and in reality could not drink. He drinks vodka – he must be replaced. And our Command believed this unreservedly – that is, they sent for him and strongly criticized him – at a party or trade union meeting – wherever was more appropriate. But as far as expulsion was concerned, of course, things never got that far or almost never. To be sure, if there were a completely scandalous case, such as beating a child to death or smashing a pile of cars during a drinking bout, then he would be sent back to the Soviet Union within 24 hours – and without further ado.

– **What were your first impressions of Angola?**

– We came to Angola, the three of us – **Piotr Ivanovski (Ivanovsky), Slava Barabulya** and myself. We were all junior lieutenants who had arrived by plane on August 1, 1986. Of course, at the beginning, we were afraid of flying. Nonetheless, it was our first time in a foreign state. And what a foreign state

– in no ways, France, England or the USA but in Angola, of course it was more horrible.

And when we landed ... our first impressions were so stunning, completely unlike what we were used to at home, sometimes even different from what we had been previously told about this country.

First of all, when we landed at the Fourth of February airport, we saw this red earth, reddish-brown and dark brown earth, everything covered up with unbelievably twisted cars and spare parts, scraps of paper and debris. Just a lot of shit – you cannot call it by any other word.

Then, to leave the plane, they brought us a boarding bridge. That «ladder» was rusty, and unbelievably dirty. We stepped down into a bus to reach the airport. I came out with a bag – I had decided not to put it down on the floor of the bus and placed it on my feet. Thus, we rode to the airport – I likewise did not want to hold on to the handrails of the bus. Instead, we simply held on fast to Piotr Ivanovski and in this manner reached the airport.

I was somewhat shocked at the airport – a dirty floor, on which were sitting dirty, ragged women and children. There were trunks, some bags and in general, the devil knows what. And we somehow stepped by all this mess. We approached the conveyor belt which was supposed to deliver our baggage – I felt a little squeamish thinking of my suitcase traveling on this dirty conveyor belt. While they were moving, we frantically snatched our things in order to let them rest on the conveyor belt as little as possible.

Thank God, our people from the Soviet mission arrived and they drove the bus for our group. They were of course expecting us and reported about our arrival, and we set off on the Luanda road.

This, of course, was itself something to behold! That is, there was some sort of asphalt in which there were little holes, and along the sides of the main road, some sort of dirty awful looking walls. Garbage-filled dumps, puddles on the ground, some-

thing or other lying in them. Ragged, dirty people were walking around. Nothing but desolation.

For the first two weeks, we were with **Piotr Ivanovski** just outside Luanda in a Commando-Training Center. For his part, **Slava Barabulya** flew away, literally on the third day, to the north of the country, to the province of Uige...

– **Why was it at first difficult to translate the thoughts of the Angolans?**

– To say the truth, in our Military Institute, we learned the literary language, but the majority of Angolans spoke «calao» – slang, very different from Portuguese. But, at last we managed to learn it.

The other thing – when a person first speaks out freely, it is necessary then to spell out the basic concept of what he is trying to say and also to translate it. He can talk about whatever he likes, beginning with the struggle against colonialism or about the exploration of Angola, and then he would go over to asking for a cigarette. He would talk about how he fought in partisan detachments, how things were tough in Angola, how the Soviet Union helped them, etc. Well it was already something they learned to chatter about – our deputy political officers tried to their best to achieve this.

Actually, in the beginning, it was a little bit difficult. Because, for example, the Angolan would approach and begin to say something. Our specialist right away asked: what, what does he want? You begin to translate this gibberish for him. Our specialist stands up, looks blank and does not understand – what is this all about, and etc., etc. And then it turned out that the Angolan was just asking a cigarette from him.

Well, such moments in the commando training center were preparations where some sort of activities were organized for the Angolans – military rifle practice, driving of vehicles, etc., etc. And please excuse me, the simple necessities, where to go «to make water». I asked – how do you get to the toilet? To this, I heard – please, go wherever you want – the whole bloody country is a toilet... I was rather shocked.

So we worked there for two weeks. When we had finally finished the whole job, the most senior interpreter told: «Well then? I am sending you to the far south. You **Piotr Ivanovski**, you will go to the 19th brigade to Mulondo. As for you, Igor, you will serve in the “**Kvadrat**” Air Defence battalion, attached to this brigade». And we two departed and flew away to the south of Angola.

– **What planes did you use?**

– Well the following military models flew: the **Iliushin-76s**, **Antonov-12s**, **Antonov-22s**, **Antonov-24s** and the **Antonov-26s**, the so-called “truck.” As for the **Antonov-24s** and **Antonov-26s**, they had the special role of transporting certain bosses or still something else. And the **Antonov-12s** and **Iliushin-76s** flew similar missions.

And as for us, we flew to Lubango – the center of Uila province. We were met, of course, and taken to the Soviet mission. The surroundings were very beautiful – basin between hills. The climate was good. We were on a plateau 1700 m above sea level. It wasn’t cold in winter – July/August was for them winter, with a temperature the same as ours at that time, while summers there were not very hot. This was because Lubango and its surrounding area were in this basin.

Of course, this climate was not the same throughout the entire province because literally only 100 km from Lubango, there was an entirely different climate. Our 19th brigade, for its part, was situated on the banks of the Cunene River, one of the largest rivers of Angola.

And another point, as we learned, was that during the Second World War, there was in this same Lubango, a sanatorium for fascist airmen – an interesting fact. In other words, this was a sanatorium for fascist aces of the Luftwaffe.

– **Where were they actually fighting?**

– What difference does it make where they actually fought if they were sent there to rest, maybe from **Rommel’s** Africa Corps? Because Portugal was, although neutral, nonetheless a Fascist state, because **Salazar** ruled there as **Franco** did in

Spain. In any case, they offered their territory, their bases, etc. and the fascist aces spent their leave there. Therefore, Lubango was already then – when we came there, eleven years after independence, still a relatively clean little town. Of course, things there were not what they had been formerly under the Portuguese and were only the still visible traces of a formerly normal, decent life.

Thus under the Portuguese, the blacks washed the asphalt and the sidewalk with brush and soap. Moreover, they were allowed into the city between five and six in the morning, where they cleaned up, and swept these asphalt covered sidewalks. After all this, they would be obliged to leave.

At the Portuguese time, this was a place of rest both for the Portugueses themselves and for tourists from various European states. The Portuguese used their colonies for their own proper pleasure. That is to say, in contrast to the English, French, Spanish, Belgians, etc., they basically developed in their colonies only extractive and manufacturing industries using these countries for their own amusements.

For example, a Portuguese would live on his estate somewhere far away. He was sick and tired of flying in a helicopter and he suddenly laid a road through the jungle. Just like that. How often did I see this in Angola!

I repeat – the Portuguese built their state for their own pleasures, namely, for rest and relaxation. And, as the Angolans themselves told me, I must note that in contrast to all other colonies, there was no and there is no in Angola today such anger against the former colonists – although, of course, there were also bitter exceptions – and it is a historical fact that very many Portuguese were slaughtered in Angola (while in Mozambique, not very many). But there were no particularly bitter tirades against them. This was because the Portuguese had pursued a policy of «carrot and stick».

In short, they used the so-called «assimilado» policy. If an Angolan forgot his native language and his tribe and agreed to be a citizen of Portugal, they sent him to study in Portugal after

which he was supposed to support Portuguese policy, even back home in his own country. Both Angola's first president, **Agostinho Neto** and the current president, **Jose Eduardo dos Santos** came from such «assimilado».

...So, here we arrived in Lubango, together with one more interpreter **Volodya Korolkov**, who, subsequently, went to serve in the 2nd brigade in Kahama. The councillor to the head of the district political section met us. He was a completely unique character about whom one could talk and talk, and we considered him as a very greedy man. That is to say, during the three years and four months of their stay in Angola, he and his wife earned more than 100 000 coupons. But he tried to save his money not wasting it on food. Moreover, together with his wife, he managed to live on five dollars per month. He would go to Angolan warehouses, collecting the rotten fish, canned meat and other food there.

That colonel, the old deputy political officer sat us down and began to give us political orientation – what type of place we were in, and what we were allowed to do and not to do, etc., etc.

First of all, of course, watch out for diseases, said he. Obviously, there is a war here, the situation is very difficult, but this is somehow still bearable. On the other hand, malaria, amoebic dysentery, hepatitis are simply intolerable. However, of course we had heard all of this already in Luanda. He recommended a very specific prophylactic, Delagil. Drink it according to the prescribed rules but watch out. This past month, they took away two of our advisors with cerebral malaria – it is of course a horrible situation. As we joked: either you die or you become an idiot.

Also watch out for relations with women. For this, you'll be immediately sent back to the Soviet Union. But even this is not the worst – if you, God forbid, pick up some disease, then, of course, you will be far worse off.

And this had actually already happened because some time before our arrival, they had taken away two of our own men – one, an advisor, a Lieutenant Colonel, and the other, a soldier.

Their scrotums were swollen. They had had intercourse with local women and had picked up the so-called “Hong Kong Rose”. It is unbelievable what sort of combination of diseases they had – because although they were subjected to medical analyses, in hospitals both in Lubango and Luanda, no one could understand anything (now there would be symptoms of gonorrhoea, then these would disappear and symptoms of syphilis and other venereal diseases would appear). So they were sent to the Soviet Union without proper results! Unfortunately, I don’t know what happened to them after this.

In general, the colonel spoke only about real, practical problems. And, told he, «conduct yourselves properly, don’t swear, don’t smoke in bed, and cross the road only at the green light». Well, on the whole, he vacuum-cleaned our brains for more than two hours. And yes, we would break out in a sweat and dry out a number of times.

As for **Volodya Korolkov**, he left us after some time because Kahama was not far away – the advisors from the 2nd brigade came over to direct him there.

As for us, together with **Petro Ivanovski**, we stayed another three days and at last the advisors from our own brigade arrived – **Viktor Vladimirovich**, councilor to the commander of the brigade rear units, who then perished (God save his Soul!). In addition, the interpreter arrived, whom Petya Ivanovski was supposed to change.

But in the “**Kvadrat**” battalion, there was no specifically appointed interpreter – so I was to go there, because before it only one interpreter worked both in the “**Kvadrat**” battalion and in the brigade and it was not so easy for him.

– **The surname of Viktor Vladimirovich (who subsequently perished in car crash)?**

– I do not remember it correctly, our beds stood next to each other. He enjoyed very much reading at bedtime. Nearby were our beds and there was a lamp under his mosquito net. However, the lamp was so strong that to sleep next to it was simply not possible. Therefore, although I usually hung a blan-

ket from my side, this lamp penetrated so that it lit up everything anyhow. But he read in a very peculiar way – he would have hardly read through a page and a half when he would start to snore.

I would speak out:

– **Viktor Vladimirovich!**

– Oh, yes!

– Are you reading or sleeping?

– Yes, I am reading such an interesting book. I just want to read a little and then I'll put out the light.

And within a minute or two, he was snoring again.

– **How did you live?**

– In a small house where our ordinary army beds stood. We had hung a mosquito net over each bed.

– **Were there nets hung over the windows?**

– There were nets over the windows – but what was the point? After all, if the doors were constantly open, the mosquitoes flew in anyhow.

All these sprays and ointments, our «veteran» interpreters told us – give a damn about them!

It doesn't help, all the more because in fact you don't notice how the mosquitoes are biting you. Here you've spent already several days in Angola – and you see that you have already been bitten. And now the malaria will simply wait for a favorable moment for the development of its incubation period – the symptoms which are just sniffing and a head cold. These are sufficient to indicate your first malaria.

Our dining room was the usual «**quimbo**» – a hut. It was rather big and covered with straw in the Angolan African manner, and the kitchen, also in the same manner, it contained the stove. Our previous advisors constructed it, themselves, which means that by now it was more or less in operation.

The bath was made with steam: the customary body of rocket – water was put there inside. There was a stove in the same bath – all this was heated up.

The premises for the bath were of course made of planks.

There were also eucalyptus «birch twigs». Not very far away from us – half way to Matala – one of the points which we passed on our way to Lubango, there was a Eucalyptus grove where «birch twigs» were collected and we brought them back to use for steam baths.

I mentioned Matala – the point is that we went to Lubango but not on a direct road. Using a straight road, it was approximately a little more than 100 km. Nevertheless, this straight road went through Biquar National Park where UNITA troops stayed. The road was mined and was frequented by UNITA gangs so that no one could drive through. Instead, we used a road going first to Matala, it covered 160 km from where we were.

There in Matala a Cuban tank battalion was deployed and hydroelectric powers station which it guarded and where our Soviet specialists were working. It was a most «remarkable battalion» (as we joked), consisting of 100 tanks. At first, there were only **T-55s** and then the more modern **T-62** tanks were added.

The road we actually took from Matala to Lubango was more or less a normal, asphalted one, although, to be sure also covered by grooves, potholes, etc. And it was in these very grooves and potholes that UNITA usually placed their mines, so that we traveled over them as carefully as possible. And when it was not possible to skirt the holes – that is when there were too many holes in the asphalt, then people were blown up by the mines. Nonetheless, the road was more or less OK and we were able to reach Matala relatively quickly.

At the same time, from Matala to our own town of Mulondo, the road was terrible. It was hardly more than a cart track and rarely covered by asphalt. In addition, it took much longer to travel.

In Matala, of course we went to our Soviet specialists who worked in a hydroelectric power station. These were splendid fellows... And in fact we stayed with them, ate with them, after which we would go to a farm to buy vegetables. There we met some Portuguese we knew who had not fled the country during

the time immediately after the declaration of independence (in 1975).

At the time of our arrival in Angola (1986), there were some 60 thousand Portuguese and many mulattos. Those Portuguese lived like kings. I remember there a Portuguese named **Ferazh**. And he very much liked it when the Soviets called him “**Borsch**”, since, after all, “**Ferazh**” means “**Borsch**” in Portuguese. And he was simply thrilled when we called him “**Borsch**” instead of “**Ferazh**”.

We often visited him – he would snap his fingers and have us seated in the shade on stools and on wicker easy chairs. There, the servant would bring us beer, cold as spring water. And we sat there, enjoying the beer, and when our glasses were almost empty, he again would snap his fingers and more would be brought in. Next to us sat the local commissar of Matala, who, poor devil, would be sucking out of one single bottle for the entire evening, because they wouldn’t bring him more.

Borsch very much loved the Soviets. Moreover, what was most interesting was that he would sell us his vegetables and fruit at the official state prices. We were of course very grateful to him. To the commissar, he would sell at normal (market) prices whereas to us he would in contrast sell at state prices. So a few kilograms of tomatoes cost roughly 3 000 cuanzas at market prices whereas they sold for only 300 cuanzas at state prices.

Indeed, he sold us the produce at state prices without any problem. He always asked us to visit him more. Naturally, he treated us very well.

So, as I remember, we also drank beer at the **Ferazh’s** place the first time we went to the brigade. As for **Petro Ivanovski**, and me we were going for the first time into something quite unknown. Yet I felt somehow more or less at peace – well, I thought, people know why they are going and where.

What is more **Petya Ivanovski** was near me who was five years older than I was. **Petya** would sit so confidently – he was in fact already a family man and a former warrant officer – he had already seen quite a lot in his life.

So, first we had visited too long with our specialists (from the hydroelectric power station) and then we visited **Ferazh**. However, it was beginning to get dark. And I said, “**Petya**, what do you think, when should we leave?” “Well, I wouldn’t know”, he answered.

I looked around – they were sitting, drinking beer and discussing things in general. And, as I already mentioned, the councilor to the commander of our rear units, **Viktor Vladimirovich** arrived to pick us up from Lubango. And the driver of the car was our soldier (his name was **Victor**) who spoke Portuguese so well. That is to say, he had been in Angola for a year and a half and he chattered in Portuguese without interruption. Finally, it got very dark and at last we left.

And here we had to go on the road in full darkness. However, this soldier, **Victor**, was a very reliable driver. Yet in fact, it made no difference. For we with **Piotr** were sitting anyhow inside a **GAZ-66** two-ton truck with sub-machine guns ready to fire and knowing nothing where we were going! Around us were forest after forest, road after road, jungle after jungle – and only the devil knew who might be lurking there.

To be sure, the road was protected by Angolan block stations. Nevertheless, the distances between them were very long! Therefore, our task was to drive through from one block station to the next.

The principal post was Shivakusi – it was the most important post for us to reach. For there our brigade’s area of responsibility began. Therefore, we drove on. I said, “Petro, couldn’t we have set off earlier? Petro thereupon began to swear, because he also did not have «good spirits». Nonetheless, we got there to our brigade, thank God!

I spent my first year in Angola in the province of Huila. It was just beyond Lubango in the south of Angola and in the 19th brigade. There, the hamlet of Mulondo was situated. This was where the 19th brigade and the “**Kvadrat**” anti aircraft battery stood.

As I have already said, there in the brigade, life was more or less worked out. In the beginning, another specialist worked with me in the “**Kvadrat**”, although in principle he was going to be replaced. In fact, he was very competent and the blacks greatly respected him.

And then **Nikolai Nikolaevich Ovcharov** arrived. I remained with him for nine months, working together until my furlough in 1987.

The brigade was on high alert and was responsible for its particular area, while all around it, the UNITA bandits were freely operating.

More generally, three separate brigades were covering three main arteries:

The first artery led towards Lubango and further to the capital, Luanda. This was the 2nd brigade, situated next to Kahama astride a road coming directly from Namibia.

Another road went from Namibia to Mulondo and Matala, covered by our 19th brigade.

The third road, where the 35th brigade was situated, covered Teshamutete.

So there were three brigades at full strength which served the fifth military district, each covering one of the main transport arteries.

Relatively nearby were camps for Namibian refugees which were constantly subjected to attacks by South African Special Forces which would come and burn down these camps. You could, for example, go by water to Matala and see the camps. And then, you could return there soon after and one would be in ruins.

Moreover, because of the existence of SWAPO bases and camps of Namibian refugees, there was always an “interesting” war going on in this fifth military district. That is to say, the commander of the South African forces would write letters to the Angolan commander in the district. A case in point: “Why are you supporting SWAPO? We know, after all, that in certain places in your own military district SWAPO bases exist.

And in fact, right near Lubango there was a large training camp for SWAPO recruits. It was just there that our advisors and specialists were busy.

Again, the South African commander would write to his Angolan counterpart, “Why are you supporting SWAPO? If you continue to support them, then I will in such and such a place, at such and such a time and with such and such forces, carry out such and such a type of terrorist action.”

And what was most interesting was that this action was indeed subsequently committed in the very same place and at the very same time he had announced. One of the best known examples was when the road from Lubango to Namibia was blown up – the so-called “serpentine” or “hair-pin bend” mountain road.

This road went down from more than 3000 m above sea level overlooking the area between Lubango and the Namibia. This area includes splendid places – I have in fact photographs of them – including, for example, the so-called “coloured cliff”. This coloured cliff is one of the most beautiful sights – you must look at it especially at sunrise. As a result, whenever we would set off for Namibia, we would do so naturally very early in the morning.

We departed, then stopped and looked – the sun appeared from over the mountains and lit up this “coloured” cliff. At that point, it would light up the rocks in various iridescent hues. The effect was simply spectacular.

The length of this road was about 17 km. And just at the most difficult section, where two vehicles could hardly pass each other by, the South Africans had placed land mines.

What was particularly strange was that precisely at one of those very moments, the Soviet colleague in military counter intelligence was himself traveling on this very same road. He was returning from Namibia to Lubango, and he was returning alone.

He looked around – some people in camouflage dress were moving about. Several were whites, the rest were blacks. However, they were dressed in rather strange camouflage. Well

he was driving up just as they were on the point of blowing up the road.

Well, they saw him in his open car and they showed him to pass. He passed through and suddenly – bang bang! They indeed let him pass through so to speak and right after that blew him up! These were interesting moments, typical of this kind of war.

All this of course may seem funny but the road from us to Matala was almost constantly disrupted by the UNITA guerrillas and units of the South African army. They moved at will through Angolan territory, and once, for example our brigade was cut off from Lubango for more than one month and remained in touch only by radio. Of course, all this was very unpleasant and disturbing to us, even though our 19th brigade was considered as a very strong one.

– **Daily life? Sport?**

– According to the doctors, sports in Angola, weight lifting of any kind and other things were not recommended. The reason was because as whites we had anyway already landed in a difficult climate. Also there were diseases to consider. So only such sports as swimming and jogging were recommended. Also sports such as football and volleyball were generally not very stressful.

I acquired a habit from my stay in Africa – I tend to drink a lot of water – an awful lot. It was highly recommended there to drink as much liquid a day as possible in order to flush everything out, and sweat secretion, body lavage, etc, etc.

And if you became sick with malaria, then it was necessary not to stop drinking water in order to get rid of the disease.

– **What id you do after returning from your morning work in the brigade?**

– Well, we would knock off around 12:30, and eat lunch until one, following which was the so-called “African hour”, a form of siesta. You would go to bed and sleep from one to 2:30 p.m. And again we would wash and go back to work. As for my-self, however, not being used to sleep at that time, I would busy myself with various domestic chores.

Life was of course interesting – my first time abroad, and knowing the language, I could make myself understood and understand what people were saying. Moreover, so much to become acquainted with, so much beauty, even splendour, plus jungles, mountains, plateau and the Cunene river itself.

At the Cunene River, we would wash our underclothes and fish. Everyone had his own fishing rod. However, when we got tired of all this, we would use a “sapper’s rod” – explosives were taken or a grenade thrown and we would then stand in the river and collect the fish, now floating on the water.

The so-called «donka» (a fish deafened by the noise of the explosion, but not usually surfacing up) made it difficult for us to drag it out – the Angolans, standing behind us, usually themselves collected them. They would dive and simply stand in the water and I was always amazed at the ease with which they saw the fish. Here you could stand and look, whereas I looked simply out of interest, but could not see anything, whereas the Angolan stood behind me and caught the fish. That is, their eyesight was so much better.

In addition, at night they could see very well – even on a moonless night. There were such moments, particularly at first, when one would be sitting on duty and it would be necessary to check the observation posts. And as you are stepping out, there might easily be no moon so that you can’t see them (the Angolans).

But you have a flashlight available, everything seems in order and you go to the area of the observation post you had in mind, where this African was supposed to be standing. Meanwhile, you were afraid to turn on the flashlight. In the light, after all, you could also be shot at.

And now you call out “Guarda”, the word for “sentry.” At that very moment, you hear the reply «Assessor!» from somewhere behind you. Your heart sinks – I had gone past him but, because he was black I couldn’t see him. Yet he in fact was standing, waiting to be called out to.

We had two watchdogs – Rex and Muneka. They were mongrels but very fit – especially Muneka, who had until now belonged to the Cubans (Muneka means in Spanish, little boy or dolly). Somehow, a Cuban sentry had wounded him accidentally. He had shot the dog in the belly.

And Muneka was already dying when our advisors came and took him away – but with our care, he got better although his belly was full of puss. Of course, he from then on brought order to all the territory under his control. They say he fought with Rex and they would sort out who was the more powerful.

And usually they were just lying around at the exit of our little house – we had two exits – the main one and the second one at the door of the store room where the guard or his assistant sat (that guard was performed by Soviet advisors). Usually Rex lay at the main exit and Muneka lay at the other one. Naturally, they always begged to go inside whenever hyenas were in the vicinity. They were very much afraid of hyenas because hyenas hate dogs and tear them to pieces. Therefore, they immediately would run inside.

Next to us was a company of military police. Therefore, here was our territory and there was theirs.

Moreover, Muneka taught those Angolans to respect order. They originally traveled freely throughout our territory. But the Cubans had in their time already trained Muneka to be a watch dog. In the beginning all this was of course very funny – an African would come by and Muneka would rush up to him and tear up his trouser leg from thigh to foot. After this, however, the Africans began to walk carefully around our territory.

Well, after this lunch break, we returned to work. As already mentioned, when **Nikolay Nikolayevich Ovcharov** arrived, he cancelled our post lunch trips to work (to the «**Kvadrat**» brigade) and for the most part, occupied him usefully in managing our legation. But if it was actually necessary to go to the brigade to face this or that sudden problem, then I would in fact go, accompanied by the brigade advisors.

Then there was our flock of goats and pigs, and also a mon-

key, Keshka, – a green South American marmoset who sat, tied to a chain.. . All these comprised our so-called “livestock”.

Nikolay Nikolayevich was a most remarkable person in every sense a specialist. Even if he didn't know something, he would solve it via trial and error. And whenever the Angolans talked about him, they would knowingly raise a finger, roll their eyes and repeat with awe, “His head is screwed on properly!” They would pronounce his name with great respect.

– **What exactly was his specialty?**

– He was an anti aircraft specialist, working at the Kvatrat anti-aircraft missile complex. At that time, he was a major. He was a native of Grodno and was at that time also doing his military service there. And **Nikolay Nikolayevich's** job in our legation was to service electric lights and motors. Together with **Petya Ivanovski**, they were always making things. Petya was working directly with the brigade while I was working at the “**Kvatrat**” anti-aircraft missile complex.

But of course, either officially or unofficially, we were going back and forth, working in both places. There was sufficient work, and sometimes even too much. Because this or that question would arise, necessitating us of course to go to the brigade, to participate at conferences, as well as in the preparation of operations aimed at cleaning out the area of enemy fighters, to do more translation of written texts, etc., etc. We, of course, helped each other. I, in fact, could not sit and watch as Petya would struggle with tons of translating, while I, for example, had no work at all.

Moreover Petya and I were fellow countrymen – he also was from Byelorussia. Moreover, we were both from the Gomel district. We even had the same birthday, August 15, except that he was five years older than me.

– **What type of work was there in “Kvatrat”?**

– It is a fact that from the time of **Nikolai Nikolaevich's** arrival careless behavior became rarer. In any case, as soon as he had arrived, he conducted the so-called inspection of the troops. At every installation, for example, he forced everyone to

inspect themselves regularly – that is, everyone should render a personal account of his duties.

He checked everything. He compelled both the division chief of staff and the division commander to repeat their work to the point at which this would become completely automatic for the personnel. I, myself, by translating, learned to exert control over this launcher.

Also it meant working with documents, including some degree of work, and naturally the elimination of errors. As for **Nikolay Nikolayevich Ovcharov**, he was a great specialist in all these matters and usually took out the system unit – from the beginning, he found careless errors and corrected them. In dealing with any particular unit, he would take this unit and begin to solder or unsolder or do something else in order to remove the error.

But this was when I was working directly with **Nikolay Nikolayevich**. But when, for example, he would travel with the brigade advisors, there was plenty of work, the drawing up of maps, military preparations, taking part in conferences, written and oral translations, well, in general, all this had to be done.

Then two specialists, Majors **Butesku** and **Sasha Osmolovsky** arrived, they were experts in a sound-tracking reconnaissance. At once, it was evident that they were important, capable people, knowledgeable about their work. Moreover, they were able to communicate all their knowledge to the Angolans. And not only were they able to communicate but also willing to do so. I managed several times to work with them, that is to be present at their jobs, and to translate all this. I saw how the Angolans at once reached out to them, asking them many questions, and tried to learn, and how our specialists patiently explained everything to them – how to do this and how to set up that.

Fortunately, among our Soviet military councilors and specialists, there was a preponderance of such people, although of course, there were also those who were indifferent or who were simply illiterate, but it was particularly interesting that the

Africans saw very clearly through these people. They perceived such a person as someone who had simply come to Angola to earn a little money. No one had anything to learn from him.

As for the others, on the other hand, especially the technical specialists, they reached out very much to other people because they wished to learn about this and the other. In this respect, it was very pleasant to work with such people. Most of all, besides an excellent knowledge of their own special fields, they tried to learn how to say it in Portuguese – that is, if they were not next to a translator. But they could explain to Angolans how to turn something off and on, how to adjust the system and so on.

Examples were **Butesku**, **Osmolovsky [Osmolovskiy]**, **Nikolay Nikolayevich Ovcharov**, and **Alexander Nikolayevich Zyemlyakov**, our artillery expert. There were many Soviet staff officers (also advisors) who taught the Angolans how to draw maps, how to make decisions to go on the defensive as well as on the offensive, and other military tactics. I think the Angolans are grateful to them up until today for what they learned from them.

I, myself was very grateful that I landed in such a situation, because, it is one thing just to learn the language and to have a conversation in it, and quite another – to apply your knowledge directly to such stressful work. In fact during my first year in Angola I could apply my knowledge in practice.

Moreover, in our Military Institute in Moscow, during the courses covering the Portuguese language, we were forced to learn by heart a lot of awful military terms and things in tactics what we needed to know: the line of dismount, the line of going to the attack, the line of deploying the columns of a platoon or of a company... My God, there was so much rubbish of all sorts – it was some sort of quiet mess but otherwise our instructors told us: you will not be able to work without knowing all these things.

Indeed, I already within at most two weeks got to know all these terms – particularly by having practiced constantly with them. And we constantly carried with us notebooks and if we

didn't know something, then I would write it in Russian or asked the Angolans whether I could look it up in the dictionary – to see what was the Portuguese meaning for all this. What was more I had brought some useful notebooks from Russia with me on the different kinds of arms and services and they helped me greatly in my work.

However, it was very difficult to work with the two advisors – the artillery specialist and the deputy political officer. As for the artillery specialist, nobody, for love or money, could understand him, even when he spoke Russian – all these artillery terms and meanings... And to think that there still remained, on top of this, the job of translating it all into Portuguese! On the other hand, to our delight, the majority of Angolan artillery officers either had studied in the Soviet Union or had been trained in Angola by Soviet specialists so that they understood Russian.

If somebody were translated poorly, **Alexander Nikolayevich Zyemlyakov** (a first class specialist in his field) would give the Russian equivalent and try to explain himself as far as he could. The Angolans related to him with great respect. I too respected him greatly, as well as Nikolay Nikolayevich for their know-how, their skill and their erudition.

With the deputy political officer, it was all too difficult, because it was necessary to translate an avalanche of excess words. Five minutes of his talking would take in fact only two minutes of translation.

“And why did you talk so little, while I spoke so much?”, he would ask the translator. And how were we to explain this to him? For example, for a number of words in Russian denoting “courage,” there was only one word, “coragem” and so on.

And thus, all the rest things were on the whole normal.

Well of course, all these moments were employed for military use and battalions were sent out to clear out the territory and so forth. Constant raids by our brigade were conducted in all the directions. We too helped prepare them but, thank God, did not participate in them.

Overall, my first year passed very fruitfully, in terms of dealing with the language, as well as in terms of contact with people, and acquiring experience, both militarily and more generally.

– **What did the “Kvadrat” complex represent?**

– It was an exported, transplanted version of our Soviet **“Cub”** complex. It comprised a control station and four missile installations (launchers). Each missile installation had its own autonomous administration and all four were linked together with the central control station.

– **What was the radius?**

– Unfortunately, I have already forgotten the radius. I can only say that South African pilots preferred to avoid the **“Kvadrat”** area. **“Kvadrat”**, **“Pechora”**, **“Volga”** – all were like a thorn in the flesh for the South African pilots. They feared it because they saw them as in fact very effective complexes. And also **“Osa”** – the “automatic” complex.

– **And what did “Osa” – the automatic complex, represent?**

– As we used to joke, it was the same as **“Kvadrat”**, an “all in one” – the control station together with the rockets, themselves.

– **What about your service at Cuito Cuanavale?**

– I came to Cuito-Cuanavale on October 10, 1987. As far as concerns the first bombardment, it occurred 19 km away from Cuito-Cuanavale. We were driving, then the column stopped and the bombardment began. What were my impressions? The most foul, frankly speaking.

– **And what did the column consist of?**

– The column consisted of the brigade technique (cars, armoured vehicles), was formed usually with sub units which moved along newly constructed roads, right behind the tanks.

In front of our very eyes, indeed five times, the tanks exploded into the air. This was UNITA’s tactic. They had placed, just in the woods, an anti tank mine with two boxes of TNT under it. Why? Because they knew approximately where we would be moving. That is, the tanks were moving, knocking into the trees

by the side of the road. But that was just were the mine and the two boxes of **TNT** stood.

– **And how many kilograms per box?**

– The devil only knows! (Maybe 20 kilograms). In front of my very eyes, the tank's turret flew into the air and turned round and round, as in a slow motion picture.

– **What's the difference between a T-55 tank and a T-54?**

– Well in principle, no difference at all, except that the barrel of the **T-55** contains a pipe serving to drain off any gases. In contrast, when the **T-54** fires, then whoever is sitting inside the tank cabin can choke, figuratively at least (although our own soldiers, in contrast to the Angolans, can stand anything). When, on the other hand, the **T-55** or the **T-62** fires, the pipe inside the barrel serves to drain off the gas. This is a great improvement. Why? Because you can fire as much as you want, but you will never choke. Of course, it goes without saying, you should also ask the experts about all this.

And thus, at a distance of 19 km away from Cuito-Cuanavale, there was the first bombardment. I must honestly say that I do not consider myself either a particularly cowardly or brave person, but it was always a very unpleasant sensation. Why? – because we went away only 19 km away from our base (Cuito-Cuanavale) and at such small distance from it were attacked.

– **What did they use to hit you?**

– They used whatever they could.

As for the minefield which we had to face, I was climbing out of my **BTR-60PB** armored troop carrier and was about to jump to the ground. Our brigade was moving in two columns. And a black from the other vehicle suddenly cried out to me, “don't go down”.

“But what is the matter?” I said.

“We've stumbled on a mine field!” he answered.

“But where is this mine field?” I persisted.

“Everywhere, so don't go”, he answered, adding “And what do you want, anyway?”

“Well, sorry but I want to take a piss,” I said.

“So just piss straight out from the top of your armored carrier,” was the reply.

Meanwhile, **Yuri Sushchenko**, our artilleryman, appeared from our armored carrier and said, “Igor, do as in Afghanistan we used to – piss on the wheel as they say, or piss straight from your troop carrier”.

“I understand”, I said. We stood there for 40 minutes. From there it was practically nothing to get to the Shambinga River, a very small distance. And all our traffic set off in that direction.

– **What else did your column consist of?**

– It consisted of tanks, armored troop carriers, lorries with supplies. The Angolans did not venture forth without all this to have plenty of food to eat. There were **GAZ-66** (two ton lorries with a high payload capacity), Brazilian **Engesa-50** (lorries with a high mileage capacity). Practically some 70% of the column in fact consisted of such **Engesas**. They transported food, clothing, and ammunition of course, etc.

In any case, the traffic was literally as follows: we moved for five minutes and then we stopped for a half an hour. What was particularly awful that the South African aircraft accompanied us on low altitude flights and if possible strafed us. This occurred everywhere and it was something to see!

– **And was anti-aircraft systems Strela-1 and Strela-2M useless against these low-level flights?**

– I’ll tell you about this. On our advisor’s armoured troop carrier several Angolans sat with protective goggles and “**Strelas**” over their shoulders – **Strela-1** and **Strela-2M**. They were very proud of themselves.

The first time I caught sight of that anti aircraft personnel on our advisor’s armoured troop carrier, I asked them why in hell they were sitting there and whether they needed anything.

“We will give you protection!” – was their answer. And they looked very brave and gallant.

All right. But after some time, when South African fighter

aircraft flew by – either **Mirages** or **Impalas** (**Mirages-I** and **Mirages-III** – low-flying fighter aircraft, and **Impalas** – ground support attack aircraft; they constantly escorted our column), I looked around and wondered where were those anti aircraft brave men (the Angolans). They were nowhere in sight! Then, thank God, the air raids stopped, and I crawled out of my troop carrier.

But we did not close the hatches in our armoured troop carriers.

– **Why?**

– If the hatches were closed when a mine or a shell should fall, then it would simply «smear» all people inside along the interior of the armoured troop carrier. In other words, you could conceal it but you could not close it. Because if you bat-ten down the hatch, in case of a direct hit by a mine, it would flatten out everybody inside.

– **And if you leave the hatches open?**

– If they are left open, then you will get only shell-shock and wounds from shrapnel.

– **Does a heavy mine penetrate tank armour?**

– Definitely – as much as 120-millimetres, in fact. I'll go even further and say that the South African armoured troop carriers – the **AML-60** and the **AML-90** – (the latter equipped with 90-mm calibre gun would penetrate many of our tanks as if they were made of plywood!) On the other hand, as far as machine guns are concerned, our 14.5-mm calibre **KVPTs** would penetrate their **AML-60** and **AML-90** armoured troop carriers, treating them as plywood! Because even the 14.5-mm **KVPT** would pierce them through and through, it would be easy to defeat them in battle.

– **What exactly do you mean by KVPT?**

– I mean a heavy caliber 14.5-mm machine gun installed on the turret of an armored personnel carrier (**BTR-60PB**) or armored reconnaissance car (**BRDM-2**). An ordinary machine gun, in fact.

Yet even the South Africans feared it.

Also note that although our **T-55** tanks, themselves were equipped with 100-mm guns, the South African armoured troop carriers would pierce them through.

– **So the Angolan “Strela” personnel did not fulfil their duty.**

– As a matter of fact, I crawled out after the air raid.

“But where were all of you?”

They replied – “Here is the shrapnel and here is where we jumped off, and this is how it turned out.”

I then said, “Lads, I still don’t understand one thing – why the devil are you are just sitting here – in order to protect us, maybe? But you do nothing!”

And then, after all this nonsense, I just chased them away – Air raid once, twice, three time... nobody is fighting... Oh sure! Instead of shooting against the enemy planes, they used to run away!

– **Was it possible to fire at low-level aircraft?**

– Why not? The **Strela-1** and **Strela-2** portable anti aircraft kits were all-purpose. They had a striking range of 3200 m. They were better than the “**Stinger**” version, as well as cheaper. These, as well as the **Strela-10** included four rockets each. Then there were also the **Igla-1**, **Igla-2** and **Igla-4** with ranges of up to 3000 m. So they had the capability of bringing down any aircraft we wished.

– **And why didn’t the Angolans then hit South Africans?**

– They were just kids and they were afraid to use such spectacular weapons. I recently showed photographs to some South African journalists – what was in effect the graveyard for Soviet military materiel. They were simply amazed to see such attitude of Angolans to our technique.

– **And with such a high standard of weaponry, wasn’t it possible to win?**

– Indeed, the South African journalists raised such a question. After all, our Russian or Soviet (it doesn’t really matter which) has been the best weaponry in the whole world.

– And what else do I want to add about Cuito-Cuanavale?

In Portuguese, and within the Angolan context, this town was known as “ponto de resistencia” or point of resistance. I just want to bow my head in respect for those of our Soviet military personnel which were there. They were the ones who did everything they could to achieve something, to somehow improve the situation. But perhaps, regrettably, we always ran up against a «blank wall» concerning the attitude of Angolans towards all happening there. You simply «beat your head against a wall». And nothing more.

– **For example?**

– Well, there were some Angolans, who wanted to change the situation. One in particular, whose name I forgot – but it was a great pity that such person could go missing, and go missing he did. I don’t remember whether he was a Lieutenant Colonel or a Major.

He came to us and all the time he complained: “You know – nobody wants to do anything”. It is feeling of absolute indifference to everything from the part of Angolans as he said. “Todo o tempo sabotagen!” (All the time, sabotage). “I want to do something but all I see is sabotage”.

And within a couple of days, he literally, at the head of a column of Angolan soldiers, ran into the South Africans. He, as a very brave, even remarkably brave fellow, dashed off to war. And his armoured car was destroyed by a direct hit from a shell. His case was a great pity. Why? – because, unfortunately, of course, such people are the exception to the rule.

– **Where did you stay when were in Cuito-Cuanavale?**

– This was in the south of Angola and we lived in fact 13 kilometres outside Cuito, in the jungle.

– **Why?**

– Because, as I already said, the town, itself, was continually subject to bombardment. That was why the Soviet group moved to the dugout camp to the 13th kilometer from Cuito-Cuanavale.

– **What type of bombardment?**

– We were bombarded from mortars (81- and 120-mm) and from 155-mm guns. The shell of that gun was approximately

one meter long and flied a distance of 47 km. Sometimes, in order to use it as effectively as possible, the South Africans simply would transport their artillery batteries, the **G-5** and the **G-6**, very close to the Angolan positions.

The **G-5** is simply a gun. But the **G-6** was also a self propelled vehicle.

Every time that they used their **G-5**, the Cubans in «**Pechora**» were able to determine the trajectory of the projectile. They would then send their **MIG-23s** to destroy the battery¹¹.

As a result, the South Africans began to use their **G-6**. It was, after all, mobile: it fired a few volleys and moved off. Just like that!

We found ourselves under bombardment many times. After that, **Vladimir Nikolayevich Zinoviev** (the leader of our «**Pechora**» group) gathered us specialists together and said, "Lads, we didn't come here in order to lay down our lives but in order to fulfill our international duty and to earn some money too. Therefore, let us find refuge in the brigade, if it's really urgent.

This was a very wise piece of advice since the South African artillery and sound tracking reconnaissance operated first class, and one must give it its due.

On the other side of the river Cuito, on a hill the South African observer sat whose job it was to relay the coordinates of the disclosed target to his artillery battery, after which the South Africans would begin to fire. They could locate these targets very fast and then and there could open fire.

But as far as concerned the «**Pechora**» complex in Cuito-Cuanavale, it significantly interfered with the South African aircraft which as a result could not fulfill its normal tasks of

¹¹ By the Cuban advance toward Namibia, the **G5** are urgently removed from the Cuito-Cuanavale zone, and send to the zone of Calueque, near the border. They try to attacking the Cuban troops the days 20, 24 and 26 of June of 1988. But then is produced the Cuban answer with the devastator strike to Calueque by the **MiG-23ML**, after which South Africa asks for the peace. (Article by Ryben in internet).

providing support for its own ground forces. That was why the South Africans bombarded «**Pechora**» positions persistently.

– **And how did you travel in Cuito-Cuanavale?**

– By two-ton truck, or microbus, or jeep. Also by armored personnel carrier and armored patrol cars.

We had a «village» of dug-out houses. My own personal dug-out house appears in a photograph. Jokingly it was named “Rezervado” – it was reserved especially for us. There were three of us who lived there. At the same time, the cold weather set in. Meanwhile, I had made a door in this dug-out and we hung a blanket over it. Yet there was still air circulating through the chimney. We sealed this off, slept under three blankets and thus did not mind the cold. The temperature during my first year in Angola sank as far down as -1 degree centigrade.

– **Were there high mountains?**

– We were actually on a plateau 1700–1800 m above sea level. We moved around in winter jackets (Angolan winter, that is). The Angolans usually wore our Soviet military fur caps and tied the ribbons under their chin. It was a remarkable sight – black faces wearing Soviet fur caps, tied just in this way. We were all indeed dressed for winter. But this type of climate existed usually only in the evening and early morning. In the middle of the day, the temperature would climb to between +25 and +30 degrees, indicating great swings of temperature.

In the morning, we were obliged to go out wearing jackets. We wore the standard Angolan soldier’s jacket and underneath a vest with cartridges (if necessary).

What saved us from cold were those jackets we wore and the fact that during the day both the land was warmed up by sun. And in the evening, usually, if we could, we would have some drinking (hot drinks), followed by going to bed, but we slept under three blankets.

– **What were your duties, besides being an interpreter?**

– As an interpreter, I became in fact a logistics officer in “**Pechora**” (C-125). I supplied food products and if possible,

something relatively sweet and tasty. I provided our specialists with uniform and boots, with all kinds of toiletries etc. I hope that somehow I could alleviate our life there.

What can I further say? Well, I want to say that the Angolans were so unsuitable for war that I do not even want to speak about it. That not only they were afraid to take part in combat actions, but they did not want to follow the reasonable advices of our councilors. Everybody is afraid! It is understandable; we all are people, not robots! However, please, fulfill the orders of your chiefs, follow the advices of the councilors, and what is more – the requirements of the field manuals. But the Angolans had no desire to do it.

Why do I speak this way? Because all the Angolans of the military mission in Cuito Cuanavale had known me during half a year – and knew who was this “Senor Geronimo”. I had «nome de combate» (such a fighting name) as “Geronimo”, and everyone knew this.

I'll tell you why they all knew me. The first time, when I mounted the assistant guard for the whole our «dugout camp» of Cuito-Cuanavale, I went to check up on the sentries (this was at the time of the battle of Cuito-Cuanavale). What disturbed me most of all was that it was night, and the moon was shining brightly, illuminating the land. The time was roughly 2 a.m.

A black was standing at his post with a sub-machine gun. They didn't have a strap for their sub-machine guns, and as a result held them in their hands. This guard, therefore, was standing there, holding his **Kalashnikov**. He was just standing there asleep, not leaning against a tree. I at first wondered, “Well, can it be that I am a fool, that there is something I don't understand. I shouted to him, as was customary: “Guarda!” (Guard!). To this, he was supposed to reply, “Assessor? “Sim, pronto” (Major? Yes, I am ready). Instead, there was no answer. I thought to myself, well, alright, I'm coming closer. “Guarda!” Again, no answer. Therefore, I came directly in front of him, as close as I am to you right now. I seized with one hand

his **Kalashnikov** and struck his jaw with its butt. He fell down; his **Kalashnikov** remained in my hands. I asked him, “Are you perhaps asleep?” Then he answered, “No, I am not asleep.” I called him a bloody swine and just kicked him in the foot.

That is why everybody instantly remembered me and remembered who this Senor **Geronimo** was. When I originally became assistant guard, everybody asked, “Is this or isn’t this **Geronimo**?” If yes, well then “we are finished, the end of the world!”

After some time, when I went to check up on the sentries, all appeared normal, everybody replied freshly. There were three sentry-posts. The one stood just near us, near the anti aircraft defense camp. The second stood near that place where the Chief-Advisor of the Commander of the 6th Military District lived; and the third, at the exit of our camp. Every one of these sentries was supposed to be checked.

I then made an agreement with Colonel **Zinoviev** (Chief-Advisor of our “**Pechora**” group) that I would cease to be an assistant guard, because I was at the same time a logistics officer, and in charge of the kitchen. I composed all the menus for our “kitchen” for our group of ten people, at the “**Pechora**” group Soviet specialists (anti aircraft brigade).

Colonel **Velichko**, the Chief-Advisor of the Commander of the 6th Military District, said to Colonel **Zinoviev** – that interpreter of yours, **Zhdarkin**, struck the face of our guard who then lodged a complaint. So then I asked **Zinoviev** to go to **Velichko**, and subsequently they relieved me of that duty.

I told him that I would not accept that duty any longer. Why? I simply didn’t want to. “But if you wish me to continue to strike their faces, please be assured that I am quite ready to continue – without any doubt.”

“No, Igor, it’s not allowed”, he answered.

“Not allowed? Well I’ll strike them anyhow. Why? Because these Angolans don’t carry out even the simplest of our directives, and violate the most elementary army regulations demands. What do you expect our relations to be with such an

undisciplined, cheeky lot? As they say, I am not usually all that warlike between my buttocks, even if something troubles me, even if I feel hurt. Isn't that right? And I hope you won't want more such problems. ”

I added, “**Vladimir Nikolayevich [Zinoviev]**, don't be upset. I will take care of any remaining problems. You won't have to worry about anything. There should not be any problems. I will provide our group with all necessary things but you must help release me from of all this shit –from these stupid and senseless orders”. And indeed, he did release me.

Now I want to talk about still another noteworthy event. We ate tinned stew for a very long time. It was the most diverse type of stew. It had been supplied by airplane and helicopter. There were various jars, from very small to very large. There were also jars that we called “dogs' pleasure”. We would open the packages and feel their disgusting smell. We refused to eat such muck and gave it to our dogs. I suspect that our dogs thought at that time: «What good guys are these people! They do not eat meat themselves but give it to us, they take care on us!»

Sometimes we gave that stew to the blacks, if they asked us about it. It was ridiculous, because for their part, the Angolans winced, and said, “No, we won't eat this shit but rather give it to our women”. It was most peculiar that they gave the food to their women. In fact, I know all this first hand, having witnessed the whole thing.

One of the Angolans guarding us had an attractive woman in a nearby village. At that time, we had just received the set of stew. It was in long jars, several kilograms in each jar. It was pork, produced in France. I opened one jar containing the pork and there was a terrible smell. I didn't know whether the pork was supposed to smell that way or whether it had simply gone bad.

I called our guard: «**Antonio** come here». He took one whiff and groaned – he felt nauseated.

“What can we do with this?” I said. He answered that he would just take it to his “mulher” (his woman).

“And she’ll take it?”

“Yes, what shit” he added, “Bring the car and let’s go!”

We took with us some 12 jars. I in fact told him that we had received 12 jars. But to this he replied, “No, no! Not like this.”

“What do you mean – not like this?” I asked.

“There should be only half or 6 jars. Nevertheless, O.K. Put all of them in the car, and I will then simply take away 6 of them.

Within a short time, we came in our **UAZ** (car) to that village. It was 25 kilometres from Cuito-Cuanavale. There had just now been some bombardment there. The South Africans had brought their **G-6s** (155-calibre artillery) and had begun to fire.

“Well what are we going to do?” I asked. “I’m not going anywhere!”

“What rubbish!” he exclaimed. “Just sit here in our dug-out, and I’ll go look for her.”

And indeed, what type of dugout was there in this village? A name, a pit, and otherwise, nothing! I crawled into the dugout and there I found a few blacks sitting and speaking unintelligibly.

They asked me, “Hey! Do you want a drink?” I answered, “No! I would not drink anything you have. “No, no”, they pleaded. “Come on!” And they offered me their local “canioma” or “caporote”, a homemade Angolan liquor.

For how long did Antonio go with six jars of stew which he had put in a bag – 1-1/2 or 2 hours, during which the bombardment continued!

And the remaining 6 jars lay in the car.

While I was sitting in this dugout, the blacks asked me “Did you come with meat?”

“I don’t understand”, I said.

“Well, did you come with six jars of meat – don’t you have six jars of stew there?”

I answered, “No”.

But they insisted that indeed these were lying in the car. I

sat so surprised and said that I didn't understand and asked them what they needed". The blacks answered, "We need a snack." And as sure as I'm telling you now, they insisted, "No problem, we'll do everything right away".

I said, "What will you do right away?"

"We will be your assistants right away – your friend doesn't know that his woman went to another village – he is right now running through all the villages but can't find her. So we will simply tell him the place where she actually is, and in exchange you will give us so and so many jars".

I answered: "Like hell I will! Who I really need is Antonio who right now is running through the villages". But they countered by saying that "Otherwise, you won't be able to make your way out of here".

I felt bloody horrible. Of course, I had my sub-machine gun with me, as well as the cartridge cases (with the cartridges inside). And at the same time, I kept repeating to myself, "Otherwise, you won't be able to make your way out of here". By the way, when I later on decided to find out all those things, I understood – after all, they had been right.

– **What did you find out?**

Because, although they were not subordinate to UNITA, they, nonetheless depended on it, and for everything. The situation was thus roughly as follows: If UNITA didn't come into the area, then FAPLA would.

– That means, they tried to be neutral?

– Yes, in the sense of cooperating with both sides. No problem. For example, if UNITA came around, they would say, "Here's food for you, eat by all means".

Then, when FAPLA would arrive, they would say to them, "And you supplied UNITA yesterday!"

"No, no", the locals would answer, "we didn't supply them. But here, please eat now".

Well, I sit and think, "Ain't that something!" And, anyway, what's all this to me? To analyze all this, what has it all been for?"

So I said to them, “Fine, what do you need?” And they answered, “There, in your car, are six jars of stew”.

“And what of it?” I exclaimed.

“Give them to us”, was the answer.

Knowing how much they loved to bargain with us, I offered them “two or three jars at the most.” But they stood their ground, answering “six”. Again, I insisted, “Two to three jars, nothing more”. And we continued to haggle with them. As for how I went about it, I can’t even remember.

Finally, they said, “Well O.K., three jars, and you can go wherever you want”.

“And where’s the fellow with whom I came, eh?”, I asked.

“That shouldn’t be of any concern to you since he’s anyhow arriving”, they shot back.

Then I gave them three jars, saying “that’s the lot”.

They reacted by saying, “You’re a splendid fellow. We know you, you are **Geronimo** and we admire you. And therefore we will see to it that no one disturbs you in your travels around here”.

“And who indeed could disturb me!” I exclaimed.

“Well, our block stations”, was the answer.

Those belonging to UNITA!

And I thought, “To hell with you!” Basically, what’s going on around here! Get it?”

As I indeed found out, very often small UNITA columns were moving around in the territory around Cuito Cuanavale, inside the zone controlled by FAPLA, approached the FAPLA blockhouses, met with them, took food from them and gave them food as well. Why not? People want to eat and life is life!

Moreover, on both sides of the trenches, people had many relatives, how could they kill each other, so to speak. As the deputy political officers (both the Angolans and our own) told me, there were frequent situations in which, within the same family, one son served in UNITA and the other in FAPLA – just as in Russia in our post 1917 Civil war. (The main difference was that the Angolans, in contrast to us, were not as sen-

sitive to these divided loyalties.) As they say, “It happened so, nothing to do!”

– **Body armours – what kind were they.**

– We were all given bulletproof vests and we were instructed to keep them safe. Not that they should protect us but rather that we should protect them. Why? Because the loss of every bulletproof vest entailed a cost of an extra \$250. Although they were very expensive to whoever needed them, if they killed you with shrapnel hitting your head, for example, what for do you wear a bulletproof vest!

Therefore, everyone who participated in a military operation, even if he, of course, was dressed in a bullet-proof vest, all buttoned up according to plan, but believed very little in its utility. Our advisors of the 47th brigade, during a retreat, carried with them the bulletproof vests simply not to have to pay \$250. Our lads of course wanted to save their lives, but ... had to carry their bulletproof vests with them. Is it OK? Well, that is just how it was.

– **Did it happen that some people had «lost their heads» during the war?**

– Of course, it happened sometimes.

We were at the time young interpreters, unmarried and we committed stupid blunders. On the other side of the Cuito river, the 25th brigade occupied its defensive positions. From time to time, our officers would arrive – to wash themselves, to shave, to wash clothes, etc. Later, they would return to their positions. Then they would be transported back.

For our part, we did something very stupid, by moving along a small river until we reached the crossing while it was still night in order to escape the bombardment. In fact, we went there to show off. Why? Because we knew that on that side of the river was the South African aircraft spotter who would now and then provide the coordinates enabling the bombardment to begin.

One evening **Sasha Sergeyev**, the interpreter, came to me. Well then, he invited me to go to the bridge. “Wait a minute

while I take my sub-machinegun”, I said. I set out for my dugout, but something told me not to go, a sort of inner gut feeling.

Well, I stood still for awhile and thought. I thought, “The God only knows! Something isn’t right”. I approached him. And he was already swearing – “One always has to wait for you”! But then I turned to him and said “I’m not going.” He asked, “Why, **Igor**?” What could I say to answer him? To speak according to my inner voice, “I simply don’t want to, that’s all”.

He looked at me attentively and said. “Then don’t go”. And he left alone.

They set off. On the bridge, at first everything was good, they took our people across the river... But in the meantime, they sat in the dugouts – their car suffered a direct hit by 155-mm shell.

– **What type of car?**

– An «**Engesa**» – a Brazilian car.

After returning from the bridge, **Sasha** came to me.

Oh hell! Do you know what happened?

“Well, what of it!”

Then he said: “You didn’t go as if you had had a presentiment of something...”

– There was one man in our team there, his name was “**Pasha**” – a warrant officer (a service engineer). He had just spent two years in Afghanistan.

If he got drunk, he would simply shoot the Angolans between their legs. Overall, his was a classic performance. He would come out of his dugout carrying his sub-machinegun in one hand and shouting, “**Antonio**, come here quickly – there is something to do out there”. If **Antonio** didn’t carry out his orders, **Pasha** would shoot directly between his legs – without further ado. And they all knew that he was a crack shot. He never actually hit anyone. Yet all Angolans ran past him in terror. As a result, if he felt it was necessary to do something right away, he always knew that it would be done.

We somehow came to him to have a party. As long as I was in

charge of the kitchen, I brought some food. I told him, “**Pasha**, we have nothing to drink!” **Pasha** answered, “There will be right away”. I said, “The night outdoors? How will that be?”

He went out – shot from his **Kalashnikov** into the air: “**Antonio** – **caporote** (local liquor)!”

Antonio: “no, assessor”.

“What a hell of «no!» go and find!”.

And **Antonio** found and brought liquor and we had some drinks.

How many times did I see when we would go to fetch water, we would go on a watercarrier, on «**Engesa**». We would arrive there, I sat and watched from above the water cistern while **Pasha** would give a burst of machinegun fire and the Angolans would begin to run. After all, they all knew **Pasha**. What kind of person was Pasha and they knew: once **Pasha** had spoken, there were no questions – they did everything and filled up everything.

For all that, the Angolans respected him and loved him very much: he was master at all trades, a real professional and also in case of necessity he defended Angolans with might and main!

– **Were there many snakes there?**

– I personally killed 12 snakes in two years...

– **With what?**

– With whatever was appropriate. With a knife, a sub-machinegun, a pistol, anything appropriate.

– **With what did you travel there?**

– We travelled either by **UAZ** or by «ambulance car» (a military version of **RAF-2203** in camouflage colour and of ordinary cross-country ability), or by **GAZ-66** two ton truck.

– **How did the Angolans produce their hooch?**

– For the local hooch, there grew such a completely remarkable tree, producing the local «**maboko**» fruit. What was it? It was the size of two large apples. When it is green, nothing can break it open, not even an axe. But when it ripens, it is possible to open it and to eat its seed and become drunk.

And especially in the 5th Military District, in the province of Cunene, there were very large groves, called “Mabokairo”. As for the local name, the drink was called “**canioma**” or “**caporote**” depending on the province where it was produced. Therefore, if you wish to obtain really normal canioma or caporota, you must come at the time when they are ripe.

How did we look for that canioma during my first year in Angola, 1986–1987, in the Huila Province. We sat down in a car, in **UAZ**, with sub-machineguns and grenades and went forward, looking for that local spirit. There it was known as canioma.

We arrived at the village. There the elder of the village was coming towards us, armed with a spear. He was covered with feathers. We were, for our part, accompanied by a person who was Portuguese-speaking and who could translate into the local language because the inhabitants there spoke no Portuguese. In other words, I would translate from Russian into Portuguese and he would further translate this into the local language.

He said, “Aha, canioma –well, just drive in that direction there. We drove on literally for ten minutes, to the following village where everybody already knew that we were about to arrive.

– **How did they find out?**

– I do not really know. Maybe by tom-tom. As we arrived, they were already coming out to greet us. So you are looking for canioma?

Here we arrived in one village and one of our Russian specialists was a great expert in all those drinks. He wanted to obtain first class spirit.

“No, not here would we take anything because the canioma here is poor”.

So we drove on to the following village and then from one village to another. I then spoke to our Senior Adviser:” Excuse me, but doesn’t it seem to you that we are being followed?” “Huh? What a load of shit!” But I persisted: “Excuse me please,

but I want to stay alive. I want just to survive”. I continued: “We have already visited several villages, and everywhere we were met. They knew already everything. From where?”

The main thing is that the Angolans greeted me first and only then other our specialists.

One time, the following occurred. We had arrived at the next village. The Angolan who translated from Portuguese into the local language was with us as usual. I again became suspicious – “And no one right now is going to kill us?” And he said to me, “With you, **Geronimo**, no one will kill you. By now, everybody knows you.” I was, however, frightened.

They simply knew me here, they had already seen me more than once, and they knew that I spoke Portuguese and that I was an interpreter. “Ah, this is “**Geronimo**”, let him go! In principle, they treated most of the interpreters this way and sometimes the specialists, particularly those who could speak Portuguese.

I asked him – excuse me but how is the situation around here?

“Is there something disturbing you? It is possible that they may kill the others (he meant the advisors), but not you, **Geronimo**”, he said. My mouth immediately opened wide.

“You understand”, I said, that it is in fact not necessary to kill them”.

“Its fine, if you say they won’t kill them, but in any case the fact remains that you have only 20 minutes to get out of here,” was the answer.”

“Well”, I exclaimed, “does that mean that until that time we’ll manage to get drink?”

“Yes, he said, we’ll do it”

When we returned, after this discussion, I got drunk like a pig. They told me openly that as often as I would visit this place, all would be normal and I shouldn’t worry – that I was, after all, **Geronimo**. Despite such reassurances, my balls dropped in terror.

“And what else?” I exclaimed. “Nothing. They know you

after all, you speak Portuguese, you behave normally with the locals” – and, in fact, I was able somehow to get along with them.

That is how to explain: “Here I am, a so-called so-and-so, I would tell them, but you will behave courteously with me”. The Angolans simply could see that if I punished them, then it was for something they did and not simply out of personal whim. Moreover, as I have already made clear, I made serious efforts to take care of them – their general way-of-life, their food – and, in fact, none of them in my care ever went hungry. And, fairly often, I would simply sit and chat with them about this and that. And they were, after all interested in my company.

– **How was the work and the way of life in “Pechora”?**

– Our way of life, of course, was more or less regulated. We lived in dug-outs, three or four people in each. During the Angolan winter (between June and August), it was very cold and the temperature would fall to only one or two degrees above zero. We would walk around in Angolan parkas.

There was a canteen (also in the pit in the ground), and a small bath house was constructed, even equipped with a steam room. The food was so-so, basically tinned food from all countries of the world. Some on the whole could not eat that food (after all, only tinned food during two years in Angola!), but others got used to it.

For example, Captain **Sergei Rymar**, he was a specialist at the anti-aircraft **C-125 “Pechora”** complex. He was unique in that he could (as we joked) with his eyes shut both put together and dismantle the **P-18** and **P-19** – tracker stations against the enemy aircraft. Angolans were very glad to work with him and waited for him very much. He could adjust and repair everything! Moreover, he could speak Portuguese a little bit...

In terms of eating, he was a glutton. He would go through breakfast, lunch and dinner, and within an hour and a half Sergei would get a tin of food, open it and begin eating out of it. I would usually ask him, “Sergei, there is something I don’t

understand – just now you had lunch, so why are you again feeding yourself? “You know”, was his answer – “I need to eat”.

Colonel **Vladimir Nikolaevich Zinoviev**. I have only good remembrance about him. He was very kind and responsive man, and as a chief, he was strict but «square shooter». What is more, he knew how to work with interpreter: he was not fast in his speech, always repeated his phrase if something was not clear to me. It was a great pleasure to work with him.

Every morning, he began by strapping his pistol to his side and then completed his daily run. In other words, he busied himself with physical exercise.

Not only him, some other our specialists went in for sports and physical training. Of course, when it was possible, because the war continued...

But these habits would end once the cheap local homemade rice vodka had matured, and our people began to drink and make merry.

I want to say some words about the homemade rice vodka and more about the so-called **drunkenness**. In fact, as I became persuaded during two years in Angola, if we hadn't gotten drunk from time to time, we would have simply gone crazy – without a doubt. Some peoples' nerves would have simply given in and no wonder: a foreign country, a strange environment, the war and the bombardments (“25 hours in day and night”, as we joked bitterly)... You give the task to the Angolans, but they can fulfil it or not... The supply system simply does not work; many times the letters from our homes did not reach us and so on... Of course, nobody ever said that things would be easy. Therefore, a lessening of personal stress was in any case necessary.

– **And what does rice vodka mean?**

– We had rice after it was taken for consumption, was fermented. Of course, sugar was added. And if there was vodka, it too was added. Afterwards we took an ordinary army canister, about nine litres, filled it with that liquid, corked it up and placed on the top of the dug-out in which we were living. It

would ferment three to four days under the sun after which it would be drunk.

– **How hot was it?**

– Over 40 degrees. One time, while I was working in the “**Pechora**” complex, the Luanda Higher Command began to provide us with grape juice. Well, we drank this grape juice once and again we drank it, but then **Sergey Rymar** spoke up “But what are we doing?” Let’s distil home made hooch from this”. Well, we all fixed our gaze on him, wondering just how he proposed to do this.

“Well, these are grapes, after all! What are we talking about? Hand over the canister of grape juice, the sugar and the yeast. Don’t worry, everything will be all right!”

In fact, the first attempt was unsuccessful. And why? Because the canister exploded. It was made of plastic. And Sergey said, “Indeed, I was wrong about something. It should have been done another way. And the second time, when we used a metal canister, we said, “Sergey, you are on the whole a master.

– **And how strong was it?**

– Likewise more than 40 degrees.

– **About decorations.**

– And now, as they say, to go smoothly to another topic, what was the prize for the efforts of our specialists? Our specialists not only instructed the Angolans but themselves participated on Angolan territory in military activities against the UNITA bandits and against the South African army. And it was a very interesting approach – how to appraise this feat accomplished by our comrades-in-arms under such and such circumstances?

And how, for example, to appraise the feat of one of our Senior Lieutenants (who would receive his Captaincy at Cuito Cuanavale)? He was a maintenance specialist – tanks, armoured personnel carriers, armoured cars, and armoured reconnaissance patrol cars. He was a quiet, unassuming fellow. His name was **Valentin Mozolev**.

The Angolans were simply crazy about him, war or no war, bombardment or no bombardment. If it was necessary to repair tanks, he went to repair them. He would crawl inside the tank. The bombardment begins, the shells explode, shrapnel cracks and pops, but he sits and continues to repair the tank. Those Angolans, gazing at him also began to repair. More than half of the technique repaired at Cuito Cuanavale was his, **Mozolev's** merit¹².

Indeed, he did not hurl missiles from an embrasure, nor did he rush forward with a flag, nor did he summon his troops to the attack, he simply repaired equipment. Our Regional Command decided to request for decoration to him, "In the service of the Fatherland" was the name of that decoration. In my opinion, he deserved it – he sat and repaired under any circumstances whatsoever.

The standard answer to this, however, was "Describe a heroic deed, committed by the comrade". But how in fact can one describe this deed?" After all, just what type of heroic deed did he commit? What nonsense, you can imagine – he repaired the materiel with which people subsequently moved and fought.

"Describe in more detail the deed committed by this comrade!" – Nonsense!

Such answers came from Moscow. And it was from there that such a formal reply now came.

And, moreover, very many times our Command in Angola received a questionnaire from Moscow with the instruction, "What for he should be decorated?" concerning the people – direct participants in a given operation, participants in military activities. After all, he didn't blow up three South African tanks, for example. "Describe this alleged deed which he is supposed to have committed, and in more detail".

And people simply spread their hands and said, "OK, let others carry our decorations.

¹² Memoirs of retired Major **Valentin Fyodorovich Mozolev** will be published in Russian and in English (*note by ed.-comp.*).

Although people sitting in the rear: in Luanda and the military districts' headquarters got their awards and decorations, as we joked for «bravery and courage in the fierce rear battles». It is always happening like this, as I have already said, those who sit at staff headquarters and at the home front – they usually wear decorations. This is in fact the misfortune of all armies, all states, all wars and all centuries. As for those in the front lines, they are forgotten. And perhaps this is not due to their lack of achievement but even rather that at the time of their achievements, they did not shout about it.

And it usually those who are in the front lines, who are just the ones not to shout about or expand on their heroic deeds, who **just do their work and fulfil their duties**.

And another point is that they can't always talk about their deeds, or write down their deeds on paper. If you didn't draw in colours your "heroic deed" on paper – go away, you a not a hero...

«Without paper you are nothing, and only with paper you are somebody!» says a well-known proverb.

If you received a document proving your participation in the war, isn't that enough? Don't you already have your official daily privileges that go with this document?

Orders? Medals? What orders and what medals? There is nothing about your "heroic deed" on paper – no medals to you!

I had a similar experience with my own decorations. The Chief Advisor of our brigade recommended me for the decoration, "Order of the Red Star" – nothing! Then he recommended me for the medal, "For Combat Merits" – it too was unsuccessful. Only then, thanks to **Viktor Aleksandrovich Belyukin**, our Chief Interpreter in Luanda, did I receive this medal.

Petro Ivanovsky also did not receive his decorations. He was recommended for the "Order of the Red Star" and then for the medal, "For Combat Merits." No result at all!

It was the same with **Slava Barabulya**: they recommended him several times for this medal, and again, only thanks to **Viktor Aleksandrovich Belyukin**, he finally received it.

These obstacles existed because General **Gusev**, the Chief Military Advisor to the Minister of Defence of Angola, cut to pieces any lists of decorations referring to the interpreters. If it concerned a young lieutenant, an interpreter, then it would mean that they were not worthy of decorations, even though they were only boys who had been on active military operations, had sat through sieges, had been without food and had narrowly missed getting seriously sick. And his point of view was his alone.

Although there were cases when people managed to get their decorations. We had one such interpreter, **Shkarinenko** – a young boy. He also served in a military district, participated in combat actions.

They flew in a helicopter that was subsequently shot down. Two Soviet advisors were with him, as well as SWAPO fighters and Angolans. When the helicopter was shot down, it began to fall. When they were trying to land, some Angolans jumped out. Of course, all those who jumped out were already badly smashed up. The rest did not jump out and just fell. Everybody suffered trauma and injury but, thank God, remained alive. Both advisors received decorations. They were both in fact guys with two years service in the war.

Well, these same advisors, turning to the boy in his capacity as interpreter, said, “**Sasha**, we are going to recommend you for a medal – maybe we’ll succeed. After all, we’re a couple of Lieutenant Colonels while you are only a Lieutenant. In fact, he had become a Lieutenant by completing a civil institution of higher education, followed by serving two years as an officer.

They recommended him for a medal. Thereupon, **Shkarinenko** arrived in Luanda, and there he was just told to fuck off. They said, “What? Medal for interpreter? And what type of heroic deed exactly did he accomplish?”

What type of heroic deed? ... He flew in this helicopter, fell down in this same helicopter – the same as all the others who survived. The others received decorations, while he received

nothing, although, by all accounts, they should have given him a medal already long ago. He had stayed two years far away in the jungle; but because he did not serve at headquarters – he was not remembered. And why? They (the senior officers) received decorations, and thank God, justifiably, but he received no medals at all, nothing.

Shkarinenko thereupon became angry and immediately went to headquarters (that is, to **Gusev**) and made a scene. He was after all serving for only two years and had nothing to lose (after Angola he was supposed to be retired). But here he lost his temper although he was known as reserved, modest and even shy.

...As a result, they gave him a medal, thank God, as far as I know, even a medal “For bravery”.

But not all of us were able to succeed this way by making a scandal. To me, for example, they said that, according to the instructions of General **Gusev**’s those Soviets, who had received a Cuban medal for participation in the battle of Cuito Cuanavale, were not allowed to get any Soviet military decorations. Therefore, this included advisors and specialists as well as interpreters.

Nor did they give any decorations to my friend **Oleg Gritsuk** who had also completed civil institution of higher education, even though he too had wasted two years in jungle. What happened to him also happened to me. He was recommended twice for the “Order of the Red Star” and then for the medal “For Combat Merits.” Again nothing!

“You received a Cuban medal for the defense of Cuito Cuanavale. Well, everything is good and this is enough for you. Go home, thank you!”

After such words we simply raised our palms in a gesture of helplessness and set off for home. What an interesting system for awarding decorations, don’t you think!

Now I still want to refer to the system of payment. People actually, except for fulfilling their international obligations, and transmitting their knowledge and provid-

ing a training of the Angolan side, apparently still expected to earn money.

I consider that this was fair, because, if you please, to live in such circumstances which were completely alien to us, both in terms of climate, disease, war, etc. and to do all this for virtually no particular reason – well, this was of course unrealistic! After all, the Americans and Europeans received good payment for this same type of conditions, and in terms of the exchange rate at that time, we knew that these same western specialists earned five to six times as much as we did.

On the other hand, in comparison with the USSR, we received of course a lot and were considered to be rich by Soviet standards, by those people who never went abroad and stayed in the USSR... And there was an interesting point: if you came without a wife, you would receive 80% of your salary in basic pay, and 20% in so-called road chits (traveller's cheques).

– **What in fact were these road chits (traveller's cheques)?**

– Well, you had to sign each cheque but you didn't have the right to use them up. For this, you had to take them back to Moscow and somewhere, for example, in the office of the hotel Ukraine, to convert them into Soviet rubles on a one-to-one basis.

– **And how many chits did they pay you in Angola?**

– Well, I earned per month some 1500–1600 chits. This was a lot of money in Soviet times. Our advisors received up to two thousand chits. But the rule was that if you came without a wife, then you received only 80% of this. As they said jokingly about women, they also worked – they earned another 20% for their husbands. This meant that if you were in a given military district without a wife, you received 80%, but if you served in an actually fighting brigade, then you received the full 100%, but only if you were an advisor or a specialist.

Interpreters serving in the same fighting brigade received in any case only 80% in accordance with some mythical order,

D-54. That was all we could find out. According to an annex to D-54, if you were an interpreter, then you received only 80%, even if you had during this period participated more than 300 times in battle.

– Returning again to decorations, when Cubans began to distribute medals for Cuito-Cuanavale, our leaders came from Luanda and took for themselves 17 medals, allegedly for those who had long served in Cuito but had been transferred to other districts. Yet they nonetheless gave out these medals to those four who had also beaten the table with their fists, shouting “give us our decorations!”

They also received (according to my rough estimate) still other medals that they might otherwise have received. Moreover, there was still another Cuban medal, “Servicio Distinguido” (For distinguished service), Cuban medal for having fulfilled one’s internationalist duty, as well as Angolan medals of the category, “For outstanding service”. Attached to small ribbons, such little medals resembled our own Soviet five-kopek piece.

And again we failed to understand why they decorated with Angolan medals some people in Cuito-Cuanavale, and we asked, “What for?” And strangest of all, the people decorated, themselves, did not understand why.

And General **Ryabchenko**, covering his chest with all this large quantity of decorations, appeared in this manner at the General Staff, during his furlough in Moscow. The populace was stunned with surprise. The operation, “Greeting October” (1987) had been messed up. After so many losses, and such devastation (among the Angolans), suddenly this chap appeared with his chest full of decorations and medals.

Why, strictly speaking, did such a bias begin – describe in greater detail the heroic deed committed by the comrades. In other words, what does “aid” mean in this situation? **Ryabchenko**, in my opinion, received the order of Lenin for Angola, for having planned the operation, an operation that ultimately had failed. (Likewise, they said that he had sat for

two years in Kabul during the war in Afghanistan, and had received the order of Lenin for having planned the operation¹³.)

– **And what about the medals for Cuito-Cuanavale?**

– It was just a big «presentation».

The Cubans made medals for Cuito-Cuanavale, in order to decorate their own authentic participants of the defence of Cuito-Cuanavale, as well as Soviet and Angolan participants.

How was all this done? The Cubans, in this scheme, were of course great guys. The airplane carrying these medals arrived in Luanda. In Luanda, however, no one from among Soviet advisors was alerted to this. The airplane thereupon set off on a direct route towards Cuito-Cuanavale. It was the year 1988. Then the plane arrived in Cuito-Cuanavale.

The Cubans phoned us via our special line, and Lieutenant **Vyacheslav Barabula**, my friend, talked with them. They told him word for word the following – “We brought the medals and it is necessary to decorate people. If possible, please give us your own list, and introduce the **real** participants of the defence of Cuito-Cuanavale. Although they have been in Cuito one month only, they have a right to be decorated. They have been under bombardment, and so forth, and so on.

Slava came over to me and asked, “**Igor**, how shall we do all this?”

“Well, I don’t know”, I said. “Lets go to the ‘Cubashi’, as we call them, and discuss everything with them”. (We usually called them the “Cubashi”).

He replied, “Well, OK, fine. I’ll come back soon”.

¹³ This is incorrect. After serving in Angola, he served in the ground forces in the Leningrad military district. The former commander of the 103rd Guard airborne division, hero of the war in Afghanistan, veteran of the war in Angola, the chairman of the city’s veterans’ association, retired Lieutenant-General **Ivan Fyodorovich Ryabchenko** died in St. Petersburg in August 1997 See more in “The oral history of forgotten wars. Memories of the war in Angola”. M.: Memories, 2007 (*note by ed.-comp.*).

And **Slava** went to his chief. We lived in one camp – our dugouts were all together. I served at that time in the in the «**Pechora**» brigade, and infantry dugouts were situated directly next to us.

His chief was Colonel **Velichko** – Chief Military Advisor of the Commander of the 6th Military District. **Velichko** had been here one and a half months. Under him was deputy, Colonel **Mityayev**, a paratrooper, and he (**Mityayev**)¹⁴ had actually participated in the events at Cuito Cuanavale.

But at that time there were many new people in our camp who had not participated in combats. Well, they simply at that moment lived and worked in this camp. They would visit, advise and teach the Angolans, and would say that it was necessary to do something in this way, etc., etc.

Yet in all these operations, in fact it was other people who had actually participated – there stood the 36th brigade, the 21st, the 25th, the 59th, the 16th, etc. And these people (advisors, specialists and interpreters) were the people who really participated. But at that moment, a minimum of 50% had already departed.

This was because the military activities had supposedly ended. In fact, they had not stopped anywhere and continued. But in any case, the South Africans solemnly announced the beginning of the withdrawal of their forces from Angola.

They, by the way, being remarkable gentlemen, bombarded only the Angolan brigades. In other words, the bombardment of our camp, I think, was not envisioned in their plans. Perhaps they didn't want to risk international complications, or complications with the Soviet Union, or something else again. But this evidently was a motive only as far as concerned our own camp, whereas in the case of all the others, it was war as usual. In other words, if the Soviet advisor goes to

¹⁴ Memoirs of retired Colonel of paratroops **Vyacheslav Aleksandrovich Mityaev (Mityayev)** were published in English (see “The oral history of forgotten wars. Memories of the war in Angola”. M.: Memories, 2007. P. 6–47).

his brigade and suffers there from bombardment – nothing to do – war is war!

Although they sent us an ultimatum before the 11th of March, 1988 – “Soviets, leave Cuito Cuanavale, we don’t want to touch you.” The leaflets were in English. The Angolans brought these leaflets to us and said “these are written in English so we don’t understand them.”

– **How did they scatter them?**

– From hollow shells, most likely agitation propaganda. They sent us this ultimatum – it was precise, concrete and clearly written – “Soviets, we don’t want to touch you. You – our so-called white brothers. Go away. That is, leave, please. We want right now to cut up these Angolans.”

And from Luanda, an order arrived – “Look after your own security.” But how? In what way if the road to Menongue was cut off? In fact, the road from Cuito Cuanavale to Menongue – 180 km long – was controlled by UNITA. We were encircled. How could we look after our own security! In what way?

But let’s return to the medals. Slava reported to Colonel **Velichko** about the conversation with the Cubans. **Velichko** now telegraphed to Luanda that the medals had reached Cuito-Cuanavale. In Luanda, they were immediately surprised. Because, in fact, the Cubans had not told them anything about this. And literally within 40 minutes came the list of the “brightest” participants in the defence of Cuito Cuanavale.

The list began with Lieutenant-General **Gusev** and then Major General **Ryabchenko**, followed by Colonel **Mishchenko**, secretary of the party organisations for all of Angola. He received the order of the Red Star, as well as the order of “For service to the Fatherland.” As we joked, subsequently, these were awarded to him firstly in acknowledgement of his flying to Cuito-Cuanavale from Menongue without a parachute, and secondly for his active participation in an anti alcohol propaganda campaign. He declared at a meeting in

Luanda that our specialists in war-torn districts should not receive beer because it sharply diminished their ability to fight.

I will talk about him word for word. I don't want to defame the man – after all, perhaps for him, all this was heroism.

He flew into Cuito Cuanavale, at the time of the initial launching of military operations, in September, 1987. UNITA soldiers were just beginning to use 81-mm mortars to bombard Cuito-Cuanavale. The strangest sight was to see how UNITA was using these mortars. They placed two sticks at right angles to each other (cross-wise) and placed a pipe over them, but did not place a slab under the mortar. Thereupon, the shelling began. The shells flew and exploded over the airport district. As a result, the remaining parts of Cuito Cuanavale were not hit. So everybody was left undisturbed to look after his own affairs.

*Colonel **Mishchenko** sat the whole day in his dugout. Our people spoke to him, “Comrade Colonel, don't get agitated – you are going out. Well, the shells have shot over the target for God's sake.”. He answered, “No, no, I have work still to do here”. He sat down, as if to write something. “Well, alright, sit down and write”. Towards evening, the shelling quieted down.*

*Colonel **Mishchenko** went out and at this time there was standing there our Soviet warrant officer who gave a task to Angolan. But since our warrant officer didn't speak Portuguese very well, he expressed all the things in mixed foul and Portuguese language. So the task was presented in approximately this way and the Angolan stood, nodded his assent – yes, all is normal, he has no further questions and understands everything. At that moment, Colonel **Mishchenko** went out.*

He ran up to the warrant officer and cried – how can you? How dare you give a task of this kind to our Angolan brothers? The warrant officer stands up straight, very surprised, and the Angolan does the same, saying that everything is normal – that they told him in a clearly understandable way what he had to do. Wasn't that correct? This warrant officer in fact had explained everything to him and very clearly, and what remained was just to go and do it. There was nothing left to ask. He had already decid-

ed to go. At this moment, some bespectacled colonel ran up and began to say something.

*And something happened the following day at the obligatory daily morning political briefing, dealing with the situation in Angola and in the world at large. Inasmuch as **Mishchenko** had arrived, he naturally took over the proceedings. He declared, "Some of our comrades still have not fully realised the full seriousness of the situation. They use foul language with our Angolan brothers".*

Thereupon, a voice came from the hall, "But, after all, how else can one talk to them?" An explosion of indignation broke out – "Who said this? How dare you!", etc.

This is just a lot of gibberish. The point is not whether or not the Angolans are our brothers, but that we are fighting together against a common enemy and that we are all working together and fulfilling common tasks, and not according to nationality or race. If you have received a task – accept it and endorse it!

So when **Slava** arrived with **Velichko** the Cubans began to look at the list of those Luanda Soviets to be decorated.

"Well, who among us is here?"

"Lieutenant General **Gusev**".

"Who is he?"

"He is our Chief Military Advisor in Angola".

"And how was he able to participate here?"

"Well, he arrived and "stuck his leg out of the helicopter". He gave out orders and basically took charge."

"No. Strike him out!"

"Secondly, Major General **Ryabchenko**". "And how did he take part?"

"Well, he also flew in and commanded something there".

"And how did he command?"

"From morning to midday".

"No!"

"Colonel **Mishchenko**". "And who is he?"

"He is the secretary of the party organisation of all of Angola."

“And on which flank did he take part in the defence of Cuito-Cuanavale?”

“Well, he arrived, contemplated the warlike atmosphere and made a speech.”

“Unnecessary!”

Our Command from Luanda sent a list of 17 people to the Cubans. From this list, the Cubans authorised 5. Among these, by the way, were two of our translators – **Oleg Kozak** and **Sasha Kalan**. The remaining three were former advisors in the 59th and 25th brigades. That was all – out of 17 persons!

What happened later? General **Gusev** arrived (flew in), himself personally, as well as General **Ryabchenko** and Colonel **Mishchenko**. Together, they brought away 17 decorations. They made speeches. They said, “Guys, we thank you from the bottom of our hearts.” You are a bunch of great guys... and have departed. The Cubans stayed, with open mouths in surprise.

– **Did they insolently take these decorations for themselves or had they made a prior agreement with the Cubans?**

– This is not at all clear. They took the decorations because they were generals. That is all there was to it. The fourth of April, 1988, was specifically devoted to the decoration of the Soviet specialists and these skilled cadres were later shown in a Cuban film about the defence of Cuito Cuanavale. (But the Soviet specialists were depicted as if they too were Cubans, although the Cubans always wore shoulder straps denoting particular ranks. We only wore our identification tags).

All these generals came to the decoration ceremony, which then took place. But who were we after all? I for instance was a young Lieutenant. So what could I yell about? – “who are you and what did you do to achieve all this?” Could I really cry out? No, of course. I don’t even know how to call all this or how to describe it.

– **But did they decorate at Cuito-Cuanavale also those specialists who had participated in the battle but had already left?**

– It would seem indeed as if they took those 17 decorations for them. And yet I know that two of them – **Oleg Kozak**, and **Sasha Kalan** – didn't receive any. **Sasha Kalan**, my colleague at the training course, got nothing at all. Later on, when we began to study together in the officers' training courses, I asked him about this.

I said, "**Sash**, did you receive a decoration?"

"What decoration?"

I said, "Well, for Cuito Cuanavale."

He had, after all, been in the 16th brigade that had been cut to pieces during the battle. Out of this encounter, only 2 tanks and 100 men out of the whole brigade returned after their passage through Shambinga. For this, Sanya received just nothing.

– **And what was this so-called "Pechora"?**

– It was the Soviet system of anti-aircraft defence, established throughout Angola by our specialists.

– **And who sat next to the computer screen?**

– Well, our own men, of course, sat there whenever it was necessary to shoot down something. "**Pechora**" operated at a height of between 50 and 25000 m.

These Angolans, you see, had one major problem – they could in no way fulfil the capture of the target. The target would flash on the screen. My God! To think that I was only an interpreter, and had not well studied how to do all this but I managed to do it (our specialists had shown me everything, both how and what to do).

One would press the buttons, then capture of the target. The missile is self-guided with heating device in the warhead. That is, after this – four rockets would strike at this target – something relatively simple.

First of all, the Angolans were not able to operate the computer screen. Secondly, they couldn't operate the buttons so as to activate the four rockets, one after the other. Moreover, there was even the possibility that the rocket might actually reach its goal and hit the plane, if indeed it ever reached it. It would all be visible on the computer screen. But in any case you

could press this button and destroy the rocket. The fragments, themselves would then destroy the airplane.

– **Our anti-aircraft defence system was the best in the world. I'll give you an example.**

*Around this time, I returned to Cuito-Cuanavale, on March 11, 1988, after a two and a half months absence in Lobito. I can not say why indeed I returned to Cuito-Cuanavale. But I was summoned there. And when I arrived there, the lads told me, “Well, **Igor**, you fine fellow, you have returned”. That is to say, when I left (for the first time), they told me, “**Igor**, you know – you will return”. I said, OK, but you are talking rubbish. But they insisted – “you will return”. And indeed in March, 1988, I returned – as they had told me I would.*

Returning to our narrative, the president of Botswana arrived in his two-engine airplane, escorted by a fighter-airplane. At that time, we were not at work – it was either on Saturday or on Sunday, I don't remember exactly, but it was in June or July, 1988, after the conclusion of the truce. And suddenly we saw the plane flying over us. Already one and a half years earlier, this route had been ruled out of bounds for the flights of civilian airplanes because of military activities. But he was flying for the summit meeting in Luanda.

A report was sent to him – “friend-or-foe”. On the whole, he did not answer anything. We saw the descent of the four rockets – one after another. But again the same thing happened – the idiots just sat at the screen – goodbye, Angolans. Not one of the four rockets found its target, because they did not press the necessary button, or else did not press the correct one. Subsequently when we drove up and it was recorded on the screen, they told us, “well, we looked at the screen and saw that the rocket reached the airplane – the first, second, third and fourth. But for some reason, they didn't strike the target.

The fighter escort of the president executed its anti-rocket manoeuvre but was not able to get away – it fell.

– **And what is this anti-rocket manoeuvre?**

– Well, the rocket moves towards the airplane and falls on the half-roll – goes sharply down. He is able to get out of a spin – good show! If not, excuse me. That guy could not.

– **Why could not he get out?**

– Because the Botswanian who sat in it was, it would seem, insufficiently trained. He fell and that was it. It happened in front of our very eyes. As for the president of Botswana, he just flew further on his own. We jumped into our car and came to our brigade.

They showed us the spot right away on the computer screen – how it all happened. It was all recorded. Our leader Colonel **Maslov** asked them – “why didn’t you press the button? “Well, we forgot”, answer the Angolans. Well OK – what can one do about it?

Our leader sends a message as follows to Luanda: “The airplane moved and we shot at it but didn’t bring it down.

But what does it matter that the Angolans did not bring it down? And you, where were you, boys, during this time? No day-off for you – you should have been there on a 24 hour basis. Who is responsible – the Angolans? Why curse them? The Soviets, after all, did not advise them. So who are the fools? The Soviets, of course.

By the way, I wish to say one thing – it was a clear rule and a constant one in Angola that if there was any failure, the guilty were the Soviets. And if there was any success, the Angolans got the credit.

– **How many people altogether were in the Angolan 21st brigade?**

– About 2000. There were no Cubans there. There were six of our Soviet specialists, and among these, one interpreter – myself.

– **And what about the South Africans?**

– I don’t want to say anything bad about the South Africans because they fought well and competently because they were whites, because I myself am white and because South Africans related to us as whites to whites (I already talked about the

ultimatum. Strangest of all, the white Cubans would say – «We, as they say, are ready to shake hands with the white South Africans». This could have been ascribed also to racism. But, after all, the blacks from both sides also related to each other as well. Besides, we were also soldiers and fulfilled each of us fulfilled his obligations.

In Angola, there were 65000 Cubans, while in the south alone, there were approximately 25000. They (the Cubans, Namibians and Angolans) concentrated technicians and troops and in the district of Cunene deployed 1500¹⁵ **T-54, T-55** and **T-62** tanks, more than in the Kursk grasslands (in June, 1943, there had been only 1200 tanks from both sides together). By comparison, the South Africans had only 175 tanks, but almost all of them during this time were destroyed [damaged] by the Cubans from «**Katyusha**» lorry-mounted multiple rocket launchers. After this, the South Africans sued for peace (after March¹⁶ 1988)¹⁷.

– **What about their airplanes?**

– They could not overcome our reinforced – more precisely the Cuban anti aircraft defences.

– **The Cubans began to use MIG-23 fighter aircraft SU-22, very much state-of-the-art for those conditions?**

– Yes.

– **And the agreement was signed?**

– Yes, at the end of 1988.

What can I tell to you? In the first place, I wouldn't be sitting here if it weren't for the Cubans. Secondly, I wouldn't be

¹⁵ 600 [800] Cuban tanks (*note by ed.-comp.*).

¹⁶ On 12th and 21st of March 1988 the heaviest of battles took place between the South African army and the Cuban and Angolan troops near Cutio-Cuanavale. The South Africans were forced to retreat, because of the danger of their units being encircled by the Cuban troops who has landed in the ports of southern Angola. The battle could be classed to have finished as a draw, but in reality South Africa had lost (*note by ed.-comp.*).

¹⁷ In 1988 there were 55000 Cuban servicemen in Angola, out of these 40000 in the south of the country (30000 FAPLA soldiers were also there). The Cubans concentrated up to 600 tanks and over 1000 anti aircraft systems there (*from Fidel Castro's speech on a rally on the 2nd of December 2005*).

sitting here if the Cubans hadn't supplied us. Thirdly, I wouldn't be sitting here if the Cubans hadn't fought for Angola. Here are three factors. And when the Cubans withdrew from Angola in 1990, the government of Angola gave their officers fans as decorations. What a nightmare!!!

– **What did they give the Cuban soldier?**

– Nothing. It was such a fraud!! It was such an inconsiderate attitude towards the Cubans, who had lost in Angola 15000 men killed, wounded or missing. At the withdrawal of the Cuban armies from Angola, my friend was present. You may well imagine – a Cuban officer of the rank of major departs but he gets a fan for his service in Angola. And what is this worth? Absolutely nothing. And what type of behaviour is this? Is it normal?

– **What were the causes of the Angolan defeat in 1987?**

– One can talk much and for a long time about the reasons of defeats. The Soviet military advisors (in particular Generals **Gusev** and **Ryabchenko**) conducted this operation very ably – everything worked out beautifully. But the problem was that they planned the campaign in such a way as they were accustomed always to doing it, that is for Soviet soldiers. A Soviet soldier would have carried it out. But in fact it was carried out by Angolan soldiers. Cuban soldiers or our own soldiers would have carried this out without any problem. But as I already mentioned, the Cubans told our generals, “wait – what are you doing, on whom are you relying? You must rely on these (Angolan) soldiers”. But our officers already provided a time frame – to fulfil objectives by a certain time, to depart by a certain date for such and such a line. This was, of course pure fantasy. And the Cubans warned us not to do this. But our advisors did not listen.

The Angolan army at that moment was already, of course, sufficiently strong to execute its operational tasks, rather well prepared and, with the help of its Soviet specialists, well supplied with war technology and weaponry. Despite all the nuances and blunders in the training of its staff, to which with

I already referred, the Angolans were prepared to fight, could fight (and actually did fight) quite successfully with UNITA, and the Angolan army's morale was already sufficiently high. At the beginning of the operation, there was even a moment when it seemed as if UNITA was on the edge of defeat, some more efforts and victory was near.

But then the South African army involved itself¹⁸.

The Angolans were afraid to fight against them and were not particularly able to do so. The **“Buffalo”** battalion in general aroused in them a panic-like fear. I pointed this out in my diary. Although when we found ourselves encircled, the Angolans, were able to satisfy themselves that the **“Buffalo”** soldiers were, after all, not that awful, only then to die from the bullets.

Returning to the Cubans, one can add that they fought very competently in Angola. In practice, they did not trust the results of the Angolan intelligence service, organised their own special units, made out of Cuban negroes, which patrolled the Angolan territory, the jungles and savannahs and collected the necessary reconnaissance information, plus out of the way reconnaissance from the remote interior.

¹⁸ In western historiography the unsuccessful Angolan offensive “Towards October” in September-December 1987, and the later South African offensive on Cuito Cuanavale is called the **“General Shaganovitch Offensive”**. In the opinion of the western political scientists and historians **“General Shaganovich** was a famous chemical expert, who conducted a chemical war against the poor UNITA and South African troops.” It is of interest that a general with this surname never even existed! And in dozen of historical books you have this nonsense written! Infantry Lieutenant-General **Vasiliy Shahnovich** was the chief military adviser in Angola in 1977–1980. After his return from Angola he served as the deputy head of the Higher Officers Courses “Vystrel” near Moscow. Died in 1984. Colonel-General **Konstantin Kurochkin**, former First Deputy Commander of the airborne forces, was the chief military adviser in Angola in 1982–1985. After General **Kurochkin** the chief military adviser in Angola in 1985–1987 was Lieutenant-General of the airborne forces **Leonid Kusmenko**, whereas the failed operation “Towards October” (“Greeting October”) was planned by infantry Lieutenant-General **Petr Gusev** (he was the chief military adviser in Angola in 1987–1990) and his head of staff Major-General of the airborne forces **Ivan Ryabchenko** (*note by ed.-comp.*).

The Angolans, themselves, had also their own out of the way reconnaissance information. It was, for example, the 29th brigade at Soyo in the north where they trained such troops. Then they moved on to the rear of the enemy, including UNITA and the South African armies, so as to execute their stipulated assignments and gather information.

The Cubans did not trust the Angolans, did all their business on their own. The only organisation with which the Cubans were very much in contact was SWAPO. As I already mentioned, with SWAPO were our Soviet advisors who very much admired the members of SWAPO, their training and their efforts to learn the skills of warfare, their readiness to execute instructions and their ability to execute orders, etc.

For example, they assigned SWAPO the task of blowing up a bridge in Namibian territory. They went and blew up the bridge. On the way back, their group ran into some sort of ammunition dump. They blew up this storehouse, assembled there a portable radio station, “**Rakal**” and brought other necessary apparatus. But they fulfilled these tasks spontaneously, without having to be told by anyone else.

Near Lubango, there was a big centre for the training of SWAPO members, where our own advisors and specialists also worked. About the SWAPO fighters, I can only speak in the most positive way. They came to us, and I, myself, met SWAPO fighters many times, together with our own specialists (and I worked with them several times).

There was an interesting case, when, in 1997, I served in Angola, by then with the forces of the UN and found myself in a company of Namibian peacemakers, and one Namibian captain (formerly a SWAPO fighter) recognised me from the year 1986.

The training and spirit of SWAPO could in no ways be compared to the Angolan forces. It was a simple fact that the SWAPO fighters very seldom let themselves be made prisoners. Only if they were badly wounded, suffered shell shock, etc. Usually if SWAPO fighters perished, they did so with several

South Africans. And the UNITA troops were simply afraid of SWAPO.

The Cubans maintained close relations with the members of SWAPO, conducted joint operations, and there is the concrete example when, as I already mentioned (March, 1988) massed together in the province of Cunene 1500 (600–800) tanks, including tanks from Angola, SWAPO and Cuba.

– **Tanks and not armoured troop carriers?**

– Tanks to be exact.

– **But how many armoured troop carriers?**

– God knows!

– **And what were the actions of the Cuban special-purpose forces?**

– The Cubans sent their special-purpose forces to the rear of UNITA and South African troops with concrete instructions – to blow up such-and-such ammunition dump, to destroy now this or that objective. Thereupon they returned absolutely tired because of fatigue – it was evident that they had then had to walk 100 kilometres until the helicopter would pick them up, but more often they simply managed under their own steam. The Special Forces fairly often consisted of Cuban negroes. They reported that more than once they had met up with American special forces. And if the group of special forces had various tasks to accomplish, then they would peacefully disperse, greeting each other and waving at each other off.

– **And if there was a common task?**

– For the special purpose force of any state, there is an unwritten law – if they meet during a battle the special purpose force of the enemy, and if their commander throws away all his weapons and goes to the enemy only armed with a knife or an engineering shovel, then his group and the enemy will do the same. And if anyone should make one single shot, even from a pistol, then his group must leave the field of battle in disgrace. Such were the distinctive rules.

– **What was the state of the American special purpose forces?**

– They were technically well equipped but weak in morale. Here is one interesting story. Nine Cubans, all taught by Soviet instructors, came to the job, and they were met by 20 Americans. These behaved rudely, figuring that they could easily prevail over the Cubans and hand-to-hand fighting broke out with knives and engineering shovels. Soon, the remaining Americans (only several survived) ran away while the Cubans, all to a man, were wounded but remained alive and victorious.

– **How were the Cubans as fighters?**

– As I have already said once before, If there had been no Cuba, Angola would long ago have perished. And why? – because the Cubans followed one particular order more than any other – “**Fidel Castro** willed it”, and that was it.

Here is a captured South African tank in the photograph – it was a press conference. I have a cassette where the whole conference was recorded. **Fidel Castro** – he was a first class speaker (I somehow was present at a meeting with him at the Cuban embassy – it was in 1989). At that time, he said literally the following – that in this battle of the 11th March, 1988, at Cuito Cuanavale, the South African air force was not able to operate because of exceptionally bad weather conditions. But, on the other hand, South African tanks flew in the air. Beautifully said? He had in mind that at the time of the attack, five South African tanks of the “**Olifant**” class had, one after the other, been blown up by mines. Four tanks were turned into flat cake – but the fifth was dragged over to our side by the Cubans.

– **How did it happen?**

– The situation was such, (as I have already mentioned) that in the Angolan army there were many traitors. That is, those who transmitted information. And the freshest information was for UNITA. Well, it was enough to say that the first cousin of Pedro Antonio Pedale, the minister of defence, was working in the UNITA chief of staff.

In our 21st brigade, the chief of operational services, an Angolan, was a traitor – we saw through him literally within

two weeks. And thanks to this traitor, UNITA and the South Africans knew practically everything about the Angolan units, their movements, their weapons their fighting morale (if there was any such), their plans, their tasks, etc.

If the Angolan brigade went on the defensive, then it mined the fields in front of it, naturally. The maps of these mined fields very often turned up in the hands of the enemy, and the South Africans, therefore, moved through the minefields and attacked the Angolan brigades.

The Cubans involved themselves in this, also mining the fields while their maps gave other (false) indications. The South Africans calmly moved on, considering as usual that they had cleared the area of mines and... «flew into the air».

At the same time, the Cubans succeeded in seizing a South African film of this battle on March 11, 1988: the South Africans were moving in their tanks, and playing on harmonicas. And suddenly, one after the other were blown up and the tanks flew in the air (as **Fidel Castro** put it) – and the South African cameraman didn't even get to switch off his camera. It was all imprinted in the film.

Furthermore, in obtaining all these forged maps of mined fields, about which I have already spoken, the Cubans persuaded our advisors to have the Angolan brigades operate with Soviet and Cuban advisors. And after it the things became very successful indeed.

In the first place, the Cubans did not have the tolerance we did. Because we acted with persuasions and exhortations – “Yes, you must do such and such.” With the Cubans, everything was simpler – “if you haven't done it, you'll be punished”. And these would be punished with whatever came in handy. I don't want to suggest that the Cubans practiced the beating of Angolans.

The Cubans were splendid fellows – the Spanish language, after all, is similar to Portuguese. They were able to persuade the Angolans that these were not correct, and as I already said, after that it was possible to do with the Angolans anything they liked.

With the Cubans, for example, everything was clearly organised.

Cuban helicopters came to us in Cuito Cuanavale. They brought equipment, produce, cigarettes, writing materials, new groups of soldiers. And then helicopters flew back. Of course, a crowd collected right away. The Cubans collected first in turn, the wounded and sick Cubans, Soviets and Angolans. Then they took their own troops and, of course, the Soviets. That is, we came in the first series.

And only after this, if there was still space remaining in the helicopter, did they take on the Angolans who were not sick or wounded. Therefore, a huge Cuban stood at the entrance of the helicopter. And if there was any problem, «used force».

Some our advisors tried to say, “Why did you act this way?” At this comment, a perplexed Cuban looked at our advisor and said – “and what else? Tell me how, and I will then do it”.

Besides, the Cubans concluded their own affairs in a very clear manner and severely asked the Angolans about the fulfilment of those tasks assigned to them.

The Cubans directly participated in the Angolan general staff in the working out of all operations. And there and then on the job, they showed these same Angolans how one ought to do something, how one ought not to do something and also persuaded our own Soviet advisors to adapt to the local conditions. “Adapt yourselves to the cadres with which you work but don’t judge the situation as if it were the Soviet Union”.

It is necessary to say that after its arrival in Angola, little Cuba lost 15, 000 men, killed, wounded and missing in action. We lost in Afghanistan 15 000 of our Soviet troops killed but that was us, while Cuba was only a small state.

And of course, they simply did not understand that relation of Gorbachev’s to the Cubans. Because the Cubans, responding to our order or request (the so-called “request – order), moved into Angola, Mozambique, and Ethiopia, and into Kampuchea, Vietnam and Nicaragua, and any other place. “Please” said the Soviets, “the Cubans moved wherever **Fidel Castro** ordered them”.

After all this, to break relations with Cuba would have been simply incomprehensible.

Just at this time, we went into their embassy to copy a film about Cuito Cuanavale. And the embassy lads said to us – we somehow don't understand all this attitude of a new Russian government to us. In their voice, resentment and bewilderment could be heard.

– **Some more words about the Cubans**

– The Cubans were our brothers and we became acquainted with their officers in Angola who sometimes provided us with drinking bouts. They considered themselves fortunate simply to render us assistance. Any holiday presented itself as an interesting moment – examples were the 9th of May, 1st of May, 7th of November, 23rd of February. We, Soviets, would receive an order from our Higher Command – to raise our vigilance, to avoid consumption of liquor, to post sentries, to occupy defensive positions, so to speak, etc.

The Cubans regularly received liquor by transport – ordinary, not homemade whisky and gin (“Havana club – that fetid rum). But very little rum actually came – basically mostly whisky. Most interestingly, bottles came by the litre, and for every four soldiers – for the soldiers, not the officers! And in observance of holidays.

Well, the Cuban tactical group was certainly worth it. They somehow needed to observe a holiday. Everything was clear – the sentries were at their posts . . . A bottle for every four soldiers arrives. But if more arrived, then a litre bottle went to every two soldiers. And very often, there was the scene of our sitting among ourselves in the dining room – a car would arrive, accompanied by uneven steps, indicating that the Cubans had already arrived, drunk.

”They climbed out”.

“**Geronimo!**”

“It's me – why?”

“Do you want to drink?”

I answered, “And what's this?”

“They sent us whisky”.

The Cubans, themselves, arrived, and they were well aware of our Soviet “problems” with drinking.

“Yes, we know all about your Soviet rubbish”.

One Cuban usually made fun of me, saying: «Once again, a telegram had come urging you to “raise your vigilance”?

Yes, it came indeed!

“Now let’s raise but ... our glasses”.

And he set a bottle on the table. “Let’s raise our glasses”.

I exclaimed, “Well, a bloody agent provocateur!”

Well, this was how things were – that is, we lived in harmony with the Cubans. They were somewhat at a distance from us – we were 13 kilometres from Cuito-Cuanavale while they were 25, or 12 kilometres away from us.

– **And how were the Cubans as fighters?**

– The Cubans fought very well. But when, in 1975, the Cubans routed the Zaireans, it was all reported as a great victory for the Angolan army, even though the Cubans were present. **Fidel Castro** said, “Forward, lads,” and they scattered the column of Zairean troops, coming from the north and sprayed them from **BM-21 (“Katyusha”)** multiple rocket launchers. They simply wiped them out with raw firepower, so that there was no one there who remained intact. Yet it was said “these Angolans are fine chaps”, etc., etc.

In 1977, there was introduced a holiday carnival, under the slogan, “From Cabinda to Cunene, one people, one nation.” This was when the Cubans wiped out a South African military column in the province of Cunene, in the south of Angola. They wiped out everything in sight, and went as far as hand-to-hand fighting. The Cubans simply beat the shit out of the South Africans. And thereafter, for 15 years, this festival/carnival was observed. “A great victory for FAPLA!” But FAPLA was, for the most part, simply not there – you couldn’t even pick up their scent.

The Cubans did everything of any importance!

To summarise, I want to point out one thing – if it had not

been for Cuba, Angola would have ceased to exist very soon – Angola would have simply been wiped from the face of the earth. It would have been – as in the case of Namibia from 1915 to 1990, a territory occupied by South Africa. Alternatively, perhaps Zaire would have marched in from the north, and seized the oil-rich districts of Angola.

Addenda:

The then commander of the South African defence forces (SADF), General **Geldenhuis**, in his memoirs, *Jannie Geldenhuys, A General's Story*. From an era of War and Peace, Johannesburg, 1995 writes on pp. 222-223:

“The results of the fighting between September 1987 and April 1988 were as follows:

Cuban-Fapla forces (Damage done by SADF and Unita)		SA Defence Force (Damage done by Soviets ¹⁹ Cuban and FAPLA)	
Tanks	94	Tanks	3
Armoured troop and combat vehicles	100	Ratel infantry fighting ²⁰ vehicles	5
BM21/BM14 MRLs		Casspirs	3
D30/M-46 guns ²¹	9	Rinkhals	1
TMM mobile bridges	7	Withings	1

¹⁹ Only 6–12 soviet military advisers, specialists and military interpreters took part in hostilities in every FAPLA brigade. Two (three) of them (one Colonel, one Second-Lieutenant and may be one Soldier) lost their lives (were mortally wounded) in 1987–1988 near Cuito Cuanavale. Cubans confirmed the lost of 39 military personnel (*note by ed.-comp.*).

²⁰ What about **AML-60** and **AML-90** lost by SADF in Angola in 1987–1988? How many? (*note by ed.-comp.*).

²¹ **Geldenhuis** lumps together standard gun **D-30** (range 15.5 km), old **BM-14 MRL** (range 9.5 km), standard **BM-21 MRL** (range 20.5 km), long-range gun **M-46** (range 27.5 km). But **BM-21** and **M-46** could not parry **G-5** and **G-6** range (39–47 km) because the new rockets for **BM-21 MLR** (range 40 km) were introduced only in 1998 (*note by ed.-comp.*).

Logistic vehicles	389	Kwevoel (Last five all vehicles)	1
Artillery, rocket and missile systems	15	Radars	5
23-mm anti-aircraft guns	22		
MIG21/23 combat aircraft	9	Mirage F1 fighter aircraft (one as a result of enemy action, one as a result of an accident	2
		Bosbok light reconnaissance aircraft ²²	1

On the Cuban-Fapla side 4785 men were killed in action. These are confirmed figures²³ and do not include the deserters, the wounded and those who died of their wounds later. The real figure is probably a few thousand more. On South African side 31 men were killed in action. This is the real figure²⁴. Six more of our troops of malaria...²⁵

The author commentaries, made on September, 2003

– As far as concerns the number of killed and wounded, given in the above table, I doubt their accuracy. Thus, just during the period of my service in the 21st FAPLA brigade, not less than four South African **Mirage-type** aircraft were shot down, as well as one reconnaissance plane and two helicopters.

[I don't wish to insult General **Geldenhuis**, respected not only by his compatriots but also by his former enemies, but he

²² General “forgot” to mention South African helicopters and **AMLs**. Why? (*note by ed.-comp.*).

²³ “Confirmed figures” include loses of FAPLA figures counted by UNITA. These (UNITA) figures were usually about 35–40 times higher than in reality (*note by ed.-comp.*).

²⁴ About 40 South Africans killed and 280 wounded in 1987–1988? These figures are incorrect, but South African military archives are still unavailable (*note by ed.-comp.*).

²⁵ *Jannie Geldenhuys*. A General's Story. From an Era of War and Peace. Johannesburg, 1995. P. 222–223.

cites, to put it mildly, incorrect data about the losses of the South African army, in particular the aircraft. Thus, he does not introduce the heavy losses of UNITA (hundreds of them perished every day during major battles near Cuito Cuanavale in March 1988), but only those of the South African army (SADF), a formation of only 40 men. Moreover, he, intentionally or unintentionally, lumps together FAPLA with the Cubans, and, added to this, doesn't even remember SWAPO – three very big differences as concerns their levels of preparation and ability to fight. And he minimises the fact that the threat of **Fidel Castro** to seize the whole Namibia resolved the war's outcome, because he had, by March, 1988, overwhelming quantitative and qualitative military superiority, both in land and in the air²⁶.

Thus, in answer to the question, how much time would the Soviet or Cuban armies have needed to expel the South Africans from south Angola, if they had been there instead of the Angolan armies and launched an attack from September, 1987, Lieutenant Colonel **Igor Zhdarkin** answered, "At most a half year – comment from Dr Gennady Shubin.]

– **Igor, did the Angolans use the T-34 tanks at Cuito-Cuanavale or only the T-54b, T-55 and T-62?**

– The **T-34s** were dug in for the defence of the airfields.

– **When, for some time after Cuito, you served as an interpreter in a tank school, did they prepare the Angolan crews for the T-54 or the T-55?**

– For the **T-55b**.

²⁶ SADF were defeated by Cubans in several little-known battles after Cuito Cuanavale in April – June 1988. SADF started to blow bridges on Namibian border after Cuban offensive from Southern Angola (Kahama) (600–800 tanks and 30000 military personnel) and had two choices – to be kicked out from Namibia by Cubans or to sign the agreement and agree with Namibian independence. South African political and military circles signed the agreement and declare themselves the political and military winners. In reality the agreement was signed, which required the withdrawal of the South African forces from Angola in return for the gradual withdrawal of the Cuban forces from Angola (*note by ed.-comp.*).

– **Did the Cuban special forces meet the American Special Forces only in Angola or also in Namibia?**

– Only in Angola.

– **Who commanded the Cuban forces at Cuito-Cuanavale?**

– Brigadier General **Ochoa**²⁷.

– **For the benefit of the cows “speaking Portuguese”?**

– It was in 1986. I don’t remember the month but it was at the beginning of the rainy season. A commission arrived to visit us in the 19th brigade, composed partly from the district and partly from Luanda, headed by Colonel **Mishchenko**, secretary of the Party organisation, the CBC and C (the Soviet military councillors and specialists) in Angola. They made an inspection of the military service, they passed through the defence positions, and even visited a minefield (at the initiative of the same Mishchenko).

Naturally, in the opinion of the high command, everything about us in the 19th brigade was “bad”, even “very bad”!!! At the evening assembly, **Mishchenko** announced all those claims, and there remained nothing for us to do except humbly to agree, in that, as is well known, the commander is always right!

But on top of everything, a completely unexpected question was asked by the inspector-engineer: “And, by the way, didn’t you mine your mission at night?” We were all somewhat stunned by such a question. Finally the chief of our group, Lieutenant-Colonel **Konstantinovich** exclaimed:

“But, excuse me, what for?”

“What for?” – the inspector-engineer was genuinely surprised – “for your own security. At night you place the mines, in the morning, you take them away. It’s all so very simple”.

²⁷ Upon returning to Cuba the hero of the war in Ethiopia (Ogaden, 1978) and in Angola (1987–1988), the Cuban Brigade General **Orlando Ochoa Sanchez**, who effectively waged the battle of Cuito-Cuanavale, was sentenced to death in 1989, officially for participation in the drugs trade (*note by ed.-comp.*).

“You see, the civil population lives around here – the cows and goats roam, sometimes even without any supervision”.

“So what, after all, you write signboards in Portuguese. For example – ‘watch out for mines’, etc...”

I was then only a young Lieutenant and until now, they had not let me speak, but, hearing such “wise suggestions”, I lost patience and blurted out, “But of course, and then the cows will go and read the signboards in Portuguese?!” If it would be possible to burn a man to ashes by means of a glance, then from **Mishchenko’s** own glance, I truly would have turned just into a heap of ashes.

– **How were the mines maintained?**

– In general, the mines were stored sufficiently sensibly, with attention to measures of precaution, but it was another matter as to how they were maintained.

I forgot to say that at the time of this commission’s arrival, we, in addition, conducted our “journey” through the mined field, established in front of one of the battalions of our brigade. Having just come from Luanda, colonel, the inspector-engineer (a specialist in military engineering problems), decided to find out the condition of mines in the minefield, and proposed to walk through it so as to verify the situation. Reacting to such a proposal, the eyes on the forehead of Major **Durdenko**, the advisor to the battalion commander, just stuck out (and, frankly speaking, so did those of the rest of the staff, both Soviet and Angolan). But, as they say, there is nothing for it, if the chief wishes to do it – well then, all the rest wish to do the same. We all moved in single file and I placed myself at the very end. As we were walking, the newly arrived engineer exclaimed, “Well where these mines are – I don’t see them!” Finally, he had almost stepped on one of them when the local district engineer, named **Ignatiev**, held him back. The inspector-engineer was very pleased to see a mine and proposed to **Durdenko** to verify the condition of this mine. **Durdenko** of course refused. The inspector began to assure him that it was not frightening. The main thing, as he said, was not to put pressure on the lever.

Durdenko explained in a very «popular way», with the use of specific Russian words, that he could only with difficulty imagine such a lever.

Finally, **Ignatiev** unscrewed the lever and everybody could see that inside the mine there was water, moreover little rust. “See this here”, the inspector exclaimed – and all because the mines have not been maintained in the proper manner!”

From his words, it was understood that the Angolans, together with our advisors, should regularly conduct similar «trips» over the minefield, unscrew the levers and service the mines. But how exactly the Angolans could be driven into the field, he didn't explain.

Following his order, **Ignatiev**, the district engineer, remained with us after the commission's departure, in order to inspect the military engineer property (the mines, first of all), and also to conduct some studies with the Angolans. **Ignatiev** (unfortunately, I forgot his patronymic) appeared very calm, composed person, without any pretences. We became fast friends with him, particularly when he realised I was serving in the sapper corps. Therefore, I worked with him for over two weeks.

And, frankly speaking, there was a lot of work. There were very few competent engineers in the brigade, and the Angolans did not possess any specific knowledge about this problem. All mines, as well as their fuses were verified, and also places and means of their maintenance. In addition, we showed how to charge the fuses: wind them up like alarm clocks, press on the levers and they are ready for action. The Angolans liked all this very much. Several of them spent half a day with us, “playing with alarm clocks”. Moreover, we repeated several times that they shouldn't throw mines around as if they were watermelons, that they should be careful. Otherwise, one never knows, if not being accurate, they could blow themselves up.

But, as they say, what we had warned about, turned out to be. We were sitting at home in the mission, apparently resting after dinner. Suddenly in the distance, in the direction of the

brigade, there was a powerful explosion so that the ground shook under our feet. **Ignatiev** and I looked at each other, suddenly understanding everything, rushed into the car and drove off to the brigade. There it was explained to us that several Angolans were loading mines into a storage places – in effect a large dugout. One Angolan stood in the very deep of the storehouse near some mines, while another was in the centre of the dugout, and a third stood at the entrance. A fourth provided the mines and stood outside. But they tossed the mines to each other as we had advised them against, namely as if they had been watermelons. Evidently, someone failed to catch it, and the storehouse was almost full... As a result, sadly, out of all four, they found only the boot of that Angolan who had stood outside.

– **What was the “punishment” of the operational section chief of the 21st brigade’s for his betrayal?**

– When we were already on the defence, covering Cuito-Cuanavale, (after all those reversals of fortune with the encirclement), and a new commander for the operational section was sent – unfortunately, I forgot his name. He was always very courteous with us Soviets, several times invited us to small celebrations on the occasion of this or that local anniversary, constantly consulted us on the most varied issues, demonstrated feverish activity and devotion to the “cause of the revolution”.

On the other hand, from the time of his arrival, a number of our groups fell into the ambushes of UNITA and the South African army. And the South Africans began to hit our positions much more accurately than before, as well as the command point of our brigade. On the whole, the impression arose that they were always relatively well informed about our movements and intentions. As a result it generally appeared that this comrade was simply a traitor who, on the sly, informed the enemy about everything possible. His «punishment» was severe. He was taken away from our brigade and sent to the rear, somewhat farther away from the front.

– **What was the situation when you handed over the coordinates of your 21st brigade, after which the South Africans began to hit you with greater precision?**

– Being all the time on the move (on operations), we went from place to place and whenever we would occupy a fixed position, naturally, we would communicate our coordinates to the military district base. Of course, in the beginning this was done by the Angolans (the brigade command), but, apparently, they did this inaccurately because, during the bombardment by the South Africans, the shells fell inaccurately – many over flew the target or did not reach it. Our **Mikhalych** was a very scrupulous man and he always took full responsibility for a situation. He determined the coordinates and transmitted them precisely, in contrast to the Angolans. Evidently, in the district (Cuito-Cuanavale), within the Angolan command, there were traitors who, upon acquiring the coordinates, transmitted them to the enemy. Because our coordinates were more accurate, the result after we had transmitted them, the South Africans began to hit our brigade more accurately. Naturally, we discovered this very fast and **Mikhalych** raised this issue at various levels, several times, but no measures were taken.

– **Did you like the South African G-3 rifle?**

– Maybe it played here a role to which I had already become acquainted, dealing with the **Kalashnikov** automatic. The **G-3** is practically 50% made out of plastic. The frame with its breech is to the left (and not to the right as with the **Kalashnikov** automatic). Moreover, it is located there where the front end in the **AK** is located, which is unusual.

When my cartridge was jammed inside the **G-3**, out of habit, I (as in the **Kalashnikov** automatic), began to pull the breach aside and it and broke. I thought with horror that suddenly this could happen, and in combat! I was pleased that this **G-3** could easily and quickly be unpacked (pull out the pins and find fragments of the rifle in your hands). It was, for example convenient for cleaning and carrying in ones bag. It was, for its part, comparatively light, but, as I heard and read, rather unpredictable,

in contrast to the **AK** for which it was all the same whether you laid it in the sand or in the water.

– **They used the floating tank (PT-76) in Angola, but did they use it at Cuito-Cuanavale?**

– I saw the **PT-76** more than once in Angola. It was standard military equipment of FAPLA reconnaissance units. For example, during our first year, a number of **PT-76s** were in the reconnaissance company in the 19th brigade at Mulondo (the 5th military district). At Cuito-Cuanavale, I didn't see them, although it is possible that they were in neighbouring brigades – I can't say exactly. But in any case, it was difficult not to notice this tank since it was different from other armoured devices.

– **Did they use airborne military vehicles (BMD-1) in Angola?**

– Indeed, they did inasmuch as **BMD-1** was compact and very effective. Maybe Angolan special troops and deep reconnaissance troops were equipped with such vehicle²⁸. The Cubans certainly used it in Angola. But I never saw it personally.

– **Did they use self-propelled artillery installations?**²⁹

– Apparently not. In any case, I didn't have occasion to see it.

– **Did the Ilyushin-18 or Ilyushin-62 take off and land in Angola?**

– Advisors, specialists and interpreters flew in on **Ilyushin-62s** or **Tupolev-134s**. They transported materiel, it seems, on ships or on **Ilyushin-76s**. **The Ilyushin-18** was of course used by the Cubans. This plane was very convenient for transport of personnel. In 1997 I even had the occasion to see how the Romanian contingent of the UN forces flew in on an **Ilyushin-18**. Evidently our country used to sell these planes to many of our allies.

²⁸ Correct.

²⁹ Small bunch of **SU-100** (self-propelled artillery installations) was used in Angola in 1976–1981 (*note by ed.-comp.*).

– **What about the “Unimog” car in which they transported UNITA forces?**

– The first time I heard about it was from that same UNITA soldier which we took into captivity (the reconnaissance spotter). I, myself, never had occasion to see it, even in a photo. But after this event, I heard several times how others referred to it.

– **And what about the shot down Mirage – wasn’t there Soviet equipment on board?**

– The question of Soviet equipment on board of the South African **Mirage** airplane remained unresolved. Whether the South Africans removed equipment preserved intact from some downed Soviet-manufactured plane, flown by Angolan pilots, or whether they purchased it somewhere (but where?), attracted by the widely known, excellent quality of its performance, in general all this has remained unexplained.

– **How much did they, at the Cuito Cuanavale headquarters, understand the situation at the front?**

– In fact, at Cuito Cuanavale headquarters, it is possible that they did understand the situation (no doubt the Soviets understood it exactly). But while they argued about it, discussed it and took decisions (the Angolans loved to talk and consider a question from all points of view, as they were wont to say), the actual situation continued to change so that their decisions and instructions reached us somewhat late, by which time already a different decision was necessary. Furthermore, the Angolans did not always report the situation objectively. They hid certain things while they feared to report others. Therefore, the Senior Soviet Advisor of the military district and the Soviet command demanded from us to report the situation objectively and efficiently, hiding nothing – something which we in fact tried to do. But then our advisors went to the Angolans and began a very long discussion there, which I have already mentioned. All this influenced very negatively upon the general situation and, in particular, upon the situation at the front.

– **And what about “as FAPLAS Gloriosas?”**

– This term was constantly used in the mass media of

Angola, in all official documents, and in every speech. Naturally, all FAPLA's victories, achieved with the help, for example, of the Cubans, were attributed to **“as FAPLAS Gloriosas”**. Perhaps, by the way, this was necessary for the raising of the morale of the Angolan armed forces, so as to enable them at last to believe in themselves and to stop being afraid, even of UNITA. We often joked, particularly after any unsuccessful measures by the Angolans, this was the achievement of **“os Macacos Gloriosos” (“the Glorious Monkeys”)**.

The most interesting fact is that first time I heard that expression “os Macacos Gloriosos” not from the Soviets who served in Angola but from one Angolan – the chief of Angolan unit in the armed forces. We sat with him listening to the news from the Angolan radio and it transmitted the bravado information concerning the FAPLA victories. That Angolan chief, having heard **“as FAPLAS Gloriosas”** cursed and said: «What a fuck – **“as FAPLAS Gloriosas”!**? **“Os Macacos Gloriosos!”**». The matter was that right before it one of FAPLA combat operations (where that Angolan took part) had been overburdened. Listening to his words I didn't know what to say or what to do.

– **Old weapons – a mortar of 1939 vintage**

– One of the Angolans (an officer) read in a technical description of **mortar M-39** [82 mm] that it was first released in 1939, and he began scornfully to say that here in Angola they [the Soviets] “throw away” their old clothes.

Our advisor, hearing this, asked me to translate just the following: “the year 1939 does not mean ‘old clothes’, but rather that the **mortar is so effective that until today, it is used in the Armed Forces of the USSR** and excellently proves itself, and it is as yet not known when it will be withdrawn from production”. After such a rebuke, the Angolan apologised, saying that he had not known this. After it he recalled the **T-34** tank which had been used still in the Great Patriotic War and which until today was used in Angola, for example, in guarding airfields.

– **Apropos the fact how you “fed the clothes lice in the trenches”**

– We had to experience all this on our own back. The point was that, as we bitterly joked, the South African bombardments continued 25 hours out of 24, so that there was no way we could wash ourselves normally with hot water. We had to hurriedly wash ourselves with only cold water. And when we already stood at the Mianei river (end of October-beginning of November), our technician, **Sasha Fatyanov**, (while we were sleeping together under an armoured troop carrier), suddenly asked me, “Igor, don’t you have any feeling that someone is running around your body?” I had been having that very feeling in fact for the past few days and I thought about lice. This sensation was already familiar to me, inasmuch as when I had been serving in the Siberian military district (as a soldier), in our garrison we had such a problem with lice and struggled against them.

On the whole, when **Sasha Fatyanov** and I checked our clothes, we found many of them in the folds and wrinkles of our clothes, as **Sasha Fatyanov** called them – the most common, «standard» clothes **lice**. Therefore, we had to destroy that shit – the combat situation at that time was just like a sort of calm. We boiled the water and washed ourselves well, and yet our clothes still had to be burnt, even though the Africans begged us not to burn them, saying that they would very well be able to soak them in kerosene. Yet we decided not to take risks inasmuch as the Africans also slept next to us under the armoured troop carrier and we didn’t want to pick up things again.

– **Did the bombardment on December 25, Catholic Christmas, hit all the kitchen utensils – for food as well as for liquor?**

– The 25th of December is considered by the Angolans as a holiday – not only because of **Christmas**, but also as **Family Day**. Naturally we counted on the good will of the South Africans hoping that they would not spoil such holidays. But already at 8 o’clock in the morning, at breakfast time, so to

speaking, they launched eight shells on the Commanding Post of our Brigade. All day, they fired at us more than 120 shells from 125-mm guns. Just between 17:00 and 18:00, 85 shells were fired. The entire day, there was firing to the point of physical exhaustion. When finally, the bombardment ended, we came to our improvised kitchen and discovered that all the kitchen utensils, the crockery, the table, the tarpaulin, and the water-filled barrel had been pierced by the fragments – this, by the way, was told to our Command by **Mikhalych** in his December 26 telegram. When we decided at least to «drop off» – to drown our sorrows in drink, our technician, **Sasha Fatyanov** suddenly revealed to us that the canister with our «fire-water» had been perforated right in its bottom by the shell fragment and all the hooch had run out. This was just too much!!!

Just then, the brigade commander arrived, learned about our grief, and offered his help. A soldier brought spirits from the brigade commander's reserve stock and we at last relaxed.

– **And how did you amuse yourselves – playing cards, checkers, and backgammon?**

– Cards, checkers, and backgammon – we played everything. Naturally, there were few entertainments and to say the truth we did not have enough time for all those things. Of particular interest was that I did not become a master in backgammon according to the normal rules– but perhaps I simply didn't want to. But our artillery specialist (**Sushchenko**) and our technician (**Sasha Fatyanov**) were simply masters at the game and played together constantly. As far as cards are concerned, these people constantly played «King», the so-called “officers' preference”. With us at Cuito, there stayed grand masters in the game of “preference”, for example, Colonel **Nikolai Vladimirovich Zinoviev** – our chief specialist. I served in the Air Defence Brigade at that time. In the beginning, he won everything he could (although, on the whole, we always played for cigarettes). Later on, out of the goodness of his heart, he would begin to hand these cigarettes out. He just couldn't stand to see how people were torturing

themselves without cigarettes. I too tried to play, but this somehow didn't attract me, even though I had a few times played and people were saying that I had the gift for all this, that this gift should be developed, etc.

– **How did your diary miraculously survive – tell us in greater detail how you burned up the documents, how close you came to destroying your diary.**

– When we had been caught in the encirclement at the banks of the Ube River, we began to burn all documents which could attract any interest whatsoever for the South Africans and UNITA. But, to be honest, I still held out the hope that we would escape and extricate ourselves somehow. I burned tables of secret code, some circular instructions dealing with the organisation and conducting of service communication as well as some other papers, which **Mikhailych** had set aside for rapid destruction. As concerned the diary, **Mikhailych** said to me, “See for you, but if something happens, my orders were to destroy it!” To be fair, he evidently hoped for a better outcome and did not wish for me to destroy the diary, all the more as he had often helped me in its writing (he had given me indispensable data, had explained details dealing with materiel and weaponry, had counselled me on how best to represent this or the other event, etc).

– **The notebook of secret telegrams was supposed to be destroyed!!!**

Well I hid that notebook, I didn't burn it. When I had taken it all across the border, I placed the notebook and my diary down on the very bottom of my bag and wrapped them in several layers of paper. If someone would have informed the appropriate services that I was carrying such objects, they would have in fact found them on me, but no one informed, although some people knew about it.

– **And what about the fate of H'Geleko, the commander of the 21st brigade?**

– I only learned about the fate of **Captain N'Geleko**, brigade commander, from a South African book, when the

South Africans arrived at your South African institute. In this book, it was written that he had been killed by South African commandos³⁰ in **Huambo**, either in 1991 or 1992.

– **How did you live in wigwams in 1983?**

– In 1983, I lived in an Indian canvass tepee, assisting at an All-Union **Pow Wow** (or Indian Council), passing near the village of Kannelyarvi, near Leningrad. There were convened American Indian specialists from all over the Soviet Union. The small canvass town consisted of over 30 tepees. All these visitors were very fond of Indians, and, moreover, on a very serious, scientific level. I was nicknamed, “**Black Moccasin**” (after my predilection for black shoes).

– **How about giving us more details about Geronimo (the dates of his life and his most important exploits – briefly)**

– **Geronimo**, whose Indian name was “**Goyatla**”, came from a tribe of **Apachee-Bedonkoye** but after the Mexicans, during one of their raids, had killed his mother, his wife and his children, he had fled with the rest of his family to live among the **Apachee-Chirikahua**. For almost a year, **Geronimo** was in a trance as a result of his recent experiences and was virtually unable to do anything, went without food and barely avoided death, although he had until then been an excellent warrior and sportsman. But suddenly, after a year of such an existence, he had an apparition, endowing him with great strength and telling him that not one arrow or bullet would ever strike him, etc.

Geronimo was not leader in the ordinary sense of the word, but a “**Warrior Shirt**”, as it was called among the Indians. He was rather a shaman-prophet and a military leader. Chiefs turned to him for wisdom which would come to him in sudden visions. He was a brave and wise warrior, a careful and talented military leader, in whom people trusted completely and followed him in battle, not doubting but knowing that under his

³⁰ The most probably UNITA or South African mercenaries were involved (note by ed.-comp.).

command, they would be led to victory, which in fact usually happened.

For more than 20 years, neither the Americans nor the Mexicans could do anything to **Geronimo**. The Americans were finally able to capture him only with the help of a ruse. **General Nelson Miles** sent **Lieutenant Charles Gatewood** (a friend of **Geronimo**) with the message that the American government was willing to forgive **Geronimo** after he and the remainder of his warriors and their families would have spent two years in a **Florida prison**. After this, they would be allowed to return to Arizona. **Geronimo** trusted **Gatewood** (who, for his part, was not aware of the trick which had been prepared), and gave himself up. But the American government, naturally, did not fulfil its promise.

For their uncompromising resistance, the **Chirikahua** were punished more severely than any other United States Indians. All of them, even women and children were, for almost 30 years, remained prisoners of war, at first in Florida and Alabama and subsequently in **Fort Sill** in Oklahoma. In 1913, a place for the **Chirikahua** was selected in the **Meskalero reservation** in south central New Mexico. Some 23 of the survivors moved to Meskalero, while the remainder stayed at Fort Sill.

Geronimo continued to live another 22 years, at first in Florida and then in Oklahoma where he died and was buried. All the remainder of his life, he regretted the fact that he had believed **General Miles**. His sanctuary in the mountains of the **Sierra Madre** was in fact unreachable, neither for the Americans nor for the Mexicans. For example, take the campaign against the Apaches in 1883, when the American General, **George Crook** (the apaches called him “**Nantan-Liupan**”, or “**Captain Grey Wolf**”), with more than 5000 soldiers of the regular army, several Mexican regiments and a company of Indian scouts, succeeded in storming the Sierra Madre. After one month of battle, the general’s losses amounted to **1024 men** at the same time as **Geronimo** lost all of **nine** of his warriors!

From the time of **Geronimo's** surrender, after he had fled into the Sierra Madre mountains, it took still a very long time (up until the 1940s) dealing with **Apache**, **Navaho** and **Comanche** mutinies.

– **From where did the nickname, “Geronimo” originate?**

– The nickname, “**Geronimo**”, appeared accidentally in Angola in 1986. One of the Angolans could not pronounce my name, “**Igor**”. However much he tried, he didn't succeed. But he did manage to pronounce, “**Geronimo**”. The other blacks liked this and they asked me if I didn't object. I was somewhat taken aback by such coincidence (because I was very fond of American Indians) and agreed. From then on, I was practically always and everywhere introduced to strangers as “**Geronimo**” (although in front of them, I always gave also my official name, “**Igor**”). It was most interesting that strangers paused with pleasure at my other name, “**Geronimo**”. Almost all the military attaches with which I often work nowadays know me as “**Geronimo**”.

– **When did you get married? When was your son born? And when did you mount him on a horse (in Cossack fashion)?**

– My wife and I got married in 1988, within several months after my return from Angola. We baptised our son in October 1992 in the Gomel Old Believer Church (our son, **Svyatoslav** was born on January 9, 1992 – his Church name was **Gregory**).

On January 9, 1993, according to ancient Cossack custom, I mounted him on a horse (if the little boy cries, he will make a poor Cossack, whereas if he begins to laugh and seizes the horse's mane, everything is as it should be). Right away **Svyatoslav** seized the mane and giggled several times in a loud voice. Then I, myself sat behind him and transported him for several rounds.

APPENDIX I

The first head of a group of 40 Soviet military specialists and translators in Angola (starting in November 1975) was Colonel **V.G. Trofimenko**. And the first military adviser was Major-General **I. Ponomarenko**, who replaced **Trofimenko** (with his arrival the Soviet mission increased from 200 to 344 people). Lieutenant-General **V.V. Shahnovich** commanded the Soviet military advisers and specialists from 1977 to 1980. By this time their number had increased to over 500. Lieutenant-General **G.S. Petrovsky** headed the mission in 1980–1982 and General-Colonel **K.Y. Kurochkin** during 1982–1985. By this time the size of the mission had risen to over 2000 people and remained at that level until 1988. Lieutenant-General **L. Kuz'menko [Kuzmenko]** was the chief military adviser during 1985–1988 and Lieutenant-General **P.I. Gusev** during 1987–1990. In April-November 1990 this post was held by Major-General **S. Surodeev** and from November 1990 until 1992 by General-Lieutenant **V.N. Belyaev**. Under him the presence consisted of several dozen people. From 1992 his position was renamed as Chief Military Consultant of the Ministry of Defence of Angola. General **V. Lebedev** replaced him and occupied the post during 1992–1994.

In total there were 107 Soviet generals and admirals, 7211 officers, more than 12000 servicemen, and if you include the sailors, pilots of the military-transport aviation, aeromechanics, marines, then it will be no less than 30000 servicemen and 1000 civil specialists³¹.

³¹ *Sergei Kolominin*, *Russian Special Forces in Africa*, 2005, p. 73–74, 99, 220–221.

**Information from the guest page
of the Russian Association of the Angolan War Veterans
webpage**

The chairman of the Council of the Regional public organization of the participants in the rendering of International help to the Republic of Angola – “The Union of Angolan War Veterans”, Colonel of the reserve **Vadim Andreevich Sagachko** writes [05.04.2007]:

...the six Cuban **T-55** tanks, which I saw on the battlefield near Cuito-Cuanavale were hit by shaped charge projectiles and burned down together with the crews. And although the Cubans later recovered the remains of their tankmen, among the burnt cartridges we found human bone fragments. Tanks were stationed in defence, in trenches and the ammunition³² was completely used. The guys fought to the bitter end and it appears that they put the enemy out of their temper so much that they worked out the temper by shooting at point-blank at the already burned out tanks using grenade launchers – this is as in the turrets in some the tanks there were another 5–6 grenade launcher holes.

³² The ammunition of a **T-55** tank consists of 43 100mm shells and 3500 cartridges for the two 7.62 mm **PKT** machine guns. The tank is manned by a crew of four (*note by ed.-comp.*).

³³ After defeating the angolans by the Lomba River, its troops advance toward Cuito-Cuanavale. Angola asks aid to the Cuban command, that sends advisors and some units to defend Cuito-Cuanavale. February 14, 1988 the SADF and the UNITA begin a heavy attack to the Cuito-Cuanavale defenses, supported by 100 armored of various types, among them 40 **Olifants** Tanks, and by this superiority of forces, they achieve to break the defense of the 59° Angolan Brigade. To cover this place were urgently thrown the unique 8 **T-55** Cubans in movement in Cuito, by the command of the lieutenant colonel **Héctor Aguilar**. They stop the South African, destroying 10 **Olifants** and 4 armored cars, and losing 6 **T-55** (3 by anti-tanks rockets **RPG**, and 3 by the **Olifants**). The remainder of the **Olifants** retires behind march. In this collision die 14 of the 39 Cubans perished in the

Two destroyed Angolan **T-54Bs** stood nearby³³ in a mine field so we couldn't inspect it in detail. One of them had a burned out motor section and on the other the front right rollers were destroyed...

battle of Cuito Cuanavale, but this sacrifice went not in vain, therefore the attack of its **T-55** saves the situation of the battle, that already was in crisis. This is the first collision in the war between **Olifants** and Cubans **T-55**, and is a victory for these, which would be the norm until the end of the war. Then comes the subsequent Cuban offensive toward the Namibian border, pursuing the defeated forces of the South African SADF, after which in June 27, 1988 South Africa asks for peace to Cuba. In this campaign the Cubans **T-55** Cubans carried the main weight of the ground war... (Article "Cuban tanks" by **Ryben** in internet).

